

eISSN 2587-8719

ФИЛОСОФИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

2024 — Т. 8, № 1

PHILOSOPHY

JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

2024 · VOLUME 8 · № 1

PHILOSOPHY

2024 8 (1)

LOGIC AND TRANSLATIONS, ART AND LANGUAGE

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

eISSN: 2587-8719 · REGISTRATION: ЭЛ № ФС 77-68963

ROOM 417A, 21/4 STARAYA BASMANNAYA STR., 105066 MOSCOW, RUSSIA · +7(495) 7729590 * 12032

EDITORS

Editor-in-Chief: Vladimir Porus (NRU HSE, Moscow, Russia)
Deputy Editor: Alexander Marey (NRU HSE, Moscow, Russia)
Executive Secretary: Maria Marey (NRU HSE, Moscow, Russia)
T_EX Typography: Nikola Lečić (NRU HSE, Moscow, Russia)
Editors: Alexandra Karpezova, Denis Lukshin, Amelia Novkina

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Zhang Baichun (Beijing Normal University, Beijing, China) · Vladimir Bakshtanovsky (TIU, Tyumen, Russia) ·
Svetlana Bankovskaya (NRU HSE, Moscow, Russia) · Roger Berkowitz (Bard College, New York, USA) ·
José Luis Villacañas Berlanga (Universidad Complutense de Madrid, Spain) · Alexander Filippov (NRU HSE,
Moscow, Russia) · Aslan Gadzhikurbanov (LMSU, Moscow, Russia) · Diana Gasparyan (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Claudio Sergio Nun Ingerflom (National University of San Martín, Buenos Aires, Argentina) ·
Dmitry Kataev (LSPU, Lipetsk, Russia) · Nikolai Khrenov (SIAS, Moscow, Russia) ·
Boris Kolonitsky (EUSP, SPBIIH RAS, St. Petersburg, Russia) · Anna Kostina (MOSGU, Moscow, Russia) ·
Sergey Kocherov (NRU HSE, Nizhny Novgorod, Russia) · Lyudmila Kryshstop (RUDN, Moscow, Russia) ·
Ivan Kurilla (EUSP, St. Petersburg, Russia) · Vladislav Lektorsky (IPH RAS, Moscow, Russia) ·
Irina Makarova (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexander Mikhailovsky (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Alexey Miller (EUSP, St. Petersburg, Russia) · Sergei Mironenko (GARF, LMSU, Moscow, Russia) ·
Sergey Nikolsky (IPH RAS, Moscow, Russia) · Teresa Obolevich (Pontifical University of John Paul II,
Krakow, Poland) · Alexander Pavlov (NRU HSE, Moscow, Russia) · Boris Pruzhinin (*Voprosy Filosofii* Journal,
Moscow, Russia) · Petr Rezvykh (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexey Rutkevich (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Tatiana Schedrina (MSPU, Moscow, Russia) · Maria Shteynman (RSUH, Moscow, Russia) ·
Tatiana Sidorina (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexander Sidorov (IWH RAS, Moscow, Russia) ·
Pavel Sokolov (NRU HSE, Moscow, Russia) · Natalia Tanshina (RANEPa, Moscow, Russia) ·
Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad, Russia) · Anastasia Ugleva (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Tatiana Zlotnikova (YSPU, Yaroslavl, Russia)

ФИЛОСОФИЯ

2024 — Т. 8, № 1

ЛОГИКА И ПЕРЕВОДЫ, ИСКУССТВО И ЯЗЫК

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

eISSN: 2587-8710 · РЕГИСТРАЦИЯ: ЭЛ № ФС 77-68963

СТАРАЯ БАСМАННАЯ 21/4, 105066 МОСКВА (КОМ. 417А) · +7(495) 7729590* 12032

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Владимир Порус (НИУ ВШЭ, Москва)

Заместитель главного редактора: Александр Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Ответственный секретарь: Мария Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Технический редактор: Никола Лечич (НИУ ВШЭ, Москва)

Редакторы: Александра Карпезова, Денис Лукшин, Амелия Новкина

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чжан Байчунь (Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай) ·

Владимир Бахштановский (ТИУ, Тюмень, Россия) · Светлана Баньковская (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Роджер Берковец (Бард-колледж, Нью-Йорк, США) · Хосе-Луис Вильяканьяс Берланга (Университет

Комплутенсе, Мадрид, Испания) · Аслан Гаджикурбанов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия) ·

Диана Гаспарян (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Татьяна Злотникова (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия) ·

Клаудио Серхио Нун Ингерфлом (Национальный университет Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, Аргентина) ·

Дмитрий Катаев (ЛГУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия) ·

Борис Колоницкий (ЕУСПБ, СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия) · Анна Костина (МОСГУ, Москва, Россия) ·

Сергей Кочеров (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород, Россия) · Людмила Крыштон (РУДН, Москва, Россия) ·

Иван Курилла (ЕУСПБ, Санкт-Петербург, Россия) · Владислав Лекторский (ИФ РАН, Москва, Россия) ·

Ирина Макарова (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Алексей Миллер (ЕУСПБ, Санкт-Петербург, Россия) ·

Сергей Мирошенко (ГА РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия) ·

Александр Михайловский (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Сергей Никольский (ИФ РАН, Москва, Россия) ·

Тереза Оболевич (Панский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша) ·

Александр Павлов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Борис Пружинин (журнал «Вопросы философии»,

Москва, Россия) · Петр Резвых (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Алексей Руткевич (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Александр Сидоров (ИВИ РАН, Москва, Россия) · Татьяна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Павел Соколов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Наталья Ташьшина (РАНХиГС, Москва, Россия) ·

Андрей Тесля (ВФУ им. И. Канта, Калининград, Россия) · Анастасия Углева (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Александр Филиппов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Николай Хренов (ГИИ МК РФ, Москва, Россия) ·

Мария Штейнман (РГГУ, Москва, Россия) · Татьяна Шедрина (МФГУ, Москва, Россия)

CONTENTS

[From the Executive Editors of the Issue] 9

STUDIES. PART 1

ALEXEI KROUGLOV
O prepodavanii logiki : istoricheskaya perspektiva
[On the Teaching of Logic : A Historical Perspective] 17

ELENA DRAGALINA-CHERNAYA
Logika kak formal'naya filosofiya i iskusstvo kontseptual'nogo dizayna
[Logic as Formal Philosophy and an Art of Conceptual Design] 29

ANGELINA BOBROVA
Prakticheskaya logika : vozvrashcheniye zabytogo?
[Practical Logic : The Reappearance of the Forgotten?] 42

GALINA SORINA
Logiko-metodologicheskkiye osnovaniya prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin
[Logical and Methodological Foundations of Teaching Humanities in the
System of Higher Education] 54

ELENA LISANYUK
Demonstrativnyye argumenty v logike ustraneniya odnoy yuridicheskoy kollizii : na
primere dela «Zhenshchiny i sud prisyazhnykh»
[Demonstrative Arguments in the Logic of Eliminating a Legal Collision :
“Women and the Jury” Case Study] 67

VALENTIN BAZHANOV
Mozhno li utverzhdats' nalichiyekorrelyatsii mezhdu politikoy i logikoy?
[Is it Possible to Find the Correlation Between Politics and Logic?] 81

STUDIES. PART 2

OXANA KOVAL, EKATERINA KRIUKOVA
Posle Ben'yamina : poeticheskoyemyshleniye Khanny Arendt
[After Benjamin : The Poetical Thinking of Hannah Arendt] 99

IGOR' DEVAYKIN
Faktual'naya ontologiya Kventina Meyyasu?
[Factuality Ontology by Quentin Meillassoux?] 117

SAMSON LIBERMAN, ADELYA KHAYALEEVA Ot global'nogo yazyka k lokal'nomu perevodu : ob osnovaniyakh i posledstviyakh «perevodcheskogo povorota» [From Global Language to Local Translation : About the Grounds and Consequences of the “Translation Turn”]	130
ALEXANDER MAREY Aristotelevskiy chelovek na kastil'skom trone : dobrodeteli i poroki praviteley v zerkale «Istorii Ispanii» Al'fonso x Mudrogo [An Aristotelian Man on the Castilian Throne : Royal Mirror of the “Estoria de Espanna” by Alfonso x the Wise]	149
HARLAMPY EMERETLI Sovremennyy diskurs ob opredelenii ponyatiya «samoubiystvo» [Modern Discourse on the Definition of the Concept of “Suicide”]	168
OLEG DOMANOV Priznaki i tipy v teoretiko-tipovoy semantike yestestvennogo yazyka [Features and Types in Type-Theoretical Natural Language Semantics]	188

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

ALEKSANDR MEL'NIKOV Dzhonas Prost: «Terny i volchtsy» na puti Lokka k tolerantnosti [Jonas Proast: “Thorns and Briars” on Locke’s Way Towards Toleration]	217
JONAS PROAST Argument «Pis'ma o tolerantnosti», v kratkom rassmotrenii, i otvet na nego [The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered]	239

BOOK REVIEWS

MAIIA-SOFIIA ZHUMATINA Vremena antigegegl'yanskikh istoriy : retsenziya na knigu o temporal'nosti, khronologii i anakhronii v sovremennoy teorii iskusstva [Times of Anti-Hegelian (Hi)stories : Review of the Book on Temporality, Chronology and Anachrony in Contemporary Art Theory]	257
--	-----

KONSTANTIN ANTONOV

Intellektual'naya kul'tura i religiya v russkoy mysli: politicheskiye i poeticheskiye aspekty : razmyshleniya po povodu knigi O. A. Zhukovoy o tvorchestve i religioznosti v russkoy kul'ture

[Intellectual Culture and Religion in Russian Thought: Political and Poetical Aspects : Some Reflections on O. A. Zhukova's Book on Creativity and Religiosity in Russian Culture]

273

GLEB YENGOVATOV

Filosofiya Gobbsa kak istochnik pessimizma : retsenziya na knigu Dzhona Greya «Novyye Leviafany»

[Hobbes' Philosophy as a Source of Pessimism : A Review on John Gray's Book "The New Leviathans"]

284

СОДЕРЖАНИЕ

От выпускающих редакторов 9

ЛОГИКА В УНИВЕРСИТЕТЕ: МЕЖДУ МАТЕМАТИКОЙ, АРГУМЕНТАЦИЕЙ И КОГНИТИВИСТИКОЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛЕКСЕЙ КРУГЛОВ
О преподавании логики : историческая перспектива 17

ЕЛЕНА ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ
Логика как формальная философия и искусство концептуального ди-
зайна 29

АНГЕЛИНА БОБРОВА
Практическая логика : возвращение забытого? 42

ГАЛИНА СОРИНА
Логико-методологические основания преподавания гуманитарных дисци-
плин 54

ЕЛЕНА ЛИСАНОК
Демонстративные аргументы в логике устранения одной юридической
коллизии : на примере дела «Женщины и суд присяжных» 67

ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ
Можно ли утверждать наличие корреляции между политикой и логикой? 81

VARIA

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОКСАНА КОВАЛЬ, ЕКАТЕРИНА КРЮКОВА
После Бенямина : поэтическое мышление Ханны Арендт 99

ИГОРЬ ДЕВАЙКИН
Фактуальная онтология Квентина Мейясу? 117

САМСОН ЛИБЕРМАН, АДЕЛЯ ХАЯЛЕЕВА От глобального языка к локальному переводу : об основаниях и последствиях «переводческого поворота»	130
АЛЕКСАНДР МАРЕЙ Аристотелевский человек на кастильском троне : добродетели и пороки правителей в зеркале «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого	149
ХАРЛАМПИЙ ЭМЕРЕТЛИ Современный дискурс об определении понятия «самоубийство»	168
ОЛЕГ ДОМАНОВ Признаки и типы в теоретико-типовой семантике естественного языка	188

АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИКОВ Джонас Прост: «Терны и волчцы» на пути Локка к толерантности	217
ДЖОНАС ПРОСТ Аргумент «Письма о толерантности», в кратком рассмотрении, и ответ на него	239

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

МАЙЯ-СОФИЯ ЖУМАТИНА Времена антигегельянских историй : рецензия на книгу о темпоральности, хронологии и анахронии в современной теории искусства	257
КОНСТАНТИН АНТОНОВ Интеллектуальная культура и религия в русской мысли: политические и поэтические аспекты : размышления по поводу книги О. А. Жуковой о творчестве и религиозности в русской культуре	273
ГЛЕБ ЕНГОВАТОВ Философия Гоббса как источник пессимизма : рецензия на книгу Джона Грея «Новые Левиафаны»	284

ОТ ВЫПУСКАЮЩИХ РЕДАКТОРОВ

Успешно исполняя свою пропедевтическую роль, логика на протяжении столетий оставалась неотъемлемой частью университетского образования. Сегодня курс логики в академических программах встречается все реже. Его место начинают занимать курсы академического письма, теории аргументации, принятия решений, критического мышления. Иногда это место вовсе остается вакантным. В цикле небольших статей, которые открывают первый выпуск журнала «Философия. Журнал Высшей школы экономики» в 2024 году, их авторы размышляют над ситуацией, в которой оказались сегодня логика и логическое образование, а также над различными способами ее изменения.

АЛЕКСЕЙ КРУГЛОВ возвращает нас в XVIII век, век становления университетского образования в России. Он сравнивает значение логики, которое она имела в то время, с современной ситуацией. Такое сравнение порождает ряд вопросов: способна ли логика (в ее широком понимании) и дальше исполнять свою пропедевтическую функцию, чем могут быть полезны общие курсы логики, рассчитанные на непрофессионалов, и каким образом следует выстраивать преподавание логики, обогащенной современными математическими методами, на философских факультетах, чтобы она не «отвращала студентов от серьезного изучения» предмета?

На некоторые из этих вопросов ищут ответы в своих статьях ЕЛЕНА ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ и АНГЕЛИНА БОБРОВА. Е. Г. Драгалина-Черная размышляет о логике как формальной философии, утратившей функцию нейтрального арбитра в споре, но не концептуального дизайнера в теоретическом исследовании. Многообразие неклассических логик привело современную логику к плюрализму и, следовательно, к отказу от попыток построения единственно верной, универсальной теории корректных рассуждений. Однако, сохраняя верность идеалу формальности, логическое искусство концептуальной инженерии остается, как настаивает автор, незаменимым в объективном научном исследовании, избегающем крайностей догматизма и релятивизма. А. С. Боброва, акцентируя внимание на коротких межфакультетских курсах, возвращает читателя к статусу практической логики, зародившейся в XVII–XVIII веках, но почти исчезнувшей сегодня. Она показывает преимущества

практических логик, препарировав их сквозь призму многообразия курсов критического мышления. В российской образовательной системе заметно выделяются те из них, в которых присутствуют элементы практической логики, с ее понятными задачами и веками отработанными методами. Возможно, это говорит о том, что традиция преподавания курсов практической логики, которые в свое время были широко распространены в университетах Российской Империи, не полностью утратила свои позиции.

Обращаясь к личному опыту чтения различных дисциплин логико-методологического цикла ГАЛИНА СОРИНА и ЕЛЕНА ЛИСАНИЮК показывают эффективность применения логических навыков и знаний в решении прикладных задач анализа текста, коллаборации в рамках экспертного сообщества, устранения интерпретационных и аксиологических лагун, ведущих к реальным затруднениям в научной, педагогической, законотворческой и правоприменительной практиках. Опираясь на авторскую методологию экспертного анализа текста, Г. В. Сорина отстаивает важность логических технологий, прежде всего связанных с работой с понятиями, для анализа любого текста вне зависимости от его профессиональной направленности. Е. Н. Лисанюк демонстрирует важность изучения логики на примере устранения юридической коллизии в деле «Женщины и суд присяжных».

Завершает цикл статья ВАЛЕНТИНА БАЖАНОВА, в которой обосновывается авторская гипотеза о взаимной зависимости состояния логики и логического образования, с одной стороны, и уровня любого, не обязательно провластного, идеологического воздействия на социум, с другой. Свое предположение автор отстаивает, опираясь, в том числе, на данные когнитивной науки. В. А. Бажанов ставит нас перед вопросом: не способно ли распространение логического образования помочь людям преодолеть косность и консерватизм, сделав их открытыми к поиску новых, более рациональных решений?

Предлагаем и нашим читателям поразмышлять над этим вопросом. Надеемся, что статьи о преподавании такого необычного предмета как логика, известного всем и, вместе с тем, таящего множество теоретических и педагогических проблем и даже парадоксов, найдут отклик у читателей журнала: кто-то обнаружит в них новые факты, кто-то увидит новый повод для размышлений, а для кого-то они, быть может, станут поводом для публичных дискуссий.

Е. Г. Драгалкина-Черная, А. С. Боброва

Номер продолжает цикл статей на темы, отвлеченные от логики и относящиеся к иным областям философского (или, шире, гуманитарного) знания. Первой из них идет статья ОКСАНЫ КОВАЛЬ и ЕКАТЕРИНЫ КРЮКОВОЙ, в которой рассматривается феномен поэтического мышления в философии Вальтера Беньямина и наследовавшей ему в этой области Ханна Арендт. В истории посмертной славы Беньямина Арендт сыграла роль своеобразного медиума — не только потому, что она взяла на себя заботу об издании его трудов и продвижении его идей среди американской публики, но и потому, что в собственном творчестве неоднократно обращалась и по-своему развивала волновавшие Беньямина философские сюжеты. Статья ИГОРЯ ДЕВАЙКИНА посвящена проблемам фактуальной онтологии Квентина Мейясу. Квентин Мейясу известен как один из самых ярких борцов с корреляционизмом в современной философии. Под корреляционизмом Мейясу понимает совокупность посткантовских концепций в философии, которые отрицают возможность познания независимой от мышления реальности и предлагают сосредоточить исследование на связи (корреляции) между мышлением и реальностью как таковой. Автор предлагает согласиться с Мейясу в том, что с данным способом философствования следует бороться, поскольку он недостаточно рефлексивен в отношении собственных предпосылок, а также неправомерно сужает поле философской работы. Подобный корреляционизм преодолевается лишь указанием на фактуальность, понятую как абсолютное отсутствие достаточного основания у чего бы то ни было, включая корреляционизм.

В статье САМСОНА ЛИБЕРМАНА и АДЕЛИ ХАЯЛЕЕВОЙ на первый план выходит проблема перевода как основного языка современного мира. Опираясь на построения Д. Бахманн-Медик, сформулировавшую концепцию переводческого поворота, авторы предлагают рассмотреть переход от парадигмы глобализации к «глокализации». Отличительной чертой глокализационного капитала авторы считают появление платформ и связанных с ними систем производства и потребления. Главный вывод статьи — формулирование противоречия между эмансипаторным потенциалом переводческих практик и тотализирующей реализацией этого принципа в современном капитализме. Авторы проводят аналогию с концептом дискурса у Фуко: если, согласно последнему, миссия интеллектуала заключается в обнаружении власти языка, то сегодня она может заключаться в обнаружении власти перевода. Статья АЛЕКСАНДРА МАРЕЯ, посвященная анализу образа идеального правителя

в зеркале «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого в известной степени продолжает предыдущее исследование, предлагая рассмотрение интересного кейса действия перевода как инструмента, формирующего этико-политическую реальность. Тот факт, что статья строится на средневековом материале, позволяет рассмотреть этот казус, не вовлекаясь в него эмоционально.

Завершают секцию «Исследования» статьи ХАРЛАМПИЯ ЭМЕРЕТЛИ и ОЛЕГА ДОМАНОВА. В первой из них автор обращается к проблеме осмысления понятия суицида. Он предлагает концептуализировать данный феномен в ходе полемики с современной аналитической философией суицида, которая прежде всего акцентирует свое внимание на прояснении теоретических оснований феномена. В частности, анализу подвергаются такие неочевидные в своем содержании понятия, как: намерение, принуждение, инструментальность, смерть. В статье оспаривается утверждение о концептуальной невозможности дать однозначное определение самоубийства, в процессе его строгого отделения от других видов смерти; определение самоубийства носит дескриптивный, а не оценочный характер, то есть, не постулирует априорную моральность или аморальность самого акта, его рациональность или иррациональность, оправданность или неоправданность. Олег Доманов обращается к проблемам признаков и типов в теоретико-типовой семантике естественного языка. Признаки и типы являются двумя возможными способами классификации явлений, относящихся к формализации грамматики и семантики естественного языка. Признаки часто используются в лингвистически ориентированных теориях. Однако они плохо согласуются с теоретико-типовой семантикой из-за понятия подтипа, к которому они приводят. В статье предлагается способ согласования этих двух подходов путем определения типов, основанных на классификации по признакам. Автор демонстрирует этот способ на примере формализации небольшого фрагмента английского языка. Построена общая формальная теория синтаксиса и семантики такого фрагмента, которая также имеет самостоятельное значение. Формализация проводится в языке Агда (Agda).

В секции «Переводы и публикации» мы представляем вниманию читателя перевод на русский язык ответа англиканского священника ДЖОНАСА ПРОСТА на английское издание «Письма о толерантности» Джона Локка, сделанный АЛЕКСАНДРОМ МЕЛЬНИКОВЫМ и сопровождаемый его вступительным исследованием. Тексты Проста ранее не переводились на русский язык, хотя их влияние как на позднейшие поли-

тические тексты самого Локка, так и на современную интерпретацию локкианского обоснования терпимости широко признаны и обсуждаются в обширной вторичной литературе.

Закрывает номер традиционный блок философской критики, в котором на этот раз представлены рецензия МАЙИ-СОФИИ ЖУМАТИНОЙ на книгу о темпоральности, хронологии и анахронии в современной философии искусства, размышления КОНСТАНТИНА АНТОНОВА над монографией Ольги Жуковой и рецензия ГЛЕБА ЕНГОВАТОВА на «Новых левиафанов» Джона Грея.

А. М.

ЛОГИКА В УНИВЕРСИТЕТЕ:
МЕЖДУ МАТЕМАТИКОЙ,
АРГУМЕНТАЦИЕЙ И КОГНИТИВИСТИКОЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

STUDIES. PART 1

АЛЕКСЕЙ КРУГЛОВ*

О ПРЕПОДАВАНИИ ЛОГИКИ**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Получено: 18.12.2023. Рецензировано: 30.12.2023. Принято: 11.01.2024.

Аннотация: Начальный этап университетского преподавания логики в Российской Империи, отличавшийся пропедевтическим характером логики, зависимостью от хорошего учебника и тесной содержательной и дидактической связью с метафизикой, а также развитие в университетском курсе гимназического преподавания логики, в котором важная роль отводилась проблемам практической логики, сравнивается по данным параметрам с современным состоянием университетского преподавания логики в Российской Федерации. Показано, что при традиционном начальном месте логики в процессе университетского обучения она во многом потеряла свое былое пропедевтическое содержание, а в силу отсутствия преподавания логики в школах не может начинать с более высокого уровня, предполагающего наличие первоначального знакомства с предметом. Былая практическая логика почти полностью пропала из университетских курсов по логике, а на выполнение ее былых функций претендуют новые, альтернативные ей академические дисциплины. Несмотря на разнообразие новых пособий и руководств по логике, так и не появилось такого учебника, который убедительно бы показывал и обосновывал значимость логики в изменившихся условиях. Отказ от решения возникших проблем приведет к дальнейшей элиминации и редукции логических курсов не только на философских, но и на философских факультетах.

Ключевые слова: логика, учебники логики, практическая логика, российские университеты, метафизика.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-17-28.

Светское университетское преподавание логики началось в России в XVIII веке, в основанном в 1755 году Московском университете. С того времени через пару десятилетий минует уже три столетия, однако некоторые традиции, заложенные тогда, оказывают свое влияние на нас и по сей день.

Во-первых, с преподавания логики начиналось обучение философии, а весьма продолжительное время — и любое университетское образование. По этой причине логике отводилось место пропедевтики в философию в целом, которая начиналась с теоретических разделов, либо же некоего фундамента внутри самой теоретической философии. Еще

*Круглов Алексей Николаевич, д. филос. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), akrouglov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1152-1309.

**© Круглов, А. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

со времен Декарта устоялся следующий образ: «...вся философия подобна дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви, исходящие от этого ствола, — все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике» (Декарт, Шейнман-Топштейн и Сретенский, 1989–1994: 309). В этой картине логика оказывалась приготовлением к корням. Подобный статус логики предполагал, однако, ее вполне определенное содержательное и методологическое наполнение. Наряду со ставшими к тому времени уже классическими разделами о понятии, суждении и умозаключении — в последнем разделе центральная роль отводилась силлогистике, — логика включала в себя рассмотрение вопросов о том, что такое познание, каковы его виды, где лежат его границы, что такое истина, что отличает науку и в чем состоит метод познания... Именно обсуждением этого круга вопросов, главным образом, и обосновывалась эта начальная руководящая роль логики в процессе университетского образования, причем для самых широких кругов студентов, а не только для студентов-философов.

Во-вторых, с того времени, когда студентами российских университетов уже в XVIII веке постепенно становились выпускники гимназий, логика в университете представляла собой не совершенно новый предмет для учащихся, а, напротив, развивала те первоначальные базовые знания, которые уже были получены ими ранее в рамках гимназического курса по логике. Пока в дореволюционное время преподавание логики в гимназиях сохранялось, имелись все предпосылки для того, чтобы начинать изучение логики в университетах сразу с более высокого научного уровня. Соотношение гимназического и университетского курсов логики с течением времени менялось, но стоит все же отметить, что даже в гимназии к началу XX века учебники стали намного более изощренными, нежели применяемые во второй половине XVIII века компендиумы Ф. Хр. Баумайстера (Бауместер, Павлов, 1760) и И. Г. Гейнекция (Гейнекция, 1766). В первую очередь это касалось зачатков используемого математического и символического аппарата, в то время как общий содержательный остов за прошедшие века изменился не столь и существенно — все это наглядно демонстрирует распространенный на рубеже XIX и XX веков учебник Г. Е. Струве (Струве, 1884).

В-третьих, в силу особого пропедевтического, программного и методологического характера университетского курса по логике в нем поначалу довольно большую роль играл раздел, посвященный практической логике — одному из достижений немецкой философии эпохи Просвещения, а следует напомнить, что российское университетское

образование во многом в качестве образца имело те или иные немецкие университеты. Наиболее выдающимися образцами практической логики, явились немецкая и латинская логики Хр. Вольфа, включающие такие вопросы, как «О науке, вере, мнениях и заблуждениях», «Как следует исследовать как свои собственные, так и силы других в вопросе о том, достаточны они или нет для исследования истины», «Как следует оценивать как свои собственные, так и открытия других», «Как следует судить о сочинениях», «Как действительно с пользой следует читать книги», «Как следует убеждать», «Как следует опровергать», «Как следует проводить диспут» и др. (Вольф, Б. М., 1765; Wolff, 1713; Wolff, 1740). Отсылка к немецким университетам XVIII века важна еще и в силу учета иного параметра — начинающим свое обучение в то время молодым людям, как правило, было около 16 лет от роду, и именно на подобный возраст университетский курс по логике в то время и ориентировался. Со временем возраст абитуриентов возрос как в Германии, так и в России, а раздел практической логики, напротив, постепенно оказался значительно сокращен в обеих странах, а иногда и полностью исключенным.

В-четвертых, насколько можно судить, за редким исключением логика, в отличие от многих других философских дисциплин, всегда читалась и в гимназии, и в университете именно по учебникам. Конечно, вольница с учебниками в случае других философских разделов существовала не всегда. Один из пунктов «Проекта о учреждении Московского университета» 1755 года прямо гласил:

Никто из профессоров не должен по своей воле выбрать себе систему или автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен последовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от кураторов предписаны будут (Проект о учреждении Московского университета, 1955: 279).

А чуть позже, в приказе от 16 октября 1778 года, прусский министр К. А. фон Цедлиц, удостоившийся от И. Канта посвящения самой «Критики чистого разума», напишет, что

самый плохой компендиум все же определенно лучше, чем вовсе отсутствующий, и профессора, если они наделены столь большой мудростью, вправе улучшать своих авторов настолько, насколько могут, но чтение по конспектам должно быть попросту отменено (Arnoldt, 1893: 562).

Но если — возвращаясь к сегодняшнему дню, — преподавание истории философии по учебникам (а не по первоисточникам) является

дурным тоном, то в случае преподавания логики дело обстоит иначе. Преподавателей логики чаще всего вовсе не нужно было принуждать к учебникам — напротив, они охотно пользовались ими совершенно добровольно. Наличие хорошего учебника именно в случае логики оказывалось намного важнее, чем в случае этики, эпистемологии или иной философской дисциплины. Примечательно, что критика в адрес учебников по логике на протяжении веков звучит довольно однотипная, лишь слегка модернизируясь, а запоминаются учебники очень часто используемыми там примерами¹.

В-пятых, как минимум около полутора столетия логику преподавали ровно те же профессора, что и читали лекции по метафизике. Соответствующая философская кафедра нередко носила название кафедры логики и метафизики. Самым известным профессором «логики и метафизики» был, вероятно, И. Кант. Так это было в немецких университетах, так это было перенято и в университетах российских, если речь идет о дореволюционном периоде. Число тех философов, кто написал как учебник по логике, так и учебник по метафизике, поистине велико: Хр. Вольф, А. Г. Баумгартен, Ф. Хр. Баумайстер — самый популярный в России XVIII и начала XIX вв. академический философский автор, Г. Ф. Майер, Хр. А. Крузий, И. Г. Дарьес, И. Кр. Эшенбах... В обычном случае это означало, что профессор, читавший студентам в первом семестре лекции по логике, преподавал им же в следующем семестре метафизику. Задачи логики при этом определялись приблизительно следующим образом, если отталкиваться от руководства по преподаванию учебных дисциплин на философском факультете Кенигсбергского университета 1770 года:

Логика. В ней не только философствуют о человеческом познании, о его недостатках, границах и совершенствах, но и даются указания для ученого мышления изучения. Если студент в самом начале изучает подобную логику,

¹Одно из самых знаменитых свидетельств — легендарный пример про Кая из «Логики» И. Г. К. Хр. Кизеветтера в «Смерти Ивана Ильича» Л. Н. Толстого; см. об этом (Круглов, 2010: 239–251). Примерами из учебника Струве «Бог всемогущ и справедлив — истина неизменная, вечная» (Струве, 1884: 6) некоторые исследователи пытались объяснить неприятие формальной логики гимназистом В. И. Ульяновым, а также его четверку по логике (Трофимов, 1976: 162). Почему автор выбрал из многочисленного набора в учебнике именно этот пример, а, скажем, не такой (вместе с описываемым им гимназистом) — «Существенный признак науки — критическое исследование; без него наука не существует и немислима. Случайный же признак науки — польза, приносимая наукою для практической жизни, напр. для промышленности, ремесла, и т. д. (Струве, 1884: 15)», — остается без ответа.

то он наилучшим образом знает, как он должен будет изучать любую другую науку, за которую он возьмется (Anweisung..., 1770: 17).

К слову, документ, о котором идет речь, представляет собой, переводя на современный бюрократический язык, учебный план образовательной программы, включавший все рабочие программы дисциплин, и напечатан он был на 20 [sic!] лапидарных страницах. Эта тесная внутренне содержательная и дидактическая связь лучше всего отразилась в самом популярном немецком университетском учебнике 70-х годов XVIII века, нашедшем свое распространение и в России — в учебнике под названием «Логика и метафизика» И. Г. Г. Федера (Feder, 1786; 1797). Получается, что сам курс по логике не мог читаться изолированно от философских проблем и задач, вне его связи с историей философии и метафизикой, и связь эта, а также ее демонстрация слушателям, была совершенно очевидной для университетских профессоров логики и метафизики. При преподавании логики преподаватели держали в уме будущий курс метафизики, а в курсе по метафизике опирались на прочитанный ранее курс логики.

Описанная мною выше на немецких примерах ситуация была справедлива и для российских университетов. За первые полвека существования университетов в России — иначе говоря, за весь XVIII век — логику преподавали всего четыре профессора, и все они являлись именно профессорами «логики и метафизики»: И. Г. Фромман, И. М. Шаден, Д. С. Аничков и А. М. Брянцев. В правилах для образованного в Санкт-Петербурге Педагогического института, утвержденных Министерством народного просвещения в 1804 году, говорилось:

Профессор Логики и Метафизики, в первом или младшем отделении объяснив психологические предварительные понятия о душе и ея способностях, как о предмете Логики, преподает оную по четыре часа в неделю. В учении своем он заимствует пособие из Логики Кизеветтера, по методу Канта написанной. По окончании сей науки, продолжать будет метафизику по рукописи собственного сочинения, и преподавание сих наук окончит в течение одного года (Правила для Педагогического института, 1875: 243).

И хотя первые поколения российских университетских профессоров в прилежании над сочинением учебных пособий замечены не были², в первые десятилетия XIX века уже можно обнаружить печатную или

²Пособие Аничкова серьезно общую картину не меняет: Аничков, 1782.

рукописную комбинацию логики и метафизики у таких русских профессоров, как А. С. Лубкин (Лубкин, 1807; Начертание метафизики, 1814–1815) из Казанского университета или П. Д. Лодий (Лодий, 1815; Метафизика. Философские лекции, б. д.) из Санкт-Петербургского университета. Эта тенденция к комбинации авторства логических компендиумов и пособий по истории философии, психологии, теории познания, метафизике сохранилась в России и во второй половине XIX и начале XX вв., что видно, в частности, на примере таких авторов, как В. Н. Карпов, М. И. Владиславлев, А. И. Введенский, Г. И. Челпанов и др.

Не ставя своей задачей проследить все дальнейшие перипетии преподавания логики в Российской империи, СССР, а затем и Российской Федерации, попробую взглянуть на современное состояние и положение логики в российских университетах с учетом вышеупомянутых исторических особенностей, повлиявших на процесс светского логического образования на начальном этапе.

Во-первых, в определенной мере традиция преподавания логики на первых курсах, будь то философские или нефилософские факультеты, сохранилась в России и по сей день, но при этом содержание курса в значительной степени изменилось — в первую очередь, на философском факультете, что явилось прямым следствием бурного развития логики в XX и начале XXI вв. Со времен Просвещения возникла и заняла прочное место в образовательном процессе теория познания и эпистемология, появились различные курсы, такие как «Введение в философию». Но после отказа от обсуждения в логике общефилософских и общеметодологических вопросов, а также их перехода в иные философские дисциплины, возник очень острый вопрос обоснования необходимости подобного преподавания логики как на философских, так и на нефилософских факультетах, и нового убедительного обоснования в пользу логики пока не предложено. Традиция преподавания логики по инерции еще сохраняется, хотя на нефилософских факультетах от нее все чаще и чаще стали отказываться.

Во-вторых, по сравнению с дореволюционным и позднесталинским периодом, нынешнее поколение студентов именно в университете впервые знакомится с логикой. Тем самым, пропасть между далеко ушедшей вперед в своих исследованиях логикой и процессом ее преподавания только увеличилась, и это стало особенно заметно на философских факультетах.

В-третьих, остатки былой практической логики если и сохранились сегодня в логических курсах, то напоминают, скорее, некий атавизм.

Что-то из тех проблем, которые ранее активно обсуждались в практической логике, переключалось в курс теории и практики аргументации. Стоит сказать, что для целого ряда преподавателей логики сами проблемы практической логики выглядят наивными и детскими, с презрением отвергаемыми в пользу исчислений, логики предикатов, различных вариантов неклассических логик как того, что в «подлинном» смысле составляет логику. Это, в свою очередь, вновь влечет за собой вопрос обоснования широкого преподавания логики. Вопрос становится тем более острым, что в последнее время появился ряд новых университетских курсов — так называемое «критическое мышление», академическое письмо, которые провозглашают удовлетворение потребностей в решении именно тех проблем, которые ранее пыталась разрешить практическая логика. Все это способствует дальнейшему вытеснению логики из образовательного процесса в российских университетах.

В-четвертых, за постсоветский период появилось несколько десятков новых учебников по логике на русском языке разной степени объемности, подробности, рассчитанных на разную профессиональную и образовательную аудиторию, что нельзя не рассматривать как некий благотворный творческий процесс. Однако перед хорошим учебником по логике стоят ныне те же проблемные задачи, которые были описаны в трех предыдущих пунктах. И несмотря на все разнообразие, до сих пор не видно такого учебника, который бы убедительно их разрешил.

Если четыре предыдущих вопроса касаются как преподавания логики на философских, так и нефилософских факультетах, то пятый пункт затрагивает, в первую очередь, процесс подготовки будущих специалистов по философии. Развитие логики, но в то же время и иных философских дисциплин в XX веке постепенно привело к устрашающей специализации. Сегодня весьма трудно представить себе, каким образом на достаточно высоком уровне можно читать как курсы по логике, так и по метафизике, истории философии, хотя в середине XX века отдельные, пусть и вынужденные попытки такого рода еще имели место³. Символизация, применение более мощного математического аппарата все больше и больше сближают логику с математикой, в результате чего у студентов философских факультетов возникает вопрос о цели изучения подобной дисциплины. Былая связь между логикой и метафизикой в значительной мере утрачена. Кроме того, в случае попытки

³См., в частности: Асмус, 1947.

ее восстановления возникает труднопреодолимая преграда: для демонстрации философской значимости тех или иных логических проблем требуется апелляция к таким историко-философским сюжетам, которые оказываются незнакомым студентам-первокурсникам, изучающим логику. Непонимание же философской составляющей нередко отвращает студентов от серьезного изучения логики, что, в свою очередь, не позволяет им проникнуть на старших курсах в философские проблемы ряда современных мыслителей, предполагающих серьезное погружение в логику. Кроме того, акцент на исчислениях, поисках вывода и пр. приводит к тому, что традиционные классические логические темы оказываются на периферии. В результате студенты, доказывающие теорему о неполноте и решающие примеры в классической логике высказываний, нередко не в состоянии вникнуть в классические философские тексты Нового времени — например, понять отличие категорического и гипотетического в кантовском учении об императивах, разобраться с таблицей суждений или паралогизмами в «Критике чистого разума», поскольку изучение силлогистики якобы оказывается для современной продвинутой логики вчерашним днем.

Сложившаяся ситуация, на мой взгляд, требует серьезного обсуждения со стороны российского философского сообщества для того, чтобы найти ответы на обозначенные мною проблемы. Отказ от обсуждения этих проблем и каких-то изменений в процесс преподавания логики в университетах приведет только лишь к тому, что логика и дальше будет терять свое положение и свою роль, причем не только на нефилософских, но уже и на философских факультетах.

СОКРАЩЕНИЯ

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЛИТЕРАТУРА

Аничков Д. С. Annotationes in logicam et metaphysicam ex variis probatissimis auctoribus excerptae et usibus Rossicae iuventutis una Cum parte polemica et variis exercitationibus, ex Logica disputatrice selectis. — Mosqvae : In Typographia Universitatis apud N. Novicow, 1782.

Асмус В. Ф. Логика. — М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1947.

Бауместер Хр. Логика / пер. с лат. А. Павлова. — 1-е изд. — М. : При Императорском Московском университете, 1760.

- Белявский М. Т.* Проект о учреждении Московского университета // М. В. Ломоносов и основание Московского университета. — М. : МГУ, 1955. — С. 277–285.
- Вольф Хр.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы / пер. с нем. Б. М. — СПб. : Типография Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпуса, 1765.
- Гейнецкий И. Г.* Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенною историею философическою. — М. : При Императорском Московском университете, 1766.
- Декарт Р.* Первоначала философии / пер. с лат. С. Я. Шейнман-Топштейн, Н. Н. Сретенского ; примеч. В. В. Соколова // Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. В. В. Соколова ; сост. В. В. Соколова. — М. : Мысль, 1989–1994. — С. 297–422.
- Круглов А. Н.* «Логика» Кизеветтера в «Смерти Ивана Ильича» Толстого // Лев Толстой и мировая литература : Материалы VI Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 11–15 августа 2008 г. — Тула : Ясная Поляна, 2010. — С. 239–251.
- Лодий П. Д.* Логические наставления руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. — СПб. : В типографии Иоаннесова, 1815.
- Лодий П. Д.* Метафизика. Философские лекции // РГИА. — Б. д. — Ф. 732. — Оп. 1. — Ед. хр. 382. — Л. 367–388.
- Лубкин А. С.* Начертание логики, сочиненное и преподаванное в армейской семинарии. — СПб. : В типографии Дрехслера, 1807.
- Лубкин А. С.* Начертание метафизики. Ч. 1–4. Казань, 1814–1815 // РГИА. — 1814–1815. — Ф. 737. — Оп. 1. — № 89–92.
- Правила для Педагогического института (1804) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. — 2-е изд. — СПб. : Типография Балашева, 1875. — С. 234–255.
- Струве Г. Е.* Элементарная логика. Учебник для преподавания и самообучения, одобренный Ученым Комитетом Министерства Нар. Просв. и Святейшим Синодом как Руководство для Гимназий и Духовных Семинарий. — 6-е изд. — Варшава : В типографии Носковского, 1884.
- Трофимов Ж. А.* Гимназист Владимир Ульянов. — Саратов : Приволжское книжное издательство, 1976.
- Anweisung, wie die Philosophie, Philologie und diejenigen Wissenschaften, worin die philosophische Facultät den Unterricht giebt, und in welcher Ordnung und Verbindung sie auf der Universität zu betreiben. — Königsberg : Hartung, 1770.
- Arnoldt E.* Zur Beurtheilung von Kant' Kritik der reinen Vernunft und Kant's Prolegomena // Altpreussische Monatsschrift neue Folge. Der Neuer Preussischer Provinzial-Blätter fünfte Folge. Bd. 30 / hrsg. von R. Reicke, E. Wichert. — Königsberg : Beyer, 1893. — S. 501–635.
- Feder J. G. H.* Logik und Metaphysik. — 6. Aufl. — Göttingen : Dietrich, 1786.

Feder J. G. H. Institutiones logicae et metaphysicae (Ed. 4). — Göttingen : Dietrich, 1797.

Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von den Kräfte[n] des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkän[n]t[n]is der Wahrheit. — 1. Aufl. — Halle : Renger, 1713.

Wolff Chr. Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere (Ed. 3). — Frankfurt : Renger, 1740.

Krouglov, A. N. 2024. “O prepodavanii logiki [On the Teaching of Logic]: istoricheskaya perspektiva [A Historical Perspective]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 17–28.

ALEXEI KROUGLOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-1152-1309

ON THE TEACHING OF LOGIC

A HISTORICAL PERSPECTIVE

Submitted: Dec. 18, 2023. Reviewed: Dec. 30, 2023. Accepted: Jan. 11, 2024.

Abstract: I compare the early years of university teaching of logic in the Russian Empire, characterized by the propaedeutic character of logic, dependence on a good textbook and close substantive and didactic connection with metaphysics, as well as the development of the university course of gymnasium teaching of logic, in which an important role was given to the problems of practical logic, with the current situation of university logic teaching in the Russian Federation. I demonstrate that with the traditional beginning position of logic in the process of university teaching, it has largely lost its former propaedeutic content, and due to the lack of logic teaching in schools, it cannot start from a higher level, assuming the primary acquaintance with the subject. The practical logic has almost completely disappeared from university logic courses, and new, alternative academic disciplines are claiming to fulfill its functions. Despite the variety of new manuals and handbooks on logic, there has never been a textbook that would convincingly demonstrate and justify the importance of logic in the changed circumstances. I think that failure to deal with these problems will lead to further elimination and reduction of logic courses not only in non-philosophy departments but also in philosophy faculties.

Keywords: Logic, Logic Textbooks, Practical Logic, Russian Universities, Metaphysics.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-17-28.

REFERENCES

Anitschcow, D. S. 1782. *Annotationes in logicam et metaphysicam ex variis probatissimis auctoribus excerptae et usibus Rossicae iuventutis una Cum parte polemica et va-*

- riis exercitationibus, ex Logica disputatrice selectis* [in Latin]. Mosqvae: In Typographia Universitatis apud N. Novicow.
- Anweisung, wie die Philosophie, Philologie und diejenigen Wissenschaften, worin die philosophische Facultät den Unterricht giebt, und in welcher Ordnung und Verbindung sie auf der Universität zu betreiben [in German]. 1770. Königsberg: Hartung.
- Arnoldt, E. 1893. "Zur Beurtheilung von Kant' Kritik der reinen Vernunft und Kant's Prolegomena" [in German]. In *Altpreussische Monatsschrift neue Folge. Der Neuer Preussischer Provinzial-Blätter fünfte Folge*, ed. by R. Reicke and E. Wichert, 30:501–635. Königsberg: Beyer.
- Asmus, V. F. 1947. *Logika [Logica]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: OGIZ Gospolitizdat.
- Baumeister, Chr. 1760. *Logika [Logica]* [in Russian]. 1st ed. Trans. from the Latin by A. Pavlov. Moskva [Moscow]: Pri Imperatorskom Moskovskom universitete [Imperial Moscow University Press].
- Belyavskiy, M. T. 1955. "Proyekt o uchrezhdenii Moskovskogo universiteta [Project on the Establishment of Moscow University]" [in Russian]. In *M. V. Lomonosov i osnovaniye Moskovskogo universiteta [M. V. Lomonosov and the Founding of Moscow University]*, 277–285. Moskva [Moscow]: MGU [Moscow State University].
- Descartes, R. 1899. *Pervonachala filosofii [Principia Philosophiae]* [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, ed. and annot. by V. V. Sokolov, comp. V. V. Sokolov, trans. from the Latin by S. Ya. Sheynman-Topshteyn and N. N. Sretenskiy, 297–422. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Feder, J. G. H. 1786. *Logik und Metaphysik* [in German]. 6th ed. Göttingen: Dietrich.
- . 1797. *Institutiones logicae et metaphysicae (Ed. 4)* [in Latin]. Göttingen: Dietrich.
- Heineccius, J. G. 1766. *Osnovaniya umstvennoy i nrovouchitel'noy filosofii obshche s sokrashchennoyu istoriyeyu filosoficheskoyu [Foundations of Mental and Moral Philosophy in General with an Abridged History of Philosophical Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Pri Imperatorskom Moskovskom universitete [Imperial Moscow University Press].
- Kruglov, A. N. 2010. "'Logika' Kizevettera v 'Smerti Ivana Il'icha' Tolstogo [Kiesewetter's 'Logic' in Tolstoy's 'The Death of Ivan Ilyich']" [in Russian]. In *Lev Tolstoy i mirovaya literatura [Leo Tolstoy and World Literature] : Materialy vi Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, prokhodivshey v Yasnoy Polyane 11–15 avgusta 2008 g. [Proceedings of the VI International Scientific Conference]*, 239–251. Tula: Yasnaya Polyana.
- Lodiy, P. D. 1815. *Logicheskiye nastavleniya rukovodstvuyushchiye k poznaniyu i razliche-niyu istinnogo ot lozhnogo [Logical Instructions Guiding to Knowledge and Distinguishing True from False]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: V tipografii Ioannesova [Ionesov Printing House].
- . N. d. "Metafizika. Filosofskiy lektzii [Metaphysics. Philosophical lectures]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 732/1/382/367–388.
- Lubkin, A. S. 1807. *Nachertaniye logiki, sochinennoye i prepodavannoye v armeyskoy seminarii [An Outline of Logic, Composed and Taught at the Army Seminary]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: V tipografii Drekhslera [Drekhslers Typography].
- . 1814–1815. "Nachertaniye metafiziki. Ch. 1–4. Kazan', 1814–1815 [The Outline of Metaphysics]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 737/1/89–92.
- "Pravila dlya Pedagogicheskogo instituta (1804)" [in Russian]. 1875. In *Tsarstvovaniye imperatora Aleksandra I. 1802–1825 [The Reign of Emperor Alexander I. 1802–1825]*, vol. 1 of *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [Collection*

- of Resolutions on the Ministry of Public Education*], 2nd ed., 234–255. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Balasheva [Balashev's Typography].
- Struve, G. Ye. 1884. *Elementarnaya logika. Uchebnik dlya prepodavaniya i samoobucheniya, odobrennyy Uchenym Komitetom Ministerstva Nar. Prosv. i Svyateyshim Sinodom kak Rukovodstvo dlya Gimnaziy i Dukhovnykh Seminariy* [Elementary Logic. Textbook for Teaching and Self-study, Approved by the Academic Committee of the Ministry of Education and the Holy Synod as a Guide for Gymnasiums and Theological Seminaries] [in Russian]. 6th ed. Varshava: V tipografii Noskovskogo [Noskovsky Printing Press].
- Trofimov, Zh. A. 1976. *Gimnazist Vladimir Ul'yanov* [Gymnasium Student Vladimir Ulyanov] [in Russian]. Saratov: Privolzhskoye knizhnoye izdatel'stvo [Privolzhsky Book Press].
- Wolff, Chr. 1713. *Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit* [in German]. 1st ed. Halle: Renger.
- . 1740. *Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere (Ed. 3)* [in Latin]. Frankfurt: Renger.
- . 1765. *Razumnyye mysli o silakh chelovecheskogo razuma i ikh ispravnom upotreblenii v poznanii pravdy, lyubitelyam onoy izdany* [Vernünfftige Gedanken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauch in der Erkenntnis der Wahrheit] [in Russian]. Trans. from the German by B. M. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Artilleriyskogo i Inzhenernogo Shlyakhetskogo kadet-skogo korpusa [The Shlyakhetsky Artillery and Engineering Cadet Corps Printing House].

ЕЛЕНА ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ*

ЛОГИКА КАК ФОРМАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ДИЗАЙНА**

Получено: 18.12.2023. Рецензировано: 30.12.2023. Принято: 11.01.2024.

Аннотация: В статье демонстрируется актуальность трактовки логики как формальной философии и искусства концептуального дизайна для университетского образования. Плюрализм современной логики привел к утрате ею функций нейтрального арбитра и индоктринирующего наставника, но, вместе с тем, выявил уникальность ее роли в концептуальной инженерии. Искусство концептуального дизайна, то есть разработки концептуальных паттернов для формальной экспликации философских понятий и техник, а также постановки новых философских проблем, является главной целью логики как формальной философии. Ни логика, ни металогика, нагруженные собственными эпистемическими обязательствами и онтологическими допущениями, не могут быть объективными судьями для логических чужаков, которые не подчиняются их предписаниям. Однако техники концептуального дизайна, разрабатываемые неклассическими логиками, служат не только эффективным средством философской экспликации, но и тренингом ключевой эпистемической добродетели — научной объективности, требующей логической дисциплины как ответственного и рефлексивного исполнения принимаемых в любом научном исследовании эпистемических обязательств. Методическим ключом к академическому курсу логики как формальной философии является корреляция процедур концептуального дизайна в логике и философии. В статье приводятся примеры такой корреляции, а также обращается внимание на артефакты формальной инженерии в философии, которые могут служить эвристиками для разработки новых инструментов формальной экспликации философских интуиций.

Ключевые слова: логика, формальная философия, концептуальный дизайн, логический плюрализм, вербальный спор, объективность.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-29-41.

По традиции, восходящей к Аристотелю, логику принято рассматривать как искусство корректного рассуждения, которому следует учиться и учиться. Как замечают Уильям и Марта Нил,

примечательно, что в перипатетической традиции, которая на протяжении всей своей истории несет следы своего платонического происхождения, логика

* Драгалина-Черная Елена Григорьевна, д. филос. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), edragalina@hse.ru, ORCID: 0000-0003-2310-7188.

** © Драгалина-Черная, Е. Г. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

никогда не становилась частью философии, самостоятельным предметом, а рассматривалась как способность (*δύναμις*), которую можно приобрести, или искусство (*τέχνη*), которому нужно учиться (Kneale & Kneale, 1962: 14f).

Стоическая традиция, напротив, включает логику в философию. Солидаризируясь с разделением философии на физику, этику и логику, Иммануил Кант отождествляет логику с формальной философией.

Все познание из разума или *содержательно* и рассматривает какой-нибудь объект, или *формально* и занимается только самой формой рассудка и разума и общими правилами мышления вообще, без различия объектов. Формальная философия называется *логикой*, содержательная имеет дело с определенными предметами и законами, которым они подчинены... (Кант, Л. Д. Б., 1994: 154)

Если необходимость обучения искусству рассуждения не вызывает сомнения, то смысл изучения логики как формальной философии не столь очевиден. Задача данной статьи — показать актуальность трактовки логики как формальной философии для университетского образования, а также обратить внимание на те педагогические вызовы, которые влечет для нее плюрализм логических систем.

ЛОГИКА КАК АРБИТР В УЧЕНЫХ СПОРАХ

Эпистемическая ценность логики традиционно усматривалась в ее способности быть объективным и беспристрастным арбитром в ученых спорах между образованными людьми. Создатели математической логики вдохновлялись как лейбницевским идеалом *calculamus!* («посчитаем»), фундированным его идеей логики как *универсальной характеристики*, так и кантовским тезисом о конститутивности законов логики для мышления. Во введении к «Основным законам арифметики» Готлоб Фреге предлагает читателям мысленный эксперимент — представить неких существ, чьи законы мышления противоречили бы нашим. Джеймс Конант назвал этих существ логическими чужаками (*logical aliens*) (Conant, 1991), а сам Фреге расценивал их гипотетические «законы мышления» как «неизвестный доселе род безумия» (Frege, 1964: 14). Если логические ошибки совершаются людьми, подпадающими под юрисдикцию законов логики, но нарушающими их предписания из-за невнимательности, ограниченности эпистемических ресурсов, подверженности когнитивным искажениям, то логические чужаки нарушают законы логики просто потому, что не подчиняются им. Поскольку, по Фреге, именно логика является «признанным арбитром

в конфликте мнений» (Frege, 1964: 14), с логическими чужаками невозможно ни взаимопонимание, ни основанный на таком взаимопонимании конфликт мнений.

Победивший в современной логике плюрализм проблематизирует ее функцию арбитра в рациональном споре. Неясно, должна ли логика, облачившись в судебную мантию третейского судьи в полемике сторонников классической и интуиционистской логик, апеллировать к закону исключенного третьего и использовать принцип сведения к абсурду? Можно попытаться обойти это затруднение, присвоив глубинным разногласиям в логике статус сугубо вербальных споров. Как полагает, например, Уиллард Куайн,

когда некто демонстрирует логику, законы которой по видимости противоречат нашим, мы готовы предположить, что он просто придает некоторым знакомым старым вокабулам («и», «или», «не», «все» и т. д.) новое значение (Куайн, Черняк и Дмитриев, 2000: 49).

Нет иных значений логических констант, кроме тех, которые они приобретают в практике рассуждений, поэтому множественность таких практик коррелятивна множественности значений. Классическая логика не обладает, согласно Куайну, иммунитетом по отношению к обоснованным модификациям (например, логический анализ феномена неоднозначности может потребовать отказа от классического принципа бивалентности) (Quine, 1981: 94). Однако, следуя максиме причинения наименьшего ущерба, он рекомендует свести к минимуму потерю элегантности, простоты и удобства классической логики. Поскольку вербальные споры разрешаются на метауровне через устранение разногласий в истолковании значений проблематичных терминов (Chalmers, 2011), возникает искушение, следуя совету Куайна, ограничиться классической металогики для сохранения ее статуса нейтрального арбитра в спорах между различными логиками. Однако разногласия, возникающие в подобных спорах, воспроизводятся и даже приумножаются на метауровне, порождая новые разногласия по поводу значения не только логических констант, но и ключевых метапонятий: логического следования, истинностного значения, структурного правила, стандартной модели (Hjortland, 2014; Williamson, 2014). Вовлеченная в глубокие философские дискуссии, металогика не может служить нейтральным арбитром в логико-философских спорах.

ЛОГИЧЕСКИЕ ЧУЖАКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АУДИТОРИИ

Сохраняет ли ценность для университетского образования логика, утратившая традиционную миссию нейтрального арбитра в рациональных спорах? Не приводит ли преподавание логики, признавшей плюрализм логических систем, к тому, что анархия, скрываемая от непосвященных эзотерикой внутринаучной полемики, проникает в студенческую аудиторию, подрывая сам фундамент ее веры в рациональность?

Как правило, первокурсники, имеющие элементарные представления о логическом доказательстве, почерпнутые из школьных курсов математики и информатики, а также, возможно, из детективных романов и судебных блокбастеров, с интересом относятся к курсам логики. Людям вообще нравится *aga*-переживание открытия, связанное с решением логических головоломок. Познакомившись с натуральными и аксиоматическими исчислениями классической логики, студенты убеждаются в возможности строгого обоснования формальных рассуждений, открывая для себя ту отдельную *логическую реальность*, в изучении которой Джон Коркоран, например, видит главную цель преподавания логики как дисциплины, культивирующей объективность (Corcoran, 2016). Однако знакомство с многообразием металогических теорий и неклассическими логическими системами способно если не разрушить эту реальность, то сформировать представление о логике как о теории, имеющей дело не с рассуждениями, а с абстрактными математическими конструкциями, число которых потенциально стремится к бесконечности. Логике как наследнице гуманитарного тривия угрожает, таким образом, поглощение математическим квадрилием и, вместе с приобретением статуса «нормальной науки», утрата былой связи с фундаментальными философскими проблемами (см. Вригт, Фролова, 1992; Blackburn, 2017).

Более того, легитимация логического плюрализма может поставить под сомнение прерогативу коррекции логических ошибок, делегированную преподавателю логики университетской администрацией. Логические чужаки, проникшие в студенческую аудиторию, не подпадают под дисциплинарные санкции, поскольку они не совершают логические ошибки, а просто не подчиняются законам той логики, в которую их индоктринирует преподаватель. Логика, утратившая статус не только нейтрального арбитра, но и авторитетного наставника в искусстве убеждающей аргументации, теряет нормативные функции в отношении

рассуждения, которое не сводится к формально безупречному выводу, а представляет собой рационально обоснованную модификацию убеждений (Harman, 2002). Кажется, что плюралистическая логика, регламентирующая даже не отношение логического следования, но целое семейство таких отношений (Beall & Restall, 2006: 29), лишается какой-либо связи с реальными рассуждениями. Складывается ситуация, которую Лучано Флориди характеризует как шизофреническую: жизнь есть жизнь, а логика есть логика, и они не обязательно связаны друг с другом.

Иначе говоря: на занятии по логике делай так, как делает преподаватель, а потом, в баре, ты можешь вернуться к своим старым привычкам и сделать вывод, что если кто-то слишком много выпил и вел машину, то этот человек попадет в аварию, и, поскольку тот действительно попал в аварию, он, должно быть, был пьян. Более зеленый подход к тому, как мы относимся к заблуждениям, имеет то преимущество, что позволяет нам видеть не только пределы таких способов рассуждения, но и их ценность, при условии осознания того, какого рода эпистемическим рискам мы подвергаемся (Floridi, 2009: 324).

Зеленый подход к заблуждениям, адвокатом которого выступает Флориди, не означает отказа от преподавания логики и замены ее, скажем, курсами критического мышления. Подобные курсы действительно стремятся обеспечить свободный от логической ортодоксии подход к когнитивным искажениям и логическим ошибкам, снабдив слушателей неким универсальным, не зависящим от предметной области набором неформальных навыков их преодоления. Однако основная проблема курсов критического мышления как раз и заключается в том, что навыки такого мышления формируются в процессе исследовательской работы в конкретных предметных областях, будь то философия, история или физика, а коррекция логических ошибок и когнитивных искажений требуют от критически мыслящего аналитика именно формального рассуждения, блокирующего его собственные предубеждения мнения (см., например, Dutilh Novaes & Reck, 2017; Willingham, 2008). Неслучайно Патрик Блэкберн, обескураженный отсутствием предмета в своих лекциях по критическому мышлению (вряд ли таковым можно признать когнитивные ошибки, коррекция которых требует обращения к различным дисциплинарным областям), нашел остроумный выход — сделать предметом курса критического мышления само критическое мышление (Blackburn, 2017).

Формальное извлечение следствий из посылок является, конечно, не самоцелью, но средством, призванным помочь нам приобретать знания и пересматривать убеждения. Вместе с тем, как отмечает Йохан ван Бентем,

обычный акцент на формальном доказательстве в некотором смысле предполагает, что математическая деятельность является вершиной логических интеллектуальных навыков, утверждение столь же спорное, как и мнение о том, что лучшим тестом на моральную устойчивость является поведение в церкви (Bentham, 2017: 35).

Преподаватель университетского курса логики имеет дело не с идеальными логическими агентами, рассуждающими с математической точностью в контекстуальном вакууме. Невозможно, вместе с тем, научить правилам логики и того, кто не владеет никакими логическими навыками и, следовательно, не имеет ни малейшего представления о правилах так таковых¹. Согласно Гилберту Райлу,

моральным императивам и порицаниям нет места в жизни святых или полных грешников. Ибо святые уже не учатся, как себя вести, а полные грешники еще и не начинали учиться. Так что ни те, ни другие не испытывают угрызений совести. Никто из них не принимает во внимание максимы. Логические правила, тактические максимы и технические каноны точно так же полезны лишь для полубученных (*half-trained*) (Ryle, 1945/1946: 14).

Не только практика преподавания логики, но и логическая теория должны исходить из неидеальной рациональности «полубученных» когнитивных агентов, обладающих ограниченными ресурсами и рассуждающих в условиях неопределенности. Зеленый подход в современной логике включает в область формального анализа любые способы рационального ограничения этой неопределенности — логические выводы, классификации, определения, вопросы, публичные объявления, опровержения, делиберации, а также дизайн новых интеллектуальных практик. Подобный дизайн невозможен для логики, ограничивающей свои задачи каталогизацией логических выводов. Как замечает Грэм Прист,

респектабельная логическая теория — это не просто подробный список корректных/некорректных выводов, но и объяснение этих фактов. Объяснение ведет к таким понятиям как истина и значение. Поэтому полноценная логическая теория является амбициозным проектом (Priest, 2016: 353).

¹Подробнее о бесконечном регрессе обоснования логических правил и проблеме их адаптации (см. Драгалина-Черная, 2022).

Реализация столь амбициозного проекта требует философской рефлексии об онтологических и эпистемологических основаниях когнитивных операций в логике, иначе говоря, истолкования ее как формальной философии.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН В ФОРМАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Ровно сто лет назад в 1924 году Бертран Рассел заметил, что важнейшая задача философии «заключается в критике и разъяснении понятий, которые склонны рассматривать как фундаментальные и некритически принимать» (Рассел, Рузавин, 1998: 35). Именно в экспликации понятий видел основную цель логического анализа Рудольф Карнап².

Поставленная классиками аналитической философии задача экспликации не ушла в прошлое, но сама подверглась экспликации. «Философы, — как замечает Матти Эклунд, — должны быть вовлечены в *концептуальную инженерию*» (Eklund, 2014: 293). Целью логики как формальной философии является именно концептуальная инженерия или, говоря иначе, концептуальный дизайн — разработка концептуальных паттернов для формальной экспликации фундаментальных философских понятий и техник (таких как гиперболическое сомнение, трансцендентальная дедукция или феноменологическая идеация), а также постановка новых философских проблем с использованием точных формальных понятий (таких как, например, эффективная доказуемость, вычислительная сложность, информационное обновление, уровень абстракции).

Методическим ключом к курсу логики как формальной философии является корреляция процедур концептуального дизайна в логике и философии³. Задача этого курса — не дистанцироваться от сомнения в логической ортодоксии, которое привносят в университетскую аудиторию логические чужаки, а, напротив, вступить с ними в диалог, предложив новый язык для того, что с ортодоксальных позиций кажется элементарной ошибкой, но в действительности может стать дизайн-проектом новой философской или логической системы.

²Ссылаясь на заимствование терминологии у Канта и Гуссерля, Карнап вводит понятие экспликации в 1945 году (Carnap, 1945). В 1947 году он пишет: «Задача уточнения расплывчатого или не совсем точного понятия, употребляемого в повседневной жизни, либо на более ранней стадии научного или логического развития, или, вернее, замена его вновь построенным, более точным понятием, принадлежит к числу важнейших задач логического анализа и логического конструирования. Мы называем это задачей экспликации...» (Carnap, 1947: 7–8).

³О философии как концептуальном дизайне см. подробнее Floridi, 2019.

Многие неклассические логики возникли, как известно, в процессе разрешения философских головоломок. В дальнейшем их методы нашли применение для прояснения более обширного и не столь очевидного круга философских проблем, чем те, которые изначально стимулировали их возникновение. Прекрасными примерами такой экстраполяции могут служить формальные реконструкции средствами модальной и иллукутивной логик дедукций существования классической метафизики — онтологического аргумента и картезианского когито (Plantinga, 1974; Hintikka, 1990), демаркация сферы логического в теории обобщенной квантификации (Sher, 1991), возникновение философской идеи искусственного интеллекта из методологии неклассических логик (McCarthy & Hayes, 1969). Этот список можно было бы продолжать довольно долго, но важно обратить внимание не только на достижения, но и на вызывающие тревогу артефакты формальной инженерии в философии, такие как парадоксы Фитча и Росса, например. ИмPLICITно встроенные в методы логики онтологические и эпистемологические допущения легко принять за свойства самого объекта анализа — знания, долженствования, условной связи, деонтической альтернативы, эпистемической достоверности. Чрезмерное упрощение, ошибочная унификация, неудачный выбор базовых понятий и использование *ad hoc* конструкций угрожают дизайнеру формальных методов в области философии (см. Hansson, 2000). Однако затруднения и даже парадоксы, возникающие в его работе, не лишают ее смысла, но, напротив, служат эвристиками для разработки новых инструментов экспликации философских интуиций, которые, к радостному изумлению своих создателей, начинают жить собственной логико-математической жизнью в самых экзотических областях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная логика, признавая многообразие своих формальных систем, отказалась от роли нейтрального арбитра в научных и философских спорах, однако не только не утратила своей педагогической функции культивирования объективности, но, напротив, укрепилась в ней. Объективность является эпистемической добродетелью, требующей логической дисциплины не как покорного следования индоктринирующим указаниям академического наставника, а как ответственного и рефлексивного исполнения тех эпистемических обязательств, которые принимает в любом своем рассуждении свободно мыслящий человек. Университетский курс логики как формальной философии не нужен логически совершенному трансцендентальному субъекту, но необходим

не обладающим логическим всеведением студентам в их объективных научных исследованиях, противостоящих догматизму и релятивизму.

ЛИТЕРАТУРА

- Вригт Г. фон.* Логика и философия в XX веке / пер. с англ. А. Ф. Фроловой // Вопросы философии. — 1992. — № 8. — С. 80–91.
- Драгаллина-Черная Е. Г.* Дом, который построил Кэрролл : регресс и адаптация в формальном обосновании // Логические исследования. — 2022. — Т. 28, № 1. — С. 27–49.
- Кант И.* Основоположения метафизики нравов / пер. с нем. Л. Д. Б. // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994. — С. 153–246.
- Куйн У. В. О.* Слово и объект / пер. с англ. А. З. Черняка, Т. А. Дмитриева. — М. : Логос, Праксис, 2000.
- Рассел Б.* Логический атомизм / пер. с англ. Г. И. Рузавина // Аналитическая философия: становления и развитие / под ред. А. Ф. Грязнова. — М. : Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — С. 17–37.
- Beall J. C., Restall G.* Logical Pluralism. — Oxford : Clarendon Press, 2006.
- Benthem J. van.* An Old Discipline with a New Twist : The Course “Logic in Action” // IFCoLog Journal of Logics and their Applications. — 2017. — Vol. 4, no. 1. — P. 33–54.
- Blackburn P.* The New Trivium // IFCoLog Journal of Logics and their Applications. — 2017. — Vol. 4, no. 1. — P. 149–170.
- Carnap R.* The Two Concepts of Probability : The Problem of Probability // Philosophy and Phenomenological Research. — 1945. — Vol. 5, no. 4. — P. 513–532.
- Carnap R.* Meaning and Necessity. — Chicago : University of Chicago Press, 1947.
- Chalmers D.* Verbal Disputes // Philosophical Review. — 2011. — Vol. 120, no. 4. — P. 515–566.
- Conant J.* In Search of Logical Alien Thought — Descartes, Kant, Frege and the Tractatus // Philosophical Topics. — 1991. — Vol. 20, no. 1. — P. 115–180.
- Corcoran J.* Logic Teaching in the 21st Century // Quadripartita Ratio : Revista de Argumentación y Retórica. — 2016. — No. 1. — P. 1–34.
- Dutilh Novaes C., Reck E.* Carnapian Explication, Formalisms as Cognitive Tools, and the Paradox of Adequate Formalization // Synthese. — 2017. — Vol. 194, no. 1. — P. 195–215.
- Eklund M.* Replacing Truth? // Metasemantics : New Essays on the Foundations of Meaning / ed. by A. Burgess, B. Sherman. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — P. 293–310.
- Floridi L.* Logical Fallacies as Informational Shortcuts // Synthese. — 2009. — Vol. 167, no. 2. — P. 317–325.
- Floridi L.* The Logic of Information : A Theory of Philosophy as Conceptual Design. — Oxford : Oxford University Press, 2019.

- Frege G.* The Basic Laws of Arithmetic. — Berkeley : University of California Press, 1964.
- Hansson S. O.* Formalization in Philosophy // The Bulletin of Symbolic Logic. — 2000. — Vol. 6, no. 2. — P. 162–175.
- Harman G.* Internal Critique : A Logic is not a Theory of Reasoning and a Theory of Reasoning is not a Logic // Handbook of the Logic of Argument and Inference : The Turn Towards the Practical / ed. by D. M. Gabbay, R. H. Johnson, H. J. Ohlbach, J. Woods. — Amsterdam : Elsevier Science, 2002. — P. 171–186.
- Hintikka J.* The Cartesian Cogito, Epistemic Logic and Neuroscience : Some Surprising Interrelations // Synthese. — 1990. — Vol. 83, no. 1. — P. 133–157.
- Hjortland O. T.* Verbal Disputes in Logic : Against Minimalism for Logical Connectives // Logique et Analyse. — 2014. — Vol. 57, no. 227. — P. 463–486.
- Kneale W., Kneale M.* The Development of Logic / ed. by M. Kneale. — Oxford : Clarendon Press, 1962.
- McCarthy J., Hayes P.* Some Philosophical Problems from the Standpoint of Artificial Intelligence // Machine Intelligence / ed. by B. Meltzer, D. Michie. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 1969. — P. 463–502.
- Plantinga A.* The Nature of Necessity. — Oxford : Oxford University Press, 1974.
- Priest G.* Logical Disputes and the A Priori // Princípios : Revista de Filosofia (UFRN). — 2016. — Vol. 23, no. 40. — P. 29–57.
- Quine W. V. O.* What Price Bivalence? // The Journal of Philosophy. — 1981. — Vol. 78, no. 2. — P. 90–95.
- Ryle G.* Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. — 1945/1946. — Vol. 46. — P. 1–16.
- Sher G.* The Bounds of Logic : A Generalized Viewpoint. — Cambridge (MA) : MIT Press, 1991.
- Williamson T.* Logic, Metalogic and Neutrality // Erkenntnis. — 2014. — Vol. 79, 2 (SUPPLEMENT). — P. 211–231.
- Willingham D.* Critical Thinking : Why is it so Hard to Teach? // Arts Education Policy Review. — 2008. — Vol. 109, no. 4. — P. 21–32.

Dragalina-Chernaya, E. G. 2024. "Logika kak formal'naya filosofiya i iskusstvo kontseptual'nogo dizayna [Logic as Formal Philosophy and an Art of Conceptual Design]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 29–41.

ELENA DRAGALINA-CHERNAYA
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);
ORCID: 0000-0003-2310-7188

LOGIC AS FORMAL PHILOSOPHY AND AN ART OF CONCEPTUAL DESIGN

Submitted: Dec. 18, 2023. Reviewed: Dec. 30, 2023. Accepted: Jan. 11, 2024.

Abstract: The paper shows the relevance of the interpretation of logic as formal philosophy and an art of conceptual design for university education. Due to its pluralism, modern logic has lost the functions of neutral arbiter and indoctrination mentor, but at the same time, logical pluralism has revealed the uniqueness of its role in conceptual engineering. The art of conceptual design, i. e. the engineering of conceptual patterns for the formal explication of philosophical concepts and techniques, as well as the formulation of new philosophical problems, is the main goal of logic as formal philosophy. Neither logic nor metalogic, loaded with their own epistemic commitments and ontological assumptions, can be objective judges for logical aliens who do not obey their prescriptions. However, the conceptual design techniques developed by non-classical logics serve not only as effective tools of philosophical explication, but also as training in scientific objectivity, which requires logical discipline as a responsible and reflective fulfillment of epistemic obligations assumed in any scientific research. The methodological key to academic courses of logic as formal philosophy is the correlation of conceptual design procedures in logic and philosophy. The paper provides examples of such correlation and draws attention to artifacts of formal engineering in philosophy, which can serve as heuristics for the development of new tools for the formal explication of philosophical intuitions.

Keywords: Logic, Formal Philosophy, Conceptual Design, Logical Pluralism, Verbal Dispute, Objectivity.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-29-41.

REFERENCES

- Beall, J. C., and G. Restall. 2006. *Logical Pluralism*. Oxford: Clarendon Press.
- Benthem, J. van. 2017. "An Old Discipline with a New Twist: The Course 'Logic in Action'." *IFCoLog Journal of Logics and their Applications* 4 (1): 33–54.
- Blackburn, P. 2017. "The New Trivium." *IFCoLog Journal of Logics and their Applications* 4 (1): 149–170.
- Carnap, R. 1945. "The Two Concepts of Probability: The Problem of Probability." *Philosophy and Phenomenological Research* 5 (4): 513–532.
- . 1947. *Meaning and Necessity*. Chicago: University of Chicago Press.
- Chalmers, D. 2011. "Verbal Disputes." *Philosophical Review* 120 (4): 515–566.

- Conant, J. 1991. "In Search of Logical Alien Thought — Descartes, Kant, Frege and the Tractatus." *Philosophical Topics* 20 (1): 115–180.
- Corcoran, J. 2016. "Logic Teaching in the 21st Century." *Quadripartita Ratio: Revista de Argumentación y Retórica*, no. 1, 1–34.
- Dragalina-Chernaya, Ye. G. 2022. "Dom, kotoryu postroil Kerroll [The House That Carroll Built]: regress i adoptatsiya v formal'nom obosnovanii [Regress and Adoption in Formal Justification]" [in Russian]. *Logicheskiye issledovaniya [Logical Investigations]* 28 (1): 27–49.
- Dutilh Novaes, C., and E. Reck. 2017. "Carnapian Explication, Formalisms as Cognitive Tools, and the Paradox of Adequate Formalization." *Synthese* 194 (1): 195–215.
- Eklund, M. 2014. "Replacing Truth?" In *Metasemantics: New Essays on the Foundations of Meaning*, ed. by A. Burgess and B. Sherman, 293–310. Oxford: Oxford University Press.
- Floridi, L. 2009. "Logical Fallacies as Informational Shortcuts." *Synthese* 167 (2): 317–325.
- . 2019. *The Logic of Information: A Theory of Philosophy as Conceptual Design*. Oxford: Oxford University Press.
- Frege, G. 1964. *The Basic Laws of Arithmetic*. Berkeley: University of California Press.
- Hansson, S. O. 2000. "Formalization in Philosophy." *The Bulletin of Symbolic Logic* 6 (2): 162–175.
- Harman, G. 2002. "Internal Critique: A Logic is not a Theory of Reasoning and a Theory of Reasoning is not a Logic." In *Handbook of the Logic of Argument and Inference: The Turn Towards the Practical*, ed. by D. M. Gabbay et al., 171–186. Amsterdam: Elsevier Science.
- Hintikka, J. 1990. "The Cartesian Cogito, Epistemic Logic and Neuroscience: Some Surprising Interrelations." *Synthese* 83 (1): 133–157.
- Hjortland, O. T. 2014. "Verbal Disputes in Logic: Against Minimalism for Logical Connectives." *Logique et Analyse* 57 (227): 463–486.
- Kant, I. 1994. *Osnovopolozheniya metafiziki nraov [Grundlegung zur Metaphysik der Sitten]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by L. D. B., 153–246. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- Kneale, W., and M. Kneale. 1962. *The Development of Logic*. Ed. by M. Kneale. Oxford: Clarendon Press.
- McCarthy, J., and P. Hayes. 1969. "Some Philosophical Problems from the Standpoint of Artificial Intelligence." In *Machine Intelligence*, ed. by B. Meltzer and D. Michie, 463–502. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Plantinga, A. 1974. *The Nature of Necessity*. Oxford: Oxford University Press.
- Priest, G. 2016. "Logical Disputes and the A Priori." *Principios: Revista de Filosofia (UFRN)* 23 (40): 29–57.
- Quine, W. V. O. 1981. "What Price Bivalence?" *The Journal of Philosophy* 78 (2): 90–95.
- . 2000. *Slovo i ob'yeht [Word and Object]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Z. Chernyak and T. A. Dmitriyev. Moskva [Moscow]: Logos, Praxis.
- Russel, B. 1998. "Logicheskiy atomizm [Logical Atomism]" [in Russian]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovleniya i razvitiye [Analytic Philosophy: Reader]*, ed. by A. F. Gryaznov, trans. from the English by G. I. Ruzavin, 17–37. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi / Progress-Traditsiya [Intellectual Book House and Progress-Tradition Press].
- Ryle, G. 1945/1946. "Knowing How and Knowing That." *Proceedings of the Aristotelian Society* 46:1–16.
- Sher, G. 1991. *The Bounds of Logic: A Generalized Viewpoint*. Cambridge (MA): MIT Press.

- Williamson, T. 2014. "Logic, Metalogic and Neutrality." *Erkenntnis* 79 (2 (supplement)): 211–231.
- Willingham, D. 2008. "Critical Thinking: Why is it so Hard to Teach?" *Arts Education Policy Review* 109 (4): 21–32.
- Wright, G. H. von. 1992. "Logika i filosofiya v xx veke [Logic and philosophy in the 20th century]" [in Russian], trans. from the English by A. F. Frolova. *Voprosy filosofii*, no. 8, 80–91.

АНГЕЛИНА БОБРОВА*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА**

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАБЫТОГО?

Получено: 18.12.2023. Рецензировано: 30.12.2023. Принято: 11.01.2024.

Аннотация: В наши дни и перед общими курсами логики, и перед курсами логики, читаемыми на философских факультетах, остро стоит проблема, как их стоит преподавать. Эта статья акцентирует внимание на модернизации курсов первого вида. Она предлагает аргументы в пользу того, что рабочим выходом из сложившейся ситуации мог бы стать курс практической логики, осмысленный на современный лад. С этой целью я даю общее представление, чем была практическая логика в XVII–XVIII веках, то есть в момент своего появления, бегло сравниваю ее с неформальной логикой, а также показываю, что элементы практической логики уже присутствуют в образовательной системе, но они не могут работать столь же продуктивно, сколь цельный курс. Свою позицию я отстаиваю, отталкиваясь от анализа основных направлений «реализации» курсов критического мышления, которые не так уж и редко встречаются в университетских программах. Если оценивать их положительные и отрицательные стороны, наиболее продуктивными окажутся курсы, ядро которых формируют положения, заимствованные из логики, отвечающей на практические запросы реальной жизни. Систематизация подобных положений и разработка отдельных курсов могли бы стать полезным делом. Предмет и методы практической логики прошли испытание временем, а потому они выглядят более ясно. Ее задачи, поставленные столетия назад, не потеряли своей актуальной. Все это дает ей преимущества и в содержательном плане, и в плане достижения своих целей. Изучение практической логики способно вносить свой вклад и в развитие такого важного навыка, как критическое мышление, защищая от всякого рода догматизма в большей мере, чем пусть и модные, но неопределенные по своим методам и задачам предметы.

Ключевые слова: логика, практическая логика, критическое мышление, неформальная логика, преподавание логики.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-42-53.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении веков логика оставалась одним из общеуниверситетских курсов, а в текущем столетии практически исчезла из учебных

* Ангелина Сергеевна Боброва, к. филос. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), angelina.bobrova@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3855-006X.

** © Боброва, А. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке РНФ «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» № 20-18-00158 по заказу СПбГУ.

планов. Ситуацию можно было бы воспринять как неизбежный этап развития образовательной системы, если бы не постоянно растущий запрос на навыки, которые традиционно логические курсы и развивали. Если мы попытаемся удовлетворить этот запрос, то неизбежно столкнемся с вопросом: как содержательно должен выглядеть подобный курс (будет ли это логика или нечто иное)? Современная логика отпугивает уровнем своей абстрактности и строгими доказательствами¹, работа с которыми в краткосрочной перспективе редко приносит ожидаемую практическую пользу; привычные курсы, выстроенные на базе традиционной логики, хотя и приближены к жизни, предлагают скудный набор методов, работая с довольно узким кругом проблем. Разработка же чего-то нового всегда сталкивается с проблемой: с чего начинать? В поисках ответа на этот вопрос в наше образование проникают распространённые в англо-американской системе курсы критического мышления, принятия решений и др. Споры вокруг того, насколько это резонно, ведутся не одно десятилетие.

В своей статье я покажу, что имеющееся разнообразие дисциплин не отменяет, особенно в нашей системе образования, ценности логических курсов, способных иметь, к слову, различное содержательное наполнение. Критическое же мышление² уместнее понимать, как ценный навык. Во втором разделе дается обзорное представление о практической логике XVII–XVIII веков, в третьем — сопоставляется со своим современным последователем — неформальной логикой, а четвертый раздел отвечает на основной вопрос работы: показывает, почему и сегодня традиция практической логики не потеряла своей актуальности.

КАК ЛОГИКА МОЖЕТ БЫТЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ?

Как сделать логику полезной? Именно в таком виде проблема была поставлена в XVII веке, в эпоху становления экспериментальной науки. В это время возникает запрос на прикладное использование логики, которая уже не могла ограничиваться теоретическим знанием, то есть изучением правильных рассуждений, а должна была помогать в построении грамотных речей, обсуждать, что есть мнение, верование и истинное знание; способствовать разработке методов, облегчающих путь к истине; учить правилам сбора и обработки информации. Одной

¹Сегодня к этим проблемам добавляется и многообразие логических теорий.

²Что понимать под критическим мышлением? Отведенный объем работы не позволяет ответить на этот непростой вопрос. О сложностях с его определением см. Боброва, 2017.

из первых и, пожалуй, самых известных логик практического толка стал учебник А. Арно и П. Николь «Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения». Он должен был способствовать развитию у читателей разумности в рассуждениях, делах и поступках, которая «требуется на любом жизненном поприще, важна в любой деятельности» (Арно и Николь, Гайдамак, 1991: 7). Без логики дальнейшее постижение конкретных наук становится лишь поводом «к нелепому тщеславию, часто сопутствующему бесплодным и бесполезным познаниям» (там же: 7–8). Акцентируя внимание на теоретических достижениях, Арно и Николь подчеркивают и важность использования логических методов в каждодневной практике.

Свой расцвет практическая логика застала в работах немецких мыслителей, перехвативших в то время лидерство в развитии логического знания. Как отмечал философ Российской Империи П. Д. Лодий, «нет ни одной нации, которая бы столь многие и превосходные логики показать могла, сколько оных доставила одна Германия» (Лодий, 1815: 91). К практической логике обращались Хр. Вольф, И. Гейнекций, И. Кант и др. Так, в учебнике Вольфа (Вольф, Б. М., 1765) о ее задачах можно судить уже по названию глав: «Как о писании говорить должно», «Как книги с истинной пользой читать должно», «Как кого-нибудь к правильному доводить должно», «Как диспутировать должно», «Как остроту во употребление логики получить должно». Примечательно, что эти главы следуют за разделами теоретической логики, подчеркивая тем самым свою неразрывную с ней связь.

Практическая логика не существовала сама по себе, а была естественным продолжением теоретической, и их тандем был весьма органичен: последняя изучала формы суждений и правила умозаключений, а первая занималась апробацией этих идей в обыденной жизни. Хотя некоторые положения практической логики были известны со времен Аристотеля, размышлявшего о правилах корректного рассуждения, появление ее все же можно назвать новым явлением. Она не претендовала на статус средневековой *logica utens*, под которой понимали практику рассуждений, то есть стихийное (нерефлексируемое) проявление логики в обычной жизни, а оставалась частью *logica docens*, то есть частью логической теории. Это означало, что практической логике можно было обучать.

Призванные формировать «разумность в рассуждениях и, как результат, — в любых делах и поступках» (Грифцова, 1999: 35), практические

логики не тормозили развитие того, что чуть позднее станет символической логикой (ее идеи зарождались уже в то время). Становление же символической логики пошатнуло позиции практической логики. Круг ее задач был переосмыслен. От проблем, которые казались наивными или с которыми символическая логика не справлялась, предлагалось отказаться³. Часть же вопросов забрали, уходя из лоно логики, новые для того времени дисциплины⁴ (теория познания и чуть позднее методология науки). Как результат, в XX веке о былом величии практических логик напоминала лишь глава-пережиток учебников — «теория и практика аргументации» или «гипотетико-дедуктивный метод» (предлагалась одна из двух), содержание которой тоже постепенно теряло свою актуальность.

В XXI веке можно долго рассуждать о резонности исчезновения практических логик, но существование запроса на то, что они делали, отрицать крайне сложно: студентам порой непросто систематизировать информацию или анализировать обыденные рассуждения, где в силу современной специфики общения многие посылки приходится достраивать по косвенным данным. Они теряются в процессе чтения серьезной литературы, которое и в самом деле предполагает предварительную логическую подготовку. Более того, порой даже тем, кто занимается изучением формальных систем, хочется увидеть, насколько те соотносимы с «логикой жизни». Однако подобные навыки, очевидно способствующие развитию критического мышления, являются строго логическими.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ЕЕ НЕФОРМАЛЬНЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ

Вновь потребность в практическом использовании логики стала осознаваться в конце XX века, когда в несколько иной форме прозвучал старый вопрос: каким образом логические исчисления способны помочь в профессиональной работе, которая даже среди философов крайне редко связана с изучением самой логики? Решить проблему пообещала неформальная логика (*informal logic*)⁵, предложившая методы, «критерии и процедуры для интерпретации, оценки и реконструкции

³Подобное имело место в отношении изучения логических ошибок, от которого пионеры современной логики, среди которых был, например де Морган, стремились избавиться.

⁴Эпистемология становится отдельной дисциплиной лишь в XIX веке. До этого времени многие ее проблемы обсуждались в рамках логики.

⁵Создателями неформальной логики принято считать Р. Г. Джонсона и Дж. Э. Блэра (Johnson & Blair, 1994; Blair, 2015).

аргументов» (Johnson & Blair, 1994: 15). Работая в живых контекстах, она призывала изучать природу диалога, оценивать установки ораторов (агентов) и т. д. (подробнее см. Сороина, 2015). Сам термин, правда, сложно назвать удачным, так как он как будто отрицает ключевую особенность логики — ее формальность⁶. Однако на деле неформальная логика отходит не от формальности, а скорее от методов символической логики, предлагая вместо них свой собственный аппарат. Сохранение же интереса к рассуждениям оставляет за ней, как считают ее сторонники, статус логики (Freeman, 2000).

Неформальную логику поспешили объявить одной из наследниц практической логики (Грифцова, 1999). Между ними действительно есть много общего. Обе преследует утилитарную цель — сделать логическое знание востребованным в обыденной жизни; обращаются к живым контекстам; являются теориями, а не стихийными практиками; признают авторитет философии и ориентацию на эпистемологию:

Два ее [неформальной логики] центральных вопроса касаются приемлемости посылок и оценки адекватности связей. Вопросы могут быть эксплицированы в терминах подтверждения, то есть центрального понятия эпистемологии (Freeman, 2000: 36–37).

Вместе с тем искать исторические связи неформальной логики с практической все же не стоит. Неформальная логика появляется независимо от практической и не становится ни ее повторением, ни ее улучшенной версией. Во-первых, она не наследует аппарат символической логики, а разрабатывает свой инструментарий анализа (аргументативные схемы, карты аргументов), а во-вторых, ограничивается довольно узким для практической логики кругом проблем (разносторонний анализ аргументов). Это позволяет некоторым исследователям говорить о том, что «было бы лучше, если бы она [неформальная логика] называлась „теорией аргументов [theory of argument]“» (Hitchcock, 2007: 110). Наконец, неформальная логика прежде всего ориентирована не на практику, а на теоретические разработки, которые затем могут заимствовать курсы аргументации, академического письма и критического мышления. Однако подобные заимствования вовсе не обязательны, то есть курсы критического мышления, максимально часто замещающего собой логику, могут

⁶В английском языке проблема стоит не так остро, так как в нем различают «*pop-formal*» и «*informal*».

самостоятельно выбирать свое содержательное наполнение. Таким образом, проблема оценки курсов критического мышления кроется в том самом содержательном наполнении.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Курсы критического мышления важно отличать от навыка критически мыслить. Важность последнего никто не оспаривает. Единодушны в этой оценке и специалисты, которые о нем пишут, связывая его с именем Дьюи⁷ (Грифцова и Сорина, 2022; Hitchcock, 2022), указывая на его прототипы в идеях Сократа (Cocoran, 1999) и отсылая к идеям Канта. В последнем случае критическое мышление на базе фонетического сходства нередко отождествляется с критической философией, что, разумеется, в корне не верно (Круглов, 2023). Критическое мышление корректно было бы сопоставлять с критическим методом, предписывающим у Канта правила работы с мыслями для достижения поставленной цели. Этот метод отвечает за постижение новых истин и расширение границ имеющегося знания:

это срединный метод, посредством которого познание может достичь достоверности. Он предупреждает догматическую видимость, так как он противопоставляет догматизму скептицизм (Кант, Харитонова и Крыштоп, 2022: 299).

Кант не предложил рецепта, как овладеть таким навыком (подробнее см. Боброва, 2018), но современные курсы критического мышления, если верить их аннотациям, кажется, его нашли. Однако насколько таким заявлениям стоит доверять? Способен ли один единственный курс обучить тому, что является общей целью образования? Другой вопрос — что представляет собой «добротный курс»? В одной статье вряд ли возможно препарировать все курсы критического мышления, даже ограничившись образовательной системой нашей страны. По этой причине рассмотрим лишь вариант их систематизации, который опять же не может претендовать на полноту картины. Наверняка найдутся примеры, которые не будут вписываться ни в одну из групп. Однако общие тенденции все же покажет.

Условно поделим курсы критического мышления (по содержанию) на четыре типа. В первой графе окажутся те из них, в основе которых

⁷Первое использование термина «критическое мышление» принято приписывать Дж. Дьюи (Дьюи, Никольская, 1915).

лежат программы типовых курсов по логике для нефилософов. Их тематика ограничивается традиционной логикой, дополненной элементами классической логики высказываний, а общая структура наследует триаде понятие — суждение (высказывание) — умозаключение. Фактически мы имеем дело с логическими курсами, отрабатывающими свою новую вывеску обращением к злободневным примерам. С другой стороны, такие курсы, хотя и работают с узким кругом вопросов, доказали, что способны развивать логическую культуру.

Второе направление определяют курсы, логическая составляющая которых дополняется темами современной теории аргументации (классификация диалогов, методы реконструкции и проверки аргументов) и прагматики (теория речевых актов, имплицатуры, пресуппозиции). Хотя их логическое ядро тоже зачастую формируется под влиянием привычной логики, при должном балансе они, как мне кажется, способны давать неплохой результат: такие курсы базируются на апробированной теории и охватывают довольно широкий спектр проблем. Несложно увидеть, что и тут перед нами — вариант логического курса, а обращение к прагматике лишь приближает его к практической логике, методы которой, разумеется, за прошедшее время могли заметно измениться.

Менее однозначными, на мой взгляд, являются курсы, нарушающие баланс между нормативно-логической и дескриптивно-риторической составляющими. В погоне за простотой (курсы логики обычно сложны для студентов), привлекательностью и модой их авторы обращаются к техникам, которые имеют дело с различными уровнями анализа. Хотя такие техники и могут заимствоваться из, скажем, теорий неформальной логики, эти теории чаще всего не представляют собой единого целого⁸, а потому курс не выглядит сбалансированно. Похоже, термин «критическое мышление» дает свободу для действий, которая может по-разному себя проявлять. Не самый плохой вариант ее реализации — сопоставление логических и когнитивно-психологических положений (Халперн, Мальгина и др., 2000; Канеман, Андреев и др., 2015). Упоминание одних на фоне других имеет свои плюсы, но к их параллельному использованию стоит подходить крайне аккуратно: бездумное распространение когнитивной тематики и терминологии на область логики (или наоборот) может порождать курьезы. Например, логика и психология по-разному трактуют термин «логическая ошибка»: если для

⁸Например, классическая проверка дедуктивно-правильного рассуждения соседствует с принципами работы с их эмоциональной составляющей.

первой это нарушение правил в рамках теории, то для второй — чаще всего отсутствие релевантности («если на улице сильный дождь, я иду загорать»). Кроме того, мы уже имеем примеры, когда психология навешивает на решение задачи ярлык какого-либо когнитивного искажения, а логика предлагает теорию, в рамках которой это же решение объясняется вполне рационально (без апелляции к искажениям)⁹. Одним словом, фривольное обращение с подобными знаниями может порождать ничем не обоснованные стандарты: «Посмотрите, мой собеседник находится во власти эффекта фрейминга¹⁰!» Авторы подобных высказываний при этом не видят, что и их рассуждения могут подпадать под тот же эффект, который, правда, будет иметь другую рамку.

В крайних случаях, то есть в курсах критического мышления четвертого типа, напрочь отсутствует теоретическая цельность. Темы представляют собой набор практик, показавшихся важными автору курса (например, они просты, а потому привлекают внимание слушателей). Хорошо, если такие практики преподносятся с пониманием теорий, которые за ними скрыты, хотя и это остается рискованным делом. Подобный стиль обучения порождает опасность ложной уверенности в границах своего знания: «мы прослушали курс и знаем, как мыслить критически, а кто не мыслит как мы, не мыслит критически». Рассмотрим один реальный пример¹¹. Студентам предлагается доказать ложность того, что Москва находится в южном полушарии. Задание имеет все шансы на успех. Оно веселое, несложное с очевидной для слушателей практической пользой. Но смогут ли они столь же бойко работать с примерами, содержательная сторона которых будет для них менее очевидна? Вполне вероятно, что без навыка работы с формой и построения контрадикторных высказываний возникнут определенные сложности. Отсутствие теоретической базы способно уничтожить даже самые благородные порывы. Более того, ее отсутствие повышает шансы на то, что под таким обучением будет скрываться очередная догматизация через уточнение, как следует думать.

⁹Примером могут стать объяснения теста Уейзона (участникам следует выбрать две из четырех карт, чтобы правильно решить задачу). Порой объяснения основываются на когнитивных искажениях, а порой основываются на формальных аргументах, в которых когнитивные искажения исчезают.

¹⁰Эффект фрейминга (*framing effect*) — когнитивное искажение, при котором утверждение, в зависимости от его формулировки, может восприниматься человеком как в негативном, так и в позитивном ключе.

¹¹Тут, равно как и в других случаях, сам курс из этических соображений не называю.

Подводя итог, максимально эффективной оказывается логическая составляющая рассмотренных типов курсов. Так почему бы не повернуться в эту сторону, сделав преподавание логики настолько практически ориентированным, насколько это позволяют современные средства логики, эпистемологии и дисциплин логического цикла (а позволяют они не так уж и мало)?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высокомерное отношение к практической логике, возникшее в момент бурного развития символической логики, себя не оправдало. Площадка, соединяющая достижения формальной логики и эпистемологических практик, остается востребованной и в наш век. Она не может конкурировать в зрелищности с курсами, которые оперируют «горячими» темами, избегая формализмов, но способна конкурировать в конечной эффективности. Работа с этими формализмами и вносит свой вклад в развитие критического мышления, так как учит студентов дистанцироваться от высказанных позиций и аккуратно давать им оценки. Подобные курсы вряд ли будут вводить в заблуждение, прикрываясь откровенно ложными вывесками. Какой набор тем они могут включать? Одним из первых, пожалуй, над вопросом задумался В. Н. Брюшинкин (Брюшинкин, 1996). Сегодня решений уже в разы больше. Думаю, единственно правильного тут не найти, но несколько хороших вполне возможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить, где помимо общих правил содержаться некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / пер. с фр. В. П. Гайдамак. — М. : Наука, 1991.
- Боброва А. С. Критическое мышление. Проблема определения // РАЦИО.ru. — 2017. — Т. 18, № 1. — С. 26–36.
- Боброва А. С. Критическое мышление или логика? // Логико-философские штудии. — 2018. — Т. 16, № 3. — С. 200–216.
- Брюшинкин В. Н. Практический курс логики для гуманитариев. — М. : Новая школа, 1996.
- Вольф Хр. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы / пер. с нем. Б. М. — СПб. : Типография Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпуса, 1765.

- Грифцова И. Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. — М. : Эдиториал УРСС, 1999.
- Грифцова И. Н., Сорина Г. В.* Критическое мышление против псевдонауки // Человек. — 2022. — Т. 33, № 1. — С. 7–30.
- Дьюи Д.* Педагогика и психология мышления / под ред. Н. Д. Виноградова ; пер. с англ. Н. М. Никольской. — Мир : М., 1915.
- Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро / пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. — М. : АСТ, 2015.
- Кант И.* Венская логика / под ред. А. Н. Круглова ; пер. с нем. А. М. Харитоновой, Л. Э. Крыштоп. — М. : Канон+, 2022.
- Круглов А. Н.* О понятии критики и о критическом методе у Канта // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 225–260.
- Лодий П. Д.* Логические наставления руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. — СПб. : В типографии Иоаннесова, 1815.
- Сорина Г. В.* Неформальная логика как регулятивный инструмент коммуникации // Преподаватель XXI век. — 2015. — № 3. — С. 242–251.
- Халтерн Д.* Психология критического мышления / пер. с англ. Н. О. Мальгиной, С. Е. Рысевой, Л. Л. Царук. — СПб. : Питер, 2000.
- Blair A.* What is Informal Logic? // Reflections on Theoretical Issues in Argumentation Theory / ed. by F. van Eemeren, B. Garssen. — Cham : Springer, 2015. — P. 27–42. — (Argumentation Library ; 28).
- Corcoran J.* Critical Thinking and Pedagogical License // Manuscripto. — 1999. — Vol. xxii, no. 2. — P. 109–116.
- Freeman J. B.* The Place of Informal Logic in Philosophy // Informal Logic. — 2000. — Vol. 20, no. 2. — P. 117–128.
- Hitchcock D.* Informal Logic and the Concept of Argument // Philosophy of Logic / ed. by D. Jacquette. — Amsterdam : Elsevier, 2007. — P. 101–130. — (Handbook of the Philosophy of Science ; 5).
- Hitchcock D.* Critical Thinking / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2022. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking/> (visited on Nov. 20, 2023).
- Johnson R. H., Blair A.* Informal Logic : Past and Present // New Essays in Informal Logic / ed. by R. H. Johnson, A. Blair. — Ontario : Windsor, 1994. — P. 117–128.

Bobrova, A. S. 2024. "Prakticheskaya logika [Practical Logic]: vozvrashcheniye zabytogo? [The Reappearance of the Forgotten?]" [In Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 42–53.

ANGELINA BOBROVA

PHD IN PHILOSOPHY

ASSOCIATE PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA)

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-3855-006X

PRACTICAL LOGIC

THE REAPPEARANCE OF THE FORGOTTEN?

Submitted: Dec. 18, 2023. Reviewed: Dec. 30, 2023. Accepted: Jan. 11, 2024.

Abstract: These days, both general logic courses and logic courses offered in philosophy departments face the problem of how exactly they should be constructed. I argue that a practical logic course designed in a modern style would be a suitable way out of this situation. To this goal, I provide an overview of what practical logic was in the seventeenth and eighteenth centuries (at the time of its development), make its brief comparison with informal logic, and show that elements of practical logic are already available in the educational system, but they cannot work as productively as a complete course. I base my position on an analysis of main directions of "implementation" of critical thinking courses, which are not rare in university programs. If we evaluate their positive and negative aspects, we see that the most productive courses are courses rooted in logical items that respond to the practical demands of real life. Their systematization and further harmonization in the form of separate courses could be a useful endeavor. The subject and methods of practical logic have passed the test of time, and therefore they look clearer. Its tasks posed centuries ago have not lost their relevance. All these things give advantages to practical logic both in terms of content and in terms of achieving its goals. Its study can also contribute to the development of such an important skill as critical thinking, protecting it from all kinds of dogmatism better than courses that are trendy but vague in their methods and objectives.

Keywords: Logic, Practical Logic, Critical Thinking, Informal Logic, Teaching Logic.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-42-53.

REFERENCES

- Arnauld, A., and P. Nicole. 1991. *Logika, ili iskusstvo myslit', gde pomimo obshchikh pravil sodержat'sya nekotoryye novyye soobrazheniya, poleznyye dlya razvitiya sposobnosti suzheniya [La logique ou l'Art de penser]* [in Russian]. Trans. from the French by V. P. Gaydamak. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Blair, A. 2015. "What is Informal Logic?" In *Reflections on Theoretical Issues in Argumentation Theory*, ed. by F. van Eemeren and B. Garssen, 27–42. Argumentation Library 28. Cham: Springer.
- Bobrova, A. S. 2017. "Kriticheskoye myshleniye. Problema opredeleniya [Critical Thinking. The Problem of Defining]" [in Russian]. *RATsIO.ru [RATSIO.ru]* 18 (1): 26–36.
- . 2018. "Kriticheskoye myshleniye ili logika? [Critical Thinking or Logic?]" [in Russian]. *Logiko-filosofskiy shtudii [Logiko-filosofskie sh-ctudii]* 16 (3): 200–216.

- Bryushinkin, V. N. 1996. *Prakticheskiy kurs logiki dlya gumanitariyev [A Practical Logic for Humanitarians]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novaya shkola.
- Corcoran, J. 1999. "Critical Thinking and Pedagogical License." *Manuscripto* XXII (2): 109–116.
- Dewey, J. 1915. *Pedagogika i psikhologiya myshleniya [Pedagogy and Psychology of Thinking]* [in Russian]. Ed. by N. D. Vinogradov. Trans. from the English by N. M. Nikol'skaya. Mir: M.
- Freeman, J. B. 2000. "The Place of Informal Logic in Philosophy." *Informal Logic* 20 (2): 117–128.
- Griftsova, I. N. 1999. *Logika kak teoreticheskaya i prakticheskaya distsiplina. K voprosu o sootnoshenii formal'noy i neformal'noy logiki [Logic as a Theoretical and Practical Discipline. To the Question of the Correlation Between Formal and Informal Logic]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Editorial URSS.
- Griftsova, I. N., and G. V. Sorina. 2022. "Kriticheskoye myshleniye protiv psevdonauki [Critical Thinking vs. Pseudoscience]" [in Russian]. *Chelovek* 33 (1): 7–30.
- Halpern, D. 2000. *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya [Thought and Knowledge: an Introduction to Critical Thinking]* [in Russian]. Trans. from the English by N. O. Mal'gina, S. Ye. Ryseva, and L. L. Tsaruk. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Piter.
- Hitchcock, D. 2007. "Informal Logic and the Concept of Argument." In *Philosophy of Logic*, ed. by D. Jacquette, 101–130. Handbook of the Philosophy of Science 5. Amsterdam: Elsevier.
- . 2022. "Critical Thinking." Ed. by E. N. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Nov. 20, 2023. <https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking/>.
- Johnson, R. H., and A. Blair. 1994. "Informal Logic: Past and Present." In *New Essays in Informal Logic*, ed. by R. H. Johnson and A. Blair, 117–128. Ontario: Windsor.
- Kahneman, D. 2015. *Dumay medlenno... reshay bystro [Thinking, Fast and Slow]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Andreyev, Yu. Deglina, and N. Parfenova. Moskva [Moscow]: AST.
- Kant, I. 2022. *Venskaya logika [Wiener Logik]* [in Russian]. Ed. by A. N. Kruglov. Trans. from the German by A. M. Kharitonova and L. E. Kryshtop. Moskva [Moscow]: Kanon+.
- Krouglov, A. N. 2023. "O ponyatii kritiki i o kriticheskom metode u Kanta [On Kant's Concept of Critique and Critical Method]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 7 (2): 225–260.
- Lodiy, P. D. 1815. *Logicheskiye nastaveniya rukovodstvuyushchiye k poznaniyu i razlicheniyu istinnogo ot lozhnogo [Logical Instructions Guiding to Knowledge and Distinguishing True from False]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: V tipografii Ioannesova [Ionesov Printing House].
- Sorina, G. V. 2015. "Neformal'naya logika kak regul'yativnyy instrument kommunikatsii [Informal Logic as a Regulatory Instrument of Communication]" [in Russian]. *Prepodavatel' XXI vek*, no. 3, 242–251.
- Wolff, Chr. 1765. *Razumnyye mysli o silakh chelovecheskogo razuma i ikh ispravnom upotrebenii v poznanii pravdy, lyubitelyam onoy izdany [Vernünftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauch in der Erkenntnis der Wahrheit]* [in Russian]. Trans. from the German by B. M. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Artilleriyskogo i Inzhenernogo Shlyakhet-skogo kadet-skogo korpusa [The Shlyakhetsky Artillery and Engineering Cadet Corps Printing House].

ГАЛИНА СОРИНА*

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Получено: 18.12.2023. Рецензировано: 30.12.2023. Принято: 11.01.2024.

Аннотация: В статье на примере личного опыта преподавания таких дисциплин, как «Философия», «История философии», «История и философия науки», «Основы принятия решений», «Аналитика профессиональных текстов», «Коммуникационный менеджмент», «Психологизм и антипсихологизм как логико-культурная доминанта эпохи», других обсуждаются логико-методологические основания преподавания и изучения курсов гуманитарного цикла в системе высшего образования в современной России. Показывается значение Методологии экспертного анализа текста (МЭАТ) для проблем образования. Подчеркивается, что в ходе практической работы в рамках конкретных дисциплин выявляются не только логико-методологические основания соответствующих дисциплин, но и развивается критическое мышление студентов, их способность к проведению рефлексивного анализа, понимание особенностей научно-практической деятельности, идеи теоретической нагруженности любого практического подхода к исследованию науки. В качестве логического инструмента аналитики текста в статье рассматривается понятие, очерчивается линия развития теории понятия от античности до современности, особенности современных интерпретаций понятия. Показывается, что работа студентов на платформе МЭАТ формирует у них способность слушать других, профессионально оценивать звучащие точки зрения, вести экспертную работу, самостоятельно формулировать выводы, работать в команде. В статье рассматриваются разные этапы аналитики текста, особенности разработки стратегии по организации совместной работы группы.

Ключевые слова: понятие, методология экспертного анализа текста, образование, субъект, эксперт, геймификация, регламент.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-54-66.

ВВЕДЕНИЕ

Любая наука начинается с введения и определения понятий, которые задают ее предметную область. Концептуальный аппарат науки предлагает свое понимание определенных явлений и процессов. Одни и те же фрагменты социального или научного пространства по-разному описываются в рамках концептуальных аппаратов различных наук. Понятие

*Сорина Галина Вениаминовна, д. филос. н, профессор, заместитель декана по научной работе факультета педагогического образования, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва), gsorina@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7764-9834.

**© Сорина, Г. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

является одним из важнейших логических инструментов, формирующих рациональный уровень представления научного знания. Умение работать с понятием определяет профессиональную компетентность субъекта. Кроме того, способность к концептуализации, непосредственно связанной с введением и определением понятий, характеризует познавательные возможности субъекта: от получения образования до последующей научной, творческой деятельности. Уже в ходе получения образования студентам важно объяснить, что без корректного оперирования понятиями никакая сфера как интеллектуальной, так и предметно-практической деятельности не оказывается успешной.

Именно эти идеи последовательно проводятся в рамках моих авторских учебных курсов, построенных на платформе Методологии экспертного анализа текста. Эта методология, разработанная автором (см., например, Сорина, 2017), базируется на множестве различных методов как теоретических, так и практико-организационных. Работа с понятием, как это будет видно из последующего текста статьи, является только одним (правда, важнейшим) из логико-методологических оснований преподавания гуманитарных дисциплин. Организация образовательного процесса на платформе МЭАТ предполагает несколько этапов работы с текстом: (1) изучение и анализ текста в ходе самостоятельной работы студентов; (2) рассмотрение полученных результатов аналитики текста в экспертных группах и выработка стратегии проведения совместной работы членов экспертной группы по анализу текста в учебной группе; (3) обсуждение разных вариантов аналитики текста в рамках всей учебной группы. Третий этап работы с текстом регулируется регламентом проведения коллективной работы в ходе практического занятия. Кроме того, он определяется структурой такого коллективного субъекта, как «эксперт»: главный эксперт — преподаватель, который делегирует *часть своих полномочий* экспертной группе, сохраняя вместе с тем свои лидерские позиции, и экспертная студенческая группа, состоящая из 2–3 человек. Экспертная группа располагается за столом преподавателя и фактически модерирует работу группы. В соответствии с регламентом МЭАТ, именно эксперты первыми задают вопросы группе.

Результатом анализа текста на первом этапе, который выполняется всеми студентами, включая каждого отдельного эксперта, индивидуально, является составление аналитического отчета (АО), важнейшей частью которого становится подготовка аналитической таблицы с четырьмя колонками: (1) основные понятия, представленные в тексте,

и их важнейшие характеристики, (2) вопросы к тексту, (3) размышления и комментарии, (4) возможные ассоциации и аналогии, связанные с профессиональной деятельностью автора.

Так выглядит структура аналитической таблицы:

Список основных понятий, представленных в тексте, и их важнейшие характеристики	Вопросы к тексту	Размышления и комментарии	Возможные ассоциации и аналогии, связанные с профессиональной деятельностью автора отчета
---	------------------	---------------------------	---

Уже сама структура таблицы способствует более глубокому проникновению в суть анализируемого текста, содействует развитию рефлексии студента, в частности, при заполнении четвертой колонки таблицы. Конечно, аналитическая таблица принципиально отличается от классической системы конспектирования текста, в которой отсутствует субъект, анализирующий текст, а выписанные цитаты «повисают» в пространстве конспекта и в последующем просто теряются и забываются. Аналитика текста, выстроенная на платформе МЭАТ, по-другому формирует отношение к тексту, причем не только гуманитариев, но и представителей естественно-научного, технического знания.

Готовясь к занятию, «эксперты» тщательно прорабатывают текст, составляя вопросы по нему, обсуждают их между собой и, в случае необходимости, с преподавателем. В частности, они решают, в какой последовательности и как они будут задавать вопросы остальным членам группы, как будут их комментировать. В ходе совместного занятия эксперты задают членам группы вопросы, комментируют ответы. В случае, если дан неправильный ответ, их задача заключается не в том, чтобы исправить его, а в том, чтобы продолжить поиск других вариантов ответов в группе. Только после этого они могут обобщить полученные ответы и сформулировать свой собственный вариант ответа на заданный вопрос. В рамках данной методологии в разделении основной учебной группы на подгруппы (экспертные группы, которые меняются от занятия к занятию и представляют собой подгруппу из 2–3 человек из целой учебной группы студентов, основная часть группы и главный эксперт (преподаватель) проявляются современные особенности геймификации в образовательном процессе. В МЭАТ семинарское занятие как раз и превращается в практически работающий интерактив с элементами

геймификации, когда участники работы с текстом договариваются присвоить определенной подгруппе имя «экспертная группа» и наделить ее определенными полномочиями, описанными в регламенте курса. Более того, сравнительный анализ регламента МЭАТ и некоторых установок и требований, которые предъявляются к профессиональной деятельности экспертов (см. Леонтьев и Иванченко, 2008), свидетельствует о пересечении этих инструкций.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕГЛАМЕНТА МЭАТ В ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ГРУППЫ

В целом регламент МЭАТ прописывается как регламент командной работы. Некоторые элементы регламента выглядят следующим образом (см. подробнее Сорина, 2017). При обсуждении текста и аналитических отчетов, подготовленных по результатам работы над текстом, используется этическое правило, в соответствии с которым все ошибки, прозвучавшие в группе, рассматриваются в качестве ошибок коллективного субъекта, команды, работающей на практическом занятии. При этом исправление неверного ответа способствует росту коллективного познающего субъекта (группа в целом, экспертная подгруппа) и, конечно, индивидуализированного субъекта участника обсуждения, который сохраняется наряду с коллективным субъектом.

Оказалось, что логика таким образом организованной работы в отношении роста коллективной субъектности демонстрирует аналогии с работой экспериментальной коллаборации в мегасайенс (*megascience*) (Hoddeson et al., 2008). Если в мегасайенс выделяется ядро группы и периферия, то в МЭАТ эксперты и группа в целом (Pronskikh & Sorina, 2022). Экспертная работа в целом завершается рефлексивным анализом, в ходе которого эксперты оценивают работу группы, а группа — работу экспертов, т. е. работает как индивидуальная, так и групповая рефлексивность (West, 1996: 555–579). Все правила последовательно описаны в регламенте МЭАТ. Критерием успешности подобного занятия служат моменты инсайта у участников, которые говорят, что «перед занятием для меня было много неясного в тексте, но в ходе групповой работы я нашел ответы на многие вопросы, причем до многого дошел самостоятельно».

МЭАТ меняет модель коммуникации в образовательном процессе. Вместо классической, линейно, вертикально выстроенной коммуникации: *преподаватель-студент* предлагается *модель командной работы*. Именно командная работа предполагает возможность свободной дискуссии, представления разных точек зрения на один и тот же текст.

В рамках МЭАТ предлагается согласование между классическими и неклассическими элементами работы с текстом. *Неклассический подход* проявляется в особенностях подготовки АО, описанных выше. *Классический подход к анализу текста* проявляется в том, что подчеркивается необходимость начинать любую интеллектуальную деятельность с работы с понятием. В связи с этим работа на платформе МЭАТ по любой из указанных выше дисциплин начинается с введения того интеллектуального инструментария, с которым необходимо будет работать студенту в процессе освоения дисциплины. Этот интеллектуальный инструментарий включает в себя понятие, вопрос, вопросно-ответные процедуры. Аналитика текста, как это представлено в структуре аналитической таблицы, начинается с исследования понятия.

Анализ проблем понятия как важнейшей философской и логической категории опирается на работы наших учителей, в первую очередь, Е. К. Войшвилло и Е. Д. Смирновой, в то же время он опирается на исследования коллег, включая В. Н. Брюшинкина, В. С. Меськова, И. Н. Грифцову, В. И. Маркина, Е. Г. Драгалину-Черную, И. А. Герасимову, других коллег. Студенты, с одной стороны, должны знать, что понятие играет центральную роль в любой научной деятельности, с другой — они должны приобрести компетенцию работы с понятием в конкретных сферах профессиональной деятельности.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И РАБОТА С ПОНЯТИЕМ

В лекции, предвещающей начало работы на платформе МЭАТ, по вопросам концептуализации основным автором оказывается Е. К. Войшвилло и его теория понятия, представленная в работе «Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ». При этом, для меня важным является не только центральная идея работы Е. К. Войшвилло, связанная с формализацией понятий (Маркин, 2014), но и, в первую очередь, тот логико-гносеологический анализ, который предпринимается Е. К. Войшвилло и которому, чаще всего, уделяется меньше внимания в собственно логических работах по проблемам понятия. Между тем, именно этот способ анализа, который в современном лексиконе мог бы быть описан как когнитивный подход к анализу понятия, оказывается наиболее востребованным в ходе изучения различных гуманитарных курсов, построенных на платформе Методологии экспертного анализа текста.

В своей работе Е. К. Войшвилло показывает, что теория понятия имеет длинную историю, начиная с Аристотеля, что в то же время многие

ее положения даже в условиях современности оказываются неопределенными, неточными и фактически несостоятельными (Войшвилло, 1989: 3). В силу этого во всей последующей истории логики и философии делаются попытки восполнения недостатков классической теории понятия, берущей свое начало в античности. В своем анализе проблем понятия Е. К. Войшвилло опирается на труды Х. Зигварта, который исходил из надежности, определенности и общезначимости «словесного обозначения понятия». Вместе с тем, Е. К. Войшвилло ссылается и на труды отечественных мыслителей, исследующих проблему понятия. Это, например, А. И. Введенский, который связывает понятие с мыслью о предмете, в которой выделяются существенные признаки предмета. Еще один автор, который необходим Е. К. Войшвилло для построения его собственной теории понятия, это В. Ф. Асмус, чей взгляд на понятие частично пересекается с точкой зрения Зигварта. Параллельно В. Ф. Асмус связывает понятие со *смыслом*, который формируется как смысл подлежащего и сказуемого в суждении. У самого Е. К. Войшвилло проблема смысла пройдет важной линией его логико-гносеологической трактовки понятия. Е. К. Войшвилло подчеркивает, что

наблюдается довольно странная ситуация: о понятиях говорят в любой науке, теории и постоянно в повседневной жизни. Иногда даже мышление характеризуют как процесс оперирования понятиями. И вместе с тем остается неясным, что при этом имеется в виду... (там же: 4)

Для того, чтобы прояснить эту ситуацию, с точки зрения Е. К. Войшвилло, необходимо выяснить структурно-логические характеристики понятия и те приемы, которые используются в оперировании понятиями. Все это необходимо ему для того, чтобы показать значение выявления смыслов, которые стоят за такими сложными мыслительными образованиями, как понятия. Он различает разные типы смыслов, которые соответствуют различным типам языковых выражений, и подчеркивает, что смысл по-разному придается формам мысли в различных сообществах. В то же время Е. К. Войшвилло отталкивается от концепции смысла Г. Фреге. Знаменитая фрегевская трактовка смысла может быть представлена следующим образом: смысл это —

информация о предмете, которую он [знак. — Г. С.] содержит и которая достаточна именно для мысленного выделения этих предметов. По существу, имеется в виду совокупность свойств (признаков), которыми характеризуется предмет и по которым он выделяется из множества других предметов (там же: 9).

В этом контексте Е. К. Войшвилло трактует смыслы знаков-имен в качестве понятий. Некоторые выражения могут иметь собственный смысл, например, «город, который является столицей России», а некоторые в определенных сообществах или для определенных членов сообщества могут не иметь смысла.

Для Е. К. Войшвилло оказывается важным подчеркнуть, что логика не сводится только к той ее трактовке, которая появилась в рамках символической логики. Ему важно показать, что логика исследует и строит не только дедуктивные системы, что она ориентирована не только на исследование логических исчислений и на построение формализованных языков. Он пишет, что

в практике исследований *интуитивно* [подчеркнуто мною. — Г. С.] предмет логики понимается значительно шире. Объектами ее исследований являются индуктивные методы познания и такие приемы, как классификация, обобщение, *научное объяснение, методы построения научных теорий и отношения между понятиями* [подчеркнуто мною. — Г. С.] и т. д. (Войшвилло, 1989: 4–5).

Данная идея Е. К. Войшвилло транслируется и в моей лекции. В ее рамках подчеркивается, что предложенный Е. К. Войшвилло подход к пониманию логики создает теоретические условия для *трактовки понятий как теорий определенного типа*. Надо сказать, что здесь точка зрения Е. К. Войшвилло просто пересекается с точкой зрения К. Д. Ушинского. Великий русский педагог следующим образом писал о связи между наукой и теоретическим понятием:

Каждая наука есть не более, как одно чрезвычайно обширное и сложное понятие... Для человека, изучившего науку вполне, вся она является одним понятием, историю образования которого он может довести с конца до начала, т. е. до первичных суждений, до основных сочетаний из ощущений (Ушинский, 1950: 601).

Отличия в позициях К. Д. Ушинского и Е. К. Войшвилло связаны с их базовыми установками в рамках трактовки теории. Первый занимает позиции эмпиризма, второй — рационализма. Но понимание понятия как теории для них оказывается общим.

СМЫСЛ И ЕГО ТРАКТОВКИ

В рамках конкретных теорий и в ходе практической деятельности мы сталкиваемся с контекстуальным анализом понятий и с разными трактовками их смыслов. В качестве примера подобных понятий могут быть названы такие актуальные понятия для современного мира, как

«доверие» и «манипуляция». Так, например, недавно в рамках курса «Аналитика профессионального текста» магистранты философского факультета МГУ как раз и провели дискуссии по поводу особенностей трактовок смысла данных понятий. Выяснилось, что разность трактовок смысла этих понятий представлена уже на уровне словарных статей, которые отнюдь не отличаются единообразием. Студенты самостоятельно пришли к выводу о том, что общие смыслы у понятий возникают, в частности, на основе совместной практической деятельности. Эта деятельность может формироваться, в том числе, в ходе аналитической работы, которая, например, может быть направлена на исследование различных словарных и энциклопедических статей, представляющих одно и то же понятие. Такая аналитика позволяет молодым исследователям (студентам, магистрантам, аспирантам) понять сложности, связанные с определением понятия, в то же время осмыслить тот факт, что выявление смысла некоторых языковых выражений, представляющих понятие, осуществляется через процедуру введения определений. Е. К. Войшвилло трактует определение как важный логический способ «введения новых знаков в язык и уточнения предметных значений имеющих в нем знаков» (Войшвилло, 1989: 10). Он в своей работе, я вслед за ним в лекции, подчеркиваем необходимость различения прямого смысла слов и выражений и косвенного, которые присутствует в метафорических выражениях («черное золото», «крылья любви», другие метафоры). В лекции подчеркивается, что Е. К. Войшвилло в своем анализе понятия выявляет не только его структурные особенности, но фактически формирует некоторые особенности когнитивного подхода к исследованию проблем понятия.

Кроме того, в лекции по проблемам концептуального анализа проводится мысль о том, что существуют разные подходы к трактовке смысла. Так, в настоящее время выделено по крайней мере пять парадигм смысла: семиотико-логическая, семиотико-лингвистическая, семиотико-феноменологическая, логико-коммуникативная и коммуникативно-герменевтическая (Демина, 2006: 60). Очевидно, что если студенты заинтересуются особенностями различных подходов к анализу проблем смысла, то они смогут с ними ознакомиться в конкретных исследованиях современных авторов. Еще один аспект работы с понятием, востребованный, в том числе, в последующих магистерских диссертациях, связан с идеями онтологии. В лекции подчеркивается, что различные

объекты, которые выступают в качестве предмета рассуждения и в качестве предмета познания, формируют онтологию соответствующей теоретической области знания.

В лекции представление особенностей концептуального анализа текста проводится и в контексте выявления особенностей названия текстов, обсуждаемых в группе. Эта часть лекционного материала, с одной стороны, опирается на исследования С. И. Поварнина и С. Д. Кржижановского, с другой — предлагает собственную позицию автора лекции. Показывается, что если Поварнин (Поварнин, 1924) формулирует прагматические основания необходимости обращения к заглавию текста, то Кржижановский (Кржижановский, 1931) выстраивает специальную теорию, показывающую необходимость такого обращения. Студентам предлагается анализ понятия «поэтика заглавий» С. Д. Кржижановского и понятия «риторика названий» автора лекции. В связи с этим в лекции анализируются классические понятия «риторика» и «поэтика». На примере анализа этих понятий показываются особенности работы с многозначными понятиями (Сорина, 2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из проблем современного образования, на мой взгляд, связана с выявлением некоторых общезначимых, фундаментальных оснований выстраивания всей системы профессионального образования независимо от конкретных условий стремительно изменяющегося мира. В каждой профессиональной сфере деятельности необходимо хорошо владеть языком своей профессии, в частности, быть способным проводить концептуальный анализ, конструировать вопросы, проводить экспертный анализ проблем профессиональной сферы деятельности. Любая профессиональная сфера деятельности предполагает анализ различных текстов (например, правовых, финансовых, экономических, политических документов, различных проектов, программ, договоров, других документов в конкретных сферах деятельности). В рамках МЭАТ проводится мысль о том, что вне зависимости от содержания текста его профессиональной направленности работа с любым текстом опирается на одни и те же *логические технологии*, в первую очередь, связанные с работой с понятием.

Не менее важным является и тот факт, что профессионалы должны уметь работать в команде. Такие качественные характеристики профессионалов, полагаю, должны начинаться формироваться именно в системе высшего образования. В роли одного из инструментов формирования

этих качеств может выступить, на мой взгляд, МЭАТ как командно-организованная система работы. Несмотря на то, что методология экспертной работы уже имеет свою историю, она по-прежнему оказывается методологией, которая задает новую образовательную технологию, базирующуюся на классических логических основаниях работы с текстом. МЭАТ помогает студентам понять, что и в практической, и в теоретической деятельности человек реализует себя как интеллектуально-разумное существо: оперирует понятиями, суждениями, делает выводы, формулирует вопросы и получает ответы. Отточенные образцы этой деятельности изучаются в процессе получения профессионального образования. Методология же только задает базовую платформу такого понимания.

В рамках МЭАТ последовательно выстраивается система аналитического чтения. В связи с этим прослеживаются не только особенности понимания текста через его концептуальный анализ, но и отдельное место занимают проблемы структурирования текста через систему вопросов, обращенных к тексту на объектном и метауровнях, в рамках коммуникативного обмена мнениями по поводу анализируемого текста в ходе использования конкретных вопросно-ответных процедур (ВОП). Вопрос рассматривается в качестве еще одного логического инструмента анализа текста¹. Именно система ВОП позволяет выстроить непосредственный диалог с текстом, исходя из целевых установок самого исследователя и с учетом реконструируемых целевых установок автора анализируемого текста. Основные идеи аналитического чтения, разработанные автором данной статьи, опубликованы в ряде статей (см., в частности, Сорина, 2015; Сорина и Гуров, 2022). Студентам предоставляется соответствующий библиографический список по проблемам аналитического чтения.

ЛИТЕРАТУРА

- Войшвилло Е. К.* Понятие как форма мышления : логико-гносеологический анализ. — М. : Издательство Московского университета, 1989.
- Демина Л. А.* Парадигмы смысла : логико-гносеологический анализ : дис. ... д-ра фил. наук : 09.00.01 / Демина Л. А. — М. : МГОУ, 2006.
- Кржижановский С. Д.* Поэтика заглавий. — М. : Никитинские субботники, 1931.

¹Представление ВОП в качестве еще одного логико-методологического основания преподавания гуманитарных дисциплин предполагаю представить в другой статье.

- Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В.* Комплексная гуманитарная экспертиза. — М. : Смысл, 2008.
- Маркин В. И.* Учение Е. К. Войшвилло о понятии : значение и перспективы // Логические исследования. — 2014. — № 20. — С. 60–77.
- Поварнин С. И.* Как читать книги для самообразования. — Л. : Начатки знаний, 1924.
- Сорина Г. В.* Аналитическое чтение в пространственном и временном контекстах / Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — URL: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/index.php> (дата обр. 1 дек. 2023).
- Сорина Г. В.* Методология экспертного анализа текста (МЭАТ) в образовательном процессе / Литрес. — 2017. — URL: <https://www.litres.ru/g-v-sorina/metodologiya-ekspertnogo-analiza-teksta-meat-v-obrazovatelnom-processe/> (дата обр. 2 дек. 2023).
- Сорина Г. В.* Риторика названия и «Логические исследования» Э. Гуссерля // Международная конференция «Университет. Образование. Общество» (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета). — СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет — Институт философии, 2023. — С. 168–171.
- Сорина Г. В., Гуров Ф. Н.* Мета вселенная и проблемы современного образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. — 2022. — № 3. — С. 9–23.
- Ушинский К. Д.* Собрание сочинений. В 11 т. Т. 8. — М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1950.
- Hoddeson L., Kolb A. W., Westfall C.* Fermilab : Physics, the Frontier, and Megascience. — Chicago : University of Chicago Press, 2008.
- Pronskikh V., Sorina G.* Expert Text Analysis in the Inclusion of History and Philosophy of Science in Higher Education // Science & Education. — 2022. — No. 31. — P. 96–975.
- West M. A.* Reflexivity and Work Group Effectiveness : A Conceptual Integration // Handbook of Work Group Psychology / ed. by M. A. West. — Chichester : Wiley, 1996. — P. 55–579.

Sorina, G. V. 2024. "Logiko-metodologicheskiye osnovaniya prepodavaniya gumanitarnykh disiplin [Logical and Methodological Foundations of Teaching Humanities in the System of Higher Education]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 54–66.

GALINA SORINA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

PROFESSOR

DEPUTY DEAN FOR SCIENTIFIC WORK OF THE FACULTY OF PEDAGOGICAL EDUCATION

MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-7764-9834

LOGICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF TEACHING HUMANITIES IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

Submitted: Dec. 18, 2023. Reviewed: Dec. 30, 2023. Accepted: Jan. 11, 2024.

Abstract: In the paper, logical and methodological foundations of teaching and learning Humanities in the system of higher education in contemporary Russia are discussed through the personal example of the author teaching such courses as "Philosophy", "History of Philosophy", "History and Philosophy of Science", "The Basics of Decision Making", "Analytics of the Professional Texts", "Communication Management", "Psychologism and Anti-psychologism as Logical and Cultural Dominants of the Epoch", etc. The significance of the Methodology of the Expert Text Analysis (META) for the problems of education is shown in the article. It is pointed out that practical work within certain disciplines provides an opportunity not only to identify logical and methodological foundations of the relevant disciplines but also to develop students' critical thinking, their reflexive capability, comprehension of the specifics of scientific and practical activities, and show the existence of theoretical framework of any practical approach to the scientific research. The term is explored in the paper as a logical text analytics tool, the development of the theory behind the term is traced from the ancient times until today, and particularities of the modern interpretations of the term are reviewed. It is shown that students' work on the META platform helps them to enhance their listening skills, assess expressed points of view at a professional level, fulfill the role of an expert and formulate their own conclusions independently, or when working in a team. The article discusses the different stages of text analysis and the specifics of developing a strategy for organizing a group collaboration.

Keywords: Term, Methodology of the Expert Analysis of the Text, Education, Subject, Expert, Gamification, Regulations.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-54-66.

REFERENCES

- Demina, L. A. 2006. "Paradigmy smysla [Meaning Paradigms]: logiko-gnoseologicheskiy analiz [Logical-gnoseological Analysis]" [in Russian]. Doctoral diss., MGOU.
- Hoddeson, L., A. W. Kolb, and C. Westfall. 2008. *Fermilab: Physics, the Frontier, and Megascience*. Chicago: University of Chicago Press.
- Krzhizhanovskiy, S. D. 1931. *Poetika zaglaviy [Poetics of Titles]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nikitinskiye subbotniki.

- Leont'yev, D. A., and G. V. Ivanchenko. 2008. *Kompleksnaya gumanitarnaya ekspertiza [Comprehensive Humanitarian Expertise]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Smysl.
- Markin, V. I. 2014. "Ucheniye Ye. K. Voyshvillo o ponyatii [Voyshvillo on the Concept]: znachenije i perspektivy [Meaning and Prospects]" [in Russian]. *Logicheskiye issledovaniya [Logical Investigations]*, no. 20, 60–77.
- Povarnin, S. I. 1924. *Kak chitat' knigi dlya samoobrazovaniya [How to Read Books for Self-education]* [in Russian]. Leningrad: Nachatki znaniy.
- Pronskikh, V., and G. Sorina. 2022. "Expert Text Analysis in the Inclusion of History and Philosophy of Science in Higher Education." *Science & Education*, no. 31, 96–975.
- Sorina, G. V. 2015. "Analiticheskoye chteniye v prostranstvennom i vremennom kontekstakh [Analytical Reading in Spatial and Temporal Contexts]" [in Russian]. *Elektronnoye nauchnoye izdaniye Al'manakh Prostranstvo i Vremya*. Accessed Dec. 1, 2023.
- . 2017. "Metodologiya ekspertnogo analiza teksta (M-EAT) v obrazovatel'nom processe [Methodology of Expert Text Analysis (META) in the Educational Process]" [in Russian]. Litres. Accessed Dec. 2, 2023. <https://www.litres.ru/g-v-sorina/metodologiya-ekspertnogo-analiza-teksta-meat-v-obrazovatelnom-processe/>.
- . 2023. "Ritorika nazvaniya i 'Logicheskiye issledovaniya' E. Gusserliya [Rhetoric of the Title and 'Logical Investigations' by E. Husserl]" [in Russian]. In *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Universitet. Obrazovaniye. Obshchestvo" (k 300-letiyu Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta) [International Conference "University. Education. Society" (To the 300th Anniversary of St. Petersburg State University)]*, 168–171. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet — Institut filosofii [St. Petersburg State University — Institute of Philosophy].
- Sorina, G. V., and F. N. Gurov. 2022. "Metavseleennaya i problemy sovremennogo obrazovaniya [Metaverse and Problems of Modern Education]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye [Bulletin of Moscow University. Series 20. Teacher Education]*, no. 3, 9–23.
- Ushinskiy, K. D. 1950. [in Russian]. Vol. 8 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 11 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Voyshvillo, Ye. K. 1989. *Ponyatiye kak forma myshleniya [Concept as a Form of Thinking]: logiko-gnoseologicheskii analiz [Logical-epistemological Analysis]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Press].
- West, M. A. 1996. "Reflexivity and Work Group Effectiveness: A Conceptual Integration." In *Handbook of Work Group Psychology*, ed. by M. A. West, 55–579. Chichester: Wiley.

ЕЛЕНА ЛИСАНИУК*

ДЕМОНСТРАТИВНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ЛОГИКЕ УСТРАНЕНИЯ ОДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОЛЛИЗИИ**

НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА «ЖЕНЩИНЫ И СУД ПРИСЯЖНЫХ»

Получено: 18.12.2023. Рецензировано: 30.12.2023. Принято: 11.01.2024.

Аннотация: Мы выделяем три главных свойства критического мышления — тщательность, проактивность и эвристическая пригодность, связанных с решением задач предпосылки, в отличие от демонстративной аргументации в решении логических задач. На примере устранения юридической коллизии в деле «Женщины и суд присяжных», возникшей из-за аксиологического пробела в праве, мы показываем, что несмотря на то, что способности критического мышления, вытекающие из трех его свойств, вносят вклад в обнаружение и устранение коллизии, этих способностей, взятых самих по себе, без знаний строгих методов и методик их применения, оказывается недостаточно для решения задачи устранения причин ее возникновения — пробелов или противоречий в праве. Для реконструкции дела мы используем методологию нормативных систем, основанную на деонтической логике и теории множеств, которая была предложена Карлосом Альчурроном и Евгением Булыгиным в трактате «Нормативные системы». С ее помощью мы анализируем решение Конституционного Суда РФ в деле «Женщины и суд присяжных», поддержавшего жалобу обвиняемой в убийстве на отказ в рассмотрении ее дела судом присяжных. Обжалованный ею вердикт об отказе соответствовал нормам о составе суда и подсудности дел, требующим учитывать пол и возраст обвиняемых, и не соответствовал нормам Конституции РФ о равенстве в правах доступа к правосудию независимо от пола и возраста. Логическая реконструкция позволяет путем проверки корректности и обоснованности рассуждений оценить эффективность и адекватность дискреционного решения по устранению аксиологического пробела и демонстрирует важность изучения логики правоведами и юристами.

Ключевые слова: аргументация, нормативные системы, критическое мышление, деонтическая логика, пробел в праве.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-67-80.

*Лисанюк Елена Николаевна, д. филос. н., ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва); профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e.lisanuk@spbu.ru, ORCID: 0000-0003-0135-4583.

**© Лисанюк, Е. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование поддержаны РНФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора», реализуемый в СПбГУ.

ВВЕДЕНИЕ

Широкомасштабное обучение критическому мышлению в программах подготовки в бакалавриате и магистратуре продиктовано принятием его в качестве одной из универсальных компетенций (УК-1) — способности обучающихся осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации. На примере устранения одной коллизии в праве мы показываем, что способности критического мышления, определяемые его ключевыми свойствами, вносят эвристический вклад в ее обнаружение и устранение. Вместе с тем, без знаний строгих методов и методик их применения, к которым относится используемая нами здесь демонстративная аргументация, самих по себе этих способностей оказывается недостаточно для того, чтобы обеспечить и обосновать выбор подходов к устранению причин ее возникновения — пробелов и противоречий в праве, а также оценить эффективность их использования для решения поставленной задачи.

Дейвид Хитчкок выделяет три свойства критического мышления, благодаря которым овладевшие ими воздерживаются от поспешных выводов и необоснованных суждений на религиозной или идеологической почве и следуют проверенным алгоритмам поиска ответов на вопросы — это тщательность, проактивность, или целенаправленность, а также пригодность для решения повседневных задач, включая нравственные и политические (Hitchcock, 2022). В отличие от двух групп строгих инструментов моделирования того, как люди должны решать задачи — формальных логических и вычислительных математических, эти свойства больше характерны для третьей группы инструментов — эвристик, моделирующих, как люди справляются с задачами предпочтения. Особенность последних заключается в отсутствии точных критериев корректности или стандартных правил решения, когда их выбор есть часть самой задачи, включающей также сбережение временных или интеллектуальных ресурсов (Gigerenzer & Gaissmaier, 2011). Ограниченность двух ключевых ресурсов — вычислительных способностей интеллекта и внимания к информации, достаточного для обеспечения ее полноты, вынуждает «разумных людей» принимать решения в условиях неопределенности, поэтому они полагаются на эвристики и личный опыт их использования — здравый смысл, а не на строгие правила и точные данные, и «приходят к „разумным“ выводам в обстоятельствах, когда нет возможности применить классические модели рационального выбора» (Саймон, Козлова и Бланко, 1993: 36).

Рассматриваемая нами коллизия возникла из-за аксиологического пробела в праве — конфликта релевантности норм, или конфликта ценностей, когда имеющихся норм достаточно для вынесения обоснованного решения, однако оно оказывается неудовлетворительным из-за того, что не берет в расчет другие нормы или идет вразрез с ними (Альчуррон и Булыгин, Антонов и Лисанюк, 2013: 136–137). В деле «Женщины и суд присяжных» отказ в рассмотрении дела обвиняемой в убийстве судом присяжных соответствовал нормам о составе суда и подсудности дел, требующих учитывать пол и возраст обвиняемых и не соответствовал нормам Конституции РФ о равенстве в правах доступа к правосудию независимо от пола и возраста. Выявить и устранить аксиологический пробел в праве как причину юридической коллизии позволяет предлагаемый нами логический анализ этого дела, и это служит аргументом в пользу важности изучения логики правоведами и юристами.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ

Тщательность, проактивность и пригодность для решения задач предпочтения — эти три свойства критического мышления обобщают три современных подхода к нему. Условно их можно назвать педагогическим, философским и когнитивным. Каждый из них по-своему толкует суть задачи предпочтения. Первый сводит критическое мышление к воспитанию ума через усвоение мета-познавательных навыков и ее решение видит в рутинизации их применения в целях получения новых знаний при помощи уже имеющихся (Халперн, Мальгина и др., 2000). Этот подход наиболее распространен в США и наследует идеям рефлексивного мышления Джона Дьюи, педагогические разработки которого легли в основу обучения детей проактивным навыкам полагаться на «методы исследования и рассуждения, соответствующие разнообразным возникающим проблемам», для того чтобы «отличать проверенные взгляды от простых утверждений, предложений и мнений» (Дьюи, Никольская, 2021: 28–29), а также прагматического мышления Уильяма Джеймса, отделявшего созерцательный режим его работы, ведомый событиями и явлениями окружающего мира, от пронизательного, способного сообщать полученным на их основе выводам очевидность, которую невозможно извлечь из конкретного факта (Джеймс, Петровская, 1991). В контексте аксиологического пробела ограничение педагогического подхода вытекает из рутинизации применения мета-познавательных навыков, подталкивающей скорее согласиться с судебным вердиктом,

вынесенным на основе действующих релевантных норм компетентным судом, нежели сомневаться в нем, отыскивая симптомы коллизии.

Философский подход зиждется на традициях критической философии и картезианском сомнении, в соответствии с которыми эвристика обращения с данными состоит в том, чтобы, во избежание ошибок, подвергать разумному сомнению их содержание, источник или способ получения и затем целенаправленно подбирать критерии и методы проверки. Решить задачу предпочтения в духе этого подхода — значит не только подобрать адекватные логические или вычислительные методы для установления истинности или неистинности какого-либо предположения, но и обосновать это наилучшим образом в психологическом или коммуникативном смысле (Поппер, Лахути, 2002). Среди эвристик главными этот подход считает навыки включать, где нужно, режим сомнения, а также проверять обоснованность суждений, потому что они позволяют преодолевать ограничения интеллектуальных способностей путем обдумывания, формулирования правильных вопросов, оценки доказательств (Чатфилд, Колпакова, 2022: 16). Хорошим примером того, каким образом философский подход решает подобные задачи, служит дискуссия вокруг проблемы Гетиера. Об ограничениях этого подхода сигнализируют трилемма Мюнхгаузена и контрпродуктивность тотального скептицизма, в духе которого любой вердикт рискует оказаться не заслуживающим доверия.

Одним из идейных истоков когнитивного подхода в критическом мышлении выступает изучение ошибок познания и рассуждений, начиная с софистических опровержений Аристотеля и призраков познания Френсиса Бэкона. Этот подход фокусируется на преодолении иллюзий сознания и когнитивных искажений, возникающих не только из-за незнания по причине ограниченности интеллектуальных ресурсов или нехватки информации, но и вследствие знания и привычки ума полагаться на знакомые приемы решения задач, обычно дающие неплохие, хотя и не наилучшие результаты, и

сводящие сложную задачу оценки вероятности суждения и прогноза значений к более простым операциям суждений. Часто эти эвристические методы приносят пользу, но иногда ведут к грубым и систематическим ошибкам (Канеман и Тверски, Андреев и др., 2020: 548),

устранимым лишь при помощи весьма ресурсоемких, но дающих достоверные решения строгих умозаключений или вычислений. Ограничением когнитивного подхода является его стремление трактовать

вердикты, ссылающиеся на нравственные или политические принципы, как дискреционные и несвободные от систематической предвзятости наподобие когнитивных искажений.

СЛУЧАЙ «ЖЕНЩИНЫ И СУД ПРИСЯЖНЫХ»

15.02.2018 местный суд в Челябинской области признал 24-летнюю Алёну Чеченёву (Лымарь), виновной в убийстве своей малолетней дочери по части второй статьи 105 Уголовного Кодекса РФ в особо тяжком преступлении, наказуемом вплоть до пожизненного лишения свободы, и осудил ее на 10 лет. Дело было рассмотрено судом присяжных, который вынес подсудимой обвинительный вердикт и признал ее не заслуживающей снисхождения. Это был второй обвинительный приговор суда в отношении А. Чеченёвой (Лымарь) за убийство дочери. В промежутке между двумя решениями она вышла замуж и сменила фамилию на Чеченёва.

23.02.2015 в селе Бреды Челябинской области 4-месячная девочка была найдена мертвой от травм, вызванных ударами тупым предметом по голове. В суде А. Чеченёва заявила, что дочь выпала из кровати и ударилась головой и утверждала, что положила ее обратно, а потом обнаружила, что девочка не дышит.

В первый раз А. Лымарь была приговорена за это же убийство к 8 годам лишения свободы по той же статье в ноябре 2015 года Брединским районным судом, отказавшим ей в рассмотрении дела с участием присяжных, согласно части второй статьи 30 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, которая гласит, что судом присяжных могут быть рассмотрены только дела обвиняемых в особо тяжких преступлениях, наказуемых пожизненным лишением свободы, если подсудимые ходатайствуют о таком рассмотрении. Согласно части второй статьи 57 УК РФ наказание в виде пожизненного лишения свободы не назначается женщинам, а также лицам моложе 18 и старше 65 лет, поэтому к нему не могли приговорить обвиняемую в убийстве А. Лымарь, на основании чего ее ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей было отклонено. А. Лымарь обратилась с жалобой в Конституционный Суд РФ (далее КС) на неконституционность положений части второй статьи 30 и части третьей статьи 31 УПК РФ, которая была удовлетворена 25 февраля 2016 года.

КС признал содержание пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ не соответствующим статьям 17, 19, 47, 55 и 123 Конституции России,

устанавливающим равные права мужчин и женщин на доступ к правосудию, включая судопроизводство с участием присяжных заседателей. КС рекомендовал законодателю внести в УПК РФ

изменения, обеспечивающие женщинам реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, как это право определено Конституцией Российской Федерации, на основе принципов юридического равенства и равноправия и без какой бы то ни было дискриминации,

а правоприменительные решения по делу А. Лымарь пересмотреть с учетом данного Постановления (Постановление № 6-П от 25.02.2016)¹.

14.03.2016 областной суд отменил приговор, освободил А. Лымарь из-под стражи и отправил дело на пересмотр, а 15 февраля 2018 года присяжные приговорили ее к лишению свободы, на этот раз — к 10 годам.

МЕТОДИКА НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ

Методика нормативных систем основана на идеях трактата «Нормативные системы» (Альчуррон и Булыгин, Антонов и Лисанюк, 2013). Она позволяет при помощи анализа юридических решений средствами деонтической логики дать ответ на вопрос, является ли локальная нормативная система, реконструирующая ту или иную юридическую проблему, непротиворечивой, содержатся или нет в ней пробелы или избыточные нормы, и что нужно делать юристу или законодателю, если подобные дефекты обнаружались. На основе одного из вригтовских исчислений деонтической логики и теоретико-множественной реконструкции совокупности норм действующего права авторы «Нормативных систем» предлагают создать семантическую модель для уточнения особенностей родовых случаев, сформулированных гипотезами норм, с которыми законодатель связал определенные решения в их в диспозициях. Такая модель позволяет рассматривать нормы — «языковые высказывания, которые соотносят случаи с решениями» (там же: 59) в качестве специфических правил для решения частных случаев посредством конструирования локальных нормативных систем — нормативных множеств высказываний, устанавливающих логические связи между

¹Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 6-П от 25.02.2016 по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь: <http://doc.kstrf.ru/decision/KSRFDecision224417.pdf> (дата обр. 30.03.2023).

случаями и решениями. Образовать подобную нормативную систему может одна или несколько норм, релевантных случаю, представляющему собой описание свойств фактических ситуаций, к которым применимы эти нормы, влекущие определенные решения путем установления деонтического статуса действия.

Отсутствие пробелов в праве зиждется на логическом свойстве полноты нормативной системы, зависящем от того, содержит ли она решение — действие — R , деонтически определенное как обязательное — OR , дозволенное — PR , запрещенное — PhR или факультативное, т. е. нормативно безразличное, — FR , для каждого такого возможного случая. Два других важных свойства нормативной системы, непротиворечивость и неизбыточность, тоже являются логическими и подразумевают, соответственно, отсутствие противоположных решений для одного и того же случая и наличие не более одного решения для каждого случая.

АНАЛИЗ ДЕЛА ПРИ ПОМОЩИ МЕТОДИКИ НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ

Универсум свойств — список свойств случаев, регулируемых данной нормой или совокупностью норм, упоминаемых в деле «Женщины и суд присяжных» части второй статьи 57 УК РФ, состоит из трех свойств:

- ◇ быть женщиной — $Ж$;
- ◇ быть лицом совершившим преступление в возрасте до 18 лет — $L < 18$;
- ◇ быть лицом, достигшим 65 лет на момент вынесения приговора — $L > 65$.

Универсум предусматриваемых ею действий состоит из одного единственного действия:

- ◇ назначить наказание в виде пожизненного лишения свободы — N .

В решениях оно может быть представлено его совершением — N или воздержанием от совершения — $\neg N$. Универсум решений образован следующими решениями, деонтически квалифицирующими N , которые, если нужно, могут быть переформулированы и как деонтические квалификации $\neg N$:

- ◇ запрещено назначать — PhN , или обязательно не назначать — $O\neg N$;
- ◇ дозволено назначить — PN .

На рис. 1 представлена логическая матрица нормативной системы, образованной частью второй статьи 57 УК РФ. Знак «+» выражает наличие свойства, а знак «-» указывает на его отсутствие в данном случае.

Логическая матрица 1 нормативной системы для части второй статьи 57 УК РФ показывает, что она полна, избыточна, и непротиворечива.

случаи	свойства			решения
	$L < 18$	$L > 65$	$Ж$	
1	+	+	+	PhN
2	+	+	-	PhN
3	+	-	+	PhN
4	+	-	-	PhN
5	-	+	+	PhN
6	-	+	-	PhN
7	-	-	+	PhN
8	-	-	-	PN

Рис. 1. Логическая матрица 1 случаев и решений для нормативной системы для части второй статьи 57 УК РФ.

Случай 8 характеризуется отсутствием всех трех свойств, когда среди обвиняемых в преступлении нет ни женщин, ни лиц моложе 18 лет на момент его совершения, ни лиц старше 65 лет на момент вынесения приговора:

$$\neg Ж \wedge \neg L < 18 \wedge \neg L > 65.$$

Случай 7:

$$Ж \wedge \neg L < 18 \wedge \neg L > 65$$

— это и есть случай А. Лымарь. Этот же случай 7 рассмотрен в Постановлении КС РФ № 13-П от 11.05.2017 по запросу Ленинградского областного суда о ходатайстве обвиняемой в других особо тяжких преступлениях о рассмотрении ее дела судом присяжных: по части пятой статьи 228.1 (покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере) и по подпункту б части четвертой статьи 229.1 (контрабанда наркотических средств в особо крупном размере) УК РФ². КС РФ рекомендовал удовлетворить ходатайство.

Случай 6 — это ситуация, когда обвиняемому лицу более 65 лет на момент вынесения приговора. Он рассмотрен в Постановлении КС РФ № 7-П от 16.03.2017 г., удовлетворившем жалобу обвиняемого в убийстве

²Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 13-П от 11.05.2017 по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision271547.pdf> (дата обр. 30.03.2023).

на отклонение ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных, аналогичную жалобе А. Лымарь³.

Случай 4 рассмотрен в Постановлении КС РФ № 16-П от 20.05.2014, отклонившем жалобу на отклонение ходатайства о рассмотрении судом присяжных дела несовершеннолетнего, обвиненного в особо тяжких преступлениях⁴. В отличие от Случаев 7 и 6, где речь шла о рассмотрении дел обвиняемых женщины и мужчины старше 65 лет, соответственно, в отношении ходатайства несовершеннолетнего КС признал соответствующим Конституции пунктом 1 части третьей статьи 31 УПК РФ и обосновал это обеспечением возможности обвиняемых

предвидеть и взвесить правовые последствия своего выбора, который может оказаться весьма затруднительным, прежде всего для несовершеннолетних — в виду их возрастных, психоэмоциональных и интеллектуальных возможностей по восприятию и оценке информации.

Составим логическую матрицу для нормативной системы, образованной частью пятой статьи 15 УК РФ, частью второй статьи 30 и частью третьей статьи 31 УПК РФ. В универсум свойств, релевантных делу «Женщины и суд присяжных», входят следующие указанные в них свойства:

- ◇ *ПЗ* — лицо обвиняется в особо тяжком преступлении, за которое в качестве наказания может быть назначено пожизненное заключение;
- ◇ *X* — лицо ходатайствует о рассмотрении своего дела судом с участием присяжных;

Универсум действий в деле «Женщины и суд присяжных» образован следующим множеством действий:

- ◇ *C*₁ — дело подлежит рассмотрению судом в составе профессионального судьи;
- ◇ *C*₂ — дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных;

³Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 7-П от 16.03.2017 по делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Д. Лабусова: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision265152.pdf> (дата обр. 30.03.2023).

⁴Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 16-П от 20.05.2014 по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision161778.pdf> (дата обр. 30.03.2023).

Универсум решений состоит из следующих деонтических квалификаций этих действий, которые совместно невыполнимы в одном и том же суде $\neg(OC_1 \wedge OC_2)$:

- ◊ OC_1 — обязательно, что дело подлежит рассмотрению судом в составе профессионального судьи;
- ◊ OC_2 — обязательно, что дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных;

На рис. 2 представлена логическая матрица 2 случаев, образованная этими универсумами.

случаи	свойства			решения
	$ПЗ$	X		
1	+	+		$O\neg C_1 \wedge OC_2$
2	+	–		$OC_1 \wedge O\neg C_2$
3	–	+		$OC_1 \wedge O\neg C_2$
4	–	–		$OC_1 \wedge O\neg C_2$

Рис. 2. Логическая матрица 2 случаев и решений для нормативной системы части пятой статьи 15 УК РФ, части второй статьи 30 и части третьей статьи 31 УПК РФ.

Теперь добавим в нее интересующее нас здесь свойство *быть женщиной* — $Ж$ из части второй статьи 57 УК РФ, отвлекаясь для краткости от двух других указанных в ней свойств $L < 18$ и $L > 65$, и сформируем общую матрицу случаев для нормативной системы дела «Женщины и суд присяжных».

случаи	свойства			решения
	$ПЗ$	X	$Ж$	
1	+	+	+	$OC_1 \wedge O\neg C_2$
2	+	+	–	$O\neg C_1 \wedge OC_2$
3	+	–	+	$OC_1 \wedge O\neg C_2$
4	+	–	–	$OC_1 \wedge O\neg C_2$
5	–	+	+	$OC_1 \wedge O\neg C_2$
6	–	+	–	$OC_1 \wedge O\neg C_2$
7	–	–	+	$OC_1 \wedge O\neg C_2$
8	–	–	–	$OC_1 \wedge O\neg C_2$

Рис. 3. Логическая матрица 3 случаев и решений для нормативной системы части пятой статьи 15 и части второй статьи 57 УК РФ, части второй статьи 30 и части третьей статьи 31 УПК РФ.

Теперь нетрудно заметить аксиологический пробел. Случаю 1 из логической матрицы 2 соответствует два разных случая из логической матрицы 3 — Случай 1 и Случай 2, решения которых противоположны. В деле «Женщины и суд присяжных» это вопрос о релевантности свойства *быть женщиной*. Оно является релевантным, согласно части второй статьи 57 УК РФ, и, по умолчанию, — согласно части второй статьи 30 и части третьей статьи 31 УПК РФ, хотя и не упоминается напрямую в них, и не должно считаться релевантным при определении подсудности дела и состава суда, исходя статей 17, 19, 47, 55 и 123 Конституции РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тот факт, что КС РФ неоднократно возвращался к коллизии тех же норм в рассмотрении ряда жалоб по разным делам и принимал неодинаковые решения, исходя из релевантности одних свойств в одном случае и релевантности других свойств — в другом случае, указывает на две важные вещи. Во-первых, несмотря на то, что способности критического мышления вносят вклад в обнаружение и устранение коллизии норм путем юридически обоснованного судебного решения, их оказывается недостаточно для устранения причин возникновения коллизии вследствие вытекающих из его свойств ограничений, призывающих воспользоваться разнонаправленными подходами применительно к решению конкретной задачи предпочтения эвристическими методами. Проактивность пробуждает критический взгляд на судебные вердикты, открывая путь к выявлению коллизий, но рискует обратиться чрезмерным скептицизмом по поводу любых судебных решений. Напротив, тщательность, исходящая из мета-когнитивной оценки легитимных процедур вынесения судебных решений, рутинизирует доверие к ним, а пригодность для решения повседневных задач требует довольствоваться привычными приемами устранения коллизии во избежание роста ресурсоемкости. Во-вторых, для обнаружения и устранения причин возникновения коллизии необходима реконструкция нормативной системы в целях проверки ее логической полноты, непротиворечивости и избыточности посредством строгих логических инструментов, например, при помощи методик нормативных систем, основанной на деонтической логике и теории множеств. Помимо этого, на примере дела «Женщины и суд присяжных» мы показали, что даже в случае аксиологических пробелов, устранение которых часто осуществляется дискреционными

решениями с учетом разделяемых в обществе ценностей, демонстративная аргументация позволяет выявить причину возникновения пробела в праве и указать пути ее элиминации, что выступает хорошим доводом в пользу важности изучения логики.

ЛИТЕРАТУРА

- Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В.* Нормативные системы / пер. с англ. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. — СПб. : СПбГУ, 2013. — С. 44–210.
- Джеймс У.* Психология / пер. с англ., под ред. Л. А. Петровской. — М. : Педагогика, 1991.
- Дьюи Д.* Психология и педагогика мышления / пер. с англ. Н. М. Никольской. — М. : Юрайт, 2021.
- Канеман Д., Тверски А.* Суждения в условиях неопределенности : эвристические методы и ошибки // *Думай медленно... решай быстро* / Д. Канеман ; пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. — М. : АСТ, 2020. — С. 548–571.
- Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути. — М. : Эдиториал УРСС, 2002.
- Саймон Г. А.* Рациональность как процесс и продукт мышления / пер. с англ. К. Б. Козловой, М. А. Бланко // *Thesis*. — 1993. — № 3. — С. 16–38.
- Халперн Д.* Психология критического мышления / пер. с англ. Н. О. Мальгиной, С. Е. Рысевой, Л. Л. Царук. — СПб. : Питер, 2000.
- Чамфилд Т.* Критическое мышление. Анализируй, сомневайся, формируй свое мнение / пер. с англ. Н. Колшаковой. — М. : Альпина Паблишер, 2022.
- Gigerenzer G., Gaissmaier W.* Heuristic Decision Making // *Annual Review of Psychology*. — 2011. — Vol. 62. — P. 451–482.
- Hitchcock D.* Critical Thinking / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* ; ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. — 2022. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking/> (visited on Sept. 25, 2022).

Lisanyuk, E. N. 2024. "Demonstrativnyye argumenty v logike ustraneniya odnoy yuridicheskoy kollizii [Demonstrative Arguments in the Logic of Eliminating a Legal Collision]: na primere dela 'Zhenshchiny i sud prislyazhnykh' ['Women and the Jury' Case Study]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 67–80.

ELENA LISANYUK

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

LEADING RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA)

PROFESSOR

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY (ST. PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-0135-4583

DEMONSTRATIVE ARGUMENTS IN THE LOGIC OF ELIMINATING A LEGAL COLLISION

"WOMEN AND THE JURY" CASE STUDY

Submitted: Dec. 18, 2023. Reviewed: Dec. 30, 2023. Accepted: Jan. 11, 2024.

Abstract: Based on modern approaches to defining critical thinking, we identify three of its properties — thoroughness, proactivity and heuristic suitability, associated with solving preference tasks, in contrast to demonstrative argumentation in solving logical tasks. Through the example of eliminating a legal collision in the case of "Women and the Jury", caused by an axiological legal gap, we show that despite the fact that the abilities of critical thinking, resulting from its three properties, contribute to the detection and elimination of conflict, these abilities, taken by themselves, without knowledge of strict methods and techniques for their application, are insufficient for solving the task of eliminating collisions together with the legal gaps or inconsistency that have been causing them. We use the methodology of normative systems, based on deontic logic and set theory and proposed by Carlos Alchourron and Eugenio Bulygin in the treatise "Normative Systems". With its help, we analyze the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case "Women and the Jury", which supported the complaint filed by a female accused of murder against the refusal to consider her case by the jury. The refusal complied with the norms regarding the composition of the court and the jurisdiction of cases that require considering the gender and age of the accused and did not comply with the norms of the Constitution of the Russian Federation on equality of rights of access to justice regardless of gender and age. The logical reconstruction allows, through an investigation into the correctness and validity of reasoning, to assess the effectiveness and adequacy of the discretionary decision to eliminate an axiological gap and demonstrates the importance of studying logic by jurists and legal theorists.

Keywords: Argumentation, Normative Systems, Critical Thinking, Deontic Logic, Legal Gap.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-67-80.

REFERENCES

Chatfield, T. 2022. *Kriticheskoye myshleniye. Analiziruy, somnevaysya, formiruy svoye mneniye [Critical Thinking: Your Guide to Effective Argument, Successful Analysis and Independent Study]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Kolpakova. Moskva [Moscow]: Al'pina Pabliher [Alpina Publisher].

- Dewey, J. 2021. *Psikhologiya i pedagogika myshleniya [Pedagogy and Psychology of Thinking]* [in Russian]. Trans. from the English by N. M. Nikol'skaya. Moskva [Moscow]: Yurayt [Urait].
- Gigerenzer, G., and W. Gaissmaier. 2011. "Heuristic Decision Making." *Annual Review of Psychology* 62:451–482.
- Halpern, D. 2000. *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya [Thought and Knowledge: an Introduction to Critical Thinking]* [in Russian]. Trans. from the English by N. O. Mal'gina, S. Ye. Ryseva, and L. L. Tsaruk. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Piter.
- Hitchcock, D. 2022. "Critical Thinking." Ed. by E. N. Zalta and U. Nodelman. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Sept. 25, 2022. <https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking/>.
- James, W. 1991. *Psikhologiya [Psychology]* [in Russian]. Ed. by L. A. Petrovskoy. Trans. from the English by L. A. Petrovskaya. Moskva [Moscow]: Pedagogika.
- Kahneman, D. 2020. "Suzhdeniya v usloviyakh neopredelennosti [Judgements under the Conditions of Uncertainty]: evristicheskiye metody i oshibki [Heuristics and Fallacies]" [in Russian]. In *Dumay medlenno... reshay bystro [Thinking, Fast and Slow]*, trans. from the English by A. Andreyev, Yu. Deglina, and N. Parfenova, 548–571. Moskva [Moscow]: AST.
- Popper, C. 2002. *Ob'yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod [Objective Knowledge. An Evolutionary Approach]* [in Russian]. Trans. from the English by D. G. Lakhuti. Moskva [Moscow]: Editorial URSS.
- Simone, H. A. 1993. "Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as a Process and a Product of Reasoning]" [in Russian], trans. from the English by K. B. Kozlova and M. A. Blanko. *THESIS* (Moskva [Moscow]), no. 3, 16–38.

ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ*

МОЖНО ЛИ УТВЕРЖДАТЬ НАЛИЧИЕ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И ЛОГИКОЙ? **

Получено: 13.11.2023. Рецензировано: 09.01.2024. Принято: 11.01.2024.

Аннотация: В статье предпринимается попытка на историческом материале показать возможность корреляции состояния логико-математического знания и доминирующих в обществе политических установок. Утверждается, что такого рода зависимость особенно очевидна в случае исторического развития России и СССР. В статье обосновывается, что, начиная с античности, когда зачатки демократических традиций обсуждения важных вопросов жизни полисов, в период условно называемый Новым временем, когда в математике конкурировали синтетическая и аналитическая программы, первую половину XX столетия и до современности, что политические доктрины оказывали и оказывают более или менее выраженное влияние на состояние логико-математического знания и логическое образование. В то же время, внимание со стороны административных структур к логико-математическому знанию и особенно логическому образованию способно несколько снижать уровень идеологического воздействия на социум, повышая градус разлитой в нем рациональности. Высказывается гипотеза о наличии некоторого рода корреляции между отношением государства к логико-математическим дисциплинам и статусу логического образования в отечественной истории и возможности трансформации его доминирующих политических установок. Эта корреляция выражается в том, что расширение ареала логического образования является своего рода индикатором возможности транзита российского общества в направлении реформ, ослабляющих в нем функционал принципов консерватизма. Предлагается объяснение оснований этой зависимости с помощью новейших данных из области нейронауки, которые свидетельствуют о том, что аналитическое мышление, которое формируется в процессе логического образования, снижает градус «верований», играющих важную роль в любой идеологической доктрине и позволяет более объективно оценивать валидность заключений, которые производят политические акторы.

Ключевые слова: идеология, логика, математика, коррелятивная зависимость, нейронаука.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-81-95.

В глубинах человеческого бессознательного живет потребность в логической Вселенной... но реальная Вселенная всегда находится на один шаг дальше логики.

Г. Фрэнк («Принцесса Ирулан»)

*Бажанов Валентин Александрович, д. филос. н, заслуженный деятель науки РФ; профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск), vbazhanov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0336-9570.

** © Бажанов, В. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Очень редкий ученый творит в условиях «башни из слоновой кости». Почти всегда ученый погружен в определенную социально-политическую атмосферу, которая оказывает на него большее или меньшее влияние: большее, если она позволяет ему не просто свободно дышать, но и заниматься любимым делом, и меньшее, если он вынужден мириться с неблагоприятным социально-политическим климатом или даже пытается его изменить, чтобы чувствовать себя комфортно не только в качестве исследователя, но и гражданина. Примеров душного социально-политического климата, в который временами оказывается погруженным наука, довольно много: достаточно вспомнить феномен *идеологизированной науки* 1920–1940-х гг., имевший место в тоталитарных режимах (Бажанов, 2009: 266). Характерен ли этот феномен только для XX столетия или в несколько иных формах и ракурсах проявления он имел место в иные исторические эпохи, в других исторических ситуациях? Полагаю, что ответ на данный вопрос должен быть утвердительным: по крайней мере с периода, известного как Новое время, политические интересы и предпочтения во многом предопределяли жизнь и судьбу ученых. Постараюсь показать это на примерах из области логики и на характерном примере из математики, в имплицитной форме инкорпорирующей логические принципы.

МИРОВОЙ ОПЫТ. КРАТКИЙ ЭКСКУРС: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Вспомним весьма правдоподобное объяснение происхождения формальной логики в древней Греции. Именно мыслителям античности и такому гению как Аристотель приписывают заслугу формулировки начал логики как науки, хотя на Востоке — в древней Индии и Китае робкие ростки логического знания появились раньше, чем в Греции. Однако на Востоке они фактически зачахли, а в античности расцвели и были положены не только в фундамент рационального стиля мышления, но и во всю рационально организованную европейскую культуру. Причина — в прото-демократическом устройстве античного общества, в котором важные вопросы его жизни решались не «силовым» путем, а обсуждением на прото-парламентах полисов, которое мотивировало развитие средств убеждения, аргументации, позволяющих группам, отстаивавшим определенную точку зрения, привлекать на свою сторону других людей. Социально-политическое устройство восточных обществ, в которых стиль правления в современных терминах можно

назвать тиранией, в принципе не допускавшей даже малейшего сомнения в разумности решений правителя (а, стало быть, здесь имела место «сверх-проводимость» приказов и выраженных желаний «первого лица»). Если сомнения в разумности исключались, то и любая аргументация «против» подавлялась или даже не формулировалась. Логика — это в конечном счете ценнейший продукт социально-политического устройства общественной жизни. Зачастую прогресс науки также стимулировался или же тормозился такого рода устройством.

Начну с малоизвестной истории, которая связана не просто с противостоянием, а с едва ли не ожесточенной борьбой двух программ в математике, выражающих своего рода логику научного исследования, — «синтетической» и «аналитической». Первая продолжала традиции «чистой» геометрии, восходящие к античности, когда логика исследования для каждой конкретной задачи заставляла искать *конкретный* метод решения, как правило, связанный с геометрическим построением, *наглядно* (т. е. преимущественно с помощью чертежа, рисунка) демонстрирующим справедливость утверждения, которое следовало доказать. Синтетическая программа доказательств отличала, например, Неаполитанскую математическую школу (Mazzoti, 1998; 2023), во главе которой стоял Никола Фергола (1752–1824). Аналитическая программа выражала иное отношение к научному поиску. Она развивалась французскими математиками, и ее логическая составляющая выражалась в стремлении найти насколько возможно более *универсальное*, общее решение целого класса задач. В области геометрии эта программа предполагала использование достижений аналитической геометрии, сформулированной во многом благодаря гению Р. Декарта, в которой математический анализ с помощью введения системы координат, связывающей точки пространства с арифметическими величинами, позволяла решать целые классы традиционных задач, делая ненужными остроумные геометрические «ухищрения» сторонников синтетического метода. Конкретный наглядный рисунок заменялся абстрактным уравнением, вообще говоря, применимым к разным классам задач.

Сторонники синтетического метода обвиняли своих оппонентов в том, что те замешаны в «кошунственном заговоре» против неаполитанского короля и стремятся «удалить бога из Вселенной» (Mazzoti, 1998: 685). По существу, консервативная позиция Н. Фергола и других математиков Неаполя отвечала установкам Папы Римского Льва (Leo) XII. Фергола дружил и активно сотрудничал с иезуитом Дж. Вентура (1792–1861) (Dizionario Biografico..., 2020: 615–619), который в своих проповедях

и издаваемом в Неаполе журнале «Enciclopedia Ecclesiastica e Morale Cattolica» часто ссылался на достижения в науке своего коллеги. В речи на похоронах Ферголы Вентура заявил, что пример Ферголы — это служение и богу, и математике; что только преданный Христианству человек способен мыслить логически последовательно, познавать глубокие математические истины и проникать в недра реальности; что в руках таких атеистов как Лаплас или Д'Аламбер математика (и наука в целом) являются ужасным оружием, которым разрушается божественный мир и развращается общество. Если Фергола и его последователи видят за кругом и треугольником бога, то «бесчувственные и холодные алгебраисты» сводят благородную науку к механическим вычислениям и ничего не видят за своими формулами. Более того, Вентура был убежден, что

среди всех наук математика обладает максимальной разрушительной силой. Она первой используется против Христианства философами, которые подрывают фундамент общества и его устои (цит. по: Mazzoti, 1998: 674).

Идеология выраженного консерватизма, которую проповедовали Фергола и Вентура в начале XIX столетия и которую они воплотили в синтетическом методе, была реакцией на увлечение в Неаполе идеями Великой французской революции конца XVII века и идеями Якобинцев. Это увлечение, однако, было недолгим: уже в 1799 г. при непосредственном участии британских и российских войск контрреволюционные силы подавили ростки Якобинства в Неаполе. Фергола и Вентура оказались востребованными в качестве охранителей скреп ортодоксального Христианства, которое отстаивалось Ватиканом.

Между тем великие французские математики (например, Э. Галуа, Г. Монж, Ж. Фурье) принимали активное участие в движениях, порожденных Великой французской революцией, а Кондорсе, избранный в 1776 г. членом Петербургской Академии наук, по настоянию Екатерины II по причине своего участия в революции был исключен из состава Академии. В то же время О. Коши, утвердивший каноны строгости в математическом анализе, был преданным роялистом, и его отношение к коллегам (особенно в процессе их баллотировки в члены Французской Академии наук) во многом определялось его политическими взглядами.

И в последующем многие крупные логики открыто выражали свои идеологические предпочтения и принимали участие в политической жизни и событиях.

Д. Г. Лемер, У. Т. Перри, Д. Стройк, Л. Шварц и Ж. ван Хейенорт долгое время разделяли левые или даже коммунистические

убеждения (а Ж. ван Хейеноорт являлся личным секретарем и телохранителем Л. Трощкого, см. Бажанов, 2019). Г. Генцен, П. Лоренцен и Л. Биберах без видимого внешнего принуждения вступили в национал-социалистическую партию Германии. Многие члены Венского кружка, которые внесли заметный вклад в развитие логики (Р. Карнап, Ф. Франк, Г. Ган), придерживались левых убеждений, которые выражались и в их деятельности. У. Куайн ввиду своего крайнего консерватизма преднамеренно игнорировал результаты в модальной логике Р. Баркан-Маркус и Перри, которые не скрывали своих левых взглядов (см.: Бажанов, 2023). Стоит вспомнить последовательный пацифизм Б. Рассела и его политические декларации с осуждением тоталитаризма, американского вмешательства во вьетнамский конфликт и призывами к ядерному разоружению.

Наука и политика всегда были в большей или меньшей степени связаны. Такими же они остаются, по признанию ведущего мирового научного журнала «Nature», и в настоящее время (Science and Politics..., 2020).

ЛОГИКА И ПОЛИТИКА В РОССИИ/СССР:

ИМЕЕТСЯ ЛИ КОРРЕЛЯТИВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ?

Совершенно очевидно, что государственная политика может как способствовать развитию науки, так и существенно тормозить его (или даже на время рушить целые научные направления — достаточно вспомнить судьбу генетики или кибернетики в СССР). Впрочем, не только государственная политика может оказывать влияние на развитие науки. В определенной мере приверженность натуралистическим методам в социально-гуманитарном знании может оказывать влияние на темпы его развития. Так, Р. Д. Патнэм, один из крупнейших современных американских ученых в области сравнительной политологии, с натуралистических позиций рассматривает идею социального капитала, «производимого» государством, в качестве важнейшего фактора его развития. В том случае, если имеет место снижение и доверия к рациональности действий государственных институтов, и политической активности людей, и ощущения благополучия, происходит атомизация членов общества, культивирование пассивного поведения в телевизионных передачах, то темпы производства и качество социального капитала падают, многообразие политических акторов и программ сужается. Все это негативно отражается и на эффективности государственных институтов и экономики (Р. Патнэм рассуждает на примере прежде всего США), включая такой важный институт как наука. Однако натурализм

Патнэма в политологии и заключения, следующие из его концепции, вызывают серьезные возражения, которые, в частности, касаются наиболее важных причин замедления научного роста, хотя и не отрицают действия второстепенных по значимости — имеются в виду долгосрочные программы развития (Open, 2006: 72–97). Если исходить из посылки о возможной связи политических сдвигов и науки (что вряд ли можно оспорить), то какова динамика такого рода сдвигов в отечественной науке? Можно ли утверждать, что имеется своего рода корреляция между государственной политикой и не всей наукой, а лишь логикой в России?

Чуть более десятилетия назад, в 2013 г. у нас с В. И. Маркиным уже было достаточно оснований предположить, что ответ на этот вопрос должен быть положительным: когда в государственной политике доминируют консервативные тенденции и особенно когда они достигают «зенита», «ареал» внимания и интереса к логике и логическому образованию заметно сужается, а пробуждение интереса к логике и логическому образованию свидетельствуют, что не за горами изменение вектора государственной политики (Бажанов и Маркин, 2013). Эта корреляция — но не причинно-следственная, конечно, зависимость — наблюдается в истории российского государства уже почти двести лет.

Действительно, 22 июня 1850 г. было опубликовано Высочайшее повеление Императора Николая I об ограничении преподавания философии в университетах и Ришельевском Лицее логикой и психологией, причем преподавание логики доверялось не светским профессорам, а только профессорам богословия (любопытно, что в Дерпском университете это повеление затрагивало только студентов православного вероисповедания). Крымская война (1853–1856 гг.) укрепила консервативные тенденции. Однако в марте 1855 г. Николая I не стало, и на престол взошел Александр II, который в 1859 г. повелевал возобновить преподавание философии и разрешить *светским* профессорам читать логику. В 1861 г. отменяется крепостное право, и наступают два десятилетия государственной политики с либеральным оттенком. Консервативный сдвиг, связанный с правлением Александра III, фактически не коснулся логики. Довольно бурное экономическое развитие России при императоре Николае II сопровождалось расцветом естественнонаучного знания, а также логики. Достаточно вспомнить пионерские труды по математической логике П. С. Порецкого и «воображаемую» логику Н. А. Васильева.

Последствия октябрьского переворота для логики в университетах оказались разрушительными: формальная логика новой коммунистической властью расценивалась как средоточие метафизики. И поэтому ее преподавание было запрещено уже в начале 1920-х гг. Логика при новой власти могла развиваться только под покровом математики, как логика математическая. И здесь ее успехи неоспоримы. Труды В. И. Гливенко, И. И. Жегалкина, А. Н. Колмогорова, И. Е. Орлова, С. И. Шатуновского, М. И. Шейнфинкеля (не упоминая Д. Ф. Егорова, Н. Н. Лузина) входят в золотой фонд отечественной логики. Однако в 1940-х гг. и математическая логика оказалась в опале.

В 1946 г. М. А. Гаврилов представил к защите докторскую диссертацию, в которой (как бы в развитие идей В. И. Шестакова) он обосновывал перспективность применения методов математической логики для расчета и проектирования релейно-контактных схем для автоматических устройств разной природы. Однако Гаврилов был обвинен в «формализме» и даже в протаскивании идеализма, а потому назван идеологически вредным (Гаазе-Рапопорт, 1989: 57). Лишь вмешательство уважаемого большевика с солидным партийным стажем, давшего безусловно позитивную оценку работе Гаврилова, спасло ситуацию с защитой докторской. Этим большевиком была С. А. Яновская, к этому моменту уже почти полностью прозревшая относительно достоинств и возможностей математической логики, которую в 1930-х гг. она также в многочисленных статьях в различных изданиях (например, журналах «На борьбу за материалистическую диалектику в математике», «Под знаменем марксизма», «Фронт науки и техники» и т. д.) обвиняла в идеализме и в «формально-логическом мышлении», противостоящем диалектическому мышлению (подробнее см.: Бажанов, 2007: 302–324).

Вскоре после окончания второй мировой войны отношение коммунистической власти к логике стало меняться. В конце 1946 г., 4 декабря ЦК ВКП(б) принимает постановление «О преподавании логики и психологии в средней школе». В нем предписывалось начать подготовку логиков в ряде ведущих вузов и развернуть преподавание логики в средних учебных заведениях. Впрочем, (формальную) логику начали преподавать и в вузах. Несмотря на сильное сопротивление этой инициативе со стороны ортодоксальных приверженцев диалектики, убежденных в существовании и безусловном превосходстве так называемой «диалектической» логики (Cavaliere, 1990; Ficara, 2023), задать формальную логику как полноценную дисциплину в вузах не удалось. Более того,

она вошла в программы подготовки как юристов, так, скажем, и тех, кто учился на отделениях «научного коммунизма».

XX съезд КПСС, разоблачивший культ личности Сталина, последовал через несколько лет. Наступал период «оттепели», когда советская наука получила мощный импульс в развитии.

Звездный час логики в современной России наступил в эпоху перестройки и продолжался в 1990-х гг. Я, как преподаватель логики, был буквально нарасхват и в Казани (где жил до середины 1993 г.), и затем в Ульяновске.

Ситуация с логикой в России стала меняться с 2000 г., когда учебно-методическое объединение по юридическим наукам приняло решение исключить логику из числа обязательных предметов. В последующем логика выпадала из набора обязательных предметов не только у юристов, но и у психологов, социологов, из некоторых экономических специальностей и т. п. Студенты-математики знакомятся с основами логики преимущественно на курсе дискретной математики. Подготовка студентов-логиков на философских факультетах ныне сохранилась, насколько мне известно, только в Московском государственном университете (МГУ), причем в рамках общей программы по философии, а не специальной по логике. В СССР диссертационные советы, принимавшие диссертации по логике, имелись в Москве, Ленинграде, Ереване, Киеве, Новосибирске, Одессе, Тбилиси. В настоящее время осталось только два совета (Институт философии РАН и МГУ), а защиты по логике едва ли не «уникальны». Как утверждает в одном афоризме (С. Е. Лец): самый темный — предрассветный час. О неизбежности «волнообразного» движения, порождаемого действием «левополушарных» (конструктивных) и «правополушарных» (сосредоточенного бездействия), сообразно представлениям 1980-х гг., писал еще такой оригинальный логик как С. Ю. Маслов (Маслов, 1986: 114, 126).

Когда же ожидать трансформацию отношения к логике в нашей стране?

О КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ЛОГИКОЙ И ПОЛИТИКОЙ ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ НЕЙРОНАУКИ

Можно ли предложить какие-то рациональные объяснения существованию некоторой корреляционной зависимости экспансии логического образования и последующих сдвигов в государственной политике?

Полагаю, что «мягкие» (т. е. не безусловные) аргументы гипотетического свойства в пользу наличия такого рода корреляции можно

найти в современной нейронауке, прежде всего в таких ее разделах, как культурная и социальная нейронаука.

Логика — это, как известно, не только ядро рациональности, но и мощный инструмент критического мышления, не позволяющего воспринимать поступающую субъекту информацию без должной ее «обработки» с позиций оценки ее правдоподобности, соответствия действительности и некоторым общим закономерностям (если речь идет, скажем, о социуме, то особенностям его функционирования), отсутствия сомнения в правдивости фактов, относящихся к этой информации. Люди, склонные к аналитическому мышлению, более глубоко ощущают свое «Я». Короче говоря, логика — это эффективное противоядие против безоглядного следования порывам и мнениям «толпы».

Навыки и опыт критического мышления сопутствует росту научной грамотности вообще, но логика с ее выраженным акцентом на рациональные процедуры решает эту задачу в первую очередь. Критическое мышление «в большей степени объединяет людей, чем идеологии, которые людей разъединяют», — замечают представители когнитивной психологии (Pennycook et al., 2023: 85–89). При этом консервативно настроенные граждане в несколько меньшей степени, чем либерально настроенные, доверяют науке и менее склонны следовать научным рекомендациям и участвовать в научных экспериментах; критическая составляющая у них обычно менее выражена, и они в меньшей степени положительно реагируют на разные нововведения (Gabel et al., 2021); они менее успешны в определении истинности или ложности конкретных суждений (Garrett & Bond, 2021), но склонны проявлять большую солидарность с единомышленниками, опираться на коллективные действия и более оперативно реагировать на негативные для них тенденции (Hatemi et al., 2019: 790).

От идеологических воззрений людей заметно зависят оценки корректности построения даже простейших умозаключений типа *modus ponens* или *modus tollens*, а также категорических силлогизмов. «Либералы» в целом оценивают корректность умозаключений несколько точнее «консерваторов». Аналитическое мышление, которое формируется в процессе логического образования, снижает роль «верований», играющих важную роль в любой идеологии; оно позволяет более точно оценивать правильность (валидность) рассуждений и правомерность заключений, что, как показывает опыт, несколько лучше получается у «либералов», более толерантных к новому и более готовых к его позитивному

восприятию, хотя чем выше степень приверженности идеологическим доктринам, тем ниже показатели правильности оценок корректности заключений (Gampa et al., 2019; Keller et al., 2023). Поскольку прогрессивное развитие предполагает новые форматы жизни и мышления, «либералы» к ним адаптируются с меньшими усилиями и более активно выступают как проводники нового. Новейшие исследования в области нейронауки показывают, что

- (1) обучение и усвоение методов аналитического рассуждения способствуют (но не детерминируют!) процессу формирования либеральных политических установок (Yilmaz & Sarıbay, 2017: 789–790) и
- (2) индивидуумы, которые придерживаются либеральных взглядов, более склонны к аналитическому мышлению (Talhelm et al., 2015: 252–254).

Вероятно, с введением обязательных логических дисциплин для ряда специальностей в отечественных вузах (юридических прежде всего), со временем — предположительно спустя несколько лет — возникает хотя и довольно тонкий слой подкованных в логике людей, которые неявно задают некоторый (не обозначаемый явно) уровень культуры аналитического дискурса, при котором общество в целом оказывается более готовым и восприимчивым к транзиту к новому состоянию и реформам, отводящим государству менее выраженную роль. Кроме того, инкорпорацию логики в образование можно интерпретировать в качестве маркера грядущих изменений рациональной составляющей общества. Само решение о расширении логического образования свидетельствует о возможности поворота в политической «ментальности». Напрашивается аналогия из области физики: появление инородных примесей — отдельных атомов в кристаллических решетках однородных веществ — существенно меняет свойства этих веществ. На этом, например, основана технология легирования стали или металлов. Таков же механизм действия катализаторов, без добавления которых (в малых количествах) какие-то физические или химические процессы не протекают.

Генезис логически образованного меньшинства приводит к тому, что стандарты, принятые в этой группе, как бы «подавляют» ключевые положения консервативной доктрины и «растекаются» по обществу, поднимая планку его рациональности, усиливая познавательную функцию, связанную с осмыслением реальности в аналитическом ключе, и тем самым обесцвечивает идеологические штампы и ярлыки.

Общая же тенденция такова, что

- (1) любые идеологии негативно сказываются на восприятии логических умозаключений и идентификации их как «корректных» (имея в виду также формальные процедуры);
- (2) консервативно настроенные люди с несколько большей вероятностью обнаруживают огрехи в рассуждениях либерально настроенных, чем у тех, кто разделяет их идеологические установки, а у либерально настроенных людей «зеркальная» ситуация с выявлением несовершенств аргументации у идеологических оппонентов, хотя они придирчивы и к своим единомышленникам, когда те отклоняются от некоторых ключевых принципов (Asperas et al., 2023: 63–65);
- (3) «либералы» более открыты восприятию нового и более гибки при принятии решений, не столь остро переживают ситуации неопределенности, тогда как «консерваторы» более настойчивы в достижении поставленных целей, больше ценят свои сообщества, коллективизм у них оказывается более развитым, они более успешны в решении конкретных задач. В обоих случаях знание логики и навыки построения валидных логических умозаключений, вообще говоря, помогают поднять дискурсивные способности людей на более высокий уровень, придавая им новое качество критической рефлексии по сравнению с практикой обыденного общения и опыта, в контексте которых когнитивные компоненты ослаблены и заменены манипуляторными интенциями, относящимися к идеологически окрашенным схемам.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Логика (и разделы математики, близкие к ней «по духу») «дисциплинируют» мышление и позволяют идентифицировать и разделять приемлемые и неприемлемые ходы мысли и рассуждения. В этом процессе переплетаются субъективные и объективные компоненты. Первые во многом зависят от целей и текущих соображений властных структур, а вторые задаются особенностями человеческого мозга — врожденными, унаследованными в соответствии с законами эпигенетики (имея в виду в том числе пренатальный и постнатальный периоды), и приобретенными в сознательном личностном жизненном опыте и культурной атмосфере, в которую личность погружена в течение своего жизненного срока.

Изучение функционалов субъективных и объективных составляющих жизни социума и личности подводит нас к выводам, имеющим гипотетический характер и которые касаются взаимодействия и корреляционного типа взаимообусловленности политики и логического знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов В. А.* История логики в России и СССР. — М. : Канон+, 2007.
- Бажанов В. А.* Идеологизация науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. — М. : Канон+, 2009.
- Бажанов В. А.* Жан ван Хейеноорт как историк логики // Логические исследования. — 2019. — № 1. — С. 9–19.
- Бажанов В. А.* Об истоках политической философии науки и аналитической философии // Философия науки и техники. — 2023. — № 1. — С. 5–19.
- Бажанов В. А., Маркин В. И.* Логическое образование в России // Философские науки. — 2013. — № 3. — С. 98–109.
- Гаазе-Рапопорт М. Г.* О становлении кибернетики в СССР // Кибернетика : прошлое для будущего / под ред. Б. В. Бирюкова. — М. : Наука, 1989. — С. 46–85.
- Маслов С. Ю.* Теория дедуктивных систем и ее применения. — М. : Радио и связь, 1986.
- Asperas J., Erlandsson A., Nilsson A.* Motivated Formal Reasoning : Ideological Belief Bias in Syllogistic Reasoning Across Diverse Political Issues // Thinking and Reasoning. — 2023. — Vol. 29, no. 1. — P. 43–69.
- Calviere F.* La logica formale in Unione Sovietica. Gli anni dibattito? 1946–1965. — Firenze : La nuova Italia, 1990.
- Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 98 / a cura di R. Romanelli. — Roma : Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2020.
- Ficara E.* Dialectics between Logic and Politics // Hegel's Logic and Politics : Problems, Legacies, Perspectives / ed. by G. Schafer. — London : Lexington, 2023. — preprint.
- Gampa A., Woicik S. P., Motyl M.* (Ideo)Logical Reasoning Impairs Sound Reasoning // Social Psychological and Personality Science. — 2019. — Vol. 10, no. 8. — P. 1075–1083.
- Garrett R. K., Bond R. M.* “Conservatives” Susceptibility to Political Misconceptions // Science Advances. — 2021. — Vol. 7, no. 23.
- Hatemi P. K., Crabtree C., Smith K. B.* Ideology Justifies Morality : Political Beliefs Predict Moral Foundations // American Journal of Political Science. — 2019. — Vol. 63, no. 4. — P. 788–806.
- Keller L., Hazelaar F.* Political Ideology and Environmentalism Impair Logical Reasoning // Thinking and Reasoning. — 2023. — Vol. 29. — P. 79–108.
- Mazzoti M.* The Geometers of God. Mathematics and Reaction in the Kingdom of Naples // Isis. — 1998. — Vol. 89. — P. 674–701.

- Mazzoti M.* Reactionary Mathematics : A Genealogy of Purity. — Chicago : University of Chicago Press, 2023.
- Oren I.* Can Political Science Emulate the Natural Sciences? The Problem of Self-Disconfirming Analysis // Polity. — 2006. — Vol. 38, no. 1. — P. 72–100.
- Pennycook G., Bago B., McPhetres J.* Science Beliefs, Political Ideology, and Cognitive Sophistication // Journal of Experimental Psychology : General. — 2023. — Vol. 152, no. 1. — P. 80–97.
- Science and Politics are Inseparable // Nature. — 2020. — Vol. 586. — P. 169–170.
- Talhelm T., Haidt J., Oishi S.* Liberals Think More Analytically than Conservatives // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2015. — Vol. 41, no. 2. — P. 250–267.
- The Ideological Divide in Confidence in Science and Participation in Medical Research / M. Gabel, J. Goodblar, C.M. Roe, J. Morris // Scientific Reports. — 2021. — Vol. 11, no. 1.
- Yilmaz O., Saribay S. A.* Analytic Thought Training Promotes Liberalism on Contextualized (but not Stable) Political Opinions // Social Psychological and Personality Science. — 2017. — Vol. 8, no. 7. — P. 789–795.

Bazhanov, V. A. 2024. “Mozhno li utverzhdat’ nalichiye korrelyatsii mezhdou politikoy i logikoy? [Is it Possible to Find the Correlation Between Politics and Logic?]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 81–95.

VALENTIN BAZHANOV

HONOURED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

PROFESSOR

ULYANOVSK STATE UNIVERSITY (ULYANOVSK, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0336-9570

IS IT POSSIBLE TO FIND THE CORRELATION BETWEEN POLITICS AND LOGIC?

Submitted: Nov. 13, 2023. Reviewed: Jan. 09, 2024. Accepted: Jan. 11, 2024.

Abstract: The article has the goal to demonstrate on historical ground the possibility of correlation between logical and mathematical knowledge, and political ideas dominating in society. We posit that this kind of dependence is especially evident in the case of the historical development of Russia and the USSR. The article substantiates that, since antiquity, when the rudiments of democratic traditions of discussing important issues of life in polis-cities were laid, and during the period conditionally called the New Age, when synthetic and analytical programs competed in mathematics, one common trait may be observed. This trait has been contemplated since the first half of the twentieth century and up to the present: political doctrines have had and are having a more or less visible impact on the state of logico-mathematical knowledge as a whole and on logical education in particular. At the same time, the attention of administrative structures towards logico-mathematical knowledge and especially logical education can somewhat reduce the level of ideological influence on

society, increasing the degree of rationality spilled in it. The hypothesis is put forward that there is some kind of correlation between the attitude of the state to logical and mathematical disciplines and the status of logical education in Russian history, and the possibility of transforming its dominant political attitudes. This correlation is expressed in the fact that the expansion of the areal of logical education is a type of indicator of the possibility of Russian society's transit in the direction of reforms that could reduce the functional principles of conservatism within it. The explanation of this dependence is offered through the lenses of the latest data from the field of neuroscience. Modern neuroscience indicates that the analytical mode of reasoning, which is formed in the process of logical education, reduces the degree of "beliefs" that play an important role in any ideological doctrine, and allows a more objective assessment of the validity of conclusions that are produced by political actors.

Keywords: Ideology, Logic, Mathematics, Correlative Dependence, Neuroscience.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-81-95.

REFERENCES

- Asperas, J., A. Erlandsson, and A. Nilsson. 2023. "Motivated Formal Reasoning: Ideological Belief Bias in Syllogistic Reasoning Across Diverse Political Issues." *Thinking and Reasoning* 29 (1): 43–69.
- Bazhanov, V. A. 2007. *Istoriya logiki v Rossii i SSSR [History of Logic in Russia and the USSR]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kanon+.
- . 2009. "Ideologizatsiya nauki [Ideologization of Science]" [in Russian]. In *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]*, ed. by I. T. Kasavina. Moskva [Moscow]: Kanon+.
- . 2019. "Zhan van Heijenoort kak istorik logiki [Jean van Heijenoort as a Historian of Logic]" [in Russian]. *Logicheskiye issledovaniya [Logical Investigations]*, no. 1, 9–19.
- . 2023. "Ob istokakh politicheskoy filosofii nauki i analiticheskoy filosofii [On the Origins of Political Philosophy of Science and Analytical Philosophy]" [in Russian]. *Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Technology]*, no. 1, 5–19.
- Bazhanov, V. A., and V. I. Markin. 2013. "Logicheskoye obrazovaniye v Rossii [Logical Education in Russia]" [in Russian]. *Filosofskiy nauki [Philosophical Sciences]*, no. 3, 98–109.
- Cavaliere, F. 1990. *La logica formale in Unione Sovietica. Gli anni dibattito? 1946–1965* [in Italian]. Firenze: La nuova Italia.
- Ficara, E. 2023. "Dialectics between Logic and Politics." In *Hegel's Logic and Politics : Problems, Legacies, Perspectives*, ed. by G. Schafer. Preprint. London: Lexington.
- Gaaze-Rapoport, M. G. 1989. "O stanovlenii kibernetiki v SSSR [On the Making of Cybernetics in the USSR]" [in Russian]. In *Kibernetika [Cybernetics] : proshloye dlya budushchego [Past Working for the Future]*, ed. by B. V. Biryukova, 46–85. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Gabel, M., et al. 2021. "The Ideological Divide in Confidence in Science and Participation in Medical Research." *Scientific Reports* 11 (1).
- Gampa, A., S. P. Woicik, and M. Motyl. 2019. "(Ideo)Logical Reasoning Impairs Sound Reasoning." *Social Psychological and Personality Science* 10 (8): 1075–1083.
- Garrett, R. K., and R. M. Bond. 2021. "'Conservatives' Susceptibility to Political Misconceptions." *Science Advances* 7 (23).
- Hatemi, P. K., C. Crabtree, and K. B. Smith. 2019. "Ideology Justifies Morality: Political Beliefs Predict Moral Foundations." *American Journal of Political Science* 63 (4): 788–806.
- Keller, L., and F. Hazelaar. 2023. "Political Ideology and Environmentalism Impair Logical Reasoning." *Thinking and Reasoning* 29:79–108.

- Maslov, S. Yu. 1986. *Teoriya deduktivnykh sistem i yeye primeneniya [The Theory of Deductive Systems and its Applications]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Radio i svyaz' [Radio & Communication].
- Mazzoti, M. 1998. "The Geometers of God. Mathematics and Reaction in the Kingdom of Naples." *Isis* 89:674–701.
- . 2023. *Reactionary Mathematics: A Genealogy of Purity*. Chicago: University of Chicago Press.
- Oren, I. 2006. "Can Political Science Emulate the Natural Sciences? The Problem of Self-Disconfirming Analysis." *Polity* 38 (1): 72–100.
- Pennycook, G., B. Bago, and J. McPhetres. 2023. "Science Beliefs, Political Ideology, and Cognitive Sophistication." *Journal of Experimental Psychology: General* 152 (1): 80–97.
- Romanelli, R., ed. 2020. *Dizionario Biografico degli Italiani* [in Italian]. Vol. 98. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana.
- "Science and Politics are Inseparable." 2020. *Nature* 586:169–170.
- Talhelm, Th., J. Haidt, and S. Oishi. 2015. "Liberals Think More Analytically than Conservatives." *Personality and Social Psychology Bulletin* 41 (2): 250–267.
- Yilmaz, O., and S. A. Saribay. 2017. "Analytic Thought Training Promotes Liberalism on Contextualized (but not Stable) Political Opinions." *Social Psychological and Personality Science* 8 (7): 789–795.

VARIA

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

STUDIES. PART 2

ОКСАНА КОВАЛЬ, ЕКАТЕРИНА КРЮКОВА*

ПОСЛЕ БЕНЬЯМИНА**

ПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ХАННЫ АРЕНДТ

Получено: 31.05.2023. Рецензировано: 03.09.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: Термином «поэтическое мышление» Ханна Арендт охарактеризовала необычную манеру философствования Вальтера Беньямина. Ориентированный на выразительные средства языка, его подход заметно отличался от общепринятых метафизических канонов, но в то же время шел вразрез и с новаторскими направлениями западной мысли, даже теми, которые фокусировались на лингвистических вопросах. Это сделало его фигуру маргинальной в академической среде 1920–1930-х гг., но в 1970-е гг., когда наследие Беньямина было открыто заново, и его нестандартные интуиции оказались крайне созвучны современности, он стал одним из самых выдающихся интеллектуалов столетия. Ханна Арендт в этой истории посмертной славы Беньямина сыграла роль своеобразного медиума — не только потому, что она взяла на себя заботу об издании его трудов и продвижении его идей среди американской публики, но и потому, что в собственном творчестве неоднократно обращалась и по-своему развивала волновавшие Беньямина философские сюжеты. Чтобы проследить эту рецепцию, в статье анализируется несколько источников: во-первых, эссе Арендт о Беньяmine, послужившее предисловием к англоязычному сборнику его сочинений, во-вторых, «Дневник размышлений» Арендт, в котором фиксировались начальные импульсы будущих теорий, в-третьих, ее философское завещание, труд «Жизнь ума», в котором, среди прочего, изложено оригинальное учение о метафоре. Предпринятое рассмотрение, осуществленное с привлечением философской концепции языка Беньямина, позволяет утверждать, что поэтическое мышление, родоначальником которого Арендт считала своего безвременно ушедшего друга, в не меньшей степени присуще и ей самой.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Вальтер Беньямин, философия и литература, язык и мышление, метафора, Ханс Блюменберг.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-99-116.

Дружба Ханны Арендт и Вальтера Беньямина, отголоски которой можно обнаружить в творчестве обоих мыслителей, длилась всего

*Коваль Оксана Анатольевна, к. филос. н., доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург), ox.koval@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4718-6669; Крюкова Екатерина Борисовна, к. филос. н., научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург), kriukova.jr@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6585-4611.

**© Коваль О. А. и Крюкова Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00925 (<https://rscf.ru/project/23-28-00925/>) «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования».

несколько лет. Они познакомились в Париже, куда вынуждены были уехать после прихода Гитлера к власти. Но если для Арендт попытка дальнейшего бегства — уже с охваченного войной европейского континента в Соединенные Штаты — имела благоприятный исход, то для Беньямина она оказалась роковой. Его самоубийство на испанской границе¹ положило конец их непосредственному общению, однако тот живой диалог, который они вели вплоть до последних дней Беньямина, на этом не прервался: отныне, осуществляемый усилиями одной Арендт, он проявляется не только в заботе об издании и распространении его трудов, но и сказывается на направленности и стиле ее собственного философствования. Обычно, когда говорят о влиянии, которое испытала Арендт, в первую очередь называют имена Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса. Отношения с ними хотя и были предельно доверительными, сохраняли тем не менее след первоначальной педагогической субординации. Ее можно уловить и в почтительном обращении Арендт к обоим мэтрам, и в демонстративном отказе Хайдеггера признавать успехи и интеллектуальные достижения бывшей ученицы, и даже в том покровительстве, которое она искала и неизменно находила у Ясперса. И совсем иного рода узы связывали Арендт с Беньямином. В период знакомства оба они осваивали непривычную для себя роль изгнанников, лишившихся самых элементарных ориентиров: родины, языка, академической среды, уверенности в завтрашнем дне. Такая уязвимость способствовала мгновенному узнаванию себя в другом и сразу предопределила характер их общения — как равного с равным. Начиная с 1936 г. они регулярно собирались на парижской квартире Беньямина, чтобы обсудить в узком кругу рукописи друзей, последние политические события и волновавшие их философские сюжеты. То внимание, с которым они относились к мыслям и текстам друг друга, позволяет предположить, что, сложись судьба Беньямина иначе, его теоретические рассуждения наверняка резонировали бы с идеями Арендт — точно так же, как ее произведения, написанные после войны, отражают многие вопросы, когда-то поднятые Беньямином.

I

Англоязычный читатель впервые познакомился с сочинениями Вальтера Беньямина спустя почти 30 лет после его смерти, когда свет

¹Об обстоятельствах гибели Вальтера Беньямина см., например, в биографическом труде (Айленд и Дженнингс, Эдельман, 2018: 695–699).

увидела книга «Illuminations», подготовленная к печати Ханной Арендт (Benjamin, Zohn, 1968)². Это собрание самых значимых эссе Беньямина предварял очерк Арендт, который она включила и в свой сборник «Люди в темные времена» (1968). Представляя малоизвестного немецкого интеллектуала широкой аудитории, Арендт брала на себя трудную задачу. Даже на родине, в Германии 20–30-х гг., Беньямин не снискал большого признания — ни своими научными трудами, ни журналистской деятельностью в качестве литературного критика. Причиной тому были, с одной стороны, неконвенциональный тип мышления, затрагивающий самые разные предметы — от барочной драмы до новых медиа, от стратегий перевода до постижения истории, а с другой — особый способ письма, подчиняющийся не дискурсивным законам рационального построения, а скорее причудливой логике поэтической интуиции. Казалось бы, пропасть, которая отделяет Германию периода между двумя войнами и процветающую Америку 60-х — и временная, и языковая, и идеологическая — должна была усугубить непонимание и без того сложного континентального философа. Но Арендт идет на этот риск и в полном соответствии с методом, который разрабатывал сам Беньямин, а именно: погружаться в прошлое через настоящее, — обращает дистанцию из препятствия в преимущество. Тот образ Беньямина, который стал притчей во языцех среди его современников — образ человека, преследуемого неудачами, — накладывается Арендт на главную катастрофу XX в., развернувшую свою чудовищную мощь лишь после его гибели. И вот уже немецкий аутсайдер приобретает типологические черты и репрезентирует собой судьбу целого поколения³. Оттого многократно всплывающее на страницах эссе Арендт сравнение почти забытого философа с канонической к тому моменту фигурой Франца Кафки не выглядит чрезмерным. Более того, через 10–20 лет, на следующем витке темпорального отдаления оно начнет восприниматься как само собой разумеющееся: совершенно справедливым будет сказать,

²Некоторые подробности замысла, перевода и публикации этой книги, а также планы касательно следующей, можно узнать из переписки Арендт с ее подругой и издательницей Хелен Вольф (Arendt, 2019: 622–644). Так, в 1975 г. Арендт работала над вторым томом текстов Беньямина, но не успела завершить данный проект ввиду внезапной смерти, и книга «Reflections» вышла уже под другой редакцией: Benjamin, Jephcott, 1978.

³Редкий случай исторической прозорливости демонстрирует Эрих Кестнер в своем романе «Фабриан» (1931), если считать оправданным допущение, что прототипом одного из главных героев, ученого Лабуде, отвергнутого университетским сообществом, послужил Вальтер Беньямин (см. Крюкова, Коваль, 2021).

что значение Беньямина для современной философии сопоставимо по своим масштабам со значением Кафки для современной литературы.

В начале своего портретного эссе Арендт задается вопросом о природе славы и показывает ее социальную обусловленность. Известность в обществе — эпифеномен публичной сферы, которую Арендт отделяет и противопоставляет частной, полагая, что та должна оставаться непрогнозируемой для чужих взглядов. Именно с таким бережным отношением к приватному, она, по верному наблюдению Хельгард Мардт,

сообщает лишь те сведения из беньяминовской жизни, которые позволяют раскрыть его уникальность, и основная тональность ее рассказа — любовь, которой проникнуто понимание того, что «величие» жизни и трудов не изморяется славой и успехом (Mahrtdt, 2007: 33).

Популярность того или иного автора, по мнению Арендт, напрямую связана с возможностью вписать его в определенную категорию. Творчество же Беньямина не поддается существующим классификациям: его философские этюды отличает непростительная для серьезного научного высказывания вольность, политические заявления граничат с мессианскими предостережениями, а литературная критика выходит за рамки сугубо филологического рассмотрения. Чтобы обозначить характер подобного теоретизирования, Арендт изобретает специальную формулу, открывая в Беньяmine «исключительно редкий дар *поэтической мысли*» (Арендт, Дубин, 2014: 156). Вероятно, такая мысль рождается из переплетения фантазии и действительности, из самобытной манеры обходиться с миром как с литературным произведением, а художественный вымысел воспринимать как неотъемлемую часть реальности. Неслучайно одной из любимых цитат Беньямина была строчка из стихотворения Гофмансталя «Глупец и смерть»: *Was nie geschrieben wurde, lesen* («Что не было написано — читать»).

В противоположность традиционному философскому дискурсу большинство текстов Беньямина скорее содержат опознавательные знаки романного повествования. Во-первых, инстинктивно не доверяя отвлеченным конструкциям, он населял страницы своих сочинений самыми настоящими персонажами. И таковы не только коллекционер или фланер, воплощающие ключевую для Беньямина мысль о присутствии прошлого в настоящем, но и ангел истории, который поворачивается спиной к будущему, и Адам, который именуется вещами словами первоязыка, и маленький горбун, который околдовывает своим взглядом рассказчица «Берлинского детства». Во-вторых, пристальное внимание Беньямин

уделял «месту действия». Едва ли какой другой мыслитель оставил столь запоминающиеся портреты городов — Неаполя, Москвы, Берлина, Марселя, не говоря уже о Париже, «столице XIX века». (Тогда же яркие топографические образы возникают и в литературе, незаметно превращаясь из декораций в равноправных действующих лиц модернистских романов: это и Дублин Джеймса Джойса, и Триест Итало Звево, и Лиссабон Фернандо Пессоа, и Лондон Вирджинии Вулф, и Париж Луи Арагона, и Берлин Альфреда Деблина.) В-третьих, время интересовало Беньямина не как абстрактная величина или априорная форма, а как динамичная наполненность разными вещами, идеями, переживаниями, событиями, которые он, подобно поэту, не пренебрегая мелочами, мастерски сплетал в единый нарратив.

В полную силу его увлекало, — пишет Арендт, — то, что дух и его материальные проявления связаны настолько тесно, что буквально во всем можно видеть бодлеровские *соответствия*, которые высвечивают, проясняют друг друга и при подобной взаимосотнесенности уже не нуждаются в истолковательском или объяснительном комментарии (Арендт, Дубин, 2014: 44).

Все три упомянутых художественных элемента различимы и в эссе Арендт о Беньяmine. Так, в ее воспоминаниях он тоже предстает многоликим персонажем, причем лики эти заимствованы из его собственных произведений. Феноменальная невезучесть оказывается необъяснимой без привлечения магии сказочного горбуна, который неотрывно следит и за повзрослевшим Беньямином, строя ему каверзы на каждом шагу. Распознавание природы коллекционера, который стремится спасти от забвения маленькие осколки прошлого, помогает понять не только одержимость Беньямина приобретением старинных книг или детских игрушек, но и некоторую «нездешность» присущего ему образа жизни и мысли.

Его жесты, поворот головы при вслушивании и разговоре; его походка; его манеры, а особенно — манера говорить, вплоть до выбора слов и особенностей синтаксиса; наконец, его бросавшиеся в глаза идиосинкратические вкусы, — всё было настолько старомодным, точно его ненароком вынесло из девятнадцатого века в двадцатый, как мореплавателя — на берег чужой земли (там же: 67).

Старомоден и сам тип коллекционера, к которому принадлежит Беньямин: он отыскивает антикварные предметы не из соображений выгоды, а напротив, в надежде избавить их даже от той полезности, на которую их обрек бытовой прагматизм. В собраниях Беньямина вещи

больше никому не служат (даже владельцу), и это «освобождение» высвечивает ценность их существования как такового — Арендт сравнивает ее с той ценностью, которую французские экзистенциалисты спустя несколько десятилетий будут придавать неповторимости каждой человеческой жизни.

Наиболее же распространенным стало арендтовское отождествление Беньямина с фланером, праздношатающимся по закоулкам больших городов с единственной целью — поймать взглядом мимолетные фрагменты действительности, не предназначенные ни для чьих глаз, случайная комбинация которых, между тем, и составляет эфемерную ткань истории. Одинокая фигура в урбанистическом пейзаже так созвучна образу Беньямина еще и потому, что его мысль невозможно отделить от пространства и времени ее разворачивания — Берлина «золотых двадцатых» и Парижа последних предвоенных лет. Воссоздавая атмосферу, в которой творил Беньямин, Арендт не обходит вниманием ни сионизм, который в его случае парадоксально сочетался с марксизмом, ни набирающий силу антисемитизм, ни общее умонастроение кризиса западной цивилизации. С акцентом на эти веяния эпохи ей удастся показать, что анахроничность Беньямина была признаком не традиционалиста, крепко держащегося за вековые авторитеты, а напротив, модерниста, ищущего и осваивающего новые пути обращения с прошлым. Идеальная книга, которую мечтал написать Беньямин, должна была, по его признанию, целиком состоять из цитат. Этот необычный способ высказываться с помощью чужих текстов Арендт представляет в качестве новаторской философской техники — наподобие сюрреалистического монтажа, сталкивающего между собой материи разного порядка, которые вдруг начинают звучать по-иному.

Работа заключалась для него в извлечении фрагментов из их первоначального контекста и выстраивании заново таким образом, чтобы они иллюстрировали друг друга и были способны отстаивать свое право на существование именно в таком, свободно плавающем виде (Арендт, Дубин, 2014: 147).

Примечательно, что в эссе о философе Арендт сама задействует этот прием, мастерски вплетая в свое повествование отрывки из сочинений, а главное — писем Беньямина⁴. И дело не только в том, что в этих

⁴Арендт опирается на двухтомник избранной корреспонденции, изданный Шолемом и Адорно (Benjamin, 1966). В отсутствии какой бы то ни было биографии (первая — «История одной дружбы» Гершома Шолема — появится лишь в 1975 г.) эти письма служили единственным источником информации о судьбе Беньямина. Хотя Арендт высоко оцени-

пассажах отчетливо слышится его голос. Важнее, что она претворяет в жизнь его идеи, извлекая из недавней истории таившиеся в ней, но остававшиеся неведомыми смыслы, которые на удивление точно отвечают настоящему моменту.

II

Термин «поэтическое мышление», которое Арендт закрепляет за своеобразным стилем Беньямина, указывает на внутреннее родство философии и поэзии как двух способов артикуляции истины и выводит тем самым на первый план общую стихию их обитания — язык. В завершение своего эссе она представляет проблему языка как едва ли не магистральную во всем творчестве Беньямина. Рано возникшая в горизонте его интересов, эта тема тоже оказывается характерной приметой времени. Упоминание Витгенштейна и аналогия с поздними хайдеггеровскими интуициями позволяют Арендт причислить Беньямина к родоначальникам важнейшей для XX в. тенденции — лингвистического поворота. И действительно, его первые наброски к философской теории языка⁵ возникают тогда же, когда зарождаются революционные положения Трактата. Но если Витгенштейн делает упор на логическую структуру предложений, в которой зеркально отражается структура фактов, то Беньямин избирает в качестве путеводной нити мифологическое предание. Интерпретируя библейскую космогонию, он изображает отношения между Богом, человеком и миром как опосредованные словом. В неканонической версии Беньямина Господь, поручив Адаму довершить создание мира и назвать вещи их именами, «выпустил на свободу язык, который служил *Ему* медиумом творения» (Беньямин, Болдырев, 2012а: 17). Первый человек у Беньямина не возвышается над сотворенным, а вслушивается в него: он внимает языку вещей, тому безгласному наречию, на котором они обращаются к нему, чтобы, во-первых, вызвать их из немоты, а во-вторых, исполнить собственное предназначение,

вала факт появления в Германии подобной публикации, в полемике, которая развернулась на страницах журнала «Меркур» в 1967 г. вокруг ангажированного редактирования писем Беньямина (Шолема и Адорно заподозрили в том, что они исключали из них целые тематические блоки, которые не одобряли), она была привлечена в качестве прямого свидетеля и заняла как раз сторону критиков (см. об этом подробнее: Schöttker & Wizisla, 2005).

⁵Имеются в виду фрагмент «О языке вообще и о языке человека» (1916) и письмо Мартину Буберу «О сущности языка» (от 17 июля 1916 г.). Затрагиваемые здесь Беньямином вопросы получают свое развитие в тексте «Задача переводчика» (1924), который предваряет издание его переводов Бодлера.

т. е. стать языковым существом, ибо, по Беньямину, «человек — это тот, кто именуется» (Беньямин, Болдырев, 2012а: 12). Разъясняя такую антропологическую зависимость от языка, постулируемую Беньямином, Арендт пишет: «Язык для него был, в первую очередь, не даром речи, отличающей человека от прочих живых существ, а, напротив, „сущностью мира... из которой возникает сама речь“» (Арендт, Дубин, 2014: 153)⁶.

Превышающая человеческое разумение магическая сила языка сохраняет свою притягательность для Беньямина даже тогда, когда божественное выносится за скобки. В послании Буберу, отклоняя предложение этого видного сиониста сотрудничать с его журналом, Беньямин критикует свойственную публицистике манеру письма как раз за то, что она пренебрегает «тайной» языка, его священной обязанностью «подводить к тому, в чем слову отказано» (Беньямин, Болдырев, 2012b: 29). В результате речь, утрачивая свою исходную причастность к «невыразимому», превращается в орудие убеждения и манипуляции. Беньямин противопоставляет такому инструментальному логосу, которым в совершенстве овладела наука, альтернативный модус высказывания, ориентированный на поэзию. И все его последующее творчество развивается в русле именно этого, художественного подхода. Показательно, что теми немногими, кто рано распознал гений Беньямина, были не философы, а поэты — Гофмансталь и Брехт, чьей прозорливости Арендт воздает должное в своем эссе. И даже самые прогрессивные мыслители того времени, от которых Беньямин ожидал понимания и у которых искал поддержки, а собственно, руководители Института социальных исследований, относились к нему с настороженностью⁷.

⁶Определенную параллель с теорией Беньямина, которая опирается на Ветхий Завет, можно усмотреть в развиваемой Арендт в «*Vita activa*» концепции о человеке как «начинающем» существе: «С созданием человека принцип начала, остававшийся при сотворении мира как бы еще в руках Бога и тем самым вне мира, появился в самом мире и останется ему присущ пока существует человек; что в конечном счете означает лишь что человек есть тот Некто, с чьим сотворением совпадает сотворение свободы» (Арендт, Библихин, 2017: 220).

⁷С одной стороны, Беньямин числился внештатным сотрудником этого учреждения, регулярно писал статьи и получал за них небольшой ежемесячный гонорар, который в годы эмиграции оставался его единственным источником дохода. С другой стороны, ни Хоркхаймер, ни Адорно (каждый по своим причинам) не хотели видеть его в числе постоянных членов возглавляемого ими Института, который с 1933 г. дислоцировался в Колумбийском университете. И их промедление в организации отъезда Беньямина в Америку некоторые исследователи сегодня считают непростительным. С учетом обнародованных документов, согласно которым Институт располагал значительными денежными суммами, поступавшими от американских меценатов и научных фондов,

С похожей проблемой столкнулась и Ханна Арендт, хотя ее обстоятельства были совершенно иными. Завоевав заслуженное признание и обретя международную известность, она тем не менее ощущала свою чужеродность в американском научном мире. И дело не сводилось к тому, что ей приходилось думать и писать на иностранном языке. Гораздо большим препятствием стало сопротивление местного интеллектуального истеблишмента неординарности ее философских рассуждений. В апреле 1970 г. Арендт оставляет в своем не предназначавшемся для публикации «Дневнике размышлений» заметку, красноречиво озаглавленную «О трудностях, которые возникают у меня с английскими читателями» (Arendt, 2002: 770). Эту трудность Арендт усматривает в глубинной связи между языком и мышлением. Указывая на две основные тенденции, которые определяют духовный климат в Соединенных Штатах: аналитическую философию и психоанализ, — она останавливается не на очевидных различиях этих двух познавательных техник, а на их едва уловимом сходстве. Согласно Арендт, обе так или иначе стремятся редуцировать все многообразие языковых проявлений к заранее предполагаемому источнику их происхождения: в случае аналитической мысли таковым выступает объект, референт, к которому возводится целый ряд синонимов, а в случае психоаналитической — идея, архетипическое представление, к которому привязывается вереница ассоциаций. Арендт же переворачивает эту позитивистскую перспективу, настаивая на первичности разнообразия, которое несет с собой язык. «Более чем сомнительно, что без языка мы имели бы хоть какие-либо „идеи“, — пишет она. — И несомненно, что в развитии человеческого существа слова предшествуют идеям» (ibid.: 773).

Следствием осуждаемой Арендт позиции каталогизировать язык с целью его научного контроля является и наблюдаемое в английской среде отождествление понятий, которые для нее — как представительницы континентальной философии — принципиально различны. Реагируя на

предостережения со стороны Хоркхаймера о возможном прекращении финансирования и отказ в 1940 г. оплатить Беньямину билет на пароход в США, мотивируемые якобы отсутствием у Института средств, не имеют под собой никаких оснований. Когда в 1967 г. Ханна Арендт рассказала о страхах Беньямина лишиться расположения Хоркхаймера и Адорно и об автоцензуре, на которую он шел по этой причине, ее обвинили в намеренном подрыве репутации Франкфуртской школы, чуть ли не в том, что она возлагает на ее представителей ответственность за самоубийство Беньямина. Несправедливость такого рода нападок на Арендт изобличает Ульрих Фрис в своей подробнейшей реконструкции взаимоотношений Беньямина с Институтом в последние годы его жизни (см. Fries, 2021).

упреки, высказанные в адрес ее книг «Между прошлым и будущим» (1968) и «Люди в темные времена» (1968), она констатирует у рецензентов склонность к легковесной замене одних концептов другими: «прошлого» — «традицией», «темного» — «сложным», «мышления» — «идеологией», «метафоры» — «сравнением» (Arendt, 2002: 773). Так, трактуя «прошлое» исключительно как «традицию», они не допускают того, что, собираемое (по Беньямину) из фрагментов, оно свидетельствует именно о разрыве традиции. А когда эпитет «темный» во избежание поэтических коннотаций приравнивают к прилагательному «сложный», тогда теряется его экзистенциальная глубина, уступая место хитро-сплетению внешних событий. Следующая понятийная пара, которую приводит Арендт, сигнализирует о еще более серьезном промахе. Джон Уиллет, автор критического отзыва на сборник «Люди в темные времена», назвал «идеологичным» практикуемый ею способ мышления и предостерег американских читателей от «силков» и «приманок» этой идеологии (ibid.: 1145). По мнению Арендт, за таким обличительным наименованием кроется не научная близорукость, а кардинальное расхождение в понимании философской работы. Аналитический метод изучает язык, разлагая каждое предложение на малейшие составляющие, но ему совершенно чужд тот подход, который Беньямин окрестил «бурением»⁸, а Арендт в своем дневнике — «продумыванием существа дела до конца» (ibid.: 773).

В пользу того, что она имеет в виду «поэтическое мышление», говорит и последний из упомянутых ею примеров, касающийся метафоры. Когда лингвистическая философия обнажает механизм функционирования метафоры в качестве разновидности сравнения, она разрушает ее действие, поскольку — за счет проговаривания скрытых звеньев перехода — устраняет полисемантическую толкования. Арендт же считает многозначность необходимым свойством языка и отмечает (еще в 1950 г.), что нигде оно не проявляется так отчетливо, как в метафоре (ibid.: 46). Воплощенное в ней соединение буквального и образного, чувственного и абстрактного, выразимого и не доступного слову позволяет Арендт утверждать, что само мышление является метафоричным. Собственно,

⁸Целиком выдержка из письма Беньямина, которую Арендт цитирует в эссе, звучит так: «Цель подобных исследований — проникать в глубины языка и мысли... бурением, а не рытьем» (Арендт, Дубин, 2014: 148).

это его фундаментальное свойство и не принимается в расчет оппонентами Арендт, что она демонстрирует, опять же, через рецепцию Беньямина (Arendt, 2002: 773):

Я написала, что Беньямин мыслит поэтически, т. е. в метафорах. Пока все в порядке, — фиксирует она границу между приемлемым и неприемлемым. — Но затем я ставлю вопрос, что такое метафора... и чего она добавляется — единства мира. По мнению наших английских друзей, эти рассуждения не имеют отношения к Беньямину.

Фраза из эссе, к которой апеллирует здесь Арендт, выглядит так (Арендт, Дубин, 2014: 52):

Метафора — средство восстановить единство мира, опираясь на поэзию. В Беньямине хуже всего понимают как раз то, что он, не поэт, тем не менее обладал *поэтической мыслью*, а потому видел в метафоре величайший подарок языка. Языковой «перенос» позволяет придать материальную форму невидимому... и тем самым сделать его открытым для опыта.

Это значит, за понятием «поэтическое мышление» стоят не красоты и тонкости художественного стиля, как то склонны были подавать американские комментаторы, а особого рода философствование, сохраняющее верность не букве, но духу языка.

III

К метафоре Арендт возвращается и в последней своей, оставшейся незаконченной и опубликованной посмертно книге «Жизнь ума» (1978). Этот труд задумывался как философское рассмотрение ментальных способностей человека, которые — в качестве *vita contemplativa*, жизни созерцательной — дополняют и составляют противоположность *vita activa*, жизни деятельной. Арендт успела написать две части — «Мышление» и «Воление» (финальную главу предполагалось посвятить суждению). Вопрос о метафоре поднимается Арендт в первой части, причем именно тогда, когда она пытается эксплицировать неразрывную связь между мышлением и языком. Апеллируя к представлению о мышлении как диалоге с самой собой⁹, она акцентирует языковой характер подобного опыта. Разговор этот беззвучен и осуществляется в некотором отрыве

⁹ Явно напрашивающаяся дефиниция Платона, в которой мышление уподобляется безмолвной беседе души с самой собой, является, по Арендт, неточной, поскольку в ней не делается различие между душой и умом. Она же полагает, что «жизнь души [...] более адекватно выражается во взгляде, звуке, жесте, нежели в речи» (Арендт, Говорунов, 2013: 37), тогда как мышление невозможно без языка.

от мира, в медитативной уединенности. Но тот же самый язык требует от внутренней речи выйти в сферу публичности. В этом случае он выступает лицевой, феноменальной стороной мышления — тем, что делает видимым его невидимую работу. Необособленность отвлеченного мышления, его перетекание в область чувственного, в мир вещей и других людей, возможны благодаря языковому переносу, который есть не что иное, как метафора.

Метафора, перекидывая мост через бездну, разделяющую внутреннюю и незримую умственную деятельность и мир явлений, безусловно, является величайшим из даров¹⁰, которым язык мог бы наделить мышление и следом за ним философию, однако сама метафора имеет в большей степени поэтическое, нежели философское происхождение (Арендт, Говорунов, 2013: 108).

Метафора в теории Арендт служит связующим звеном между мышлением и реальностью, доступной нам в ощущениях. Разрабатывая свой концепт метафоры, Арендт, вероятно, следует Канту, который через посредническую инстанцию способности воображения сумел подвести многообразие чувственных впечатлений под единство категорий. И подобно тому, как способность воображения сочетала в себе параметры и апостериорного, и априорного измерений, так и метафора у Арендт координирует две основополагающие человеческие сферы: интеллигентную и деятельную, пассивную и активную, мысль и поступок, — снимая извечную метафизическую проблему двоемирия.

Язык, отдавая себя во власть метафорического использования, позволяет нам думать, т. е. сообщаться с нечувственным, поскольку допускает перенос, *metapherein*, чувственного опыта. Нет двух миров, поскольку их объединяет метафора (там же: 112).

Если воспользоваться емким образом Беньямина, то метафору у Арендт можно сравнить с пассажем, в котором интерьер жилого помещения сливается с просторами городских улиц. На манер этой переходной конструкции метафора скрепляет внутреннее и внешнее, помогая мысли находить дорогу к миру.

В своей интенции развернуть мышление как деятельность по преимуществу метафорическую Арендт сближается с Хансом Блюменбергом, который в те же годы создает метафорологию, призванную стать особой научной дисциплиной, проясняющей образование философских понятий

¹⁰Обращает на себя внимание, что Арендт здесь почти в тех же словах воспроизводит свое рассуждение о метафоре у Беньямина, процитированное выше.

из фигур речи. Сменяющие друг друга в истории культуры метафоры, визуализирующие, к примеру, универсум в его непостижимой целостности через образы театра, машины, книги, организма, картины и т. д., выступают, по Блюменбергу, первичными, черпаемыми из повседневности формами обобщения, задавая тем самым определенный вектор дальнейшему освоению природы. Правда, если в признании решающей роли метафоры для мышления оба философа стоят на общих позициях, приходят они к этому разными путями. Как пишет немецкий исследователь Ханнес Байор (Vajohr, 2015: 56–57),

у Блюменберга метафоры восстанавливают неспособность постичь абсолют реальности, заранее структурируя и ориентируя человеческое восприятие мира. Арендт же видит в метафорах артикуляцию незаметной деятельности мышления в публичном мире явлений и соединение мысли и действия. Это почти диаметральной инверсия направления, в котором метафоры осуществляют свой «перенос»: для Блюменберга они делают внешнее доступным внутреннему; для Арендт — внутреннее доступным внешнему. Блюменберг выделяет интерпретативный, Арендт — экспрессивный аспект метафоры в достижении единства мира¹¹.

Мощь метафоры, способная «восстановить единство мира поэтически» (Арендт, Дубин, 2014: 52), косвенным образом находит подтверждение и в сфере чистого теоретизирования. Ретроспективный обзор истории идей, осуществляемый Арендт, обнаруживает подверженность западного мышления метафоре зрения, посредством которой оно само себя описывает. Сравнение интеллектуальной деятельности с одним из чувств, способностью видеть, порождает культ истины как оче-видности. Следствием подобной монополии, согласно Арендт, оказывается и пренебрежение к языку, который воспринимался преимущественно в качестве инструмента запечатления и передачи уже свершившегося рационального прозрения. Только к началу XX в., когда дает о себе знать исчерпанность избранной парадигмы, ведущей свое происхождение от Платона и Аристотеля и культивируемой вплоть до Бергсона и Гуссерля, просыпается интерес к речевым практикам — в том числе и как к источнику метафор. Ценность заслуг Витгенштейна, Беньямина и Хайдеггера, предпринявших онтологическую разметку поля языка, заключается для Арендт

¹¹ Хотя помимо этого расхождения между двумя мыслителями существуют и другие, самым принципиальным из которых является отделение понятия от метафоры у раннего Блюменберга и их совпадение у Арендт, тем не менее Байор настаивает на параллельности их поисков, которая лишь усиливается, когда Блюменберг в 1970-е гг. пересматривает свои воззрения в пользу понимания Арендт (Vajohr, 2015).

не в том, что одна метафора должна уступить место другой (выдвижение слуха в противовес зрению у Хайдеггера, например), а в том, что больше не подлежит сомнению неизбывная метафоричность мышления как такового. Его постоянное ускользание от закрепления в какой бы то ни было конфигурации — свидетельство того, что мышление, всегда находясь в круговороте метафор, не имеет при этом метафоры для себя (Арендт, Говорунов, 2013: 108):

Главная трудность здесь, — отмечает Арендт, — видится в том, что для самого мышления — чей язык полностью метафоричен и чьи концептуальные рамки целиком зависят от дара метафоры, наводящей мосты между видимым и невидимым, миром явлений и мыслящим эго — не существует метафоры, которая могла бы достоверно осветить эту особую деятельность ума.

Похожий парадокс можно найти и в лингвистической теории Беньямина. Только там не мышление и не метафора, а непосредственно язык — как стихия метафорического мышления — странным образом лишен возможности вербальной самопрезентации. Он выражает «духовные сущности» всех вещей, утверждая их в бытии, но собственную «духовную сущность» — «сообщаемость» (Беньямин, Болдырев, 2012а: 13) — выразить не в силах. Имеющий слова для всего в мире, в отношении себя язык наталкивается на их невосполнимый дефицит. Единственным способом явить свою сущность становится говорение о другом. Для Беньямина истинность и глубину поэтической речи придает не предельная ясность (к ней как раз стремятся науки), а сохранение двойственности, осознание, что во всем высказываемом подспудно проступает принципиальная невыразимость языка как целого.

Поэтическое мышление, которое Ханна Арендт открыла благодаря Беньямину в качестве особого модуса философствования и которое практиковала сама, не сводится к лирике как литературному жанру. Тем не менее в творчестве Арендт можно найти и такой, сугубо художественный аспект его проявления. Начав писать стихи еще в юном возрасте, она никогда не пыталась их обнародовать. Однако именно к поэзии она обращалась в моменты предельной интенсивности чувств, в частности, испытывая боль утраты. В «Дневнике размышлений» Арендт есть несколько стихотворений на смерть близких ей людей: Германа Броха, Эриха Нойманна и др. Первую тетрадь, с которой начинается дневник

в 1950 г., предварял ряд литературных опытов, прозаических и поэтических, более ранних лет¹², в том числе стихотворение, озаглавленное «W. В.» и возникшее во вторую годовщину смерти Беньямина. Эти строки не только создают место памяти, словесный кенотаф ушедшему другу, но и воплощают собой саму суть поэтического мышления, сплавающего воедино живых и мертвых, прошлое и настоящее, видимое и невидимое.

Как только вечер почернеет,
Ночь брызнет звездами в лицо,
Мы вытянемся, коченея,
Неподалеку, далеко.
Из непроглядной тьмы повеет
Негромкий бережный напев.

Когда б прислушаться сумели,
Свои фаланги отперев.
Даль голосов и близь печали—
То голоса тех мертвцов,
Которых мы вперед послали,
Чтоб дали нам дожждаться снов¹³.

ЛИТЕРАТУРА

- Айленд Х., Дженнингс М. У. Вальтер Беньямин : критическая жизнь / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М. : Дело РАНХиГС, 2018.
- Арендт Х. Жизнь ума / пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб. : Наука, 2013.
- Арендт Х. Вальтер Беньямин: 1892–1940 / пер. с англ. Б. Дубина. — М. : Grundrisse, 2014.
- Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем., с англ. В. В. Библихина. — 2-е изд. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Беньямин В. О языке вообще и о языке человека / пер. с нем. И. Болдырева // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / под ред. Я. Охонько ; пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой. — М. : РГГУ, 2012а. — С. 7–26.
- Беньямин В. Письмо Мартину Буберу [О сущности языка] / пер. с нем. И. Болдырева // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / под ред. Я. Охонько ; пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой. — М. : РГГУ, 2012б. — С. 27–30.
- Крюкова Е. Б., Коваль О. А. Вальтер Беньямин и Эрих Кестнер. К истории двух моралистов // Studia Litterarum. — 2021. — Т. 6, № 4. — С. 142–163.
- Arendt H. Denktagebuch : 1950 bis 1973. Zweiter Band / hrsg. von I. Nordmann, U. Ludz. — München, Berlin, Zürich : Piper, 2002.

¹²Эти тексты не были включены редакторами в двухтомное издание «Дневника размышлений», и сведения о том, как выглядела первая тетрадь, почерпнуты из статьи Зигрид Вайгель (см. Weigel, 2005: 127).

¹³Arendt & Anders, 2016: 180. Перевод стихотворения Арендт на русский язык сделан М. Ю. Присталовым по просьбе авторов специально для данной статьи.

- Arendt H.* Wie ich einmal ohne Dich leben soll, mag ich mir nicht vorstellen : Briefwechsel mit den Freundinnen Charlotte Beradt, Rose Feitelson, Hilde Fränkel, Anne Weil und Helen Wolff / hrsg. von I. Nordmann, U. Ludz. — München : Piper, 2019.
- Arendt H., Anders G.* Schreib doch mal „hard facts“ über Dich : Briefe 1939 bis 1975. Texte und Dokumente / hrsg. von K. Putz. — München : C. H. Beck Verlag, 2016.
- Bajohr H.* The Unity of the World : Arendt and Blumenberg on the Anthropology of Metaphor // The Germanic Review : Literature, Culture, Theory. — 2015. — Vol. 90, no. 1. — P. 42–59.
- Benjamin W.* Briefe. Bd. 2 / hrsg. von G. Scholem, T. W. Adorno. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1966.
- Benjamin W.* Illuminations : Essays and Reflections / ed. by H. Arendt ; trans. from the German by H. Zohn. — New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968.
- Benjamin W.* Reflections : Essays, Aphorisms, Autobiographical Writings / ed. by P. Demetz ; trans. from the German by E. Jephcott. — New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1978.
- Fries U.* Ende der Legende. Hintergründe zu Walter Benjamins Tod // The Germanic Review : Literature, Culture, Theory. — 2021. — Jg. 96, Nr. 4. — S. 409–441.
- Mahrdt H.* „Unausrottbar ist das Poetische solange es noch das Wundern gibt“ — Hannah Arendt über Walter Benjamin // Dichterisch Denken. Hannah Arendt und die Künste / hrsg. von W. Heuer, I. von der Lühe. — Göttingen : Wallstein, 2007. — S. 31–49.
- Schöttker D., Wizisla E.* Hannah Arendt und Walter Benjamin. Stationen einer Vermittlung // Text+Kritik. — 2005. — Nr. 166/167. — S. 24–57.
- Weigel S.* Dichtung als Voraussetzung der Philosophie. Hannah Arendts Denktagebuch // Text+Kritik. — 2005. — Nr. 166/167. — S. 125–137.

Koval, O. A., and E. B. Kriukova. 2024. "Posle Ben'yamina [After Benjamin]: poeticheskoye myshleniye Khanny Arendt [The Poetical Thinking of Hannah Arendt]" [in Russian]. *Filosophiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 99–116.

OXANA KOVAL

PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR
RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES
NAMED AFTER FYODOR DOSTOEVSKY
(ST. PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-4718-6669

EKATERINA KRIUKOVA

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCH SCIENTIST
RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES
NAMED AFTER FYODOR DOSTOEVSKY
(ST. PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6585-4611

AFTER BENJAMIN

THE POETICAL THINKING OF HANNAH ARENDT

Submitted: May 31, 2023. Reviewed: Sept. 03, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: Hannah Arendt used the term “poetical thinking” to describe Walter Benjamin’s specific manner of philosophizing. His approach, based on the expressive means of language, was strikingly different from the generally accepted metaphysical canons, but at the same time went against the innovative trends of Western thought—even those that focused on linguistic issues. This made him a marginal figure in the academic environment of the 1920s and 1930s. In the 1970s, when Benjamin’s legacy was rediscovered and his original intuitions turned out to be extremely consonant with modernity, he became one of the most outstanding intellectuals of the century. In this story of Benjamin’s posthumous fame, Hannah Arendt acted as a kind of medium. She not only took care of publishing his works and promoting his ideas among the American public, but also often turned to philosophical topics that interested Benjamin and developed them in her own way. To trace this reception, the article analyzes several sources: first, Arendt’s essay on Benjamin, which served as a preface to the English collection of his works; second, Arendt’s “The Thinking Diary”, in which the initial impulses of future theories were recorded; third, her philosophical testament, “The Life of the Mind”, in which among other things the original doctrine of metaphor is set forth. This review was conducted using Walter Benjamin’s philosophical concept of language. The study allows us to assert that poetical thinking, whose ancestor was thought to be Arendt’s prematurely deceased friend, is no less inherent in her own philosophy.

Keywords: Hannah Arendt, Walter Benjamin, Philosophy and Literature, Language and Thinking, Metaphor, Hans Blumenberg.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-99-116.

REFERENCES

- Arendt, H. 2002. *Denktagebuch: 1950 bis 1973. Zweiter Band* [in German]. Ed. by I. Nordmann and U. Ludz. München, Berlin, and Zürich: Piper.
- . 2013. *Zhizn' uma [The Life of The Mind]* [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Govorunov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2019. *Wie ich einmal ohne Dich leben soll, mag ich mir nicht vorstellen: Briefwechsel mit den Freundinnen Charlotte Beradt, Rose Feitelson, Hilde Fränkel, Anne Weil und Helen Wolff* [in German]. Ed. by I. Nordmann and U. Ludz. München: Piper.
- Arendt, H., and G. Anders. 2016. *Schreib doch mal "hard facts" über Dich: Briefe 1939 bis 1975. Texte und Dokumente* [in German]. Ed. by K. Putz. München: C. H. Beck Verlag.
- Arendt, Kh. 2014. *Val'ter Ben'yamin: 1892–1940 [Walter Benjamin: 189–1940]* [in Russian]. Trans. from the English by B. Dubin. Moskva [Moscow]: Grundrisse.
- . 2017. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni [The Human Condition]* [in Russian]. 2nd ed. Trans. from the German and from the English by V. V. Bibikhin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- Aylend, Kh., and M. U. Dzhennings. 2018. *Val'ter Ben'yamin [Walter Benjamin]: kriticheskaya zhizn' [A Critical Life]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Delo RANKhiGS.
- Bajohr, H. 2015. "The Unity of the World: Arendt and Blumenberg on the Anthropology of Metaphor." *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory* 90 (1): 42–59.
- Benjamin, W. 1966. *Briefe* [in German]. Ed. by G. Scholem and T. W. Adorno. Vol. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- . 1968. *Illuminations: Essays and Reflections*. Ed. by H. Arendt. Trans. from the German by H. Zohn. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- . 1978. *Reflections: Essays, Aphorisms, Autobiographical Writings*. Ed. by P. Demetz. Trans. from the German by E. Jephcott. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- . 2012a. "O yazyke voobshche i o yazyke cheloveka [Über Sprache überhaupt und über die Sprache des Menschen]" [in Russian]. In *Ucheniye o podobii. Mediaesteticheskiye proizvedeniya [The Doctrine of Similarity. Media Aesthetic Works]*, ed. by Ya. Okhon'ko, trans. from the German by I. Boldyrev, 7–26. Moskva [Moscow]: RGGU.
- . 2012b. "Pis'mo Martinu Buberu [O sushchnosti yazyka] [An Martin Buber, 17 Juli 1916]" [in Russian]. In *Ucheniye o podobii. Mediaesteticheskiye proizvedeniya [The Doctrine of Similarity. Media Aesthetic Works]*, ed. by Ya. Okhon'ko, trans. from the German by I. Boldyrev, 27–30. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Fries, U. 2021. "Ende der Legende. Hintergründe zu Walter Benjamins Tod" [in German]. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory* 96 (4): 409–441.
- Kryukova, Ye. B., and O. A. Koval'. 2021. "Val'ter Ben'yamin i Erikh Kestner. K istorii dvukh moralistov [Walter Benjamin and Erich Kästner. The Story of Two Moralists]" [in Russian]. *Studia Litterarum* 6 (4): 142–163.
- Mahrtdt, H. 2007. "Unausrottbar ist das Poetische solange es noch das Wundern gibt — Hannah Arendt über Walter Benjamin" [in German]. In *Dichterisch Denken. Hannah Arendt und die Künste*, ed. by W. Heuer and I. von der Lühe, 31–49. Göttingen: Wallstein.
- Schöttker, D., and E. Wizisla. 2005. "Hannah Arendt und Walter Benjamin. Stationen einer Vermittlung" [in German]. *Text+Kritik*, nos. 166/167, 24–57.
- Weigel, S. 2005. "Dichtung als Voraussetzung der Philosophie. Hannah Arendts Denktagebuch" [in German]. *Text+Kritik*, nos. 166/167, 125–137.

ИГОРЬ ДЕВАЙКИН*

ФАКТУАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ КВЕНТИНА МЕЙЯСУ?**

Получено: 04.05.2023. Рецензировано: 28.07.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: Квентин Мейясу известен как один из самых ярких борцов с корреляционизмом в современной философии. Однако в отличие от негативной части его программы (направленной на критику корреляционизма), позитивная часть почти никогда не обсуждается философским сообществом. Не существует текста, в котором бы Мейясу системно изложил свой проект, предлагаемый им взамен корреляционизму. Мы реконструируем этот раздел философии Мейясу и покажем, удастся ли мыслителю решить задачи, которые он ставит в рамках своего проекта. Под корреляционизмом Мейясу понимает совокупность посткантовских концепций в философии, которые отрицают возможность познания независимой от мышления реальности и предлагают сосредоточить исследование на связи (корреляции) между мышлением и реальностью как таковой. Стоит согласиться с Мейясу — с данным способом философствования следует бороться, поскольку он недостаточно рефлексивен в отношении собственных предпосылок, а также неправомерно сужает поле философской работы. По Мейясу, корреляционизм преодолевается указанием на фактуальность, понятию как абсолютное отсутствие достаточного основания у чего бы то ни было, включая корреляционизм. Фактуальность как абсолютная бесосновность представляет собой независимую от субъекта реальность, а также выводит философию за пределы корреляционизма. Учение, которое занимается исследованием свойств фактуальности, Мейясу называет фактуальной онтологией. Философ обосновывает фактуальную онтологию посредством, во-первых, возвышения ее над всеми дискурсами, во-вторых, очерчивания поля ее деятельности. В результате критического анализа проекта Мейясу, мы приходим к выводу о несостоятельности фактуальной онтологии, поскольку она усиливает корреляционизм, а не преодолевает его. Тем не менее, по нашему мнению, философии стоит переключить внимание на повседневное давление реальности как таковой на чувственность субъекта, поскольку это способствует снижению роли корреляционизма.

Ключевые слова: К. Мейясу, И. Кант, корреляционизм, фактуальная онтология, реальность сама по себе, пассивный субъект.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-117-129.

* Девайкин Игорь Александрович, к. филос. н., старший преподаватель, Московский технический университет связи и информатики (Москва); преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва), Igor.devaykin@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8938-9566.

** © Девайкин, И. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

I. КОРРЕЛЯЦИОНИЗМ И РЕАЛЬНОСТЬ САМА ПО СЕБЕ

Квентин Мейясу (1967 г. р.) — ныне живущий французский философ, а также один из основателей движения «спекулятивного реализма». Ведущим сюжетом философии Мейясу является преодоление корреляционизма как определенного типа философствования, характеризующегося специфическими чертами, а именно: антропологизмом, антропоцентризмом и приматом корреляции. Перечисленные характеристики выделяет не Мейясу, а это всего лишь наши понятия, которые позволяют емко отразить суть корреляционизма.

Понятие «корреляционизм» образовано от термина «корреляция», которым выражается связь между двумя инстанциями, такими как, например, субъект и объект, ноэма и ноэзис, означаемое и означающее, сознательное и бессознательное и т. д. Примат корреляции означает, что мышление не может познать то, что с ним не связано, а потому оно вынуждено исследовать лишь то, как нескоррелированная реальность дается, но не то, чем эта реальность является сама по себе. Антропологизм подразумевает перенесение человеческих свойств (таких как мышление, воля, жизнь и чувственность) на реальность, которая не связана с мышлением. Антропоцентризм указывает на то, что ведущим предметом исследования корреляциониста является человек, а также антропные феномены вроде языка, истории, культуры и социальных практик.

Основоположником корреляционизма, по мнению Мейясу, является Иммануил Кант, так как он наложил запрет на познание реальности, независимой от мышления, и предложил сосредоточить философское исследование на том, посредством чего нескоррелированная реальность дается субъекту, т. е. на корреляции (в случае Канта — это трансцендентальный аппарат). Мейясу хочет преодолеть корреляционизм и показать, как мышление может познать реальность саму по себе. Проблема, с которой имеет дело Мейясу, заключается в том, как помыслить (и познать) не связанную с мышлением реальность инструментами одного мышления, не «заражая» эту реальность мышлением.

Нужно ли вообще бороться с корреляционизмом? Полагаем, что да, поскольку посткантовские философии зачастую упускают из поля своего рассмотрения такой предмет исследования, как независимую от мышления реальность. Без столкновения с подобной реальностью не возник бы как субъект и объект, так и отношение между ними. Соппротивление того, что не связано с субъектом, дает повод обстоятельней задуматься

над корреляционизмом и его ограничениями. Мы не хотим сказать, что философии не следует заниматься антропными феноменами — просто корреляционизм необоснованно ограничивает сферу своей деятельности преимущественно ими. Противостояние корреляционизму и смещение фокуса на несвязанную с субъектом реальность, во-первых, способствует расширению поля работы онтологии, во-вторых, проясняет условие функционирования корреляции, без которого она бы не существовала.

Мы реконструируем и дадим критическую оценку позитивной программы, предлагаемой Мейясу взамен корреляционизма. Свою онтологию Мейясу обстоятельно не прописывает ни в одном произведении. Не существует и специальной работы, посвященной онтологии Мейясу, поэтому мы постараемся восстановить разбросанные по текстам фрагменты онтологического учения философа, восполнив тем самым пробел в исследовательской литературе. Наконец, анализ философии Мейясу даст нам некоторое представление о происходящих в актуальной онтологии процессах и позволит понять, какие траектории следует выстраивать современной онтологии.

II. ЗАЯВКА НА ПРЕОДОЛЕНИЕ КОРРЕЛЯЦИОНИЗМА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ФАКТУАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Мы не ставим себе цель реконструировать рассуждение Мейясу об опровержении корреляционизма целиком, тем более, это уже сделано рядом исследователей (см. Хамис, 2013; Harman, 2011). Скажем лишь о том, что корреляционизм, по мнению Мейясу, преодолевается указанием на отсутствие достаточного основания у корреляционизма. Это значит, что корреляция и инстанции, которые она связывает, абсолютно случайны. Кроме произвольности элементов корреляционистского механизма основания нет и у *полагания* корреляции, т. е. сам выбор той или иной корреляционистской концепции не имеет необходимого основания. Отсутствие достаточного основания у корреляционизма, как и у всего прочего, философ называет фактуальностью. Эту самую фактуальность Мейясу интерпретирует как не связанную с мышлением реальность. Принцип мышления, согласно которому все случайно, включая само мышление, становится нескоррелированной реальностью.

Мейясу интерпретирует фактуальность как абсолютную случайность, которой подчинен корреляционизм. Пытаясь отрицать наличие основания у тезиса «ничего не имеет основания», мы будем воспроизводить данный тезис. Иными словами, сомневаясь в том, что у чего-то нет основания, мы подтверждаем несомненность тезиса об отсутствии основания

у всего, т. е. воспроизводим фактуальность. Таким образом, фактуальность является неопровержимым оператором всякого опровержения, и поэтому становится не просто отсутствием достаточного основания, но абсолютным отсутствием достаточного основания. Мейясу делает отправным пунктом своих рассуждений фактуальность, так как она онтологична, т. е. является условием всего, в том числе и любой философии (в частности, и корреляционизма как самого распространенного типа философской работы сегодня). Так возникает имя, которое дает Мейясу своему подходу — «фактуальная онтология». Мейясу придерживается концепции фактуальности во всех своих немногочисленных текстах. Следуя логике философа, можно предположить, что он считает, будто ему удалось вывести первый принцип философии.

Философ различает онтологию и метафизику, называя свою онтологию неметафизической, поскольку, во-первых, в ней отрицается принцип достаточного основания, во-вторых, производится отказ от Единого. Отвержение этих двух постулатов, по мнению Мейясу, достаточно для того, чтобы говорить о полном преодолении метафизики. Элиминируя достаточное основание и онтологизируя абсолютную случайность, Мейясу, по нашему мнению, развивает идею, предложенную Мартином Хайдеггером в работе «Положение об основании» (см. Хайдеггер, Коваль, 2000). А вот отказываясь от Единого, Мейясу поддерживает своего прямого учителя Алена Бадью. Математическая теория множеств в аксиоматике Цермело-Френкеля, считают Бадью и Мейясу, дает право говорить об отсутствии Единого.

Мейясу пишет: «Онтологическая значимость теоремы Кантора в том, как она раскрывает математическую мыслимость детотализации бытия-как-такового» (Мейясу, Медведева, 2015: 154). И еще одна цитата, которую мы будем обсуждать:

Абсолютизация канторовского не-Всего предполагает отнюдь не онтическую, а онтологическую абсолютизацию: поскольку речь идет о том, чтобы сказать нечто о самой структуре возможного, а не о той или иной возможной реальности. То есть сказать, что возможное как таковое (а не то или иное возможное сущее) должно необходимо быть нетотализуемо (там же: 192).

Мы видим, что под предметом онтологии Мейясу предлагает понимать не корреляцию и не инстанции, которые она связывает, но фактуальность. Точнее, онтология занимается поиском и исследованием «фигур» или условиями выполнимости фактуальности, а не теми эмпирическими сущими, которые порождает фактуальность.

Мыслителю удалось обнаружить только две фигуры фактуальной онтологии: «непротиворечивость» и «есть». В случае с «есть», нечто должно существовать, поскольку фактуальность — это каждый раз фактуальность того или иного определенного сущего. Чтобы фактуальность была, необходимо существование каких-то вещей, которые могут стать иными, и также должны быть несуществующие вещи, которые могут возникнуть. Вторая фигура подразумевает, что фактуальное сущее должно быть непротиворечиво. Иначе, если мы утверждаем необходимость какого-то противоречивого сущего, то исключаем возможность того, что это сущее может стать чем-то иным, упраздняя фактуальность как возможность всего быть другим.

Мейясу отмечает, что лишь об этих двух характеристиках нескоррелированной реальности знает фактуальная онтология. Мы не считаем, что это так, поскольку контекстуально в работах Мейясу присутствуют и другие черты не связанной с мышлением реальности. Почему вообще философ считает, что может высказывать нечто определенное о реальности самой по себе? Полагаем, в силу того, что мыслитель имплицитно вводит тождество бытия и мышления, хотя сам Мейясу не отстаивает данную идею открыто. Однако наличие тождества бытия и мышления следует из логики рассуждений философа: отсутствие достаточного основания прочитывается не просто в качестве принципа мышления, но и как сама реальность. Фактуальность означает, что мышление не только мыслит свое отсутствие, но для него полностью проницаема нескоррелированная реальность. Нерушимая стена в виде корреляции, выстроенная кантовской философией, по мнению Мейясу, рушится: случайность того, что стена разделяет (субъекта от объекта, ноэму от ноэзиса, означающее от означаемого и т. д.), а также случайность самой стены, стирает различие между элементами в корреляционном механизме; все элементы корреляции уравниваются перед фактуальностью.

Нужно заметить, что это не то тождество бытия и мышления, которого придерживалась европейская философия от Парменида до Христиана Вольфа, поскольку Мейясу отвергает черты догматической онтологии вроде Единого и достаточного основания. Упразднение корреляции (которое ведет к тождеству бытия и мышления), считает Мейясу, легитимизирует познание субъектом реальности как таковой. Помимо «непротиворечивости» и «есть», к свойствам реальности (которые неотличимы от свойств мышления) следует, по нашему мнению, отнести абсолютную случайность (достаточное основание абсолютно отсутствует), некорреляционность (нередуцируемость реальности к языку, истории, культуре,

социальным практикам и пр.), непротиворечивость (нет необходимой тождественной себе вещи), имманентность (нет сверхчувственного), множественность (Единое отсутствует), ценностная нейтральность, бессмысленность, полная проницаемость для мышления (в силу тождества мысли бытию), математизируемость.

Нескоррелированная реальность, согласно Мейясу, описывается средствами математической теории множеств, а именно аксиоматикой Цермело-Френкеля, но как именно это осуществляется, философ пока не уточняет, обещая доработать свой проект. Из логики рассуждений Мейясу следует, что кроме математики, приоритет перед другими дискурсами имеет также естествознание, поскольку оно функционирует за счет математического аппарата.

В тоже время, Мейясу ставит математическое естествознание в один ряд с другими науками, в число которых входят и гуманитарные (вроде истории, социологии и даже литературы). Философ утверждает, что среди естественных и гуманитарных наук не должно быть никакой объединяющей программы, к которой их следует редуцировать. Фактуальная онтология Мейясу защищает многообразие концептуальных моделей для объяснения миров, препятствуя подчинению этих концепций общей теории (Единому). Философ пишет, что его онтология дает «право на описание неисчерпаемых хитросплетений реальности, составляющих наш мир» (Meillassoux, 2016). Фактуальная онтология накладывает «мягкие» ограничения на науки, поскольку допускает свободу в плане построения описательных моделей, но с условием, что эти модели не будут претендовать на всеобщность. Из подобных рассуждений можно заметить, что фактуальная онтология обосновывает себя, и делает она это посредством, во-первых, обнаружения специфического поля деятельности, точнее, ее интересуют нескоррелированная реальность (фактуальность) и ее свойства, во-вторых, определения правил игры для всех научных (естественных и гуманитарных) дискурсов.

Мейясу проводит различие между онтологическим и онтическим режимом работы. Фактуальная онтология не занимается конкретным сущим (существующим или пока нет), так как это поле работы частных наук, а именно, онтики. Онтология же исследует только фактуальность как таковую, или нескоррелированную реальность. Следовательно, фактуальная онтология возвышается над другими дискурсами, но сужает поле своей работы. Фактуальную онтологию интересуют не меняющиеся эмпирические факты, а неизменные условия их возникновения.

Таким образом, Мейясу разрабатывает философию, которая представляет собой не столько гносеологическое учение, исследующее вопросы человеческого доступа, а онтологию, занимающаяся принципами функционирования и свойствами фактуальности.

III. КРИТИКА ФАКТУАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ. НЕОБХОДИМОСТЬ СМЕЩЕНИЯ ФОКУСА НА НАИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕАЛЬНОСТИ

Описанный проект выглядит как черновой набросок очень амбициозной программы. Однако уже на этом этапе данная концепция встречается с рядом серьезных трудностей — ключевая из них состоит в том, что Мейясу не обосновывает переход от мышления к реальности. Фактуальная онтология не показывает, каким образом мышление отождествляется с бытием без возврата к докантовской установке догматической метафизики. Абсолютное отсутствие достаточного основания является принципом мышления, согласно которому случайным является корреляция и полюса, которые она связывает. Но почему фактуальность — именно нескоррелированная реальность? Мейясу не дает ответ на данный вопрос. Если фактуальность есть лишь принцип мышления, но не реальность сама по себе, то весь замысел фактуальной онтологии ставится под вопрос. Выходит, что те черты нескоррелированной реальности, которые находит фактуальная онтология, характеризуют лишь мышление, но не реальность как таковую.

На это указывает Альберто Тоскано:

Все выглядит так, словно бы, пытаясь учредить суверенность философского разума, хотя и защищая принцип обосновности и нарушая корреляционистскую самодостаточность, Мейясу на самом деле восстанавливает идеализм на уровне формы. Допускается возможность выведения онтологических следствий из логических интуиций (Тоскано, Писарев, 2013: 93).

Помимо Тоскано, аналогичного мнения придерживаются Диана Хамис (см. Хамис, 2013) и Экард Линднер (Lindner, 2018). По нашему мнению, пока Мейясу не обоснует то, что фактуальная онтология замкнута не только в рамках мышления, но имеет дело с нескоррелированной реальностью, его проект следует считать несостоятельным.

Кроме этого, настаивая на том, что ничто не имеет достаточного основания, Мейясу не объясняет, почему остаются неизменными, скажем, физические законы. Если гравитация и электромагнитные поля уже могли стать чем угодно, например, кентаврами или цветами, то почему

они продолжают оставаться собой? Этому мнению придерживается и Питер Грэттон: «Мейясу должен объяснить, почему то, что есть, кажется стабильным и подчиняющимся физическим законам от одного момента к другому» (Gratton & Paul, 2015: 63).

Теперь выскажемся насчет апелляции мыслителя к математике. Мейясу отсылает к конкретной математической теории, а именно его интересует «стандартная аксиоматика множеств (так называемая аксиоматика ZF, Цермело-Френкеля), последовательно разрабатываемая с первой половины XX века на основе работ Кантора» (Мейясу, Медведева, 2015: 153). Почему Мейясу делает ставку именно на данную математическую концепцию? Представляется, философ бы ответил на это в таком духе: нет необходимой причины, так распорядилась фактуальность (абсолютная случайность) и «назначила» данную теорию в качестве подлинной. Очевидно, что это не ответ. Мейясу не может или не хочет объяснять выбор конкретной математической теории.

Мейясу убежден, что эта математическая теория описывает нескоррелированную реальность, находящуюся вне истории. Однако Александр Галлуэй отмечает, что вопрос о математике как о том, что позволяет познать нечто, находящееся вне истории — историчен:

Нет ли исторической специфики в способности математики высказываться о Великом внешнем [реальности самой по себе. — *И. Д.*]? Ответ — решительное да: такую историческую специфику можно назвать индустриальной современностью вообще и постфордистской (то есть компьютерной) современностью в частности (Galloway, 2013).

Кроме того, онтологизируя абсолютную случайность, Мейясу подразумевает случайность законов логики, а это противоречит тому, что математика неизменна. Об этом пишет Елена Косилова:

Невозможно представить себе, как этого требует Мейясу, чтобы остались неизменными законы математики, но были изменены законы и принципы логики. Ему надо было бы выбрать что-то одно из двух: или постулировать сохранение и логики, и математики, или требовать контингентности логики, но тогда говорить о том, что и математика меняется (Косилова, 2020: 173).

Кроме того, в фактуальной онтологии отсутствуют разъяснения насчет того, почему математика может описывать реальность как таковую, если сама реальность, по заверению Мейясу, нематематична. На это указывает Рэй Брассье:

Мейясу оказывается в затруднительном положении, пытаясь примирить утверждение о том, что бытие сущностно не математично, с утверждением

о том, что бытие доступно интеллектуальной интуиции [мышлению. — *И. Д.*]. Он не может утверждать, что бытие математично, не впадая в пифагорейский идеализм; но этот возврат к пифагореизму предотвращается только ценой идеализма, который делает бытие коррелятом интеллектуальной интуиции [мышления. — *И. Д.*] (Brassier, 2007: 88).

Одним словом, Мейясу предстоит приложить еще немало усилий, чтобы обосновать обращение к математике, а на данный момент его апелляция к математике несостоятельна.

Питер Грэттон подмечает, что

объяснение происхождения мышления из жизни *ex nihilo* [случайно из ничего. — *И. Д.*] и автономность чувственных вторичных качеств от математизируемых первичных качеств, в конце концов, сохраняют большую часть феноменологического объяснения опыта, традиционно используемого в корреляционизме (Gratton & Paul, 2015: 35).

Нужно с этим согласиться, поскольку тезис об автономности чувственных качеств свидетельствует о радикально независимом от нескоррелированной реальности регистре, а именно, — мышлении. Данное обстоятельство говорит о корреляционизме подхода Мейясу. Также «след» корреляционизма имеет и историософия Мейясу: фактуальная онтология постулирует материю, жизнь и мышление в качестве центральных событий во Вселенной, которые произведены фактуально, т. е. возникли абсолютно без всякой причины из ничего. В данном отношении фактуальность уподобляется «чуду», что снова говорит о зависимости от корреляционизма подхода Мейясу. Также философ не обосновывает, почему он выбирает в качестве ведущих событий именно возникновение неорганического, органического и мышления.

К тому же Мейясу противоречит себе, когда утверждает, что он «полностью запрещает себе говорить о том, что существует, не говоря уже о том, что может существовать» (Meillassoux, 2016), поскольку это сфера онтики, а не онтологии. Фактуальная онтология требует, чтобы установление свойств нескоррелированной реальности происходило не путем обращения к частным сущим, но через характеристику реальности самой по себе. Ранее здесь это не обсуждалось, но Мейясу создает концепцию субъекта (см. Девайкин, 2021), строит общественную утопию (см. Мейясу, Архипов, 2020) и пишет труд по поэме Малларме (см. Мейясу, Лосева и Саркисов, 2018). Исследование и разработка частных дискурсов несовместимы с требованием онтологии Мейясу изучать только фактуальность как таковую. К примеру, в работе 2012

года «Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого значения» Мейясу настаивает на сужении онтологической работы до установления фигур фактуальности и в том же году, не следуя этому запрету, пишет текст о Малларме «Число и сирена». Данное противоречие очевидно и не понятно, что заставляет Мейясу с ним мириться.

Тем не менее привлекательность фактуальной онтологии в том, что она позволяет существовать любым дискурсам, описывающим мир. Она лишь требует, чтобы данные дискурсы были эмпиричными (не постулировали сверхчувственное) и не допускали наличия метатеории (эмпирического дискурса, к которому бы сводились все остальные). Но нужна ли нам онтология, которая имеет основание лишь в мышлении и забывает о реальности как таковой? Мы так не считаем и полагаем, что Мейясу совершает серьёзную ошибку, когда элиминирует наивно-реалистическое представление о реальности. Философ выдает фактуальность и принципы, согласно которым она работает, за нескоррелированную реальность. На деле все наоборот: Мейясу не преодолевает корреляционизм, но лишь усиливает его, теряя контакт с реальностью самой по себе. Философ не освобождает представление о реальности как таковой от корреляции, наоборот, он еще сильнее заражает его мышлением. Фактуальная онтология, вопреки заявлениям ее автора, остается антропоцентричной философией, исследующей человеческие феномены (в частности, мышление) строго внутри корреляции.

Фактуальная онтология ценна тем, что показала трудность, с которой приходится иметь дело, если мы отказываемся от представления о реальности как о чем-то, что «ушибает» чувственность субъекта. Стремление Мейясу редуцировать уровень чувственности, культивируя мышление, ведет к тому, что повседневному соприкосновению с реальностью не уделяется в фактуальной онтологии никакого внимания. А ведь без аффицирования чувственности были бы невозможны мышление и мыслимые объекты. По нашему мнению, смещение фокуса на давление реальности на субъекта способствует расширению поля онтологической работы. Кроме того, это поможет прояснению оснований корреляционизма как самой распространенной на сегодняшний день философской концепции. Борьба с корреляционизмом необходима, но Мейясу ведет ее не теми способами, и это оборачивается построением ложной онтологической программы.

Мы считаем, что корреляционизм преодолеть в принципе невозможно, то есть нельзя изобрести такую философскую концепцию, которая бы,

в конечном счете, не являлась теорией мышления. Однако следует уменьшить влияние корреляционизма на философию, перенеся акцент на навязывающую себя реальность. От субъекта требуется снизить познавательную активность, поскольку это ведет к забвению реальности самой по себе и гипертрофии корреляции.

ЛИТЕРАТУРА

- Девайкин И. А.* Векторный субъект в фактуальной онтологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. — 2021. — Т. 21, № 3. — С. 247–251.
- Косилова Е. В.* Соотношение философии математики и физики у К. Мейясу // Идеи и идеалы. — 2020. — Т. 12, № 2. — С. 167–183.
- Мейясу К.* После конечности : эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. — М. : Кабинетный ученый, 2015.
- Мейясу К.* Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / пер. с фр. С. А. Лосевой, К. С. Саркисова. — М. : Носорог, 2018.
- Мейясу К.* Имманентность потустороннего Мира / Сигма ; пер. с фр. Н. Архипова. — 2020. — URL: <https://syg.ma/@nikita-archipov/kvientin-mieiiiasu-immanentnostpotustoronniegho-mira> (дата обр. 1 мая 2023).
- Тоскано А.* Против спекулятивизма / пер. с англ. А. А. Писарева // Логос. — 2013. — Т. 92, № 2. — С. 81–93.
- Хайдеггер М.* Положение об основании / пер. с нем. О. А. Коваль. — СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, Алетейя, 2000.
- Хамис Д.* Пустота корреляционизма // Логос. — 2013. — Т. 92, № 2. — С. 113–127.
- Brassier R.* Nihil Unbound : Enlightenment and Extinction. — London : Palgrave Macmillan, 2007.
- Galloway A. R.* The Poverty of Philosophy : Realism and Post-Fordism // Critical Inquiry. — 2013. — Vol. 39, no. 2. — P. 347–366.
- Gratton P., Paul J.* The Meillassoux Dictionary. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2015.
- Harman G.* Quentin Meillassoux : Philosophy in the Making. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011.
- Lindner E.* Un-Becoming. An Uneven Note on Meillassoux and Deleuze / Inorganic Life. — 2018. — URL: <https://homepage.univie.ac.at/eckardt.lindner/?p=180> (visited on May 1, 2022).
- Meillassoux Q.* Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign // Genealogies of Speculation. Materialism and Subjectivity since Structuralism / ed. by A. Avenessian, S. Malik. — London : Bloomsbury, 2016.

Devaykin, I. A. 2024. "Faktual'naya ontologiya Kventina Meyyasu? [Factuality Ontology by Quentin Meillassoux?]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 117–129.

IGOR' DEVAYKIN

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR LECTURER

MOSCOW TECHNICAL UNIVERSITY OF COMMUNICATION AND INFORMATICS (MOSCOW, RUSSIA)

LECTURER

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-8938-9566

FACTIALITY ONTOLOGY BY QUENTIN MEILLASSOUX?

Submitted: May 04, 2023. Reviewed: July 28, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: Quentin Meillassoux is known as one of the most ardent fighters against correlationism in modern philosophy. However, unlike the negative part of his program (aimed at criticizing correlationism), the positive part is almost never discussed by researchers in philosophy. There is no work in which Meillassoux systematically outlines his project, which he proposes to replace correlationism. We set ourselves the goal of reconstructing this section of Meillassoux's philosophy and showing whether the thinker manages to solve the problems that he proposes within the framework of his project. By correlationism, Meillassoux understands the set of post-Kantian concepts in philosophy, which rejects the possibility of knowing a reality independent of thinking, and proposes to focus research on the connection (correlation) between thinking and reality as such. It is worth agreeing with Meillassoux that this philosophical way should be fought due to the fact that it is not sufficiently reflective of its own premises. Correlationism also unduly narrows the field of philosophical work. According to Meillassoux, correlationism is overcome by factuality, understood as the absolute lack of sufficiency in anything, including correlationism. Factuality as absolute groundlessness is a reality independent of the subject. Also factuality takes philosophy beyond correlationism. The project that studies the properties of factuality, Meillassoux calls factual ontology. The philosopher substantiates factual ontology by, firstly, raising it above all discourses, and secondly, outlining the field of its activity. We come to the conclusion that the factual ontology is untenable due to the fact that it enhances correlationism, and does not overcome it. Nevertheless, in our opinion, philosophy should shift its attention to the everyday pressure of reality as such on the sensuality of the subject, since this helps to reduce the role of correlationism.

Keywords: Q. Meillassoux, I. Kant, Correlationism, Factuality Ontology, Reality as Such, Passive Subject.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-117-129.

REFERENCES

- Brassier, R. 2007. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. London: Palgrave Macmillan.
- Devaykin, I. A. 2021. "Vektorny sub'yekt v faktual'noy ontologii [The Vectorial Subject in the Factuality Ontology]" [in Russian]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [News of the Saratov University. New Episode. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]* 21 (3): 247–251.
- Galloway, A. R. 2013. "The Poverty of Philosophy: Realism and Post-Fordism." *Critical Inquiry* 39 (2): 347–366.

- Gratton, R., and J. Paul. 2015. *The Meillassoux Dictionary*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Harman, G. 2011. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Heidegger, M. 2000. *Polozheniye ob osnovanii [Der Satz vom Grund]* [in Russian]. Trans. from the German by O. A. Koval'. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU / Aletheia [The Metaphysics Research Lab at SPbU's Faculty of Philosophy and Aletheia].
- Khamis, D. 2013. "Pustota korrelyatsionizma [Correlationist Sterility]" [in Russian]. *Logos* 92 (2): 113–127.
- Kosilova, Ye. V. 2020. "Sootnosheniye filosofii matematiki i fiziki u K. Meyyasu [The Relationship between Philosophy of Mathematics and Physics of Q. Meillassoux]" [in Russian]. *Idei i idealy [Ideas and Ideals]* 12 (2): 167–183.
- Lindner, E. 2018. "Un-Becoming. An Uneven Note on Meillassoux and Deleuze." Inorganic Life. Accessed May 1, 2022. <https://homepage.univie.ac.at/eckardt.lindner/?p=180>.
- Meillassoux, Q. 2015. *Posle konechnosti [Après la finitude]: esse o neobkhodimosti kontingentnosti [Essai sur la nécessité de la contingence]* [in Russian]. Trans. from the French by L. Medvedeva. Moskva [Moscow]: Kabinetnyy uchenyy [Armchair Scientist].
- . 2016. "Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign." In *Genealogies of Speculation. Materialism and Subjectivity since Structuralism*, ed. by A. Avenessian and S. Malik. London: Bloomsbury.
- . 2018. *Chislo i sirena. Chteniye "Broska kostey" Mallarme [Le Nombre et la sirène]* [in Russian]. Trans. from the French by S. A. Loseva and K. S. Sarkisov. Moskva [Moscow]: Nosorog.
- . 2020. "Immanentnost' potustoronnego Mira [L'immanence d'outre-Monde]" [in Russian]. Trans. from the French by N. Arkhipov. Sigma. Accessed May 1, 2023. <https://syg.ma/@nikita-archipov/kvientin-meiiasu-immanentnostpotustoronniegho-mira>.
- Toscano, A. 2013. "Protiv spekulativizma [Against Speculation, or, a Critique of the Critique of Critique: A Remark on Quentin Meillassoux's After Finitude (After Colletti)]" [in Russian], trans. from the English by A. A. Pisarev. *Logos* 92 (2): 81–93.

САМСОН ЛИВЕРМАН, АДЕЛЯ ХАЯЛЕЕВА*

ОТ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА К ЛОКАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ**

ОБ ОСНОВАНИЯХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ
«ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПОВОРОТА»

Получено: 07.04.2023. Рецензировано: 12.09.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: В статье рассмотрена возможность понимания перевода в качестве языка современного мира. Авторы обращают внимание на то, что перевод сегодня становится значимым явлением не только в области языка и текстов, но и внутри политической, социальной областей. Приводится мнение ряда исследователей о необходимости рассматривать перевод не только как культурологическую, но как антропологическую и даже онтологическую проблемы. Основная цель исследования — определить «переводческий поворот» не только как продолжение и развитие лингвистического поворота (как предлагает его рассматривать автор термина Д. Вахманн-Медик), но и как его отрицание и противоречие. Отличие между поворотами авторы предлагают рассматривать как продолжение онтологической оппозиции между тождеством и различием, где язык и лингвистика будет на стороне первого, а перевод — второго. В качестве же экономико-исторического основания поворота от языка к переводу авторы предлагают рассмотреть переход от парадигмы глобализации к «глокализации». Отличительной чертой глокализационного капитала авторы считают появление платформ и связанных с ними систем производства и потребления. Главный вывод статьи — формулирование противоречия между эмансипаторным потенциалом переводческих практик и тотализирующей реализацией этого принципа в современном капитализме. Проводится аналогия с концептом дискурса у Фуко: если, согласно последнему, миссия интеллектуала заключается в обнаружении власти языка, то сегодня она может заключаться в обнаружении власти перевода.

Ключевые слова: перевод, культура как перевод, дискурс, лингвистический поворот, культурный поворот, переводческий поворот, различие, тождество.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-130-148.

*Либерман Самсон Александрович, к. филос. н., доцент, Казанский федеральный университет (Казань), samsonliberman@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9987-9905; Хаялеева Аделя Камилевна, к. филос. н., Казанский государственный медицинский университет (Казань), adel.alpen@gmail.com.

**© Либерман С. А.; Хаялеева А. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

ПОВОРОТ К ПЕРЕВОДУ

В начале XXI века многими исследователями артикулировались большие надежды на английский как язык нового глобального мира, эта идея «висела в воздухе». Однако спустя десятилетие она теряет свои позиции общепринятого мнения (Цукерман, Симановский, 2015: 152–156), Этан Цукерман рассматривает этот процесс как частный момент разрушения идеи глобального мира. Место универсального английского или «глобиша», как его называет Барбара Кассен, занимают национальные языки, а повсеместной практикой становится перевод. Например, силами локальных сообществ материалы на языках малых народов публикуются в международных проектах или местные новости о событиях внутри страны переводятся на мировые языки, встраиваются в мировую повестку и наоборот (там же: 157–158). Умберто Эко объявляет перевод языком Европы (Эко, Миролюбовая, 2007), сегодня эта тенденция вышла далеко за пределы континента.

Стоит сказать, что интуиция неуспешности проекта единого глобального мира, универсального языка общения существует довольно давно. У Хосе Ортеги-и-Гассета мы находим сюжет о том, как латынь, став универсальным языком для очень разных народов, в итоге изжила себя, разменяв свой внутренний потенциал на простоту и возможность быть повсеместной: «Вульгарная латынь пылится в архивах, как леденящая душу окаменелость, мертвый свидетель того, как под пятой вульгарной однородности агонизировала история, утратив животворное „многообразие ситуаций“» (Ортега-и-Гассет, Гелескул, 1998). Невозможность на одном языке выразить разнообразие народов Европы завершилось логично — смертью этого языка. Претензия латыни на универсальность и тотальность вывела ее из живой языковой практики в область трансцендентного, превратив в чистый, но мертвый язык науки.

Сегодня статус универсального языка приобретает сама процедура перевода, поэтому возникает необходимость проанализировать ее эвристические возможности с одной стороны, и опасности (аналогично власти языка в рамках лингвистических теорий и теории дискурса Фуко) — с другой. Сама возможность постановки вопроса об универсальности перевода становится возможна благодаря целому корпусу поворотов в науке, культуре и философии. Увидев в русскоязычном названии статьи термины «язык» и «современность», читатель может подумать, что речь снова пойдет о «лингвистическом повороте». Действительно, понимание перевода как философской проблемы кажется

логичным разворотом вопроса о статусе языка. И несмотря на несколько иной фокус нашего исследования, фраза «произошел лингвистический поворот», давно ставшая чем-то вроде клише и трюизма в культурно-философской литературе, все еще оставляет много вопросов, которые нам необходимо рассмотреть.

Их подробно исследует Дорис Бахманн-Медик (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017). Культуролог понимает лингвистический поворот как метасдвиг в парадигме науки и философии, который изменил облик гуманитарного дискурса XX века. Также Бахманн-Медик отмечает, что из-под влияния лингвистического нарратива выходят науки о культуре, что выражается в комплексе поворотов, которые произошли после лингвистического, объединенные программой «cultural studies». Среди культурных поворотов автор выделяет интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и иконический, каждый из поворотов рассматривается «в сцепке» с остальными, каждый последующий все больше выходит из-под влияния лингвистического поворота.

Специфика подхода Бахманн-Медик состоит в том, что повороты понимаются как новый этап в исследованиях культуры, каждый из которых раскрывает новый аспект в теории, не снимая предыдущих. Например, переводческий поворот раскрывается в контексте постколониальных дискуссий, а также изменений пространственных представлений о мире. Интерпретативный, перформативный и рефлексивный повороты оказались предтечами возникновения переводческого поворота, смещая акцент с языковой структуры на отношения внутри культур и между культурами.

В рамках переводческого поворота происходит расширение определения перевода и области его применения. Перевод не только опосредует операции между разными языками, но и включен в процесс индивидуальной речи и функционирует на уровне межкультурного взаимодействия. Кроме того, обнаруживается, что перевод существует не только меж-, кросс-, но и внутрикультурно. Процедура перевода является важной процедурой для объяснения взаимодействий между акторами с позиции акторно-сетевой теории, которую иногда называют социологией перевода (Латур, Полонская, 2014). Такое расширительное понимание перевода, с одной стороны, позволяет увидеть его возможности и влияние далеко за пределами языка, с другой стороны, перевод рискует стать очередной звонкой метафорой в исследованиях

культуры и общества, не добавляя ничего к этим исследованиям. Поэтому, как отмечает Бахманн-Медик, переводческий поворот должен наполняться конкретными исследованиями. Итак, перевод становится не только универсальным языком коммуникации, но пронизывает все уровни бытия и события человека — от собственной речи, до процессов кросс-культурного, межкультурного переводов.

Одно из положений Бахманн-Медик в рамках переводческого поворота — определение культуры как перевода (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017: 292). Каждая культура включает в себя опыт переводов с других культур, суммирует опыт взаимодействия со множеством других типов культур. Но кроме межкультурных переносов, переводы происходят и внутри культур. Такое понимание исключает представления о культуре как о сакральном содержании, которую нужно охранять от воздействия извне. С одной стороны, определение культуры как перевода довольно метафорично, с другой стороны, как отмечает автор, оно постепенно наполняется конкретными практиками. Это перевод городских знаков, вывесок, официальных документов на сайтах на национальные языки; перевод эмигрантов в ряды граждан и выстраивание с ними гражданских отношений; перевод таких маргинальных языковых форм как феминитивы на уровень нормативного языка (или запрет на такой перевод) и т. д.

Изначально поворот произошел внутри теории перевода, когда в 80-е годы XX века на место практики «этноцентрического» перевода Антуаном Берманом была предложена концепция «этического» перевода (Берман, Бендет, 2011). Акценты смещаются с перевода текста на трансляцию смыслов, ценностей культуры, с которой совершается перевод. Практика перевода с ориентацией на читателя, а чаще всего это образованный белый европеец, не способствует налаживанию «горизонтальных» связей, а лишь укрепляет существующие иерархичные отношения. «Этическая» теория перевода предлагает на место универсальных знаков — практики открытости, взаимонаправленности, интерпретативности культур. Целью перевода в рамках «этического» подхода является не сделать текст оригинала понятным читателю, а побудить этого читателя открыться навстречу исследованию культуры, с языка которой совершался перевод. В свете этического подхода знаменитая итальянская поговорка «*traduttore — traditore*» обретает новый смысл. Подлинный перевод — тот, который передает целевой язык, а не исходный.

Похожие соображения можно найти и в антропологии. Эдуарду Вивейруш де Кастру перефразирует Бенямина:

Хороший перевод — тот, которому удается сделать так, что чужие концепты начинают деформировать и разрушать концептуальный аппарат переводчика, дабы *intencio* исходного аппарата могло получить в нем выражение и соответственно трансформировать целевой язык (Вивейруш де Кастру, Кралечкин, 2017: 52).

Антропология как наука, которая традиционно «переводит» культуру туземцев на язык цивилизованного мира также оказалась ограничена этноцентрическим стилем перевода, что в конечном итоге оборачивается против самой дисциплины. Кастру предлагает проект антропологии, который должен произвести переворот оптики с антропологии с принципа отделения человеческого от нечеловеческого в пользу «несконечного гуманизма» (там же: 13).

Кроме того, разрушается иллюзия способности полевого этнографа предоставлять доступ к аутентичной чужой культуре. Джеймс Клифффорд отмечает, что культуры не застывают перед антропологом и не остаются неподвижными в процессе перевода (Clifford, 1986: 10). Этот же автор в статье «Об этнографическом авторитете» показывает, насколько этнографическое описание стоит в позиции зависимости от авторитета писателя и конвенций письма и изображения. (Clifford, 1983) В свете новой критики этнографические тексты и массовые формы передачи этнографических исследований переосмысляются в качестве культурных переводов.

Несмотря на то, что на перевод часто накладывают функцию сообщения, диалога, Бахманн-Медик отмечает, что главная движущая сила переводческого поворота — разрушение. Это разрушение сложившихся отношений, отношений власти, в том числе между центром и периферией. За этим разложением следует развитие постколониальных дискуссий, критики универсальных товарных знаков, практики взаимоперевода между национальными культурами и т. д. Но главное, что подвергается критике — это примат тождества над различием. Переводческий поворот должен разрушать привычные соотношения между культурами первого, второго, третьего и т. д. миров, а также препятствовать универсализации. Таким образом, функцией перевода становится артикуляция различий вместо сходств.

Но и этого по мнению многих недостаточно. Так, уже упоминавшийся Кастру предлагает проект «постструктурной антропологии», противопоставляемый привычному пониманию об этой науке как многотомном зеркале, в котором антрополог видит исключительно собственное

отражение, собственные инструменты, но не чужую культуру. Прежняя антропология строится на оппозиции своего-чужого, современного-немодерного, культурного-дикого и т. д., то есть пытается определить, чего нет у других и задает вопрос: что позволяет обозначить их как не-современных, не-западных, не-людей? Такая постановка вопроса уже предполагает ответ, где все культуры, отличные от моей сольются в «отрицательной инаковости». Программа «Анти-Нарцисса», предлагаемая Кастру, предлагает увеличивать незначительные множества. Его идея не в том, чтобы отказаться от различия, но сделать эти различия существенными. Он предлагает вместо анализа туземных народов в терминах европейской науки примерить антропологу позицию изучаемых сообществ — мультинационализм и перспективизм — буквально воплотиться в них, подобно шаманам, воплощающимся в тела животных или умерших людей.

Такие процессы буквально разрушительны, тот же шаман находится в пространстве между жизнью и смертью. Для переводчика это грозит разрушением собственного языка и ценностных ориентиров. Но, по мнению бразильского антрополога, только в таком виде возможен настоящий перевод.

Близкую по смыслу, но менее радикальную по воплощению критику европейских категорий находим у индийского историка Дипеша Чакрабарти. Он пишет, что перевод должен осмысляться не только кросс-культурно, но и кросс-категориально, т. е. на место универсальных европоцентристских категорий должна прийти открытость внеевропейским категориям и принципам (Чакрабарти, Бавин, 2017: 83).

Перевод должен был прийти на смену универсальному языку, но если перевод становится повсеместным, он рискует в себе воплотить старые черты тотальности. Существует риск его использования для поддержки европоцентричного или любого другого этноцентричного порядка. У Бахманн-Медик мы находим цитату исследователя постколониализма Хоми Бабы:

Каждое транснациональное культурное исследование должно всякий раз заново, в соответствии с локальной спецификой, «переводить» те элементы, которые децентрируют и дестабилизируют эту транснациональную глобальность, чтобы не оказаться под влиянием новых глобальных технологий потребления культуры и переваривания идеологии (Bhabha, 1994: 241).

За переводом всегда стоят люди, а значит и интересы (государств, корпораций, классов, платформ и т. д.). Например, когда всё большее

число языков добавляются в международные системы машинного перевода, имеет значение на основе каких текстов и каких алгоритмов этот перевод будет строиться. Если в качестве базы для обучения системы будет вноситься корпус официальной документации, это сформирует определенный стиль перевода. Если литературный стиль или стиль повседневной переписки в соцсетях — другой. «Перевод [...] состоит на службе у различия» (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017: 292), но и сам перевод, как только становится невидимым и регулярным средством, способен эти различия нивелировать и стать универсальным и тотализирующим языком.

Перевод — это некоторая неустойчивость, он всегда производится со сдвигом или смещением. Нельзя воспроизвести те же ощущения и отношения на другом языке, нельзя даже свой внутренний язык перевести в аналогичную речь, за исключением речи сумасшедшего (Руднев, 2000). Непостоянный характер перевода напоминает природу общественных отношений, неустойчивых связей, негарантированных и неопишуемых. На перевод часто накладывают функцию возведения мостов между культурами, языками, субъектами, по которым можно пройти навстречу друг другу и слиться в экстазе узнавания. Но универсализация не предполагает построения новых отношений. Перевод возможен только там, где существуют различия и сегодня задача перевода — эти различия артикулировать и усиливать.

Язык, как мы знаем из текстов Мишеля Фуко и его последователей, — структура, претендующая на власть и тотальность. И чем менее язык заметен и «естественен», тем сильнее его власть и тем сложнее нам сопротивляться дискурсу. «Этический» же перевод, противостоящий «этноцентричному», то есть ориентированному на потребителя, помогает обнаружить эту власть, вывести ее из тени, тем самым ослабив ее влияние. Именно фукольдианское «обнаружение власти» является главной миссией интеллектуала, и перевод как обнаружение «непереводимостей» и «разрывов» в языке является одним из орудий такого сопротивления власти тотальности языка.

Таким образом, переводческий поворот не просто логично продолжает лингвистический поворот, но скорее наоборот: вместо универсального основания вводит мышление границами, предлагает искать и формулировать различия и множественность — культур, языков, структур, отношений. На место представлений о переводе как процессе, способствующего сближению культур, взаимопониманию, узнаванию чужого

приходит концепция перевода, который помогает разрушить привычные отношения власти и порядка. Перевод в его этическом замысле направлен на выстраивание границ и увеличение множественностей, понятый расширительно, он помогает выстраивать границы не только между культурами, но и кросс-категориально, внутрикультурно.

Перевод в качестве языка современного мира, следуя собственной логике открытости, неидеальности может работать только как потенциальная незавершенность, несовершенство. Это укладывается в логику непереводаемости «Европейского словаря философий» Барбары Кассен (Европейский словарь философий. Т. 1, 2015), которая обнаружила, формулу непереводаемости — то, что не перестает переводиться (Автономова, 2019). В то же время, перевод совершается людьми (или задается ими, если говорить о машинном переводе), поэтому он также не лишен идеологической направленности. От нас требуется осмотрительность в переводе и внимательное отношение к своему и чужому.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Важно, что мы рассматриваем переводческий поворот не просто как развитие и продолжение лингвистического, но в оппозиции к нему. В некотором смысле, мы отходим от первоначального замысла Бахманн-Медик о множестве разных поворотов, происходящих внутри развития *cultural studies*. Мы подменяем принцип «поворота к поворотам», который отсылает к культурной сложности и множественности (Федотова, 2019: 33) вполне жесткой бинарной оппозицией между универсальным языком как практикой тождества и уравнивания с одной стороны и переводом как практикой различия с другой. Это противопоставление является скорее риторическим, оно нужно, чтобы подчеркнуть разницу между лингвистическим поворотом и переводческим, выделить последний на фоне остальных поворотов. Но при этом придется отказаться от принципа объяснения многократной «поворотности» самой Бахманн-Медик (Bachmann-Medick, 2017: 48) — она считает таковым внутреннюю динамику развития культурологического знания, связанную с нелиберальной политикой производства науки.

Мы предлагаем понимать эту бинарную оппозицию между универсальным моно-языком и практиками перевода исторически, как следствие изменений внутри капиталистических отношений. Рассуждая таким образом, можно выделить две стратегии отношения к языку и языкам. Первую мы назовем условно глобалистской, она будет связана с представлением о едином языковом пространстве, сближении

культур и разрушению границ, вторую можно назвать «глокализационной», она связана с усилением «сепаратистских» тенденций, усилением межкультурных различий. Обе стратегии имеют свои исторические основания: глобалистской соответствует «состояние постмодерна», как его описывает «географический материалист» Дэвид Харви (Харви, 2019), а глокализационной — «надзорный капитализм платформ» Ника Срничека (Срничек, Добрякова, 2019) и Шошанны Зубофф (Зубофф, Васильев, 2022).

Повторимся, что этот путь определений является намеренно грубым и прямым упрощением. Мы далеки от того, чтобы вслед за теми же Ш. Зубофф и Д. Харви всерьез говорить об иерархических отношениях базиса и надстройки между культурой и экономикой (Колозариди, 2022: 256–257) (Сафронов, 2021: 212). Нам гораздо ближе оптика А. Левенхаупт Цзин, которая говорит о мешанине¹, ландшафтах и переводах в духе социологии перевода и АСТ или, как отмечают авторы одной из рецензий, «пост-АСТ» (Шалагинов, Сержан, 2018: 242), когда культурное оказывается неотделимым от экономического, а природное — от общественного (Цзин, Мартынова, 2017).

Несмотря на то, что мы продолжаем придерживаться указанного в первом разделе статьи пути удержания различий и множественности, в противовес глобальному слиянию всего со всем, сами парадигмы глобального и глокального, лингвистики и переводоведения необходимо четко развести. Грубость истмата и бинарных оппозиций в нашем случае оказывается оправданной для расстановки акцентов и проведения границ, пусть и условных.

Итак, гибкое накопление, которое описывает Д. Харви, с одной стороны приводит к усилению международных экономических отношений, с другой — оно выстраивает эти отношения иерархически по принципу центра и периферии. Вывоз материальных производств в страны третьего мира сделал мир единым и глобальным, однако он же создал и разрыв между странами первого мира и всеми остальными. Стратегия глобализации в этом смысле имеет в себе четко просматриваемую идеологическую составляющую — сокрытие этого разрыва. Суть «глобиша» состоит именно в этом: несмотря на то, что почти все производится в Китае/Бангладеше/Турции и т. д., а потребляется по всему миру,

¹Примечательно, что к переводу именно этого термина есть ряд претензий, на которые обращает внимание автор рецензии на эту книгу (Касаткина, 2018).

маркировка товара, в том числе указание на место производства, всегда будет на английском языке: «made in China».

Каков бы ни был труд по своей культурной и языковой принадлежности, его продукты встраиваются в мировой капитализм и предстают там отчужденно. И это отчуждение «говорит» на английском языке. «Частное, выдаваемое за всеобщее» — классическое определение идеологии вполне точно описывает этот процесс.

Еще одна характерная черта глобального мира — единое культурное пространство. «Фабрика грез» работает бесперебойно и без выходных — этот труд никуда не вывозится, наоборот: право голоса в мировом культурном пространстве узурпировано. Не только массмаркет, но и массовая культура производится индустриально и стандартизовано, и «глобиш» является одним из этих стандартов. Человек оказывается распротертым перед киноэкраном, который обрушивает на него единый стандартизированный поток массовой культуры. Метафора прямого подключения человека к потокам информации и культуры, распространенная в киберпанке, довольно точно схватывает этот процесс.

Но культур-индустрия, как ее описывает, например, Теодор Адорно, не только превращает артефакты культуры и символы в товар, которые от этого становятся стандартными и шаблонными. Она также превращает все товары в символы и артефакты. Почти в одинаковых выражениях и одинаковыми ссылками на идеологию как «форму товара» у Карла Маркса, эту особенность массовой культуры подмечают Славой Жижек (Жижек, Сафронов, 1999: 23) и Жан Бодрийяр (Бодрийяр, Кралечкин, 2007: 199–200). Именно «культурность» капитализма XX века, то есть выход на передний план «знаковой стоимости» товаров, позволила появиться философскому слогану «мир как текст» и заложила возможность лингвистического поворота.

«Кодирование» Ника Ланда, «мир-системы» Иммануила Валлерстайна, «самоорганизующаяся материя» в синергетике — все эти концепты призваны в числе прочего показать (1) совпадение знака и референта (2) ретроактивность системы, ее способность перезапускаться и самовоспроизводиться. Примером такого рода сущности может быть не только компьютерный код, но и генный, который не только является материальной и языковой структурой одновременно, но и механизмом саморегуляции. Кибернетический образ самоорганизующейся и самовоспроизводящейся информационной или знаковой системы, способной производить саморегуляцию через контролируемые отклонения — одна из главных метафор глобализации.

И эта парадигма, как мы уже говорили, скрывает противоречия между центром и периферией, разными культурами, языками и т. д., выставляя эти различия как момент тождества, который обязательно будет преодолен и снят в будущем, в духе гегелевской диалектики. Однако сегодня подобные попытки «ретушировать» границы и представить мир как единое целое и глобальную деревню как никогда кажутся наивными и неосуществимыми. Так почему же не оправдались «надежды глобалистов»? В том числе, потому что поменялась структура товарного и культурного производства.

Платформенный капитализм, как его описывает Ник Срничек (Срничек, Добрякова, 2019), представляет собой еще более виртуализированную систему, нежели привычный капитализм финансовый. Мы сегодня погружены не только в мировую систему денежных потоков и связанных с ними потоков товаров, желания и потребления, но и в систему просмотров, лайков, трендов, умную логистику и т. д.

Маркетплейсы избавились от «глобиша», заменив его машинным переводом (описание товаров на AliExpress стали мемом), уничтожив жесткую иерархию между производством и потреблением. Еще совсем недавно товарные потоки с необходимостью должны были быть стандартизированы и универсализированы посредством единого мирового языка, который соединял труд и капитал, производство и потребление. Сегодня платформы подключают одно к другому без опосредования единым языком. Хотя нельзя сказать, что это происходит «напрямую», просто «глобиш» был потеснен переводом на месте универсального посредника.

Важно отметить, что подобные процессы сопротивления глобализации существовали и до появления платформ. Как отмечала Бахманн-Медик, циркуляция мировых универсальных знаков только создает впечатление избыточности процесса перевода, на самом же деле без него не обойтись (Бахманн-Медик, Ташкенов, 2017: 256). Уже упоминавшаяся Анна Левенхаупт Цзин подробно исследует, например, как «свобода» оказывается одним из таких универсальных знаков или идеологем, скрывающих процессы перевода, в частности перевода «трофеев» и даров природы в рыночные товары и далее снова в подарки в духе экономики дара. Утилизационное накопление, то есть «создание капиталистической стоимости в некапиталистических стоимостных укладах» (Цзин, Мартынова, 2017: 170), а значит и процессы перевода между этими укладами, существуют на протяжении всей капиталистической эпохи.

Однако сегодня эти процессы перевода стали заметны и видимы, в том числе благодаря информатизации и развитию социальных сетей.

Так же как культур-индустрия у Т. Адорно была шаблонной, иерархичной и однонаправленной (от продюсера фильма к кинозрителю), массовое производство тоже имело четко закрепленные роли производителя и потребителя. Сегодня же платформы превращают нас всех из пассивных потребителей в активных пользователей, провоцируя нас не только потреблять, но и производить контент, услуги и товары.

Так как социальные сети, маркетплейсы, поисковики и прочие сервисы по подбору услуг зарабатывают на сборе и обработке данных своих пользователей, то главным их стремлением будет не удерживать и производить потребительское желание, а удерживать и производить пользовательское внимание. Google, Amazon, Facebook ничего нам не продают напрямую, они лишь хотят, чтобы мы кликали, свайпали и лайкали, чтобы все более точно предсказывать и модерировать наше поведение. И главными инструментами здесь становятся шеринг, геймификация и дизайн².

«Либидинальная экономика», крепко сцепленная с «состоянием пост-модерна» в версии Дэвида Харви сегодня сменяется «экономикой внимания», повязанной с «надзорным капитализмом платформ». Активные пользователи, производимые платформенной культурой, в отличие от пассивных потребителей массовой, четко артикулируют свою идентичность, уверены в собственных способностях и возможностях влиять на политическую повестку. Кухонные и кулуарные разговоры полушепотом, приводившие обычно лишь к разведению рук в духе «а что мы можем?», стали публичными скандалами в социальных сетях, призывающими к немедленным действиям.

Политика идентичности, которую Фрэнсис Фукуяма описывает как наиболее эвристическую оптику при рассмотрении современных ему событий в мировой политике (Фукуяма, Соловьев, 2019), напоминает своими механиками инструменты цифровой гигиены. Баны, выходы из чата, кэнселлинг, закрытые сообщества — все это приводит к образованию пресловутых информационных пузырей, создаваемых на основе фильтров предпочтений. Радикализуясь в небольших «сектоподобных» сообществах, пользователи становятся активнее, яростнее, а главное — аутентичнее. Претензия на право самовыражения подлинной

²Подробнее об отчуждении внимания смотри в нашей статье (Liberman, 2021).

угнетенной идентичности лежит как в основании современных право-популистских режимов (Фукуяма, Соловьев, 2019: 17), так и в основании лево-ориентированных миноритарных сообществ. Возможность кэнселлинга и сепарации контента (а иногда кэнселлинга целых культур) одинаково упорно отстаивается и теми, и другими.

О связи платформ и практик перевода говорит, с одной стороны, распространение феномена машинного перевода, когда перевод оказывается доступен буквально каждому. С другой — появление пользовательских переводов, конкурирующих по качеству с профессиональными, потому что последние зачастую являются или трудно отличимыми от машинного³, или откровенно искажающими оригинал⁴.

Сегодня разные дисциплины обнаруживают эвристические способности перевода в качестве метода познания, сообщения, выстраивания собственной идентичности. Выступая против построения универсальных знаков, миров, перевод сам становится универсальной формулой современного мира. Однако, в этом его главная уязвимость. Культура, построенная на принципе перевода, не может существовать в качестве завершенной и оформленной, она требует постоянного переустройства устойчивых связей. Но именно такое новое мироустройство, которое многие исследователи несколько лет назад называли глокализацией, позволяет говорить о переводе как мировом языке. Перевод, таким образом, является не просто маркером или поверхностной идеологией современной эпохи, но одним из ее фундаментальных оснований.

И именно эта укорененность в настоящее, в политические и экономические отношения, заставляет нас более пристально и внимательно относиться к переводу. Не только как к феномену, требующему исследовательского внимания, но и как к реальной проблеме, реальной практике конструирования современных отношений.

³Подробнее см. пост Феликса Сандалова с сравнением машинного перевода и издательского книги Славоя Жижека «Небеса в смятении»: <https://www.facebook.com/from.depot/posts/pfbid02MfLcfue2QBDfhSFZSn5h5eof1UQu2AMDMaHuZ7GBgFydeUuDfmt2BmzmKKJqsoVG1> или критику от Никиты Архипова переводов Лакана (Архипов, 2022).

⁴В качестве примера можно привести неутраченные дискуссии вокруг переводов работ Квентина Мейясу. Даже не говоря об уже упоминавшемся Никите Архипове, переводчике «Вненаучной фантастики», можно упомянуть подкаст «Новая нормальность» с переводчицей «После конечности» Линой Медведевой, где она высказывает несколько претензий к итоговому переводу (Миктум, Медведева, 2018) и статью Алексея Кардаша (Кардаш, 2022), где он указывает на сокращение 17 из 38 страниц исходного текста Итераций (Meillassoux, Maskay, 2012) при переводе от Транслита (Мейясу, Морозов, 2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует вспомнить основные наши положения.

Перевод может и должен быть рассмотрен как ведущая практика мировосприятия и (не)человеческих отношений. Аналогично тому, как мыслители эпохи лингвистического поворота склонны были трактовать мир как текст, как языковую конструкцию, многие современные мыслители принимают в качестве такой парадигмы мировосприятия перевод. Ярким примером теории, в которой «все оказывается переводом» является АСТ в изложении Бруно Латура, или даже «социология перевода» (Латур, Полонская, 2014)

Основное отличие парадигмы перевода от парадигмы языка кроется в онтологическом основании. Если первая рассматривает все феномены как часть единой системы, а базовым онтологическим положением является положение о тождестве, то вторая утверждает в таком качестве различие и говорит о радикальной множественности, удержании границ, сепарции, несовпадении культур. Главное условие возможности перевода — ситуация принципиальной непереводаемости и не-сводимости одного языка к другому. Непереводаемости — это то, что не перестает переводиться (Автономова, 2019).

Также можно выделить и исторические основания парадигмы перевода в противовес парадигме языка. Таким можно считать различие между глобализацией и глокализацией, либидинальной экономикой и экономикой внимания. Транснациональные, в первую очередь, финансовые корпорации были потеснены цифровыми платформами, что привело к превращению пассивных потребителей в активных пользователей и расцвету политик идентичности, побуждающих людей активно заявлять о себе и бороться за признание.

Перевод, заняв место мирового универсального языка, таит в себе все знакомую опасность универсализации и тоталитарности. Принципы работы платформ, где перевод оказывается встроенным в практики мирового капитализма и воспроизводство единого миропорядка наглядно это демонстрирует. Именно напряжение между эмансипаторным потенциалом перевода как практики различий и его тоталитарным претензиями внутри платформ мы считаем ключевым для понимания современной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова Н. С.* После Вавилона, или о переводе «непереводимостей» // Шаги-Steps. — 2019. — Т. 5, № 3. — С. 216–225.
- Архипов Н. А.* Комментарий на новый перевод Лакана или «D'une traduction qui est de merde» / Sygma. — 2022. — URL: <https://syg.ma/@nikita-archipov/kommentarii-na-novyi-pierievod-lakana-ili-dune-traduction-qui-est-de-merde> (дата обр. 26 февр. 2023).
- Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. П. Ташкенова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Берман А.* Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии / пер. с фр. М. Ю. Бендет // Логос. — 2011. — Т. 84, № 5/6. — С. 92–113.
- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — М. : Академический проект, 2007.
- Вивейруш де Кастру Э.* Канибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Европейский словарь философий : Лексикон непереводимостей. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б. Кассена ; пер. с фр. Д. Ардамацкой и др. — Киев : Дух і літера, 2015.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. В. Сафронова. — М. : Художественный журнал, 1999.
- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. — М. : Издательство Института Гайдара, 2022.
- Кардаш А. М.* Жизнь и судьба господина Мейясу в эпоху спекулятивного реализм / *Insolarance Cult.* — 2022. — URL: <https://insolarance.com/the-life-and-suffering-of-meillassoux/> (дата обр. 26 февр. 2023).
- Касаткина А. К.* Рец. на кн. : Анна Лёвенхаупт Цзин. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. Ad Marginem Пресс, 2017. 376 с. // Антропологический форум. — 2018. — № 39. — С. 213–224.
- Колозариди П. В.* Сокровенный надзор : зачем Шошане Зубофф старый капитализм и можно ли без него обойтись? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2022. — № 4. — С. 250–260.
- Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Мейясу К.* Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого смысла / пер. с фр. А. В. Морозова // Транслит. — 2017. — № 19. — С. 77–85.
- Миктум В., Медведева Л. К.* Мейясу: «После конечного» / Новая нормальность. Подкаст № 21 / Саундстрим. — 2018. — URL: <https://soundstream.media/clip/k-meuyasu-posle-konechnogo-21> (дата обр. 26 февр. 2023).
- Омега-и-Гассет Х.* В гуще грозы / пер. с исп. А. М. Гелескула // Иностранная литература. — 1998. — № 3. — С. 235–249.

- Руднев В. П.* Язык и смерть // Логос. — 2000. — Т. 22, № 1. — С. 111–137.
- Сафронов Э. Е.* Состояние постмодерна в 2021 году // Galactica Media : Journal of Media Studies. — 2021. — № 1. — С. 210–217.
- Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой. — М. : Издательский дом ВШЭ, 2019.
- Федотова В. Г.* Концепции культурных и социальных поворотов и их эвристические возможности // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 3. — С. 111–137.
- Фукуяма Ф.* Идентичность : стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. А. В. Соловьева. — М. : Альпина Паблишер, 2019.
- Цзин А. Л.* Гриб на краю света : о возможности жизни на руинах капитализма / пер. с англ. Ш. Мартыновой. — М. : Ad Marginem, 2017.
- Цукерман Э.* Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / пер. с англ. Д. Л. Симановского. — М. : Ad Marginem, 2015.
- Чакрабартти Д.* Провинциализируя Европу / пер. с англ. П. С. Бавина. — М. : Гараж, 2017.
- Шалагинов Д. С., Сержан Э. М.* Истории преобразующего краха. Рецензия на книгу : Цзин А. Л. (2017) Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма. Пер. с англ. Ш. Мартыновой, М.: Ad Marginem // Социология власти. — 2018. — Т. 31, № 2. — С. 240–253.
- Эжо У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с итал. А. Ю. Мирюловой. — СПб. : Alexandria, 2007.
- Bachmann-Medick D.* Cultural Turns : A Matter of Management? // ReThinking management / ed. by W. Küpers, S. Sonnenburg, M. Zierold. — Wiesbaden : Springer, 2017. — P. 31–55.
- Bhabha H. K.* The Location of Culture. — London, New York : Routledge, 1994.
- Clifford J.* On Ethnographic Authority // Representations. — 1983. — No. 2. — P. 118–146.
- Clifford J.* Introduction. Partial Truths // Writing Culture : The Poetics and Politics of Ethnography / ed. by J. Clifford, G. E. Marcus. — Berkeley : University of California Press, 1986. — P. 31–55.
- Lieberman S.* Attention Deficit : Alienation in Platform Capitalism // Symposium. — 2021. — Vol. 1, no. 8. — P. 79–88.
- Meillassoux Q.* Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign / trans. from the French by R. Mackay. — 2012. — URL: https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf (visited on Feb. 26, 2023) ; Unpublished.

Liberman, S. A., and A. K. Khayaleeva. 2024. "Ot global'nogo yazyka k lokal'nomu perevodu [From Global Language to Local Translation]: ob osnovaniyakh i posledstviyakh 'perevodcheskogo povorota' [About the Grounds and Consequences of the "Translation Turn"]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 130–148.

SAMSON LIBERMAN

PHD IN PHILOSOPHY

ASSOCIATE PROFESSOR

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY (KAZAN, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-9987-9905

ADELYA KHAYALEEVA

PHD IN PHILOSOPHY

KAZAN STATE MEDICAL UNIVERSITY (KAZAN, RUSSIA)

FROM GLOBAL LANGUAGE TO LOCAL TRANSLATION

ABOUT THE GROUNDS AND CONSEQUENCES

OF THE "TRANSLATION TURN"

Submitted: Apr. 07, 2023. Reviewed: Sept. 12, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: The authors point out that translation has become a significant phenomenon not only in the fields of language and text, but also within political, social, and ontological spheres. The main purpose of the study is to define the "translation turn" not only as a continuation and development of the linguistic turn, but also as its denial and opposition. The authors propose to consider the main difference between these aforementioned turns as an ontological confrontation of identity and difference, where language is on the side of the former while translation sides with the latter. The authors consider that the economic-historical foundation of this turn lies in the transition from globalization to "glocalization". The distinctive feature of glocal capital is implied to be the emergence of platforms and relevant systems of production and consumption. The main outcome of the article is the formulation of the contradiction between the emancipatory potential of translation practices and the totalizing implementation of this principle in modern capitalism.

Keywords: Translation, Culture as Translation, Discourse, Linguistic Turn, Cultural Turn, Translation Turn, Difference, Identity.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-130-148.

REFERENCES

- Arkhipov, N. A. 2022. "Kommentariy na novyy perevod Lakana ili 'D'une traduction qui est de merde' [Commentary on Lacan's New Translation or 'D'une traduction qui est de merde']" [in Russian]. *Syigma*. Accessed Feb. 26, 2023. <https://syg.ma/@nikita-archipov/kommentarii-na-novyi-pierievod-lakana-ili-dune-traduction-qui-est-de-merde>.
- Avtonomova, N. S. 2019. "Posle Vavilona, ili o perevode 'neperevodimostey' [After Babylon, or On the Translation of 'Untranslatables']" [in Russian]. *Shagi-Steps* 5 (3): 216–225.
- Bachmann-Medick, D. 2017. "Cultural Turns: A Matter of Management?" In *ReThinking management*, ed. by W. Küpers, S. Sonnenburg, and M. Zierold, 31–55. Wiesbaden: Springer.

- Bachmann-Medik, D. 2017. *Kul'turnyye povoroty. Novyye oriyyentiry v naukakh o kul'ture* [Cultural Twists. New Orientations in the Sciences of Culture] [in Russian]. Trans. from the German by S. P. Tashkenov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Baudrillard, J. 2007. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Pour une critique de l'économie politique du signe] [in Russian]. Trans. from the French by D. Yu. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt.
- Berman, A. 2011. "Isipyaniye chuzhim. Kul'tura i perevod v romanticheskoy Germanii [L'Épreuve de l'étranger]" [in Russian], trans. from the French by M. Yu. Bendet. *Logos* 84 (5–6): 92–113.
- Bhabha, H. K. 1994. *The Location of Culture*. London and New York: Routledge.
- Cassin, B., ed. 2015. [in Russian]. Vol. 1 of *Yevropeyskiy slovar' filosofiy* [European Dictionary of Philosophy] : *Leksikon neperevodimostey* [The Lexicon of Untranslatable], trans. from the French by D. Ardamatskaya et al. 2 vols. Kiyev [Kiev]: Dukh i litera.
- Chakrabarti, D. 2017. *Provintsializiruyaya Yevropu* [Provincializing Europe] [in Russian]. Trans. from the English by P. S. Bavin. Moskva [Moscow]: Garazh.
- Clifford, J. 1983. "On Ethnographic Authority." *Representations*, no. 2, 118–146.
- . 1986. "Introduction. Partial Truths." In *Writing Culture : The Poetics and Politics of Ethnography*, ed. by J. Clifford and G. E. Marcus, 31–55. Berkeley: University of California Press.
- Eco, U. 2007. *Poiski sovershennogo yazyka v yevropeyskoy kul'ture* [La ricerca della lingua perfetta nella cultura europea] [in Russian]. Trans. from the Italian by A. Yu. Mirolyubovaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Alexandria.
- Fedotova, V. G. 2019. "Kontseptsii kul'turnykh i sotsial'nykh povorotov i ikh evristicheskiye vozmozhnosti [Concepts of Cultural and Social Gates and their Heuristic Possibilities]" [in Russian]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniy* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 3, 111–137.
- Fukuyama, F. 2019. *Identichnost' [Identity]: stremeniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Desire for Recognition and Politics of Rejection] [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Solov'yev. Moskva [Moscow]: Al'pina Publisher.
- Kardash, A. M. 2022. "Zhizn' i sud'ba gospodina Meyyasu v epokhu spekulyativnogo realizma [The Life and Fate of Mr. Meillassoux in the Era of Speculative Realism]" [in Russian]. *Insolarance Cult*. Accessed Feb. 26, 2023. <https://insolarance.com/the-life-and-suffering-of-meillassoux/>.
- Kasatkina, A. K. 2018. "Rets. na kn.[Review of the Book]: Anna Lëvenkhaupt Tszin. Grib na krayu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma. Ad Marginem Press, 2017. 376 s. [Anna Levenhaupt Jing. Mushroom at the Edge of the World: About the Possibility of Life on the Ruins of Capitalism. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 376 p.]" [in Russian]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], no. 39, 213–224.
- Kolozaridi, P. V. 2022. "Sokrovennyy nadzor [Secret Supervision]: zachem Shoshane Zuboff staryy kapitalizm i mozjno li bez nego obyitis'? [Why Does Shoshana Zuboff Need Old Capitalism and is it Possible to Do Without it?]" [In Russian]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An Inviolable Reserve. Debates on Politics and Culture], no. 4, 250–260.
- Latour, B. 2014. *Peresborka sotsial'nogo* [Reassembling the Social]: *vvedeniye v aktor-no-setevuyu teoriyu* [an Introduction to Actor-Network-Theory] [in Russian]. Trans. from the English by I. Polonskaya. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Liberman, S. 2021. "Attention Deficit: Alienation in Platform Capitalism." *Symposion* 1 (8): 79–88.

- Meillassoux, Q. 2012. "Iteration, Reiteration, Repetition [Répétition, itération, réitération]: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign [une analyse spéculative du signe dépourvu de sens]." Trans. from the French by R. Mackay. Unpublished. Accessed Feb. 26, 2023. https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf.
- . 2017. "Iteratsiya, reiteratsiya, povtoreniye. Spekulyativnyy analiz znaka, lishennogo smysla [Répétition, itération, réitération]" [in Russian], trans. from the French by A. V. Morozov. *Translit*, no. 19, 77–85.
- Miktum, V., and L. Medvedeva. 2018. "K. Meyyasu: 'Posle konechnogo' / Novaya normal'nost'. Podkast № 21 [Q. Meillassoux: 'After the Final']" [in Russian]. Soundstream. Accessed Feb. 26, 2023. <https://soundstream.media/clip/k-meyyasu-posle-konechnogo-21>.
- Ortega y Gasset, J. 1998. "V gushche grozy [Préface pour le lecteur français 'La révolte des masses']" [in Russian], trans. from the Spanish by A. M. Geleskul. *Inostrannaya literatura [Foreign Literature]*, no. 3, 235–249.
- Rudnev, V. P. 2000. "Yazyk i smert' [Language and Death]" [in Russian]. *Logos* 22 (1): 111–137.
- Safronov, E. Ye. 2021. "Sostoyaniye postmoderna v 2021 godu [The State of Postmodernity in 2021]" [in Russian]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 1, 210–217.
- Shalaginov, D. S., and E. M. Serzhan. 2018. "Istorii preobrazuyushchego krakha. Retenziya na knigu [Stories of Transformative Collapse. Book Review]: Tszin A. L. (2017) Grib na krayu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma. Per. s angl. Sh. Martynovoy, M.: Ad Marginem [Tsing A. L. (2017) Mushroom at the Edge of the World. About the Possibility of Living on the Ruins of Capitalism. Translated from the English by Sh. Martynova, Moscow: Ad Marginem]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 31 (2): 240–253.
- Srnicek, N. 2019. *Kapitalizm platform [Platform Capitalism]* [in Russian]. Trans. from the English by M. Dobryakova. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom VSh-E.
- Tszin, A. L. 2017. *Grib na krayu sveta [Mushroom on the End of the World]: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma [About the Possibility of Life on Capitalist Ruins]* [in Russian]. Trans. from the English by Sh. Martynova. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Viveiros de Castro, E. 2017. *Kannibal'skiye metafiziki: rubezhi post-strukturnoy antropologii [Metaphysiques cannibals. Lignes d'anthropologie post-structurale]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Yu. Kralachkin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- Žižek, S. 1999. *Vozvyshennyi ob'yekt ideologii [The Sublime Object of Ideology]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Safronov. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennyy zhurnal.
- Zuboff, Sh. 2022. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubezhakh vlasti [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]* [in Russian]. Trans. from the English by A. F. Vasil'yev. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Zuckerman, E. 2015. *Novyye soyedineniya. Tsifrovyye kosmopolity v kommunikativnyy epokhu [Rewire. Digital Cosmopolitans in the Age of Connection]* [in Russian]. Trans. from the English by D. L. Simanovskiy. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ*

АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА КАСТИЛЬСКОМ ТРОНЕ**

ДОВОДЕТЕЛИ И ПОРОКИ ПРАВИТЕЛЕЙ
В ЗЕРКАЛЕ «ИСТОРИИ ИСПАНИИ» АЛЬФОНСО X МУДРОГО

Получено: 20.02.2024. Рецензировано: 04.03.2024. Принято: 06.03.2024.

Аннотация: В центре внимания автора статьи оказывается описание пороков и добродетелей правителей древнего Рима и средневековой Кастилии, представленное в тексте «Истории Испании», составленной в последней трети XIII века по приказу короля Альфонсо X Мудрого. Автор акцентирует внимание на нормативном характере этих описаний, несмотря на то, что они составляют часть нарративного сочинения. Целью подобного рода высказываний было закрепление в сознании читателей и слушателей тех или иных черт, которые подобало (или, напротив, не подобало) иметь королю, тех или иных качеств, к которым тому надлежало стремиться или от которых, наоборот, следовало воздерживаться. Тем самым, этот текст формировал социальные ожидания от короля — не от того, давно скончавшегося, но от нынешнего, правящего сейчас, а также от его наследников, то есть косвенно выстраивал этическую и социальную норму. От короля ожидалось, что он будет щедрым по отношению к вассалам, яростным воином, ревностным христианином, умелым и милосердным судьей, строгим к себе, умеренным в быту, всегда умеющим отличать доброе от дурного и пользующимся этим умением к общей пользе. В общем, от него ждали, что он будет добрым правителем в аристотелевском смысле этого слова — заботящимся о своей стране и своих подданных, к себе же относящимся со строгостью. Допускалось наличие среди королевских качеств гневливости и ярости, хотя они и порицались. Однозначно отрицательными считались такие качества, как неумение контролировать свои телесные желания и позывы, излишнее чревоугодие, похоть, неразумие и неумная жестокость.

Ключевые слова: Альфонсо X, «История Испании», добродетели, пороки, зеркало правителей, этика.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-149-167.

В многочисленных рассказах о различных монархах, сохранившихся в кастильских нарративных источниках рассматриваемого периода, при-

* Александр Владимирович Марей, к. ю. н., старший научный сотрудник ЦПСИ ИОН РАНХиГС (Москва), marey-av@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6185-0453.

** © Марей, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

влекает внимание практически полное отсутствие описаний внешности венценосцев. Это заметно даже по прозвищам, дававшимся тем или иным королям Кастилии и Леона. В отличие от каролингских и германских соседей, привычно носивших прозвания типа Красивого, Лысого, Толстого, Рыжебородого и т. д., монархи Леона и Кастилии обыкновенно звались Мудрыми, Жестокими, Справедливыми, Добрыми или Злыми. Когда хронист, все же, обращался к внешности короля, это имело иную цель, описание каких-то черт, присущих фигуре или лицу монарха, использовалось для рассказа о свойственных ему добродетелях или пороках. Наличие какого-либо изъяна во внешности короля свидетельствовало, как правило, о некоем изъяне в его моральном облике, о его недостатке как правителя. То есть реальная внешность монарха не играла в кастильской интеллектуальной культуре практически никакой роли: за очень редкими исключениями ее не описывали, а чаще всего даже не упоминали ни в хрониках, ни в текстах иных жанров. Описание же внешней красоты правящей особы коррелировало, как правило, с упоминанием его или ее морального и политического совершенства.

На основании сказанного можно сделать предположение о нормативной природе встречающихся в кастильских источниках рассматриваемого периода высказываний о добродетелях и пороках королей. Причем нормативность эта проявлялась двояко, в зависимости от контекста, в котором стояло рассматриваемое высказывание: оно могло быть нормативным в строгом смысле этого слова, если было включено в юридический текст (в качестве примера можно привести соответствующие разделы «Семи Партид») или если оно было частью морально-дидактических трактатов или зеркал. С другой стороны, высказывание могло быть и нормативным в косвенном, непрямом смысле, особенно, если оно содержалось в историографическом тексте. Позволю себе пояснить эту мысль. Если в какой-нибудь исторический текст, например, в «Историю Испании», включали описание привычек, пороков и добродетелей какого-либо короля, пусть даже и давно покойного, это делалось не для того, чтобы рассказать читателям о том, *каким на самом деле* был этот монарх. Целью высказывания в таком случае было закрепление в сознании читателей и слушателей тех или иных черт, которые подобало (или, напротив, не подобало) иметь королю, тех или иных качеств, к которым тому надлежало стремиться или от которых, наоборот, следовало воздерживаться. Тем самым, этот текст формировал социальные ожидания от короля — не от того, давно скончавшегося,

но от нынешнего, правящего сейчас, а также от его наследников, то есть, косвенно выстраивал этическую и социальную норму.

Эта статья представляет собой попытку проверить гипотезу, описанную выше. В ней анализируется информация о добродетелях и пороках кастильских (и иных) монархов, описанных или хотя бы упомянутых в «Истории Испании», составленной по приказу короля Кастилии и Леона Альфонсо X. Однако для того, чтобы перейти к этому анализу, необходимо сначала хотя бы кратко охарактеризовать источник, с которым я буду работать дальше.

1. «ИСТОРИЯ ИСПАНИИ»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Как известно, «История Испании» (Альфонсо X Мудрый и сотрудники, 2018/2022) была начата по приказу короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284) и вместе со «Всеобщей историей» (*Estoria General*), составила важнейшую часть его историографического проекта. К моменту ее начала — то есть, к 1270 году — Альфонсо X уже провел все наиболее значимые свои завоевания, был силен и относительно здоров, успешно женил старшего сына и наследника, инфанта дона Фернандо, на дочери французского короля Людовика IX Святого и пока еще оставался одним из наиболее вероятных кандидатов на престол Священной Римской империи. «История Испании» была призвана легитимировать господство Кастилии, подчеркнуть претензии Кастильской короны на безусловное верховенство на Пиренейском полуострове (фактически, на создание своей, Иберийской, империи) и путем самого факта своего создания стала одним из главных идеологических столпов монархии Мудрого короля. Как известно, в последующие 15 лет все пошло не так, как хотелось королю, его планы обрушились, семья фактически распалась, сам он потерял сначала старшего сына — тот трагически погиб в 1275 году, — затем здоровье и практически все королевство. В 1282 году против него была развязана война, инициатором которой стал его сын и на тот момент наследник — инфант Санчо, будущий король Санчо IV (1284–1295). Тем не менее, начатая Альфонсо X «История Испании» осталась одним из наиболее важных исторических сочинений Кастилии, равно как и всей Европы, второй половины XIII–XIV веков.

Работы над ней были начаты, как уже было сказано, около 1270 года и продолжалась примерно четыре года, после чего была надолго приостановлена. Возобновились они в последние годы правления Альфонсо X, так что к 1284 году сложились две версии текста «Истории...»,

одна из которых, известная в историографии как «Изначальная», доводила изложение до гибели в бою короля Леона Бермудо III и начала правления короля Фернандо I Великого, объединившего под своей короной Кастилию и Леон (1037), а вторая — т. н. «Критическая» — до смерти короля Леона Фернандо II (1188 г.)¹. При этом, естественно, что в рукописной традиции более представлена оказалась именно первая, «Изначальная» версия «Истории Испании», поскольку она писалась в относительно спокойные для Альфонсо X годы², когда непосредственно власти короля ничего не угрожало и скриптории работали с большим размахом. «Критическая» же версия создавалась в 1282–1284 годах, когда против короля поднял восстание Economic History of the Iberian старший сын и наследник, будущий король Санчо IV (1284–1295), и верность Альфонсо X сохранили, по сути, лишь два больших города в его королевстве — Севилья и Мурсия. Естественным следствием этого стало то, что «Критическая версия» существовала в гораздо меньшем количестве рукописей, а до наших дней дошла и вовсе, практически в одной (Фернандес-Ордоньес, Аулов, 2018: 195).

После смерти Альфонсо X, в правление его сына, короля Санчо IV, «История Испании» была продолжена и доведена до смерти короля Кастилии и Леона Фернандо III Святого (1252). Продолжение это, известное как «Расширенная версия или Хроника 1289 года»³, строилось на базе «Изначальной версии» «Истории Испании» и создавалось путем перевода с латыни соответствующих глав «Сочинения о делах Испании» Родриго Хименеса де Рада и добавления к ним небольших вкраплений из запиренных анналов. В идеологическом наполнении этого варианта «Истории...» Инес Фернандес-Ордоньес отмечает следующую важную перемену: в тексте, по ее мнению, «превозносятся

¹Подробнее о текстуальной и рукописной традиции «Истории Испании» см. исчерпывающее исследование И. Фернандес Ордоньес и указанную в нем библиографию: (Фернандес-Ордоньес, Аулов, 2018); см. также классические работы Диего Каталана: (Catalán, 1962; 1963; 1997). О значении «Истории Испании» для идеологической политики Альфонсо X, а также о контексте создания этого памятника см. в том же издании подробную главу О. В. Аулова: (Аулов, 2018).

²Понятно, что восстание магнатов 1271–1273 гг. назвать полностью «спокойным» нельзя, но, в сравнении с последними двумя годами правления Альфонсо X, это было именно что спокойное время.

³О рукописной традиции этого текста, а также о его значении для развития позднейшей хронистики в Кастилии и, особенно, в Галисии и Португалии, (см.: Фернандес-Ордоньес, Аулов, 2018: 200–207).

достоинства аристократии и прелатов как элиты, участвующей в управлении королевством и выполняющей роль опоры королевской власти» (Фернандес-Ордоньес, Ауров, 2018: 201). Это замечание представляется важным, поскольку позволяет отчасти объяснить и то, что короли в этих «поздних» главах — от Фернандо I и до Фернандо III включительно — описываются существенно суше, для их описания привлекается меньше характеристик, в том числе и тех, что относятся к их добродетелям и порокам и, разумеется, имеют первостепенное значение для данной статьи. Около двух третей всех упоминаний разобранных ниже характеристик, относящихся как к порокам, так и к добродетелям монархов, приходится на ранние главы «Истории Испании», посвященные римским императорам и готским королям.

2. ПОРОКИ

Составители «Истории Испании», по всей видимости, были гораздо более склонны хвалить властителей, чем ругать их, и потому о пороках королей говорили меньше и реже, чем о добродетелях. Несмотря на это, опираясь на текст хроники, можно построить своеобразный рейтинг отрицательных качеств монарших особ.

Первое место в нем, безусловно, принадлежит весьма любопытному качеству, которое на испанском называли *braueza*, а людей (или, отмечу, зверей), обладавших им, описывали прилагательным *brauo*. Это слово в «Истории Испании» употреблялось для описания королей и иных властителей более 25 раз. Из всех пороков, о которых далее пойдет речь, этот был, пожалуй, самым амбивалентным — как похвала в строгом смысле эта характеристика, конечно, не использовалась, но, в сочетании с другими положительными качествами (например, с великодушием) она могла выглядеть не совсем страшно. Однако как правило это слово использовалось для указания на порок, а именно, на излишнюю жестокость (особенно, в сочетании с прилагательными *cruel* и *esquivo*)⁴ или лихость, готовность легко проливать чужую кровь то ли врагов, то ли подданных. Король, к которому относилась эта характеристика, мог быть неудержим в бою и даже жаден до боя — так, например, об

⁴EE. cap. 592: «Commo quier que en las otras cosas fuesse el brauo et esquiuo, por esto que el fizo contra los clerigos enderesço Dios su fazienda, ca se demostro en aquello por su amigo et diol poder et auantaia contra sus enemigos».

EE. cap. 733: «Seyendo ell aun ninno de poca edad et de poco sentido, començo a assannar los cuendes de Gallizia por sus palabras non cuerdas et sus fechos desaguizados et de serles brauo et esquiuo».

Альфонсо VI хроника сообщает, что он считал зря прожитым каждый день, когда ему не удавалось обнажить меч для битвы⁵. Однако все-таки чаще этой характеристикой пользовались, чтобы обозначить человека, неспособного свой гнев и припадки ярости, подобного своей злобой и дикостью диким зверям.

Любопытно, что в отечественной историографической традиции это качество обычно определяют как хорошее, и королей, носящих это прозвище (Альфонсо VI и Санчо IV) переводят на русский с эпонимом «Храбрый». Однако это толкование закрепилось в языке как основное достаточно поздно, примерно в XVI веке, как свидетельствует наиболее влиятельный этимологический словарь кастильского языка (Cotominas & Pascual, 1984: 655). И, если уж подбирать перевод этого слова из характеристик правителей, доступных в русском языке, я бы предложил остановиться на прилагательном «лихой» или, как вариант, «буйный».

Следующую позицию в списке пороков правителя за жестокостью и с большим отрывом от нее занимает характеристика *malo*, т. е. «злой», «плохой», «дурной». Таким эпитетом в «Истории Испании» награждали правителей 9 раз. Эта характеристика могла стоять в одиночестве и иметь, тем самым, исчерпывающий характер, как в случае с королем Фруэлой II⁶, могла же сопровождаться уточнениями, среди которых чаще всего встречались уже упомянутая жестокость⁷ или трусость и малодушие⁸. Примыкает к понятию *malo* еще одно, упоминавшееся гораздо реже и только в первой части «Истории Испании», но по смыслу весьма к нему близкое — *vicioso*, т. е. «порочный». Под этой характеристикой, как правило, не имели в виду никакого конкретного изъяна человеческой природы конкретного властителя, но, скорее, общую ее дурность и испорченность.

⁵EE. cap. 846: «Et este fue el rey don Alfonso el sexto, et dizienle por connoscencia de sobrenombre “el rey don Alfonso el Brauo” [...] Este rey don Alfonso tenie por mal de tenerse ell omne uicioso en traerse a solaz de si, mas preciauasse por lidiar et auie sabor en ello; et quando non lidiaua, tenie que perdie su tiempo. Rey fue de grand coraçon».

⁶EE. cap. 678: «Este rey don Fruela fue malo...»

⁷EE. cap. 866: «Este rey Yahia fue mal rey et auol, et muy alongado de las mannas et de las costumbres de su auuelo el rey Almemon et de su padre el rey Ysem; et començo de ser muy esquiuo et muy brauo contra los meiores de sus moros et desi contra todo su pueblo, et fazeles muchos pesares et muchas fuerças...»

⁸EE. cap. 708: «Mas don Ordonno el Malo, como era omne medroso et de flaco coraçon, quanto lo sopo, tan grand ouo el miedo, que fuxo de noche et fuesse pora Asturias...»

Третье место в этом перечне делят между собой жадность и похотливость⁹, часто упоминавшиеся вместе и считавшиеся плохо совместимыми с обликом настоящего правителя. Близким к ним кажутся еще два качества, одно из которых упоминалось дважды, второе же — всего один раз: невоздержанность в еде и излишняя любовь к развлечениям, в данном случае, к охоте¹⁰. Наличие у правителя хотя бы одного качества из этого сомнительного букета подчеркивало его слабость, стремление к собственным наслаждениям в ущерб общей пользе и общему же благу. Наконец, замыкают этот перечень пороков склонность правителя к лести¹¹, упоминавшаяся трижды, его легкомыслие (4 раза)¹² и забывчивость (1 раз), малодушие и трусость (по 2 раза)¹³.

Про забывчивость стоит сказать чуть подробнее. Ее появление в списке недостатков королей довольно любопытно сопрягается с фразой, открывающей пролог к «Седьмой Партиде», то есть к собранию уголовных законов. Согласно этому источнику,

забывчивость и дерзость — вот те две вещи, которые заставляют людей совершать многие проступки: так как забывчивость приводит их к тому, что они не помнят о том зле, которое может их постигнуть за тот проступок, который они совершили, а дерзость дает им смелость совершить то, чего они не должны делать¹⁴.

То есть этот по сути небольшой и незначительный изъян человеческой природы также оказывается связан с достаточно большими и неприятными последствиями, особенно, если его обладатель — король.

Отдельной строкой упомяну еще один порок, отмеченный в тексте «Истории Испании» лишь единожды, но сам по себе весьма любопытный.

⁹EE. 321: «E fue este Licinio omne much escasso & muy cobdicioso & muy duro & much aspero & brauo y esquiuo & no soffrido en ninguna cosa. E era muy luxurioso».

¹⁰EE. 579: «Este rrey don Ffruela fue liuiano de seso et amaua mucho la caça mas que non deuie».

¹¹EE. 745: «Maguer que el era assaz cuerdo et entendudo, non dexaua de escuchar mucho losengeros et omnes maldizientes...»

EE. 986: «Este rey don Fernando de Leon, [...] como cuenta el arçobispo don Rodrigo, oye de ligero dichos de losenias et de meçclas et a los quel andauan murmurando destas cosas tales et de tuertos et de nemigas».

¹²EE. 682: «...uenol mandado como so hermano don Alfonso era salido de la orden. Ca en uerdad assi commo se el metiera con liuiandad en ella, assi se salio otrossi della con poco seso...»

¹³EE. 708: «Mas don Ordonno el Malo, como era omne medroso et de flaco coraçon, quanto lo sopo, tan grand ouo el miedo, que fuxo de noche et fuesse pora Asturias...»

¹⁴Part. 7. pr.: «Oluidança e atreuimiento son dos cosas que fazen a los omes errar mucho. Ca el oluido los aduze, que non se acuerden, del mal que les puede venir por el yerro, que fizieren».

Говоря о короле Маурегате, хронист отмечает, что он был «льстивым и сладкоречивым» и, благодаря этому, продержался у власти на протяжении пяти лет. Однако поскольку он хотел быть хорошим со всеми, включая мавров, его «возненавидел и Бог, и люди»¹⁵.

Подводя промежуточные итоги под описанием пороков властителей, отмечу, что, во-первых, о них писали немного, и это, скорее всего, умышленно — правителей стремились писать добрыми, что, в целом, соответствовало и теологии власти, построенной на новозаветных текстах. Из всех пороков наиболее частым качеством правителя, если максимально обобщать, считалась неумеренность в широком смысле этого слова. От неумеренности в еде и в удовольствиях до неспособности контролировать свой гнев, неумеренности в эмоциях и страстях. Из остальных пороков стоит отметить злобу, которая не имела ничего общего с пороками первой группы, но означала общую испорченность природы монарха, к которому применялось прилагательное «злой». Дополнить же картину облика идеального монарха призвано описание королевских добродетелей, к которому я сейчас и перейду.

3. ДОБРОДЕТЕЛИ

В отличие от пороков, о добродетелях монархов в «Истории Испании» писали много и достаточно охотно. Можно условно разделить все положительные качества, приписываемые монархам, на несколько групп, в первую из которых войдут добродетели, характеризовавшие правителей в их отношениях со своими подданными, вторую составят качества, описывавшие королей в их взаимосвязи с Богом и, наконец, третью — качества, положительные безотносительно объекта их применения, ценные сами по себе. Разумеется, это деление сугубо условно, но оно, как представляется, дает возможность более полно описать, каким должен был быть идеальный король с точки зрения авторов «Истории Испании».

Первая группа открывается самыми незначительными из положительных качеств (если судить по частоте их упоминаний), то есть, великодушием, благородством и веселостью характера¹⁶. Эти качества упоминались реже остальных — всего 16 случаев употребления на весь

¹⁵EE. cap. 606: «...como era omne de buena palabra, acabo con ellos lo que querie... [...] E por que Mauregato era omne falaguero e de buena palabra contra todos, mantou el regno cinco annos. Et el por auer siempre ell amor de los moros, fizo muchas cosas que eran contra Dios et contra su ley [...] por esto que el fazie fue aborrescido de Dios et de los omnes».

¹⁶Каст. *de grand corazón, noble u alegre*.

текст «Истории Испании» и чаще всего сопровождали другие характеристики, такие, как воинское мастерство (*esforzado*)¹⁷ или щедрость и открытость характера (*franque, liberal*)¹⁸.

Следующие добродетели по частоте упоминания в тексте источника (по 20 раз) — это как раз щедрость и открытость характера. Король, как добрый сеньор, был обязан быть щедрым и заботиться — в материальном плане — о благополучии своих вассалов и рыцарей. В этом плане весьма показательна характеристика, данная хронистом королю Арагона Педро II (1196–1213). О нем говорится, что он был «весьма великодушен и щедр в раздаче своего добра»¹⁹. Впрочем, была у этого качества и своя оборотная сторона: чересчур щедрый король рисковал прослыть в глазах своих подданных расточительным, а это уже считалось его серьезной слабостью как правителя. Классический пример такой двойственной характеристики сохранился в латинской биографии Альфонсо X, составленной францисканцем Хуаном Хилем де Самора для своего воспитанника, будущего короля Санчо IV. Король дон Альфонсо, по выражению своего биографа, «был до того щедр, что сама его щедрость смотрелась расточительностью»²⁰.

С щедростью по частоте упоминаний в источнике соседствует справедливость короля. Для того, чтобы обозначить монарха как справедливого, его называли либо *derechero*, либо *iusticiero*, причем первое из прилагательных использовалось гораздо чаще второго. Велик соблазн истолковать их как взаимозаменяемые синонимы, однако, по всей видимости, они ими не были, хотя, без сомнения, имели близкое значение. При сопоставлении фрагментов «Истории Испании», в которых королей называют *derechero*, с аналогичными местами в сочинении «Об испанских делах» Родриго Хименеса де Рада, можно увидеть, что везде на том месте, где в кастильском тексте встречается искомое прилагательное, в латинском стоит прилагательное *iustus*, т. е. «справедливый», в смысле

¹⁷EE. cap. 609: «E pues, como quier que el fuesse omne mucho esforzado et de grand coraçon por que uio que sin peccado non podrie mantener el regno, dexol de su grado, e enuiu por su sobrino don Alfonso...»

¹⁸EE. cap. 992: «Fue este rey don Fernando varon piadoso et alegre, liberal et libre en las cosas que eran de fazer...»

¹⁹EE. cap. 797: «Regno empos el su fijo don Pedro, que fue omne de gran coraçon et franque en partir et dar su auer, et con muy grand sabor que auie de dar dond quier que el pudiesse sacar auer emprestado o en qual guisa quier que lo el auer podie, partielo luego de buena miente por todos.»

²⁰Biografias. 319: «Adeo nihilominus extitit liberalis, quod ipsius liberalitas prodigalitatís speciem induebat.»

описания моральной добродетели монарха²¹. Упоминание же эпитета *iusticiero* применительно к королю Альфонсо VII Императору имеет своим латинским источником соответствующую главу «Всемирного хроникона» Луки Туйского, где тот рассказывает о любви Альфонсо VII к отправлению правосудия²². Таким образом, речь в этих фрагментах идет не о законотворческих талантах короля или его тяге к правосудию, а именно о его справедливости, в аристотелевском смысле этого слова. Косвенным подтверждением этому служит, как представляется, ряд синонимов, в который встраивали прилагательное *derechero*: как правило, оно соседствовало с такими характеристиками как «разумный» (*sesudo*), «правдивый в словах» (*verdadero en palabras*), «скромный» (*manso*) или «богобоязненный» (*temient a Dios*)²³.

Помимо того, что в королях ценили щедрость по отношению к своим друзьям и справедливость в общении и в суде, от них также достаточно часто ждали скромности и смирения в поведении (*manso y sofrido*)²⁴, умеренности в быту (*mesurado*)²⁵ и приверженности к повседневному

²¹Cfr. e.g.: EE. 670: «Et pues que el rrey don Ordonno ouo el regno, semeio bien al so buen padre en mannas, ca era muy entendudo, cuerdo et derechero, et muy fazedor de elmosna a pobres et a los que lo auien mester, et mantenie bien el regno».

DRH. IV, 22: «Hic autem Ordonius paterna facta felici emulatione capescens, prudens et sollers, iustus et pius et in necessitatibus pauperum consolator, regnum prouide gubernabat».

²²e.g., ChrM. IV, 76: «Tantus inuasit terror omnes magnates tocius imperii ex hoc facto, uidentes zelum et animositatem imperatoris in iusticia facienda... etc.»

²³EE. 670: «Et pues que ell ouo el regno, semeio bien al so buen padre en mannas, ca era muy entendudo, cuerdo et derechero, et muy fazedor de elmosna a pobres et a los que lo auien mester, et mantenie bien el regno».

EE. 684: «Ell era muy uerdadero en su palabra, et derechero en juyzio, et buen cauallero en armas, et mui esforçado, et gano mucha tierra de moros, et ensancho Castiella quanto el mas pudo...»

EE. 764: «Fue este conde don Sancho piadoso, sesudo et derechero, et muy hardit et atreuido, et muy enderençado...»

EE. 790: «Fue príncep muy manso et derechero et sofrido et atemprado en sus fechos contra todos, de guisa que de todos era muy bien amado».

EE. 802: «Este rey don Fernando el Magno, de como cuentan las estorias, fue omne derechero et temient a Dios et temient de su alma, et muy ardit en lit. [...] Et el mantouo su regno muy en paz grand tiempo, que se le non leuanto y bollicio ninguno».

²⁴EE. 636: «Aquel rey don Ordonno, que a esta sazón començo a regnar, cuenta la estoria que fue rey manso et sofrido, et sabio, et entendudo en todos los fechos del mantenimiento del regno».

²⁵EE. 814: «El rey don Fernando comendara sus fijas donna Urraca et donna Eluira al rey don Alfonso su fijo, et hermano dellas, teniendol por mas mansso et mas mesurado que a los otros».

монаршьему труду (*laborioso*). Со смирением, терпением и умеренностью коррелируют и часто воспроизводившиеся упоминания о воинских умениях тех или иных монархов. Правителей часто описывали как «горячих в битве» (*hardid*), «сильных» (*esforçado*) или просто «добрых рыцарей» (*buen cauallero*).

Таким образом, в общении с другими людьми идеальный король виделся авторам «Истории Испании» щедрым и справедливым сеньором, умелым воином, неприхотливым и умеренным в быту, легко переносящим тяготы. В общении же с Богом он должен был быть благочестивым (*piadoso*)²⁶ и истинным христианином (*ccatólico*). Приветствовались также, хотя и отмечались в тексте «Истории Испании» реже, такие качества, как милосердие (*misericorde*)²⁷, забота о своей душе и богобоязненность (*temient a Dios*)²⁸.

Наконец, правитель, прежде всего, должен был быть добрым (*bueno*) и умным (*sesudo, cuerdo, entendudo, sabio*). На этих качествах стоит остановиться чуть подробнее. Первое из них имеет, скорее, собирательный характер, нежели описывает какое-то конкретное качество правителя. Считалось само собой разумеющимся, что «добрый» король скромен к себе, щедр к своим людям, храбр в битве, благочестив и в целом — добродетелен. Ярче всего это видно при прочтении панегирика королю Санчо III Желанному, о котором сказано, что он:

²⁶ЕЕ. 764: «Fue este conde don Sancho piadoso, sesudo et derecho, et muy hardit et atreuido, et muy enderençado».

²⁷ЕЕ. 986: «Este rey don Fernando de Leon, assi como cuentan las estorias, buen rey fue, piadoso et rey de misericordia et de buen alma; pero assi como cuenta el arçobispo don Rodrigo, oye de ligero dichos de losenias et de meçclas et a los quel andauan murmurando destas cosas tales et de tuertos et de nemigas».

²⁸ЕЕ. 670: «Et pues que ell ouo el regno, semeio bien al so buen padre en mannas, ca era muy entendudo, cuerdo et derecho, et muy fazedor de elmosna a pobres et a los que lo auien mester, et mantenie bien el regno».

ЕЕ. 684: «Ell era muy uerdadero en su palabra, et derecho en juyzio, et buen cauallero en armas, et mui esforçado, et gano mucha tierra de moros, et ensancho Castiella quanto el mas pudo...»

ЕЕ. 764: «Fue este conde don Sancho piadoso, sesudo et derecho, et muy hardit et atreuido, et muy enderençado...»

ЕЕ. 790: «Fue prinçep muy manso et derecho et sofrido et atemprado en sus fechos contra todos, de guisa que de todos era muy bien amado».

ЕЕ. 802: «Este rey don Fernando el Magno, de como cuentan las estorias, fue omne derecho et temient a Dios et temient de su alma, et muy ardit en lit. [...] Et el mantouo su regno muy en paz grand tiempo, que se le non leuanto y bollicio ninguno».

был столь добродетельным и имел столь добрую душу, [...] что блистал своим поведением в сравнении с другими людьми. Он был щитом для знатных и отцом для бедных и слабых, другом для духовенства и монахов, защитником малых сирот, справедливым судьей для всех, для каждого по-своему; и поскольку со всеми был добродетелен и устраивал всех, то всеми же был и любим²⁹.

Таким образом, прилагательное *bueno* применительно к правителю описывало его как классического «доброего» правителя в аристотелевском смысле этого слова, то есть, того, таланты и действия которого обращены на пользу его подданным, а не ему самому. Лишний раз это наблюдение подтверждается, если посмотреть, какие прилагательные чаще всего составляли синонимические ряды с *bueno*: это, прежде всего, *piadoso*, т. е. «благочестивый», *franque* — «щедрый» и *atreuudo*, «умелый в сражении»³⁰.

Своеобразным замковым камнем в здании добродетелей правителя традиционно служило благоразумие³¹, т. е. *prudencia*³², считавшаяся

²⁹EE. 985: «Et fue este rey don Sancho tan bueno et de tan buena alma, segund dize ell arçobispo don Rodrigo, que resplandesçie por buenas costumbres ante los otros omnes, et que era escudo de los nobles et padre de los pobres et de los flacos, et amigo de las religiones et de los omnes de las ordenes, et guardador de los huerfanos pequennos, et ell derecho juyz de todos, de cada unos en la su guisa; et assi como a todos era bueno et prouechoso, assi era muy amado de todos».

³⁰EE. 785: «Este rey don Garcia era bueno, segund la estoria cuenta, et piadoso et muy franque et muy atreuudo, et quanto ell auer podie todo lo daua a caualleros».

EE. 796: «...fue este don Alffonso cauallero muy atreuudo et franque et bueno en todo».

EE. 968: «Fue este don Alffonso, fiyo de la Reyna donna Urraca, uaron muy bueno et muy largo, muy dador, muy mansso, sesudo et libre en las cosas que eran de fazer... etc.»

³¹Наиболее ярко это, разумеется, отражено не в «Истории Испании», а в нормативных и дидактических памятниках эпохи, прежде всего, во «Второй Партиде»: Part. 2.5.8: «Cordura es la primera de las otras quatro virtudes que diximos en la tercera ley ante desta que ha el Rey mucho menester: para biuir en este mundo bien derechamente. Ca esta faze, ver las cosas, e judgarlas ciertamente: segun son: e pueden ser, e obrar en ellas, como deue, e non rebatosamente. La segunda virtud, es temperança, que quier tanto dezir, como mesura. Ca esta es cosa, que faze al ome biuir derechamente, non tomando, nin cambiando, nin vsando, de las cosas, mas de lo que cumple, a su natura, e pertenesce a su estado. La tercera virtud es fortaleza de coraçon. Ca esta, faze el ome, amar el bien, e seguirlo e porfiar toda via en leuarlo adelante e aborrecer el mal puñando siempre, en lo desfazer. La quarta virtud es justicia, e es madre de todo bien: ca en ella caben todas las otras por ende ayuntando los coraçones de los omes faze que sean assi como vna cosa para biuir derechamente segund mandamiento de Dios, e del señor, departiendo e dando, a cada vno su derecho, assi como meresce e le conuiene».

³²О *prudencia*, как королевской добродетели, и о ее восприятии в интеллектуальной культуре Пиренейского полуострова интересующего меня периода см. ряд работ: (Kleine, 2007; Rodríguez de la Peña, 1997; 2002; 2008; 2014; Rucquoi, 1995; 2006).

одной из четырех основных добродетелей и трактовавшаяся, прежде всего, как умение отличать добро от зла, что видно, в частности, из приведенной цитаты из «Этимологий» Исидора Севильского³³. В другом сочинении того же севильского прелата устанавливается различие между благоразумием (*prudencia*) и мудростью (*sapientia*), в соответствии с которым благоразумие имеет больше отношения к земным делам, в то время, как мудрость — к божественным³⁴. В язык Альфонсо X слово *prudencia* не вошло, и его заменили два практически синонимичных существительных — *cordura* и *seso* и, соответственно, образованные от них прилагательные *cuerto* и *sesudo*. Близким к ним по смыслу было и еще одно прилагательное, образованное из причастия, — *entendudo*, подчеркивавшее у названного им человека наличие умения понимать, в самом широком смысле этого слова.

В «Истории Испании» эта характеристика служила высшей похвалой для правителя³⁵, равно как противоположная ей — *con poco sentido, liviano de seso*, т. е. «неразумный» — отмечала короля, совершенно непригодного к правлению³⁶. Однако, помимо благоразумия была и еще одна добродетель умного правителя, а именно *sabiduria*, то есть, «мудрость» или «многознание». Эти два слова, на первый взгляд, если и не противоречат друг другу, то уж точно не составляют синонимической пары. Однако, судя по тексту нашего источника, слово *sabio*, если использовалось как прилагательное, обычно требовало после себя уточнения с предлогом *en*, то есть, «знающий в чем-либо», «эрудированный», «образованный». Ближе всего оно соприкасалось с характеристикой *entendudo*, которая тоже могла трактоваться как признак образованности

³³Etym. II.24.5-6: «Ethicam Socrates primus ad corrigendos componendosque mores instituit, atque omne studium eius ad bene vivendi disputationem perduxit, dividens eam in quattuor virtutibus animae, id est prudentiam, iustitiam, fortitudinem, temperantiam. Prudentia est in rebus, qua discernuntur a bonis mala».

³⁴Diff. II.36.417: «Inter Prudentiam et sapientiam. Prudentia in humanis rebus, sapientia in divinis distribuitur» (cfr. autem Diff. II. 499).

³⁵EE. 703: «Deste rey don Ordonno cuenta la estoria que era sesudo assaz, et sabie traer muy bien su fazienda et abenirse otrosi con sus uassallos muy bien».

EE. 764: «...Fue este conde don Sancho piadoso, sesudo et derecho, et muy hardit et atreuudo, et muy enderençado...»

EE. 968: «Fue este don Alfonso, fija de la Reyna donna Urraca, uaron muy bueno et muy largo, muy dador, muy manso, sesudo et libre en las cosas que eran de fazer... etc.»

³⁶Cfr.: EE. 733: «Seyendo ell aun ninno de poca edad et de poco sentido, començo a assannar los cuendes de Gallizia por sus palabras non cuerdas et sus fechos desaguizados et de serles brauo et esquiuo...»

или умения в какой-либо области³⁷. Марина Кляйне в своей статье, посвященной понятиям знания и власти в текстах эпохи Альфонсо X, предлагает считать все четыре слова, т. е. *cuerto*, *sesudo*, *entendido* и *sabio* синонимами (Kleine, 2007), с чем я склонен не соглашаться. С одной стороны, ее выводы основываются на анализе нескольких текстов эпохи Альфонсо, причем в их число входят как нарративные («История Испании», «Всеобщая история»), так и нормативные («Семь Партий») и даже философские (Семичастие), что, безусловно, придает ее словам больший вес. С другой же стороны, анализ текста именно «Истории Испании» не позволяет подтвердить ее наблюдения, что может быть объяснено, в частности, работой разных авторских коллективов, или даже шире — разных скрипториев. Ведь если «Партиды» и «Всеобщая история» составлялись преимущественно в скриптории Мудрого короля, «История Испании», как известно, в своей второй части была составлена позднее, в правление Санчо IV и его мудрой жены, королевы Марии де Молина.

Переходя к выводам, представляется возможным еще раз отметить несколько основных моментов, наиболее важных для рассмотренного в этой статье вопроса. В кастильской традиции достаточно долго не было принято описывать физическую внешность королей и королев, отдавая предпочтение разговору об их пороках и добродетелях. В этом дискурсе внешность если и появлялась, то только как доказательство, физическое проявление того или иного качества души или характера короля. Наиболее «королевским» пороком считалась лихость или буйность, передававшаяся кастильским понятием *braueza*. Это качество само по себе считалось дурным, но оно могло расцениваться и как хорошее, особенно в сочетании с великодушием, умением сражаться и ревностью к католической вере. Остальные пороки, по большей части, относились к неумению короля контролировать либо свое тело (похотливость, жадность до еды и т. д.), либо свои мысли и слова (нетвердость в слове, слабость ума, чрезмерное сладкоречие, забывчивость).

В полном сочетании с этим, добродетели короля также выстраивались в своеобразную иерархию, на нижних ступенях которой стояли королевская щедрость (могущая обернуться расточительством), открытость

³⁷EE. 636: «Aquel rey don Ordonno, que a esta sazón començo a regnar, cuenta la estoria que fue rey manso et sofrido, et sabio, et entendido en todos los fechos del mantenimiento del regno».

EE. 679: «El otro juyz daquellos dos que alçaran los castellanos fue omne muy sesudo, manso, sabio et entendido».

в общении. Выше них встраивались справедливость монарха, трактовавшаяся, скорее, как *правосудность*, его личная скромность, умеренность в быту, воинское умение и стремление к битвам, наконец, благочестие. Верхнюю ступень занимала *доброта* правителя, трактуемая отнюдь не как личное его моральное качество, но, скорее, как обобщающая характеристика его как правителя — эта характеристика подразумевала, что король в ходе своего правления думал не о себе, но о своем королевстве и о благе подданных. Венчало иерархию добродетелей благоразумие, восходящее к классическому концепту *prudentia*, — умение отличать добро от зла и совершать правильные поступки. Его гранью, иногда выраставшей в отдельную добродетель, следует признать знание, то есть, эрудицию короля, его владение разными науками.

Таким образом, если представить себе некоего идеального короля, который объединил бы в себе все положительные качества, которые кастильские хронисты приписывали монархам, получился бы, пожалуй, прекрасный образец аристотелевского человека и правителя: разумный, говорящий немного и по делу, скромный и умеренный в быту, щедрый по отношению к своим вассалам, прекрасный воин, бьющийся за свое королевство и за христианскую веру. Подобный идеал, описанный в одном из самых известных испанских исторических сочинений, неизбежно стал своеобразным нормативным лекалом, мерой, с которой жители Пиренейского полуострова подходили к каждому следующему своему правителю.

СОКРАЩЕНИЯ

- Biografías *Fita F.* Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Juan Gil de Zamora // Boletín de la Real Academia de la Historia. — 1884. — Vol. 5. — P. 308–328.
- ChrM *Lucae Tudensis Chronicon Mundi* // *Lucae Tudensis Opera Omnia*. Vol. 1 / Ed. E. Falque. — Turnhout : Brepols, 2003. — (Corpus Christianorum. Continuatio Medieualis ; LXXIV).
- Diff *Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum II* / Ed. M. A. Andrés Sanz. — Turnhout : Brepols, 2006.
- DRH *Roderici Ximenii de Rada Historiae de rebus Hispaniae sive historia gothica* // *Roderici Ximenii de Rada Opera Omnia : Pars I* / Ed. V. J. Fernández. — Turnhout : Brepols, 1987. — (Corpus Christianorum. Continuatio Medieualis ; LXXII).

- EE [Esteria de Espanna]—Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 : en 2 vols. / publ. R. Menéndez Pidal. — Madrid : Gredos, 1955.
- Etym Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. W. M. Lindsay. — Oxford : Oxford University Press, 1911.
- Part Las Siete Partidas del Sabio Rey don Alfonso el nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio López del Consejo Real de Indias de su Magestad : en 3 vols. — Salamanca : Por Andrea de Portonaris, impressor de Su Magestad, 1555.

ЛИТЕРАТУРА

- Альфонсо X Мудрый и сотрудники.* История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис : в 3 т. / под ред. О. В. Аурова, Е. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. — СПб. : Наука, 2018/2022.
- Ауров О. В.* Альфонсо X Мудрый, его эпоха и его «История Испании» // История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. В 3 т. Т. 1 / Альфонсо X Мудрый и сотрудники ; под ред. О. В. Аурова, Е. В. Ершовой. — СПб. : Наука, 2018. — С. 31–94.
- Фернандес-Ордоньес И.* «Истории Испании» история текста и рукописная традиция / пер. с исп. О. В. Аурова // История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. В 3 т. Т. 1 / Альфонсо X Мудрый и сотрудники ; под ред. О. В. Аурова, Е. В. Ершовой. — СПб. : Наука, 2018. — С. 177–248.
- Catalán D.* De Alfonso X al Conde de Barcelos : cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. — Madrid : Gredos, 1962.
- Catalán D.* El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // Romanía. — 1963. — Vol. 84. — P. 354–375.
- Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. — Madrid : Fundación Ramón Menéndez Pidal y Universidad Autónoma de Madrid, 1997.
- Corominas J. y Pascual J.* Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Vol. 1. — Madrid : Gredos, 1984.
- Kleine M.* La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso X el Sabio // Res publica. — 2007. — Vol. 17. — P. 223–239.
- Rodríguez de la Peña M. A.* Imago Sapientiae. Los orígenes del Ideal sapiencial medieval // Medievalismo. — 1997. — N° 7. — P. 11–39.
- Rodríguez de la Peña M. A.* Rex scholaribus impendebat: The King's Image as Patron of Learning in Thirteenth Century French and Spanish Chronicles : A Comparative Approach // The Medieval History Journal. — 2002. — Vol. 5, no. 1. — P. 21–36.

- Rodríguez de la Peña M. A.* Los reyes sabios. Cultura y poder en la Antigüedad Tardía y la Alta Edad Media. — Madrid : Actas, 2008.
- Rodríguez de la Peña M. A.* Rex excelsus qui scientiam diliget : la dimensión sapiencial de la Realeza alfonsí // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies. — 2014. — N° 9. — P. 107–135.
- Rucquoi A.* De los reyes que no son taumaturgos : los fundamentos de la realeza en España // Temas medievales. — 1995. — N° 5. — P. 163–186.
- Rucquoi A.* Rex, Sapientia, Nobilitas. Estudios sobre la Península Ibérica Medieval. — Granada : Universidad de Granada, 2006.

Marey, A. V. 2024. "Aristotelevskiy chelovek na kastil'skom trone [An Aristotelian Man on the Castilian Throne]: dobrodeteli i poroki praviteley v zerkale 'Istorii Ispanii' Al'fonso x Mudrogo [Royal Mirror of the 'Estoria de Espanna' by Alfonso x the Wise]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 149–167.

ALEXANDER MAREY

PHD IN LAW

SENIOR RESEARCHER

CENTER OF PERSPECTIVE SOCIAL STUDIES

INSTITUTE OF SOCIAL STUDIES RANEPА (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6185-0453

AN ARISTOTELIAN MAN ON THE CASTILIAN THRONE

ROYAL MIRROR OF THE "ESTORIA DE ESPANNA" BY ALFONSO X THE WISE

Submitted: Feb. 20, 2024. Reviewed: Mar. 04, 2024. Accepted: Mar. 06, 2024.

Abstract: The author focuses on the vices and virtues of the rulers of ancient Rome and medieval Castile, as they are presented in the text of the "History of Spain", compiled in the last third of the 13th century by order of King Alfonso X the Wise. The author focuses on the normative nature of these descriptions, even though they form part of a narrative essay. The purpose of this kind of statement was to consolidate in the minds of readers and listeners certain traits that it was appropriate (or inappropriate) for a king to have, certain qualities that he should strive for or from which, on the contrary, he should abstain. Thus, this text formed social expectations from the king — not from one who died long ago, but from the then-current reigning monarch, as well as from his heirs, that is, it indirectly built an ethical and social norm. According to the Alfonsine text, the king should be generous towards his vassals, a fierce warrior, a zealous Christian, a skilful and merciful judge, strict with himself, moderate in everyday life, always able to distinguish good from evil and to use this skill for the common benefit. In general, he should be a good ruler in the Aristotelian sense of the word — caring for his country and his subjects but treating himself with severity. Anger and rage were allowed among the royal qualities, although generally they were condemned. Qualities such as the inability to control one's bodily desires and urges, excessive gluttony, lust, unreason and stupid cruelty were considered unambiguously negative.

Keywords: Alfonso X, "Estoria de Espanna", Virtues, Vices, Mirror of the Princes, Ethics.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-149-167.

REFERENCES

- Alfonso x el Sabio y colaboradores. 2018. [in Russian]. Vol. 1 of *Istoriya Ispanii, kotoruyu sostavil blagorodneyshiy korol' don Al'fonso, syn blagorodnogo korolya dona Fernando i korolevy don'i Beatriz [Estoria de Espanna que fizo el muy noble rey don Alfonso fijo del noble rey don Fernando et de la Reyna donna Beatriz]*, ed. by O. V. Aurov and Ye. V. Yershova. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Andrés Sanz, M. A., ed. 2006. *Isidori Hispanensis Episcopi Liber Differentiarum II* [in Latin]. Turnhout: Brepols.
- Aurov, O. V. 2018. "Al'fonso x Mudryy, yego epokha i yego 'Istoriya Ispanii' [Alfonso x el Sabio, su época y su 'Estoria de España']" [in Russian]. In *Alfonso x el Sabio y colaboradores 2018*, 31–94.
- Catalán, D. 1962. *De Alfonso x al Conde de Barcelos: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal* [in Spanish]. Madrid: Gredos.
- . 1963. "El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio" [in Spanish]. *Romanía* 84:354–375.
- . 1997. *De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo* [in Spanish]. Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal / Universidad Autónoma de Madrid.
- Corominas, J., and J. Pascual. 1984. *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico* [in Spanish]. Vol. 1. Madrid: Gredos.
- Falque, E., ed. 2003. "Lucae Tudensis Chronicon Mundi" [in Latin]. In *Lucae Tudensis Opera Omnia*, vol. 1. Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, LXXIV. Turnhout: Brepols.
- Fernandes-Ordon'yes, I. 2018. "'Istorii Ispanii' istoriya teksta i rukopisnaya traditsiya [La transmisión textual y la tradición manuscrita de la 'Estoria de España']" [in Russian]. In *Alfonso x el Sabio y colaboradores 2018*, 177–248.
- Fernández, V. J., ed. 1987. "Roderici Ximenii de Rada Historiae de rebus Hispaniae sive historia gothica" [in Latin]. In *Roderici Ximenii de Rada Opera Omnia : Pars I*. Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, LXXII. Turnhout: Brepols.
- Fita, F. 1884. "Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Juan Gil de Zamora" [in Spanish]. *Boletín de la Real Academia de la Historia* 5:308–328.
- Kleine, M. 2007. "La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso x el Sabio" [in Spanish]. *Res publica* 17:223–239.
- Las Siete Partidas del Sabio Rey don Alfonso el nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio López del Consejo Real de Indias de su Magestad* [in Spanish]. 1555. 3 vols. Salamanca: Por Andrea de Portonaris, impressor de Su Magestad.
- Lindsay, W. M., ed. 1911. *Isidori Hispanensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX* [in Latin]. Oxford: Oxford University Press.
- Menéndez Pidal, R., ed. 1955. *[Estoria de Espanna] — Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289* [in Spanish]. 2 vols. Madrid: Gredos.
- Rodríguez de la Peña, M. A. 1997. "Imago Sapientiae. Los orígenes del Ideal sapiencial medieval" [in Spanish]. *Medievalismo*, no. 7, 11–39.
- . 2002. "Rex scholaribus impendebant: The King's Image as Patron of Learning in Thirteenth Century French and Spanish Chronicles: A Comparative Approach." *The Medieval History Journal* 5 (1): 21–36.
- . 2008. *Los reyes sabios. Cultura y poder en la Antigüedad Tardía y la Alta Edad Media* [in Spanish]. Madrid: Actas.

- . 2014. “Rex excelsus qui scientiam diligit: la dimensión sapiencial de la Realeza alfonsí” [in Spanish]. *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes*, no. 9, 107–135.
- Rucquoi, A. 1995. “De los reyes que no son taumaturgos: los fundamentos de la realeza en España” [in Spanish]. *Temas medievales*, no. 5, 163–186.
- . 2006. *Rex, Sapientia, Nobilitas. Estudios sobre la Península Ibérica Medieval* [in Spanish]. Granada: Universidad de Granada.

ХАРЛАМПИЙ ЭМЕРЕТЛИ*

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «САМОУБИЙСТВО»**

Получено: 05.06.2023. Рецензировано: 27.07.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: В статье обсуждаются концептуальные рамки понятия «самоубийство» и дается его философское определение. Континентальная философия традиционно фокусировалась на аксиологический и практико-этической характеристике самоубийства; то есть рассуждения разворачивались вокруг вопросов о допустимости или недопустимости совершения акта самоубийства, опираясь при этом на некоторое априорное, интуитивно схватываемое определение самоубийства. Задача статьи — дать дефиницию и концептуализировать данный феномен в ходе полемики с современной аналитической философией суицида, которая прежде всего акцентирует свое внимание на прояснении теоретических оснований феномена. В частности, анализу подвергаются такие неочевидные в своем содержании понятия, как: намерение, принуждение, инструментальность, смерть. В статье оспаривается утверждение о концептуальной невозможности дать однозначное определение самоубийства, в процессе его строгого отделения от других видов смерти; определение самоубийства носит дескриптивный, а не оценочный характер, то есть, не постулирует априорную моральность или аморальность самого акта, его рациональность или иррациональность, оправданность или неоправданность. Обсуждаемое определение продуцирует важные логические импликации и характеристики самоубийства, которые могут противоречить нашим изначальным и культурно-обусловленным интуициям о феномене. Внятное теоретическое определение может оказать плодотворное воздействие на дальнейшую общественную мысль, социальную политику, медицину и законодательство в области суицидологии.

Ключевые слова: самоубийство, намерение, принуждение, предвидение, инструментальность, смерть.

DOI: 10.1723/2587-8719-2024-1-168-187.

ВВЕДЕНИЕ

История философии в ее континентальной традиции пронизана размышлениями о феномене и понятии самоубийства, которые содержат существенные расхождения в интерпретации. Феномен самоубийства, энigmatичность которого всегда сопровождалась его интенсивным влиянием на людей, находит свое отражение в трудах известных философов

*Эмеретли Харлампи́й Савельевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), kemeretli@hse.ru, ORCID: 0009-0009-0421-3648.

**© Эмеретли, Х. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

(Hume, 1987; Locke, 1988; см. также: Stellino, 2020), социологов (Дюркгейм, Ильинский, 1994), религиоведов (Бердяев, 1992), политических мыслителей (Вессариа, 1995) и историков идей (Паперно, 1999).

Ситуация существенно изменила вектор полемики с развитием аналитической традиции в философии XXI века. Классическая мысль фокусировалась на аксиологический и *практико-этической* характеристике самоубийства; то есть главными были вопросы о том, как и почему человек может или не может совершать суицидальный акт, когда и по каким причинам он должен, а когда не должен делать этого. То есть, объемные рассуждения разворачивались так, как если бы каждая из участвующих в дискуссии сторон априори знала, *что* такое самоубийство. Ответ на вопрос касательно дефинитивной природы феномена по большей части казался излишним в силу простоты понимания. Концентрация идей возникала вокруг тем смысла жизни, страданий, исторических, социальных и психологических факторов феномена.

Наоборот, современная аналитическая философия стремится дать сугубо *концептуальные* характеристики суицида: найти критерии, которые прочертят его границы и позволят отделить феномен самоубийства от других видов смерти и убийства. Внятное теоретическое определение может оказать плодотворное воздействие на дальнейшую общественную мысль, социальную политику, медицину и законодательство в области суицидологии.

Хочу начать с авторского определения самоубийства:

Самоубийством называется любой случай смерти, к которому приводит собственное поведение субъекта (*A*), реализуемое им в условиях, когда в данный момент «смерть себя» является для (*A*) абсолютно необходимым критерием удовлетворительности, либо успешности результата действия.

Это определение основывается на ряде важных тезисов:

Во-первых, критерием, который одновременно составляет *необходимое* и *достаточное* условие самоубийства, является *смерть себя*, когда она рассматривается субъектом в качестве результата реализуемого им действия. Это позволяет устранить из определения концептуальные и теоретические двусмысленности, которые делают его уязвимым для абстрактных примеров и контраргументов.

Во-вторых, необходимо убрать из определения такие понятия, как *намерение* и *принуждение*, которые аксиологически-двусмысленно перегружают его и продуцируют небеспорные и откровенно сомнительные результаты в понимании его сути.

В-третьих, купировать идею *инструментальности смерти*, то есть ситуации, когда смерть выступает как средство (инструмент), а не цель.

В-четвертых, предлагаемое определение *самоубийства* демонстрирует демаркационную линию между самоубийством и не-самоубийством. Таким образом, оно оспаривает утверждение о том, что понятие самоубийства является *открытым*, и для него невозможно собрать критерии (или критерий), формирующие достаточные и необходимые условия конечного определения.

Чтобы прояснить представленное определение самоубийства и раскрыть содержание указанных тезисов, необходимо развернуть последовательный анализ понятий.

«УБИЙСТВО СЕБЯ»

Когда мы рассуждаем о понятии самоубийства, то одним из первоочередных и самоочевидных критериев, лежащих в его основе, выступает понятие «убийство себя» (*killing oneself*). Американские философы Реймонд Фрей (Freu, 1990) Питер Виндт (Windt, 1980) и Теренс О'Киф (O'Keeffe, 1990) добавляют еще два рефлексивных описания смерти. Первое — обеспечение (создание условий) убийства себя (*getting oneself killed*), и второе — позволение убийства себя (*letting oneself be killed*)¹. При этом сочетание двух или каждого из трех описаний в одном событии не приводит к логическому противоречию. Допустим, человек вышел на автомагистраль и не стал уклоняться от приближающегося на высокой скорости грузовика. В этом случае он убил себя (выйдя на оживленную проезжую часть), обеспечил убийство себя (создал условия, встав на пути у автотранспорта) и фатально позволил себе умереть (отказавшись от инстинкта жизни).

Приведем возможные аргументы против использования дополнительных рефлексивных описаний смерти. Один из вариантов оппозиции этой точки зрения можно найти в статье Дэниела Хилла (Hill, 2011). Прежде всего, он выражает согласие с тем, что представленные рефлексивные описания самоубийства (смерти) существуют обособленно:

¹Я полагаю, что дополнительно *getting oneself be killed* можно рассматривать как «активное» вмешательство, а *letting oneself be killed* как «пассивное» бездействие. Стоит отметить, что разграничение между «активным» и «пассивным» поведением прорисовывается не столь безукоризненно, как это может показаться на первый взгляд. Так, о человеке, который объявил голодовку и не принимает пищу на протяжении длительного периода времени, едва ли можно сказать, что он «пассивен» и ничего не делает.

...в конце концов, мы понимаем [что имеется в виду], когда кто-то говорит: «У меня не хватает духу убить себя; я заставлю кого-нибудь другого убить меня» и т. д.; мы не отвечаем на это: «Вы сами себе противоречите»;

затем Хилл добавляет:

Но по тому же признаку [by the same token] разве не имеет смысла для кого-то сказать: «У меня нет мужества совершить самоубийство; Я собираюсь заставить кого-то другого убить меня»? И не предполагает ли это, что убить себя (*kill oneself*) все-таки необходимо? (Hill, 2011: 193).

Насколько это видно из анализа статьи Хилла, он показывает, что, так или иначе, решающим значением в акте обладает не *рефлексивное описание самоубийства*, но его непосредственное совершение конкретным лицом, принимающим на себя полную ответственность; а значит, в любом случае не будет ошибкой использовать фразу — убийство себя (*killling oneself*), в том смысле, что категории *обеспечения убийства себя* и *позволения убийства себя* не сообщают нам ничего нового о самом акте и поэтому являются бесполезными предпосылками анализа.

Мы можем возразить Хиллу, указав на относительную автономность актов обеспечения убийства себя и позволения убийства себя, а точнее, на наблюдаемую зависимость последних от дополнительных факторов, что отличает их от убийства себя.

При реализации *убийства себя* каузальная ответственность полностью ложится на действующего субъекта. Он может стремиться приблизить свою смерть, находясь под гнетом непреодолимых внешних обстоятельств любого рода, но именно его поведение играет решающее значение здесь-и-сейчас. Акт и результат образуют независимую замкнутую систему. Например, человек стреляет себе в голову и, как следствие, умирает.

Обратную ситуацию рисует *обеспечение убийства себя*. Тут для достижения смерти требуется не столько активность самого субъекта, сколько активность некоторой «внешней силы». Без нее намерение, желание или воля субъекта убить себя останутся невыполненными; другими словами, самоубийца не сформируется как субъект действия. Для человека, который вышел на автомагистраль, такой «силой» является любой вид транспорта, оказавшийся (с точки зрения субъекта) в нужный момент и в нужном месте.

Позволение убийства себя, в свою очередь, если и не обуславливается отдельным от поведения самого субъекта внешним воздействием, то

подразумевает его (субъекта) дополнительную вовлеченность. Например, человек, который хочет, чтобы его сбил автомобиль, должен не просто выйти на дорогу, но хотеть быть сбитым в течение неопределенного периода времени, обладая при этом потенциальной возможностью убежать с дороги в любую минуту.

Хилл приводит контрпример и говорит о так называемом самоубийстве с помощью полицейского (*suicide by cop*). Речь о ситуации, когда человек специально нападает на сотрудника правоохранительных органов с намерением погибнуть. По мнению философа, в этом случае, если полицейский применяет оружие осознанно (а не инстинктивно), то напавший на него человек не совершает самоубийство:

Более точным способом обозначения случаев самоубийства с помощью полицейского будет «спровоцированное-жертвой убийство» (*victim-precipitated homicide*) поскольку в этих случаях полицейский действует в качестве агента (*acting as an agent*), поэтому жертва не убивает себя.

А утверждение обратного обусловлено не «причинами концептуального анализа, но политическими причинами, призванными защитить „честных полицейских“ от клейма убийц» (Hill, 2011: 193).

Здесь прослеживается связь с идеями Сюзанн Штерн-Жилле. С ее точки зрения, самоубийство выстраивает собственную риторику, и когда мы выражаем свое отношение к тому или иному случаю смерти, мы одновременно выражаем свои политические взгляды². Несмотря на узость определения, Штерн-Жилле анализирует в действительности неоднозначные и неочевидные случаи смертей, которые неизбежно провоцируют разночтения в интерпретациях и которые обусловлены политическим элементом, а также негативными коннотациями самого понятия самоубийства. И я не думаю, что подход Штерн-Жилле можно использовать для анализа самоубийства с помощью полицейского в том

²Штерн-Жилле пишет о том, что самоубийство обладает практической функцией, а именно функцией приписывания ответственности (*responsibility-ascribing function*). По ее словам: «Эта практическая функция не является побочным дополнением, к так называемому дескриптивному значению понятия самоубийства, а составляет его неотъемлемую часть. Фактически, два аспекта, то есть дескриптивный и практический, оказываются в данном случае неразрывно переплетены». Риторика самоубийства проистекает именно из этой функции: «Если это действительно так, что назвать *X* самоубийцей, значит возложить на самого *X* основную ответственность за его или ее смерть, тогда вопрос о том, был ли тот или иной конкретный *X* самоубийцей, может стать предметом ожесточенных споров и затяжных аргументаций без „объективного“ решения в конце» (Stern-Gillett, 1987: 167–169).

виде, в котором его рассматривает Хилл. Потому что в этом случае человек не наделяет свое поведение открытым *политическим* содержанием, а значит не формирует объективные причины для переноса ответственности за его смерть на другое лицо или институт власти. Можно добавить, что многозначность интерпретации сопровождается случаями смертей, которые, по сути, санкционированы обществом.

«НАМЕРЕНИЕ»

Когда мы говорим о самоубийстве, то принимаем как факт, что субъект сознательно *выбирает* смерть, то есть умирает не из-за случайности или по глупости, но представляет ее (смерть) как цель и смысл конечного результата своего действия, вне зависимости от того, является ли он сам в физическом смысле причиной собственной смерти. Одним из наиболее важных понятий в этом контексте является *намерение* — убеждения и желания человека в отношении своего действия (Cholbi, 2021). Ричард Брандт (Brandt, 1990), Уильям Толхерст (Tollhurst, 1983), Гленн Грабер (Graber, 1981) и Майкл Чолби (Cholbi, 2011) рассматривают намерение в качестве дефинитивной характеристики суицидального акта. Однако здесь возникает ряд сложностей. Действительно, намерение вводит разграничение, которое устраняет из числа самоубийств (суицидального поведения) акты, лишь формально повышающие риск смерти, например работу пожарных или прыжки с парашютом. Но вместе этим намерение умереть, принимаемое в качестве необходимого условия самоубийства, неизбежно привносит в обсуждение вопроса логическую путаницу и проявляется в неоднозначности утверждений в работах отдельных авторов.

Обратимся к определению Дэниела Хилла: «(А) совершает суицид, выполняя акт *x*, тогда и только тогда, когда А намеревается убить себя, выполняя акт *x* (согласно описанию „я убью себя“) и это намерение полностью удовлетворяется»³. Из него изначально проистекают конкретные трудности, содержащиеся, например, во фразе «полностью удовлетворяется»⁴. Но я хотел бы остановиться на другом моменте,

³ «A commits suicide by performing an act *x* if and only if A intends that he or she kill himself or herself by performing *x* (under the description 'I kill myself'), and this intention is fully satisfied» (Hill, 2011: 192).

⁴ Хилл описывает такую ситуацию: к потолку с помощью веревки подвешен груз. Субъект А становится под грузом и собирается выстрелить в веревку, чтобы она оборвалась, а груз свалился ему на голову и убил. Хилл утверждает, что если А промажет мимо веревки, но пуля рикошетом от стены попадет ему в голову и все равно убьет, то это будет не самоубийство, но несчастный случай. Со ссылкой на Джона Сёрла, Хилл объясняет

который демонстрирует всю неясность понятия «намерение». Хилл отличает простое предвидение (*foreseeing*) смерти от намерения (*intention*) умереть. Субъект может заранее осознавать, что выполнение определенного действия приведет к нежелательному последствию, но это не обязательно означает, что он производит эти последствия намеренно. Хилл приводит более чем странный пример со шпионом. Он говорит, что если шпион, который попал в плен врага, глотает капсулу с цианидом, то он может делать это в стремлении стать недоступным для допроса и пыток и лишь предвидеть смерть, как следствие своих действий; то есть шпион не совершает самоубийства (Hill, 2011: 204). Но действительно ли в этом случае человек не проявляет намерение умереть? И если это так, то можем ли мы принимать отсутствие намерения за определяющее условие того, что смерть не является самоубийством? Хилл вынужден отвечать на оба вопроса положительно, в противном случае его определение самоубийства придется отбросить. Я попытаюсь привести несколько опровержений.

Первое — невозможно согласиться с тем, что в ситуации, когда достижение установленной цели требует убийства себя, человек не реализует намерение умереть. Один из подходов к опровержению этого тезиса кроется в том, что конкретный способ совершения смерти обозначен намерением убить себя именно *таким*, но не каким-либо другим образом. Например, финансист, потерявший все деньги из-за неудачной сделки на фондовом рынке, принимает решение выстрелить себе в голову из пистолета. В этом случае он не просто намеревается избежать необходимости жить в бедности и рассматривает смерть в качестве одного из этапов, но намеревается умереть конкретным способом (*A*), намереваясь таким образом достигнуть результата (*B*). Я не думаю, что намерение умереть определенным образом отделимо от намерения умереть как такового. Отсюда намерение шпиона сохранить молчание подразумевает

свой вывод следующим образом: «...дело не в том, что (*A*) имеет четыре отдельных намерения; скорее (*A*) имеет одно сложное намерение с четырьмя взаимосвязанными частями [выстрел (1), разрывание веревки (2), падение груза (3), убийство себя (4)], и это сложное намерение будет удовлетворено только в том случае, если удовлетворены его четыре части и факты, которые их удовлетворяют связаны друг с другом соответствующим образом». При этом, намерение (*A*) «полностью удовлетворится», только если произойдет последовательное выполнение этапов *x*, *y* и *z*. Но до какой степени мы должны следовать условию «полного удовлетворения»? Отвечая на этот вопрос, Хилл оспаривает свою позицию и заключает: «...„полностью удовлетворяется“ не следует воспринимать слишком буквально, это на самом деле несколько расплывчатое понятие (*vague notion*)» (Hill, 2011: 197–199).

намерение умереть, приняв капсулу с цианидом. Следовательно, шпион умирает посредством самоубийства. На это мне могут возразить, что шпиону, с одной стороны, в действительности все равно как умереть, а с другой, и именно на это обращает внимание сам Хилл, шпион просто использует единственный доступный в данный момент вариант устранения угрозы; другими словами, он не выбирал бы смерть, будь у него такая возможность, а значит шпион не намеревается убивать себя.

Второе мое опровержение заключается в следующем утверждении: намерения, достижение которых включает необходимость убийства себя, качественно отличаются от намерений, реализация которых безусловно убийства себя не требует. В то время как смерть включает в себя удовлетворение поставленной цели намерения, момент достижения цели совпадает с моментом смерти таким образом, что последняя замещает собой эту цель и фактически становится ей. То есть, выражение: «я намереваюсь заполучить x и знаю то, что для этого мне нужно сделать y » (где ни x ни y не являются *смертью*) кажется естественнее нежели выражение: «я намереваюсь избавиться от b и знаю то, что мне предстоит умереть»; во втором случае люди, скорее, формулируют свои намерения так: «я намереваюсь умереть, чтобы избавиться от b ». Стремление в определенных обстоятельствах убить себя, чтобы удовлетворить определенный запрос, подразумевает намерение умереть, а не просто предвидение смерти. В контексте смерти, как мне кажется, можно говорить не о предвидении, в значении пред-знания, но о некотором уловлении ее (смерти) гипотетической возможности, например, если я допускаю, что мои последующие действия могут повлечь за собой смерть, хотя не обязательно сделают это. Но в этом случае ни о каком самоубийстве речи не идет. С моей точки зрения, вопрос намеренной природы поступка не играет определяющей роли для определения самоубийства; смерть шпиона от яда в любом случае является самоубийством. Чтобы прояснить эту мысль стоит вернуться к предыдущим замечаниям.

Я полагаю, что ключевая особенность, на которую стоит обратить внимание, заключается не в разграничении события на предвидение смерти и намерение умереть, но в необходимости смерти как условия удовлетворительности или успешности действия. Когда в дождливый день я выхожу в магазин, то возможность промочить ноги не играет для меня никакой роли в том смысле, что если мне удастся каким-то образом этого избежать и я вернусь домой сухим, то недовольства произошедшим не возникнет. Наоборот, я буду рад тому, что ситуация

обернулась противоположным образом. Шпион из примера Хилла не может сказать того же, потому что намеченная им цель всецело опосредована необходимостью умереть и при конкретных обстоятельствах ее невозможно достигнуть иным способом. Если бы в нужный момент капсула с цианидом не оказалась под рукой или странным образом не оказала на состояние шпиона никакого эффекта, то для него такое стечение обстоятельств было бы препятствием на пути достижения желаемого результата и стало бы фатальным для него как субъекта действия. Поход в магазин и принятие цианида представляли бы собой два концептуально идентичных события, только если бы в первом случае мне было необходимо попасть под дождь и намочить свои ноги. Таким образом, я считаю возможным говорить о предвидении исключительно в ситуации, когда то, что мы, как утверждается, предвидим, обладает хоть и неизбежным, но не определяющим характером.

«ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ» СМЕРТИ

Понимание предвидения, которое использует Хилл, приводит к тому, что любая инструментальная смерть может быть описана как та, которая только предвидится, но не является предметом намерения⁵. Именно в этом заключается первостепенное препятствие на пути принятия тезиса Хилла. В своей статье он утверждает, что если бы у шпиона был выбор между смертельной капсулой с цианидом и таблеткой, которая вводит человека в состояние обратимой комы и позволяет дожидаться спасения, то вместо цианида шпион принял бы именно ее. Поэтому свою смерть шпион только предвидит, но не намеревается ее совершить (Hill, 2011: 204) Но ничто не мешает нам использовать его аналогию для других кейсов. Ведь если тот или иной случай инструментальной смерти допускает потенциальное наличие некоторого более предпочтительного варианта решения проблемы, который не предполагает необходимость для субъекта умирать, то он (вариант) только потому не выбирается субъектом, потому что у последнего в *данный момент* нет возможности его выбрать; а значит собственную смерть субъект только предвидит и в действительности не является самоубийцей.

В отличие от Хилла, который выводит свои утверждения только с помощью понятия намерения, Теренс О'Киф в своем анализе голодовки

⁵Например, (А) тяжело переживает потерю работы, не хочет жить без денег и принимает смертельную дозу снотворного. Следуя логике Хилла, мы можем описать его поведение таким образом: (А) намеревается принять снотворное и предвидит смерть. Вывод: (А) не самоубийца.

(*self-starvation*), несмотря на кажущуюся узость представленной концепции, открыто выражает убежденность в том, что инструментальные смерти самоубийствами не являются. Он пишет:

Мы могли бы считать, что, поскольку эти смерти в некотором смысле не были самоцелью, а способствовали [инструментально] достижению других задач и целей, их нельзя считать самоубийствами. Это позволило бы нам определить суицид как самоубийство, при котором первостепенное (*overriding*) намерение состоит в том, чтобы просто покончить с собой, и в действии нет никакой другой независимой цели. Назовем такие самоубийства не-инструментальными, чтобы отличить их от инструментальных самоубийств, в основе которых лежат другие цели, такие как героизм, спасение других, политический протест или что-то в этом роде (О'Кеефф, 1990: 127).

И хотя О'Киф в качестве не-самоубийств рассматривает только конкретные виды инструментальных смертей, его концепция представляет инструментальные смерти как принцип, а не только как частные кейсы. Поэтому она так же уязвима как и концепция Хилла. Предложенная в статье О'Кифа попытка разграничить инструментальные и не-инструментальные смерти не верна. Автор пишет, что субъект «истинного» суицида, если его воскресить, предпочтет вернуться в состояние смерти, в то время как инструментальный самоубийца такого желания не проявит. В качестве примеров он приводит смерти Капитана Уотса и священника Максимилиана Кольбе. Интересно, что любой пример инструментальной смерти, на защиту которого встает О'Киф, является морально положительным, а именно, вызывающим одобрение общества. Но инструментальные самоубийцы не всегда копируют реакцию не-инструментальных самоубийц. Воспользуясь изрядно странным дискурсом О'Кифа, можно сказать, что большинство *инструментальных* самоубийц, если их вернуть к жизни, обнаружат неизменными условия, которые подтолкнули их к смерти. Поэтому определения самоубийства, которые приводят Хилл и О'Киф, а точнее их понимание намерения, резко сужают область самоубийств, оставляя в ее пределах только не-инструментальные случаи смертей.

Эмиль Дюркгейм совершает противоположную ошибку. Он пишет:

Самоубийством называется каждый смертный случай, который является прямым или косвенным результатом позитивного или негативного действия, совершенного самим потерпевшим, при том, что жертва знала о том, что это должно привести к такому результату (Дюркгейм, Ильинский, 1994: 7).

Данное определение позволяет включать в число самоубийств смерти, которые обычно таковыми не считаются:

Солдат, идущий навстречу верной смерти, для того чтобы спасти свой полк, не хочет умереть, а разве в то же самое время он не является виновником своей смерти в том же значении этого слова, в каком оно применимо к промышленнику или коммерсанту, убивающему себя, для того чтобы избежать стыда и позора банкротства (Дюркгейм, Ильинский, 1994: 6).

Видно, что Дюркгейм отвергает такие внутренние факторы, как намерение или желание, в качестве имеющих значение для конечной идентификации природы поступка и он имеет для этого конкретные причины. Дюркгейм надеялся, что его определение самоубийства, избавившись от ментальных концепций, позволит разрешить отдельные случаи «научно» и «недвусмысленно» (Stern-Gillet, 1987: 168).

Подход Дюркгейма чрезвычайно расширяет определение самоубийства. Солдат не выбирает смерть и не стремится к ней. Промышленник же вне зависимости о того, считаем ли мы намерение умереть отсутствующим в контексте инструментальных смертей или нет, в каком-то смысле имеет смерть в фокусе внимания; за самоубийство он будет нести моральную, либо причинную ответственность. Приложенная к отдельным примерам смерти, эта интерпретация формулирует утверждения, которые, я уверен, у многих вызовут неоднозначную реакцию. Солдата, идущего в обреченное сражение, можно сравнить с солдатом, который прыгает на гранату, чтобы спасти сослуживцев. Последний не будет самоубийцей, потому что, вновь, смерть не играет для него определяющей роли, но лишь рассматривается в качестве потенциальной возможности достичь совершенно иной цели. Аналогичный вывод, как ни странно, может последовать из анализа действий террористов-смертников или японских пилотов камикадзе времен Второй мировой войны. Они относятся к типу солдат, не спасающих, но отнимающих жизни, для которых готовность умереть также не синонимична необходимости смерти⁶.

«СМЕРТЬ»/«САМОУБИЙСТВО»

Едва ли не самоочевидным выступает тот факт, что следствием

⁶ Дэнниел Хилл приходит к аналогичному выводу, но по причине того, что террорист-смертник и пилот камикадзе не выражают намерения умереть как цели, а значит, следуя определению автора, не совершают самоубийства: «...в конце концов, их цель [намерение] состоит в том, чтобы убить других людей, и эта цель все еще могла бы быть достигнута, если бы они чудом выжили» (Hill, 2011: 202–203).

самоубийства является смерть. Однако, так считают не все. Питер Виндт отмечает:

Но в случаях, когда попытка суицида (скажем, посредством выстрела) оборачивается достаточными для разрушения личности повреждениями мозга, или когда злоупотребление алкоголем или другими веществами (*drugs*) вызывает радикальное уничтожение памяти и характера, у нас возникает искушение говорить о самоубийстве, несмотря на то, что тело сохраняет свою жизнеспособность (Windt, 1980: 40).

В этом смысле биологическая смерть теряет статус неизбежности в определении самоубийства. Гэвин Фэйрберн сомневается, что факт смерти вообще имеет ключевое значение в акте самоубийства:

...согласно определению, которое я предлагаю..., является... поступок самоубийством или нет, зависит не от того, окажется ли индивид мертвым или живым, но от того, являлась ли смерть тем, что он желал или намеревался получить (Fairbairn, 1995: 58).

То есть если человек выражает намерение и желание умереть, то вне зависимости от конечного результата мы можем называть его самоубийцей:

...человек, который намеревается умереть, и чей поступок завершается смертью, может быть обозначен в качестве успешного самоубийцы, а тот, чей поступок не завершился смертью, будет неудачным или не-фатальным самоубийцей (*ibid.*).

Если суицид не обязательно должен закончиться смертью, а условия, которые приближают смерть, не должны быть вызваны самим субъектом, то:

...определения, согласно которым самоубийство имеет место в случаях, когда человек действует со знанием того, что его поступок вызовет его собственную смерть (Дюркгейм), таким образом, не могут уловить в каком смысле смерть выступает своего рода целью суицидального поведения (Cholbi, 2021).

Вне зависимости от намерений самоубийцы, я полагаю, что сама *попытка*, в той же мере, что и *неудачное* самоубийство качественно отличаются от акта самоубийства, который заканчивается смертью, и ошибочно ставить между этими событиями знак равенства. Вслед за Питером Виндтом будем считать, что смерть либо личности (*person*), либо организма (*organism*) является необходимым критерием самоубийства (Windt, 1980: 41).

«ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЕИЗБЕЖНОГО» И «ПРИНУЖДЕНИЕ»

Дэниел Хилл предлагает рассмотреть кейс о субъекте (А), который должен умереть из-за интенсивной кровопотери. Чтобы приблизить неизбежный исход, (А) насмерть пронзает себя спицей (*needle*). Как указывает Хилл, в этом случае (А) частично стал причиной собственной смерти, но с нашей стороны было бы абсурдно заявлять, что (А) совершил самоубийство. (А) лишь ускоряет неизбежную смерть; он бы умер в любом случае, вне зависимости от принятых им решений. То есть, убийство себя (*killling oneself*) является необходимым, но недостаточным условием для самоубийства (Hill, 2011: 195–196).

В указанном примере определяющую роль играет фактор *времени*, скоротечность событий, но не их видимая неотвратимость. Тут мы сталкиваемся с проблемой ускользания разграничительной линии, а именно, возникает вопрос: в какой момент убийство себя оказывается самоубийством? И на него едва ли найдется удовлетворительный ответ.

Предположим, человеку поставили роковой диагноз. Врачи прогнозируют, что болезнь вызовет смерть в течение полугода. Человек решает не тянуть с исходом и вешается. Является ли данная смерть самоубийством? По Хиллу ответ будет отрицательным, потому что своим поступком человек лишь *ускоряет* неизбежную смерть. Возможно, философы, придерживающиеся позиции Хилла, захотят возразить что пусть отделить *большое* количество времени от *малого* невозможно, тем не менее, близкая смерть отличается от достаточно удаленной и позволяет делать нам разные выводы. По моему мнению, такой ответ не выглядит убедительным. В обоих случаях смерть вызвана добровольными действиями самого человека, и то, что он лишь приближает неизбежное, радикально не меняет содержание поступка. Поэтому его смерть является самоубийством.

Джозеф Купфер идет еще дальше, когда допускает, что убийство себя из-за наличия смертельной болезни также не должно попадать под определение самоубийства. Он пишет:

В действительности не имеет значения, хочет ли он избавить своих родных или себя самого от нескольких недель страданий. Значение имеет то, что он не может контролировать факт смерти в ближайшее время, но способен выбрать каким образом умрет и как скоро это случится (Kupfer, 1990: 67–68).

По мнению автора, аналогичные соображения справедливы и для приговоренных к смертной казни:

...они просто исполняют волю государства, ускоряя собственную смерть посредством убийства себя⁷. Нам лучше называть такие случаи авто-эвтаназией (*auto-euthanasia*) или «ускорением смерти». Они не выбирали смерть в смысле наличия [выбора] других жизненных опций (*live options*). Скорее, умереть сейчас предпочтительней, нежели умереть скоро. Таким образом, для того чтобы действие было самоубийством, агент должен обладать довольно неопределенным периодом жизни (Kupfer, 1990: 68).

Купфер открыто признает, что нет ясной демаркации относительно того, насколько скорой и неминуемой должна быть смерть, чтобы она не считалась самоубийством. После этого он добавляет, что его концепция не может устранить все трудные или пограничные случаи. Так или иначе она позволит выявить природу обширного набора ситуаций. Этот функционал не является тем, что я хотел бы оспорить. Меня беспокоит сама концепция. Смерть от кровопотери или неизлечимого диагноза не зависит от воли, намерений, желаний или действий субъекта. В этом смысле, если субъект принимает решение взять положение дел в свои руки, то, хотя над ним не довлеет моральная ответственность, он все же физически значим для реализации собственной смерти в ее специфическом проявлении. Тягость и практическая безвыходность положения не устраняют возможности выбора, в какой бы редуцированной форме она не проявлялась. Предпочитая смерть здесь-и-сейчас *x*, несколько удаленной смерти *y*, человек этот самый выбор актуализирует, и я считаю, что именно на это прямое участие должно быть обращено наше внимание. Поэтому аналоги, предложенные Купфером в качестве замены термину самоубийство, в ситуациях «предотвращения неизбежного», а именно, упомянутые выше авто-эвтаназия и ускорение смерти, кажутся неточными и вызывают искушение задать понятный вопрос: в чем заключается разница? Мне не кажется, что замена одного понятия другим в сущности меняет содержание события, если вообще это делает. Как пишет сам Купфер:

⁷Это утверждение как минимум неточно. Ожидающий исполнения приговора в камере смертников преступник, который убивает себя в камере, едва ли «просто исполняет волю государства». Когда кого-то приговаривают к смерти, органы власти обеспечивают все необходимые условия, которые позволяют заключенному дожидаться исполнения приговора. Более того, если такой человек заболевает, то ему окажут медицинскую помощь только для того, чтобы затем поместить в прежние условия и в конце концов лишиться жизни. Воля государства заключается как раз именно в том, чтобы приговоренный не совершил самоубийство, а умер в заранее установленный момент и его смерть достигалась конкретным образом, скажем, через введение смертельной инъекции.

Я осознаю, что это [использование авто-эвтаназии и ускорения смерти вместо самоубийства] не будет соответствовать интуициям каждого и может выглядеть чрезмерно условным (Kupfer, 1990: 68).

И нечто подобное в концептуальном плане происходит, когда речь заходит о *принуждении*, как факторе, который, по мнению многих исследователей, препятствует тому, чтобы называть конкретную смерть самоубийством. Как отмечает Майкл Чолби, к определению самоубийства многие хотели бы добавить следующее условие: «*S* [субъект] не был принужден к *B* [суицид]» (Cholbi, 2021). Я считаю, что принуждению уделяется такое внимание, потому что оно, как это кажется на первый взгляд, устраняет человеческую автономию и привязывает конечный выбор агента к антагонистической внешней воле. В этом случае не имеет собственных причин умирать и выстраивает свои намерения вне зависимости от них. Принуждение не обязательно должно быть выражено в вербальной или письменной форме, подразумевающей прямую деятельность другого лица, но может диктоваться определенными обстоятельствами, в которых оказался человек. В качестве примера принуждения часто приводится уже знакомый нам случай шпиона, которого захватывает вражеская сторона и под угрозой пыток заставляет выдать конфиденциальную информацию. Если шпион, в стремлении избежать пыток и сохранить тайну, убьет себя, то самоубийством этот поступок считать нельзя, потому что он полностью зависит от протекающего извне принуждения.

Но, как отмечает Чолби, принуждение, по всей видимости, налагает на определение самоубийства такое требование, которое не может быть применено к другим типам действий (ibid.). Здесь имеется в виду следующее: человек, которого принудили говорить поздравительную речь на дне рождения, говорит поздравительную речь в не меньшей степени, чем если бы он совершал этот поступок добровольно; человек, которого принудили танцевать, танцует так же, как если бы он делал это согласно искреннему желанию. Попытка привязать обоснование природы действия к внешним обстоятельствам не выглядит очевидным и бесспорным решением. Принуждение, по-видимому, не меняет суть действия как такового, даже если оно влияет на то, оправданы ли их [людей] действия или заслуживают порицания⁸ (ibid.). В этом

⁸В своей более ранней работе Чолби высказывает идентичную мысль: «...то, что его цели или причины берут начало в государственном принуждении (*state's coercion*),

смысле и страдающий от острой боли человек *A*, и шпион *B*, который хочет избежать пыток, обладают идентичной причиной убить себя. И я не нахожу возможности оценивать положение *A* менее привязанным к неконтролируемым внешним обстоятельствам нежели положение *B*. Кроме этого, я согласен с тем, что, вне зависимости от условий принуждения, каждый в равной степени свободен (или несвободен) выбирать между доступными ему вариантами, даже если они, учитывая обстоятельства, сильно ограничены (Tolhurst, 1983: 114–115).

Условие принуждения не обладает необходимой степенью ясности, которая позволила бы находить ему точное и однозначное применение в контексте обсуждения понятия самоубийства. Стремление вводить такие критерии, как принуждение или время, чтобы превратить убийство себя в отличный от самоубийства тип действия, помимо всего прочего, зачастую содержат имплицитные мотивы, направленные на исключение из категории самоубийств смертей, которые вызывают сожаление или понимание, короче говоря, не воспринимаются (или не должны восприниматься) отрицательно. То есть, отдельные случаи самоубийств могут носить различный и неприменимый к другим случаям характер морального одобрения или осуждения, но не меняют от этого свой статус самоубийства, потому что моральная ответственность за совершаемый поступок нивелируется влиянием внешней среды⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенное выше обсуждение демонстрирует часть тех трудностей, с которыми вынуждена столкнуться всякая попытка установить концептуальные рамки самоубийства. Тем не менее, анализ ряда важных понятий и разнообразных кейсов, а также разбор разнородных позиций конкретных авторов, позволяет прийти к следующим выводам:

- (1) *Намерение*, как это кажется на первый взгляд, выражает осознаваемую субъективную убежденность человека относительно результата своего поведения, и, таким образом, позволяет позитивно утвердить конкретную смерть в качестве суицида; но при ближайшем рассмотрении проявляется уязвимость *намерения* перед лицом абстрактных контрпримеров, которые попросту размывают концептуальные рамки самоубийства.

похоже, не меняет того факта, что он умирает в результате преднамеренного самоубийства» (Cholbi, 2011).

⁹ «...когда нас принуждают, мы несем меньше моральной ответственности за то, что делаем, чем когда нас не принуждают» (Kupfer, 1990: 80).

- (2) Выход из этой ситуации заключается в необходимости: а) отнять как у намерения, так и у других видов интенции — воли, желания, стремления — статус необходимых или достаточных условий самоубийства; б) наделить этим статусом *смерть себя*, когда в данный момент она является абсолютно необходимым критерием удовлетворительности, либо успешности результата действия.
- (3) *Инструментальность смерти* является манипулятивным понятием в том смысле, что, при желании и в зависимости от целей, его можно использовать для интерпретации одной и той же смерти как самоубийства, и наоборот. При этом ни сугубо концептуальные, ни интуитивные соображения не мешают нам не обращать внимание на факт инструментальности при оценке отдельных кейсов.
- (4) Предложенное в статье определение самоубийства находит критерий, который составляет необходимое и достаточное условий самоубийства, и позволяет провести линию демаркации между самоубийством и не-самоубийством, оставляя позади логические противоречия и двусмысленность в утверждениях.

Хотя наивно полагать, будто предложенное здесь, как и в любом другом месте, определение самоубийства позволит достигнуть всеобщего консенсуса, важность этих усилий актуализируется сложившейся ситуацией. С тех пор как эвтаназия и ассистируемое самоубийство заняли прочное место в современном дискурсе, начиная со споров касательно их собственного статуса, самоубийство тысячами голосов откликается в моральной философии, политике, юридической мысли и медицине. Поэтому любое стремление прояснить содержание аргументов, позиций и точек зрения потенциально позволит избавиться от спутанности как в мысли, так и в практике.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А. О самоубийстве. — М. : Издательство МГУ, 1992.
- Доржгэйм Э. Самоубийство : социологический этюд / под ред. В. А. Базарова ; пер. с фр. А. Н. Ильинского. — М. : Мысль, 1994.
- Паперно И. А. Самоубийство как культурный институт. — М. : Новое литературное обозрение, 1999.
- Beccaria C. Suicide // On Crimes and Punishment and Other Writing / ed. by R. Bellamy. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — P. 83–87.

- Brandt R.* The Morality and Rationality of Suicide // *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy* / ed. by J. Donnelly. — New York : Prometheus Books, 1990. — P. 195–201.
- Cholbi M.* *Suicide : The Philosophical Dimensions.* — Peterborough, Ontario : Broadview Press Broadview Press, 2011.
- Cholbi M.* *Suicide* / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* ; ed. by E. N. Zalta. — 2021. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/suicide/> (visited on Mar. 17, 2023).
- Fairbairn G.* *Contemplating Suicide : The Language and Ethics of Self-Harm.* — London : Routledge, 1995.
- Frey R. G.* Did Socrates Commit Suicide? // *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy* / ed. by J. Donnelly. — New York : Prometheus Books, 1990. — P. 57–61.
- Graber G. C.* The Rationality of Suicide // *Suicide and Euthanasia : The Rights of Personhood* / ed. by S. Wallace, A. Eser. — Knoxville : University of Tennessee Press, 1981. — P. 51–65.
- Hill J. D.* What is It to Commit Suicide? // *Ratio.* — 2011. — Vol. 24, no. 2. — P. 192–205.
- Hume D.* *Of Suicide* // *Essays : Moral, Political, and Literary* / ed. by E. F. Miller. — Carmel : Liberty Fund, 1987. — P. 577–589.
- Kupfer J.* *Suicide : Its Nature and Moral Evaluation* // *The Journals of Value Inquiry.* — 1990. — Vol. 24, no. 1. — P. 67–81.
- Locke J.* *Two Treatises of Government.* — Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
- O’Keeffe T. M.* *Suicide and Self-Starvation* // *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy* / ed. by J. Donnelly. — New York : Prometheus Books, 1990. — P. 117–135.
- Stellino P.* *Philosophical Perspectives on Suicide : Kant, Schopenhauer, Nietzsche, and Wittgenstein.* — London : Palgrave Macmillan, 2020.
- Stern-Gillett S.* *The Rhetoric of Suicide* // *Philosophy and Rhetoric.* — 1987. — Vol. 20, no. 3. — P. 160–170.
- Tolhurst W. E.* *Suicide, Self-sacrifice, and Coercion* // *Southern Journal of Philosophy.* — 1983. — Vol. 21, no. 1. — P. 109–121.
- Windt P. Y.* *The Concept of Suicide* // *Suicide : The Philosophical Issues* / ed. by M. Pabst Battin, D. J. Mayo. — New York : St. Martin’s Press, 1980. — P. 39–48.

Emeretli, H. S. 2024. "Sovremennyyu diskurs ob opredelenii ponyatiya 'samoubiystvo' [Modern Discourse on the Definition of the Concept of 'Suicide']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 8 (1), 168–187.

HARLAMPY EMERETLI

PHD STUDENT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0009-0009-0421-3648

MODERN DISCOURSE ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "SUICIDE"

Submitted: June 05, 2023. Reviewed: July 27, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: The article discusses the conceptual framework of the concept of "suicide" and provides its philosophical definition. Continental philosophy has traditionally focused on the axiological and practical-ethical characteristics of suicide. The purpose of the article is to define and comprehend this phenomenon in the course of a polemic with the modern analytical philosophy of suicide. The article contests the assertion that it is impossible to give an unambiguous definition of suicide, in the process of its strict separation from other kinds of death; the definition of suicide is descriptive, not evaluative, that is, it does not postulate a priori morality or immorality of the act itself, its rationality or irrationality, justification or unjustification. The definition under discussion produces important logical implications and characteristics of suicide that may conflict with our original and culturally conditioned intuitions on the phenomenon. A clear theoretical definition can have a profound impact on further social thought, social policy, medicine, and legislation in the field of suicidology.

Keywords: Suicide, Intention, Coercion, Foresight, Instrumentality, Death.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-168-187.

REFERENCES

- Beccaria, C. 1995. "Suicide." In *On Crimes and Punishment and Other Writing*, ed. by R. Bellamy, 83–87. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berdyayev, N. A. 1992. *O samoubiystve* [On Suicide] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo MGU [Moscow State University].
- Brandt, R. 1990. "The Morality and Rationality of Suicide." In *Suicide: Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*, ed. by J. Donnelly, 195–201. New York: Prometheus Books.
- Cholbi, M. 2011. *Suicide: The Philosophical Dimensions*. Peterborough and Ontario: Broadview Press Broadview Press.
- . 2021. "Suicide." Ed. by E. N. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Mar. 17, 2023. <https://plato.stanford.edu/entries/suicide/>.
- Donnelly, J., ed. 1990. *Suicide: Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*. New York: Prometheus Books.
- Durkheim, É. 1994. *Samoubiystvo* [Le Suicide]: *sotsiologicheskii etyud* [étude de sociologie] [in Russian]. Ed. by V. A. Bazarov. Trans. from the French by A. N. Il'inskiy. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Fairbairn, G. 1995. *Contemplating Suicide: The Language and Ethics of Self-Harm*. London: Routledge.

- Frey, R. G. 1990. "Did Socrates Commit Suicide?" In *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*, ed. by J. Donnelly, 57–61. New York: Prometheus Books.
- Graber, G. C. 1981. "The Rationality of Suicide." In *Suicide and Euthanasia : The Rights of Personhood*, ed. by S. Wallace and A. Eser, 51–65. Knoxville: University of Tennessee Press.
- Hill, J. D. 2011. "What is It to Commit Suicide?" *Ratio* 24 (2): 192–205.
- Hume, D. 1987. "Of Suicide." In *Essays : Moral, Political, and Literary*, ed. by E. F. Miller, 577–589. Carmel: Liberty Fund.
- Kupfer, J. 1990. "Suicide: Its Nature and Moral Evaluation." *The Journals of Value Inquiry* 24 (1): 67–81.
- Locke, J. 1988. *Two Treatises of Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
- O'Keeffe, T. M. 1990. "Suicide and Self-Starvation." In *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*, ed. by J. Donnelly, 117–135. New York: Prometheus Books.
- Paperno, I. A. 1999. *Samoubiystvo kak kul'turnyy institut [Suicide as a Cultural Institution]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Stellino, P. 2020. *Philosophical Perspectives on Suicide: Kant, Schopenhauer, Nietzsche, and Wittgenstein*. London: Palgrave Macmillan.
- Stern-Gillett, S. 1987. "The Rhetoric of Suicide." *Philosophy and Rhetoric* 20 (3): 160–170.
- Tolhurst, W. E. 1983. "Suicide, Self-sacrifice, and Coercion." *Southern Journal of Philosophy* 21 (1): 109–121.
- Windt, P. Y. 1980. "The Concept of Suicide." In *Suicide : The Philosophical Issues*, ed. by M. Pabst Battin and D. J. Mayo, 39–48. New York: St. Martin's Press.

ОЛЕГ ДОМАНОВ*

ПРИЗНАКИ И ТИПЫ В ТЕОРЕТИКО-ТИПОВОЙ СЕМАНТИКЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА**

Получено: 12.04.2023. Рецензировано: 11.08.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: Признаки и типы являются двумя возможными способами классификации явлений, относящихся к формализации грамматики и семантики естественного языка. Признаки часто используются в лингвистически ориентированных теориях. Однако они плохо согласуются с теоретико-типовой семантикой из-за понятия подтипа, к которому они приводят. В статье предлагается способ согласования этих двух подходов путем определения типов, основанных на классификации по признакам. Способ демонстрируется на примере формализации небольшого фрагмента английского языка. Построена общая формальная теория синтаксиса и семантики такого фрагмента, которая также имеет самостоятельное значение. Формализация проводится в языке Агда (Agda). Агда служит одновременно как: (1) метаязык, на котором формализуется синтаксис естественного языка, и (2) семантический/онтологический язык, на котором интерпретируется естественный язык. Это позволяет формализовать интерпретацию как функцию, переводящую выражения Агды, представляющие синтаксис, в формулы Агды, образующие семантику. Понятие подтипа опирается на понятие коэрсии или приведения типов, причем определение типов на основе признаков позволяет определить коэрсию автоматически. Механизм аргументов экземпляров (*instance arguments*) Агды позволяет во многих случаях проводить коэрсию автоматически. В конце статьи приведены примеры формализации языковых выражений, демонстрирующие работу построенной теории. Несмотря на то, что Агда как язык ориентирована прежде всего на математику, она содержит средства, позволяющие эффективно использовать ее в исследованиях естественного языка в рамках теоретико-типовой семантики.

Ключевые слова: теоретико-типковая семантика, естественный язык, теория типов, Agda, подтипы, коэрсия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-188-214.

При формализации семантики естественного языка в теории типов (Chatzikiyiakidis & Luo, 2020; Modern Perspectives..., 2017; Ranta, 1994) нарицательные существительные (англ. *common nouns*) могут представляться разными способами, которые являются комбинацией двух основных (о различных способах интерпретации нарицательных имен см., например, Chatzikiyiakidis & Luo, 2017):

* Доманов Олег Анатольевич, к. филос. н., старший научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск), domanov@philosophy.nsc.ru, ORCID: 0000-0003-0057-3901.

** © Доманов, О. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

- (1) Мы можем следовать Монтегю (Montague, 1974a,b) и представлять такие имена как предикаты или подмножества, то есть как функции вида $e \rightarrow t$, где e — тип объектов, а t — тип истинностных значений.
- (2) Мы можем следовать Ранта (Ranta, 1994) и представлять такие имена как типы.

Первый способ приводит к проблемам в случае копредикации, то есть применения разных предикатов к одному и тому же аргументу. Рассмотрим, например, предложение «Джон взял и прочитал три книги». Предикат «взять» применим к физическим объектам, а «прочитать» — к тем, которые возможно прочитать (будем называть их информационными). Например, книгу в Интернете можно прочитать, но нельзя взять. Что, в таком случае, означает «три разных книги»? Они физически или информационно разные? Если Джон взял и прочитал три книги, то были ли это три книги, различные физически и информационно, или три экземпляра одной и той же книги, или трилогия, собранная физически в одном томе? (Ср. также двусмысленность предложения «Мои книги продаются во всех магазинах».) Можем ли мы различить эти ситуации? Анализ показывает, что грамматика Монтегю не справляется с данной задачей (Bahramian et al., 2017: 2–6). Это же касается и ее усовершенствованных версий (таких как Heim & Kratzer, 1998), в которых предикаты представляются частичными функциями.

Теория типов также сталкивается с трудностями в подобных ситуациях, однако эти трудности иного рода. Глаголы в теоретико-типовой семантике формализуются как зависимые типы, причем тип, от которого они зависят, соответствует области применимости глагола. Если глагол «взять» применим к типу физических объектов, а глагол «прочитать» — к информационным, то книга должна одновременно относиться и к тем, и к другим. Однако в теории типов это невозможно. В теоретико-типовой семантике используются так называемые современные теории типов МТТ (*Modern Type Theories*). К ним относят, например, исходную теорию Мартин-Лёфа (MLTT: Martin-Löf, 1984), единую теорию типов УТТ (*Unified Theory of dependent Types*: Luo, 1994), а также исчисление индуктивных конструкций СИС (*Calculus of Inductive Constructions*). Их характерной особенностью является использование канонических объектов, посредством которых определяется тип. Это означает, что объект при появлении в теории получает единственный тип, который не может быть впоследствии изменен. Объекты, следовательно, не могут

относиться одновременно к нескольким типам. Понятие подтипа отсутствует в теориях МТТ и должно быть специально определено. При этом «наивный» способ определения посредством правила вида

$$\frac{\Gamma \vdash a : A \quad \Gamma \vdash A \subseteq B}{\Gamma \vdash a : B}$$

(называемый также подтипизацией включения, *subsumptive subtyping*) некорректен, поскольку a не может одновременно относиться к типам A и B .

В то же время, типы в семантике естественного языка возникают с самого начала — как ограничения на применимость предикатов, таких как глаголы или прилагательные. Действительно, такие выражения как предложение Ноама Хомского «Colorless green ideas sleep furiously» («Бесцветные зеленые идеи яростно спят»), будучи синтаксически правильными, не являются семантически корректными (то есть не имеют смысла) из-за неверного применения предикатов к своим аргументам (бесцветные идеи не могут быть зелеными, спать нельзя яростно и т. д.). Кроме того, квантификацию также естественно понимать как пробегающую по множеству объектов, к которым применимо выражение под квантором, а не по всему множеству объектов в мире. Универсум дискурса, как и человеческий универсум вообще, состоит из многих типов, различающихся по их способности участвовать в той или иной деятельности. Мы видим, однако, что типы, как они вводятся в теориях МТТ, не схватывают это семантическое несоответствие в случае естественного языка. Требуется система подтипов, адекватная семантике естественного языка. Мы должны иметь возможность для каждого типа указать, что к его объектам применимы те или иные предикаты, несмотря на то, что изначально они определены, возможно, на других типах.

Помимо упомянутой выше подтипизации включения, подтипы могут вводиться в теорию и другими способами. Мы можем изначально считать типы подмножествами общего множества (типа) объектов. Это последнее соответствует «домену дискурса», то есть тому, что мы вообще различаем и о чем способны говорить. Так, Тьерри Коқан (Coquand, 1992) строит модель для теории типов как единое множество объектов (к которым, в частности, относятся и типы — это потенциально противоречивая система). Другой способ состоит в представлении подмножеств через отношение идентичности (Bahramian et al., 2017). Он, однако, также требует единого домена (типа), на котором устанавливаются эквивалентности, а это делает проблематичной саму идею

представления существительных посредством типов, а не предикатов (ср. также о представлении CN как сетоида: Luo, 2012a). Возможно также использовать одновременно как типы, так и предикаты (Retoré, 2013), при этом, однако, возникает отдельная проблема их согласования (Chatzikyriakidis & Luo, 2017).

По-видимому, наиболее подходящим для естественного языка способом моделирования подтипов является коэрсия или приведение типов. Это понятие было разработано в компьютерных науках и затем перенесено в лингвистику, где используется для описания согласования в различных языковых конструкциях (см., например, Asher & Luo, 2013). При коэрсии определяется функция $c : A \rightarrow B$, которая интерпретируется как приведение типа A к типу B . После этого, если нам требуется подставить объект в предикат, требующий типа B , мы можем использовать вместо него объект типа A , который пересчитывается в B с помощью функции c . Луо с соавторами (Luo et al., 2013) показывают, что коэрсия является консервативным расширением теории типов, в отличие от остальных рассмотренных ими способов. В частности, она хорошо работает не только в функциональных языках, но и в математических системах, таких как Агда (Agda) или Coq (ibid.: 4). Подробнее о коэрсии в МТТ и ее использовании в формальной семантике можно посмотреть в Luo, 2012b.

Хотя типы в семантике возникают естественным образом, в современных грамматических теориях, таких как генеративная грамматика (Митренина и др., 2018) или HPSG (*Head-Driven Phrase Structure Grammar: Head-Driven Phrase Structure Grammar, 2021*) более привычным средством классификации являются не типы, а признаки (*features*). Например, глаголы или прилагательные применимы к существительным, если те обладают нужными признаками: красными могут быть физические, но не идеальные объекты, спать могут одушевленные существа и т. д. Признаки составляют систему, называемую структурой признаков (*Feature Structure: Carpenter, 1992*). Разумеется, признаки сами по себе позволяют разделить объекты по типам — например, можно полагать, что каждое множество признаков определяет отдельный тип. Однако при этом объекты могут обладать несколькими признаками, что делает возможным отнесение их к разным типам, а значит невозможным прямое использование теорий МТТ. Возможна ли, тем не менее, теория типов, содержащая подтипы и способная формализовать системы признаков, как они существуют в упомянутых грамматиках и семантиках? Типизация по признакам позволяет, вообще говоря, определить

коэрсию: если объект относится к типу, определяемому некоторым множеством признаков f , то он также должен относиться к типам, определяемым множествами, меньшими f . Если мы определим типы так, чтобы это условие выполнялось автоматически, мы получим систему типов с коэрсией, пригодную для использования в семантике естественного языка. Именно этот метод используется в данной статье. Мы определим систему признаков, на ее основе — систему типов с коэрсией и затем посмотрим на примере небольшого фрагмента английского языка, каким образом она может использоваться в семантике. Формализация будет проводиться в языке Агда. Я представляю здесь основные идеи и структуры, полный код можно найти по адресу <https://github.com/odomanov/ttsemantics/blob/v2/Agda/MontagueTT/MontagueTTfeatures.agda>.

ОСНОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКА АГДА

Агда является функциональным языком с зависимыми типами Agda Documentation, 2014; Norell, 2009. Он основывается на теории типов УТТ. Я предполагаю некоторое знакомство читателя с Агдой, однако буду достаточно подробно пояснять встречающиеся выражения так, чтобы, даже ничего о ней не зная, можно было бы составить впечатление об общих идеях.

Мы будем использовать Агду в двойной роли. С одной стороны, она выступает метаязыком для фрагмента естественного языка. Мы формализуем грамматику этого языка, представив его выражения (существительные, глаголы, предложения и пр.) в виде выражений Агды. С другой стороны, Агда предоставит интерпретацию для этого языка. Это означает, что формулы Агды (которые являются теоретико-типовыми формулами) будут служить смыслом выражений формализованного естественного языка. Благодаря этой двойной роли, интерпретация оказывается просто функцией, которая переводит одни выражения языка Агда в другие (фактически, мы получим не одну функцию, а их набор для разных синтаксических категорий).

Рассмотрим основные обозначения языка Агда. Прежде всего, нам нужно знать, что выражение $a : A$ означает, что объект (или элемент, или терм) a относится к типу A . Типы функций записываются как $(x : A) \rightarrow B$, причем B может зависеть от x (см. ниже о зависимых типах). Эта запись означает, что для каждого элемента типа A имеется процедура получения элемента типа B . Поэтому тип функций записывают также как $\forall (x : A) \rightarrow B$. Если Агда может восстановить тип A из текущего контекста, то запись можно сократить до $\forall x \rightarrow B$. Если B не зависит от x ,

то тип функций можно записать проще как $A \rightarrow B$. Элементы этого типа, т. е. функции, обозначаются как $\lambda(x : A) \rightarrow b$. Для них также используются сокращенная запись $\lambda x \rightarrow b$. Применение функции f к аргументу a записывается как $f a$. Аргумент функции может быть имплицитным, то есть не указываемым при применении функции (Агда, в таком случае, должна сама быть способна его восстановить). Имплицитные аргументы обозначаются фигурными скобками с аналогичными сокращениями: $\{x : A\} \rightarrow B$, $\forall\{x : A\} \rightarrow B$, $\forall\{x\} \rightarrow B$, $\lambda\{x : A\} \rightarrow b$ и $\lambda\{x\} \rightarrow b$. Аналогично λ -исчислению, функции многих аргументов образуются функциями одного аргумента, значениями которых являются функции. При этом скобки можно опускать и вместо $A \rightarrow (B \rightarrow C)$ писать $A \rightarrow B \rightarrow C$.

Типы сами являются элементами универсумов типов («типов типов»). Для предотвращения парадоксов Агда содержит иерархию универсумов $\text{Set}_0, \text{Set}_1, \dots$, нумеруемых уровнями. Универсумы нижних уровней принадлежат универсумам верхних уровней: $\text{Set}_i : \text{Set}_{i+1}$. Универсум нижнего уровня Set_0 (который мы будем в основном использовать) обозначается также просто как Set . Соответственно, запись $A : \text{Set}$ означает, что A является типом (в данном случае, нулевого уровня).

Агда допускает зависимые типы, то есть типы, зависящие от других типов (такие как тип жителей города, который зависит от типа городов). Например, тип, зависящий от A , представляет собой функцию $A \rightarrow \text{Set}$, т. е. функцию, которая каждому элементу типа A сопоставляет некоторый тип (элемент универсума Set).

Нам понадобится тип пар или Σ -тип. Он обозначается $\Sigma A B$, где B имеет тип функции $A \rightarrow \text{Set}$. Этот тип состоит из пар (a, b) , таких, что $a : A$ и $b : B a$. Если мы понимаем B как пропозициональную функцию, то b представляет собой доказательство пропозиции $B a$, и Σ -тип соответствует экзистенциальной пропозиции, поскольку ее доказательствами служат пары из a и доказательства, что $B a$. Функции проекции proj_1 и proj_2 извлекают, соответственно, первый и второй элементы пары. Если B на самом деле не зависит от A , то тип пар представляет собой декартово произведение и обозначается $A \times B$. Для Σ -типа имеется также обозначение $\Sigma [x \in A] B x$, напоминающее пропозицию с экзистенциальным квантором.

Остальные обозначения будут вводиться по мере изложения. Я также буду упрощать некоторые записи, если это не мешает пониманию; полные определения можно посмотреть в указанном выше файле.

Теория типов подчиняется принципу «пропозиция как тип». Это означает, что (1) пропозиция рассматривается как множество/тип ее

доказательств, (2) тип рассматривается как пропозиция, утверждающая непустоту данного типа (так, что каждый элемент типа является доказательством этой пропозиции). Это приводит к формальной эквивалентности типов, множеств и пропозиций. В частности, отношения часто определяются как зависимый тип соответствующей местности. Например, двуместное отношение R определяется как тип, зависящий от двух аргументов, так, что каждый его элемент $p : R \ x \ y$ является доказательством того, что x и y находятся в данном отношении (то есть, что $R \ x \ y$). В частности, коэрсию мы определим как следующий тип:

```
data _ $\subseteq$ _ : Set  $\rightarrow$  Set  $\rightarrow$  Set1 where
  coerce : {A : Set}  $\rightarrow$  {B : Set}  $\rightarrow$  (A  $\rightarrow$  B)  $\rightarrow$  (A  $\subseteq$  B)
```

Здесь слово `data` используется для определения новых типов, в данном случае типа с именем `_ \subseteq _` (подчерки в имени типа обозначают места для аргументов, то есть данный тип можно использовать как $A \subseteq B$). Как видно, этот тип определяется как функция типа $Set \rightarrow Set \rightarrow Set_1$, значением которой является элемент универсума Set_1 , то есть тип (уровня 1). Пропозиция $A \subseteq B$ означает, что существует коэрсия из типа A в тип B . После слова `where` перечисляются конструкторы элементов определяемого типа (то есть конструкторы доказательств пропозиции $A \subseteq B$). В данном случае мы имеем только один конструктор `coerce`, который представляет собой функцию, имеющую в качестве аргумента функцию $A \rightarrow B$. Таким образом, мы можем построить элемент типа $A \subseteq B$ (то есть доказательство $A \subseteq B$), если существует функция $f : A \rightarrow B$. Этот элемент строится конструктором `coerce` и имеет вид `coerce f`. Именно так мы будем ниже строить коэрсии для разных типов.

Агда определяет специальный тип имплицитных аргументов, которые называются аргументами экземпляра (*instance arguments*). Агда ищет значения для таких аргументов не просто в контексте, а в специальном хранилище объектов, заранее декларированных как экземпляры (*instances*). Такие аргументы обозначаются двойными фигурными скобками. Мы будем использовать этот механизм для автоматического поиска коэрсии. Для этого определим функцию

```
⟨⟨_⟩⟩ : {A : Set} {B : Set}  $\rightarrow$  A  $\rightarrow$  {{A  $\subseteq$  B}}  $\rightarrow$  B,
```

в которой имеется аргумент экземпляра $\{\{A \subseteq B\}\}$. Если мы теперь декларируем в качестве экземпляра какой-то элемент этого типа, например `c : A \subseteq B`, затем возьмем элемент `a : A` и используем выражение `⟨⟨ a ⟩⟩` там, где требуется элемент типа B , то Агда обратится к хранилищу

экземпляров, найдет там коэрсию с и пересчитает **a** из типа **A** в тип **B**. Тем самым мы можем использовать функцию « \llcorner », не заботясь о типе аргумента. Например, для функции $f : B \rightarrow C$ мы можем писать $f \llcorner a$ », даже если **a** относится не к типу **B**, а к какому-то другому, из которого имеется коэрсия в **B**. Агда совершит преобразование автоматически.

Как сказано ранее, мы будем определять типы через множества признаков. Тип признаков обозначим **Features**, а тип множества признаков — **FS**. Признаки могут быть реализованы различными способами, важно лишь, чтобы для **FS** было определено отношение подмножества

$\sqsubseteq^f : FS \rightarrow FS \rightarrow Set$.

В примере ниже **FS** представлены упорядоченными списками признаков, а конструкторы отношения \sqsubseteq^f декларированы как экземпляры так, чтобы его можно было использовать в аргументах экземпляров для автоматического поиска.

Прежде чем рассматривать признаки и основанные на них подтипы, построим теорию синтаксиса и семантики обобщенного языка. Она имеет самостоятельное значение. С точки зрения конкретной реализации, семантика и синтаксис определены как модули, входными параметрами которых служат определенные ниже лексическая структура **LexStructure** и модель **Model**. Первая содержит лексику языка, а вторая — ее интерпретацию на типах, которые мы определим, основываясь на признаках.

ФОРМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ

Определим грамматику фрагмента (английского) языка, для которого мы будем строить семантику. Она содержит следующие синтаксические категории:

CN	нарицательные имена, возможно модифицированные
PN	собственные имена
VI	непереходные глаголы
VT	переходные глаголы
Adj	прилагательные
Det	детерминативы (артикли и пр.)
NP	именная группа
VP	глагольная группа
AP	группа прилагательного
S	предложения

Под **CN** здесь понимается группа выражений, состоящих из нарицательных существительных, а также их возможных модификаций,

из которых мы рассмотрим два вида: (1) модификация прилагательным («большая собака») и (2) модификация придаточным предложением («собака, которая бежит», «dog that runs»). В отличие от выражений группы NP, они обозначают множество объектов и не могут, вообще говоря, служить подлежащими (особенно в английском языке, которым мы сейчас ограничиваемся).

Определим, как выглядят выражения нашего фрагмента для всех этих категорий, а затем построим функцию интерпретации, переводящую эти выражения в формулы языка Агда, то есть в теоретико- типовые выражения. В частности, CN интерпретируются как типы, PN и NP — как элементы некоторых типов, VP и AP — как функции от одной переменной (одноместный предикат), а S — как пропозиция/тип. Ограничения на возможные аргументы для функций VP, AP и др. мы будем включать в синтаксис. Это, в частности, делает невозможными синтаксически корректные, но семантически неверные предложения, такие как предложение Хомского выше. Поэтому, строго говоря, наш синтаксис уже включает некоторую семантическую информацию, однако это требование можно ослабить позднее, чего мы в данной статье делать не будем. Такое ослабление, в частности, приведет к тому, что описанные ниже функции интерпретации потребуются определять как частичные.

Условия на лексику языка собраны в структуре LexStructure следующего вида (знаки -- начинают комментарий; все, что следует после них, игнорируется Агдой):

```
record LexStructure : Set where
  field
    nameCN namePN nameVI nameVT nameAdj : Set -- слова синтаксических
                                                -- категорий
    argPN  : namePN  → nameCN                -- аргументная структура
    argVI  : nameVI  → nameCN
    argVT  : nameVT  → nameCN × nameCN
    argAdj : nameAdj → nameCN
    _<:θ_  : nameCN  → nameCN → Set         -- коэрсия на синтаксическом
                                                -- уровне
```

Использованный здесь тип record можно рассматривать как тип кортежей с поименованными полями (или таблицу, в которой поля представляют собой имена столбцов). Таким образом, каждый элемент типа LexStructure является кортежем, который содержит, во-первых, слова соответствующих категорий nameCN, namePN и пр., а, во-вторых, их

аргументную структуру argPN , argVI и пр. Так, для каждого namePN указано имя nameCN — т. е. множество, к которому принадлежит объект, обозначаемый данным собственным именем; для каждого nameVI , nameVT и nameAdj — имена nameCN , к которым применимы соответствующие глаголы и прилагательные (напомню, что запись $\text{nameCN} \times \text{nameCN}$ обозначает декартово произведение или тип пар). Помимо этого, LexStructure содержит предикат $_<:\theta_$ на именах nameCN , который представляет коэрсию между ними на уровне синтаксиса (см. ниже).

Таким образом, каждый объект типа LexStructure задает лексикон некоторого языка вместе с информацией о сочетаемости его слов в виде аргументной структуры и отношения коэрсии.

Определим теперь перечисленные выше синтаксические категории. Мы определим их как типы, конструкторы которых конструируют выражения соответствующих категорий. Начнем с категории CN . В упрощенном виде определение для нее могло бы выглядеть следующим образом:

```
data CN : Set where
  cn-n   : nameCN → CN
  cn-ap  : (cn : CN) → AP cn → CN
  rcn    : (cn : CN) → VP cn → CN
```

Здесь имеются три конструктора для выражений этой категории. Прежде всего, каждому имени лексикона nameCN соответствует элемент CN (т. е. каждое имя nameCN само по себе образует элемент CN). Кроме этого, наш фрагмент языка содержит CN , составленные из прилагательного (точнее, группы прилагательного AP) и другого CN (например, «green ball»), а также из CN и глагольной группы VP (например, «ball that rolls»). Выражения $\text{AP } \text{cn}$ и $\text{VP } \text{cn}$ в этом определении обозначают, как мы увидим далее, типы групп прилагательного и глагола, индексированные объектами $\text{cn} : \text{CN}$. Так $\text{cn-ap } \text{cn } \text{ap}$ конструирует элемент CN из cn и ap , которое относится к типу $\text{AP } \text{cn}$. Мы, однако, хотим допустить несовпадение, разрешаемое с помощью коэрсии, так, чтобы группа прилагательного могла относиться к типу $\text{AP } \text{cn}_1$, где cn_1 связано с cn коэрсией. По этой причине фактическое определение должно быть более развернуто:

```
data CN : Set where
  cn-n   : nameCN → CN
  cn-ap  : {cn1 : CN} → AP cn1 → (cn2 : CN) → {{cn2 <: cn1}} → CN
  rcn    : (cn1 : CN) {cn2 : CN} → VP cn2 → {{cn1 <: cn2}} → CN
```

Здесь в конструкторах `sp-ar` и `gcn` типы могут не совпадать, и чтобы это учесть, эти конструкторы дополнительно содержат аргументы экземпляров вида $\{cn_1 <: cn_2\}$, содержащих коэрсию между соответствующими именами. Коэрсия `<:_` является расширением `<:θ_` с базовых имен `nameCN` на все `CN` и определяется следующим образом:

```
data <:_ : CN → CN → Set where
  instance cnm : ∀ {n1 n2} → {{n1 <:θ n2}} → cn-n n1 <: cn-n n2
  instance cap : ∀ {cn1 cn2 ap coe} → cn-ap {cn1} ap cn2 {{coe}} <: cn2
  instance crcn : ∀ {cn1 cn2 vp coe} → gcn cn1 {cn2} vp {{coe}} <: cn1
  c◦ : ∀ {cn1 cn2 cn3} → cn1 <: cn2 → cn2 <: cn3 → cn1 <: cn3
```

Это отношение имеет четыре конструктора, три из которых декларированы как экземпляры (директивой `instance`). Конструктор `cnm` строит доказательство отношения `<:` для базовых имен `nameCN` (которые строятся с помощью конструктора `cn-n`) на основе отношения `<:θ`, взятого из `LexStructure`. Конструктор `cap` строит доказательство коэрсии для `CN`, построенных с помощью группы прилагательного (например, коэрсии «зеленый шар» в «шар»). Конструктор `rcn` строит аналогичную коэрсию для относительных выражений (например, коэрсию «шар, который катится» в «шар»). Наконец, конструктор `c◦` отвечает за композицию двух коэрсий (он не декларирован как экземпляр по чисто техническим причинам — для увеличения быстродействия программы).

Кроме детерминативов `Det` все остальные синтаксические категории определяются как зависимые от `CN`. Как я уже говорил выше, это приводит к тому, что всякое выражение языка имеет интерпретацию, то есть все синтаксически правильные языковые выражения автоматически оказываются семантически правильными.

Для краткости я буду говорить далее, что выражения `VP` `sp`, `NP` `sp` и т. д. относятся к типу `sp`, надеясь, что из контекста понятно, что речь не идет о типах теории типов.

Глагольные группы могут быть двух видов:

```
data VP : (cn : CN) → Set where
  vp-vi : (n : nameVI) → VP (cn-n (argVI n))
  vp-vt : (n : nameVT) → {cn2 : CN} → NP cn2
    → {{coe : cn2 <: cn-n (proj2 (argVT n))}}
    → VP (cn-n (proj1 (argVT n)))
```

Конструктор $vp-vi$ образует элемент VP из непереходного глагола, а $vp-vt$ — из переходного глагола, примененного к именной группе. Типы образованных глагольных групп определяются функциями $argVI$ и $argVT$. Кроме того, в случае $vp-vt$ требуется коэрсия, приводящая тип объекта NP cn_2 к типу $cn-n$ ($proj_2$ ($argVT$ n)), требуемому для аргумента глагола.

Именные группы определяются следующим образом:

```
data NP : (cn : CN) → Set where
  np-pn  : (n : namePN) → NP (cn-n (argPN n))
  np-det : Det → (cn : CN) → NP cn
```

Первый конструктор строит группу из собственного имени, а второй — из детерминатива Det и выражения категории CN , например, «the dog», «every black dog». При этом категория детерминативов определяется как

```
data Det : Set where
  a/an every no the : Det
```

Группы прилагательных в нашем фрагменте языка имеют только одну форму, образованную из единственного прилагательного, взятого из лексикона:

```
data AP : (cn : CN) → Set where
  ap-a : (n : nameAdj) → AP (cn-n (argAdj n))
```

Наконец, категория предложений также имеет один конструктор, соответствующий предложениям вида $NP VP$:

```
data S : Set where
  s-nv : ∀{cn1} → NP cn1 → ∀{cn2} → VP cn2 → {{coe : cn1 <: cn2}} → S
```

Поскольку выражения NP cn_1 и VP cn_2 могут иметь разные типы, нам требуется коэрсия $cn_1 <: cn_2$ (то есть глагол должен быть применим к множеству объектов, как минимум включающему область определения NP cn_1).

Итак, мы определили вид всех выражений нашего фрагмента языка. Перейдем теперь к их интерпретации. Для этого, прежде всего, нам потребуется модель, которая представлена следующей структурой:

```
record Model (nam : LexStructure) : Set1 where
  open LexStructure nam      -- делает доступными nameCN и пр.
  field
    valCN : nameCN → Set
```

```

valPN : (n : namePN) → valCN (argPN n)
valVI : (n : nameVI) → valCN (argVI n) → Set
valVT : (n : nameVT) → valCN (proj1 (argVT n))
      → valCN (proj2 (argVT n)) → Set
valAdj : (n : nameAdj) → valCN (argAdj n) → Set
val<:θ : ∀{n1 n2} → {{n1 <:θ n2}} → valCN n1 ⊆ valCN n2

```

Модель содержит функции интерпретации для каждого из имен нашего лексикона, то есть для имен, содержащихся в структуре `LexStructure`. Как видно, слова категории `CN` интерпретируются как типы (множества). Слова категории `PN` интерпретируются как элементы соответствующих множеств `valCN cn`, где аргумент `cn` вычисляется с помощью функции `argPN` из `LexStructure`. Глаголы и прилагательные интерпретируются как соответствующие функции. Наконец, модель также задает интерпретацию для отношения синтаксической коэрсии `<:θ`, которая интерпретируется как отношение семантической коэрсии `⊆` для соответствующих множеств `valCN n1` и `valCN n2`.

Данная модель задает интерпретацию лексикона, т. е. базовых выражений языка. Для всех остальных выражений она строится рекурсивно как описано ниже. Мы определим функции интерпретации отдельно для каждой категории и будем обозначать их `[[cn_]]`, `[[pn_]]` и т. д. для, соответственно, категорий `CN`, `PN` и т. д. Кроме того, нам потребуется функция `[[coe_]]` для интерпретации коэрсии, то есть для перевода синтаксического отношения `<:` в семантическое отношение `⊆`. Для удобства, я буду также использовать следующие два сокращения для коэрсии функции и Σ -типа:

$$\langle\langle \rightarrow f \rangle\rangle = \lambda x \rightarrow f \langle\langle x \rangle\rangle$$

$$\langle\langle \Sigma \rangle\rangle A B = \Sigma A \langle\langle \rightarrow B \rangle\rangle$$

Итак, определим функцию интерпретации для категории `CN` (ниже, как обычно в Агде, в первой строке декларируется, что некоторый терм относится к такому-то типу — в данном случае, к типу `CN → Set`, — а в последующих определяется, чему этот терм равен — в данном случае определяются значения функции `[[cn_]]` для всех возможных аргументов):

```

[[cn_]] : CN → Set
[[cn cn-n n]] = valCN n
[[cn cn-ap ar cn {{coe}}]] = ⟨⟨Σ⟩⟩ [[cn cn]] [[ap ar]] {{{coe coe}}}
[[cn rcn cn1 {cn2} vp {{coe}}]] = ⟨⟨Σ⟩⟩ [[cn cn1]] ([[vp vp]] {cn2}) {{{coe coe}}}

```


Здесь интерпретация выражений cn - n берется из модели, а два остальных вида выражений категории CN интерпретируются как Σ -тип. Действительно, функция интерпретации для AP выглядит следующим образом:

$$\llbracket ap_ \rrbracket : \{cn : CN\} \rightarrow AP \text{ } cn \rightarrow (\llbracket cn \text{ } cn \rrbracket \rightarrow Set)$$

$$\llbracket ap \text{ } ap\text{-}a \text{ } n \rrbracket = valAdj \text{ } n$$

Таким образом, AP cn интерпретируется как функция вида $\llbracket cn \text{ } cn \rrbracket \rightarrow Set$, что и требуется для Σ -типа выше. В итоге, мы видим, что, например, выражение «зеленый шар» интерпретируется как тип пар, состоящих из шара и доказательства того, что шар зеленый¹. Аргумент экземпляра $\{\{\llbracket coe \text{ } coe \rrbracket\}\}$ обеспечивает коэрсию, возможно требующуюся при несовпадении типов прилагательного и выражения, к которому оно применяется. Этот аргумент содержит коэрсию, вычисленную с помощью функции $\llbracket coe_ \rrbracket$, которая выглядит следующим образом:

$$\llbracket coe_ \rrbracket : \{cn_1 \text{ } cn_2 : CN\} \rightarrow (cn_1 <: cn_2) \rightarrow (\llbracket cn \text{ } cn_1 \rrbracket \subseteq \llbracket cn \text{ } cn_2 \rrbracket)$$

$$\llbracket coe \text{ } cnm \rrbracket = val<:\emptyset$$

$$\llbracket coe \text{ } cap \rrbracket = coerce \text{ } proj_1$$

$$\llbracket coe \text{ } crcn \rrbracket = coerce \text{ } proj_1$$

$$\llbracket coe \text{ } c^\circ \text{ } c_{12} \text{ } c_{23} \rrbracket = coerce \text{ } (ggetfunc \text{ } c_{23} \circ ggetfunc \text{ } c_{12})$$

Как видно, она переводит синтаксическое отношение $<:$ в семантическое отношение \subseteq . Для этого требуются функции коэрсии, которые в случае cnm берутся из модели, а в случае cap и $crsn$ равны первой проекции Σ -типа (это так, поскольку первая проекция задает коэрсию из $(\Sigma \text{ } A \text{ } B) \text{ } (A)$ в A). Функция $ggetfunc$ извлекает функцию коэрсии из имеющегося доказательства отношения $<:$. Ее определение можно посмотреть в указанном выше файле.

Аналогично интерпретируются относительные конструкции rcn . Действительно, для категории VP мы имеем:

$$\llbracket vp_ \rrbracket : \{cn_1 : CN\} \rightarrow VP \text{ } cn_1 \rightarrow \{cn_2 : CN\} \rightarrow \{\{\llbracket cn \text{ } cn_2 \rrbracket \subseteq \llbracket cn \text{ } cn_1 \rrbracket\}\}$$

$$\quad \rightarrow \llbracket cn \text{ } cn_2 \rrbracket \rightarrow Set$$

$$\llbracket vp \text{ } vp\text{-}vi \text{ } n \rrbracket \text{ } x = valVI \text{ } n \llbracket x \rrbracket$$

$$\llbracket vp \text{ } vp\text{-}vt \text{ } vt \text{ } \{cn_2\} \text{ } np \text{ } \{\llbracket coe \rrbracket\} \rrbracket \text{ } x =$$

$$\quad \llbracket np \text{ } np \rrbracket \{cn_2\} \lambda y \rightarrow valVT \text{ } vt \llbracket x \rrbracket \llbracket y \rrbracket \{\{\llbracket coe \text{ } coe \rrbracket\}\}$$

¹См. подробнее о принципах теоретико-типовой грамматики: Ranta, 1994: 65; Chatzikyriakidis & Luo, 2020. Нужно заметить, что это лишь одна из возможных интерпретаций прилагательных. Например, такие выражения как «ложный опенок» должны интерпретироваться иначе.

Она также интерпретируется как функция вида $[[cn\ cn_2]] \rightarrow Set$, как и требуется для Σ -типа. Аналогично предыдущему, выражение «шар, который катится» интерпретируется как тип пар, состоящих из шара и доказательства того, что шар катится. В случае $vp-vi\ n$ функция интерпретации берется из модели, случай же $vp-vt$ следует рассмотреть подробнее. Нам нужно вспомнить, как интерпретируется категория NP в грамматике Монтегю. Ее интерпретация имеет тип $(e \rightarrow t) \rightarrow t$, так чтобы при применении этой функции к интерпретации VP , то есть к терму типа $e \rightarrow t$, получалось предложение, которое у Монтегю имеет тип t . Мы поступим аналогично и будем интерпретировать NP следующим образом:

$$\begin{aligned} [[np_]] &: \{cn_1 : CN\} \rightarrow NP\ cn_1 \rightarrow \{cn_2 : CN\} \rightarrow \{[[cn\ cn_1]] \subseteq [[cn\ cn_2]]\} \\ &\rightarrow ([[cn\ cn_2]] \rightarrow Set) \rightarrow Set \\ [[np\ np-pn\ n]] &\quad [[vp]] = [[vp]] \ll valPN\ n \gg \\ [[np\ np-det\ d\ cn]] &\{cn_2\} [[vp]] = [[det\ d]]\ cn\ \{cn_2\} [[vp]] \end{aligned}$$

Как видно, NP интерпретируется как функция вида $([[cn\ cn]] \rightarrow Set) \rightarrow Set$. При ее применение к интерпретации VP вида $[[cn\ cn]] \rightarrow Set$ мы получим элемент Set , то есть пропозицию. Эта часть аналогична грамматике Монтегю. Однако, в отличие от последней, мы не понимаем собственные имена как функции, аналогичные NP , мы берем их интерпретации непосредственно из модели. Тем не менее, интерпретация $np-pn\ n$, как видно выше, представляет такую функцию.

Что касается именных фраз с детерминативом, с ними мы также поступаем аналогично Монтегю. Функция интерпретации для детерминативов выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} [[det_]] &: Det \rightarrow (cn : CN) \rightarrow \{cn_1 : CN\} \rightarrow \{[[cn\ cn]] \subseteq [[cn\ cn_1]]\} \\ &\rightarrow ([[cn\ cn_1]] \rightarrow Set) \rightarrow Set \\ [[det\ a/an]]\ cn\ vp &= \Sigma\ [[cn\ cn]] \ll \rightarrow vp \gg \\ [[det\ every]]\ cn\ vp &= \forall(x : [[cn\ cn]]) \rightarrow vp \ll x \gg \\ [[det\ no]]\ cn\ vp &= \forall(x : [[cn\ cn]]) \rightarrow \neg vp \ll x \gg \\ [[det\ the]]\ cn\ vp &= \Sigma[A_p \in Pointed\ [[cn\ cn]]]\ vp \ll the_p\ A_p \gg \end{aligned}$$

Здесь мы снова должны вспомнить, что у Монтегю детерминативы имеют тип

$$(e \rightarrow t) \rightarrow (e \rightarrow t) \rightarrow t.$$

Это функции, аргументами которых являются CN (которые у Монтегю соответствуют функциям $e \rightarrow t$) и VP . Поскольку у нас CN интерпретируются не как функции, а как типы, то детерминативы интерпретируются как функции вида $(cn : CN) \rightarrow ([[cn\ cn]] \rightarrow Set) \rightarrow Set$. Аргумент

экземпляра позволяет учесть возможную коэрсию. Что касается конкретных интерпретаций различных детерминативов, то они соответствуют грамматике Монтегю. Неопределенный артикль *a/an*, определяется как Σ -тип, то есть как квантор существования, слово *every* — как универсальный квантор, *no* — как универсальный квантор с отрицанием. Определенный артикль определяется для типов *Pointed*, которые представляют собой тип с выделенным элементом, который здесь обозначен как *the_p* (см. пример ниже). Словами эта интерпретация может быть передана так: «Имеется тип с выделенным элементом, такой, что этот элемент выполняет предикат *vp*».

Наконец, предложение интерпретируется как тип или пропозиция:

```
[[s_]] : S → Set
[[s s-nv {cn1} np {cn2} vp {{coe}} ]] =
  [[np np ]] {cn1} (⟨⟨- [[vp vp ]] {cn2} ⟩ ⟩ {{{coe coe }}})
```

Аналогично Монтегю, эта интерпретация представляет собой применение функции для *NP* к аргументу *VP*. При этом учитывается коэрсия.

Итак, мы построили синтаксис и семантику фрагмента грамматики и семантики английского языка в общем виде. Они, вообще говоря, не зависят от того, как мы определяем интерпретацию *CN*, то есть функцию *val_{CN}*, а также от отношения коэрсии между ними. Нам нужно теперь построить такую интерпретацию, которая опиралась бы на понятие признака. Сделаем это на конкретном примере.

ПРИМЕР

Перейдем к конкретному примеру и рассмотрим как работает данная формализация при определении типов через признаки. Прежде всего, определим информацию, необходимую для лексикона *LexStructure*:

```
data nameCN : Set where Human Dog Animate Object : nameCN
data namePN : Set where Alex Mary Polkan : namePN
data nameVI : Set where run : nameVI
data nameVT : Set where love : nameVT
data nameAdj : Set where black : nameAdj
```

```
argPN : namePN → nameCN
argPN Alex = Human
argPN Mary = Human
argPN Polkan = Dog
```

```
argVI : nameVI → nameCN
argVI run = Animate
```

```
argVT : nameVT → nameCN × nameCN
argVT love = Animate , Object
```

```
argAdj : nameAdj → nameCN
argAdj black = Object
```

Как видно, мы определяем четыре имени для CN — Human, Dog, Animate и Object — и три собственных имени Alex, Mary и Polkan. Функция argPN показывает, что Alex и Mary относятся к типу Human, а Polkan — к типу Dog. Кроме того мы определяем непереходный глагол run, определенный на Animate, и переходный глагол love, определенный на Animate и Object (то есть его субъектом выступают термины Animate, а дополнением — термины Object). И, наконец, мы определяем прилагательное black, применимое к Object.

Будем формализовать множество признаков как список, для чего определим признаки и тип списка признаков (List):

```
data Feature : Set where
  f-animate f-dog f-human f-object : Feature
```

```
F5 = List Feature
```

Таким образом, мы определили четыре признака и тип F5 как тип списка признаков. Кроме того, на F5 мы определим отношение подмножества \subseteq^f (см. файл с полной формализацией).

Будем далее считать, что обладание признаками f-human и f-dog означает также обладание признаком f-animate, а обладание последним — обладание f-object. Тогда мы можем определить следующие множества признаков ([] означает пустой список, а f :: fs — список, образованный присоединением признака f к списку fs):

```
F0 = f-object :: []
FA = f-object :: f-animate :: []
FH = f-object :: f-animate :: f-human :: []
FD = f-object :: f-animate :: f-dog :: []
```

Их связь с именами для CN определяется функцией:

```

FSet : nameCN → FS
FSet Human = FH
FSet Dog    = FD
FSet Animate = FA
FSet Object = FO

```

Эти определения подготавливают нашу интерпретацию. Ниже, будучи интерпретированным, имя `Object` будет обозначать тип элементов, обладающих признаком `f-object`, имя `Animate` — тип элементов, обладающих признаками `f-animate` и `f-object`, имя `Dog` — тип элементов, обладающих признаками `f-dog`, `f-animate` и `f-object`, и, наконец, имя `Human` — тип элементов, обладающих признаками `f-human`, `f-animate` и `f-object` (то есть все собаки и люди являются одушевленными, а все одушевленные также объектами).

Функция `FSet` позволяет нам определить (синтаксическую) коэрсию `<:θ` на базовых именах `nameCN` через отношение подмножества на множестве признаков (обратите внимание на обращение порядка аргументов в отношении):

```

<:θ : nameCN → nameCN → Set
n1 <:θ n2 = FSet n2 ⊆f FSet n1

```

Для построения семантики нам нужно определить типы, на которых мы будем интерпретировать выражения категории `CN`. Определим их как зависимый тип, индексированный множествами признаков `FS` (двойные квадратные скобки в `[[CN]]` являются частью имени, они используются здесь как обычные символы; Агда в этом отношении очень либеральна):

```

data [[CN]] : FS → Set where
  base : (n : namePN) → [[CN]] (FSet (argPN n))
  ( )   : ∀ {f1 f2} → {f2 ⊆f f1} → [[CN]] f1 → [[CN]] f2

```

Это ключевой момент нашего построения. Тип `[[CN]] fs` это тип всех объектов, обладающих признаками из множества `fs` и только ими. Он имеет элементы двух видов. Прежде всего, это базовые элементы вида `base n`, где `n` — собственное имя из множества `namePN`. Второй вид строится конструктором `()`, который конструирует объекты типа `[[CN]] fs2` из объектов типа `[[CN]] fs1`, если множество признаков `fs2` является подмножеством `fs1`. Таким образом, функция `()` определяет коэрсию на уровне семантики: всякий элемент типа `[[CN]] fs1` приводится к типу `[[CN]] fs2` для всех наборов признаков `fs2`, меньших, чем набор `fs1`.

Это естественное требование — объекты, обладающие признаками `fs` обладают также и любым набором признаков, меньшим `fs`.

Можно показать, что признаки `fs` однозначно определяют множество `[[CN]] fs`:

```
uniq-[[CN]] : ∀{fs1 fs2} → fs1 ≡ fs2 → [[CN]] fs1 ≡ [[CN]] fs2
uniq-[[CN]] refl = refl
```

Здесь `≡` означает пропозициональное, т. е. доказываемое, равенство, в отличие от равенства по определению `=`. Другими словами, если равны `fs1` и `fs2`, то равны также `[[CN]] fs1` и `[[CN]] fs2` (если имеется доказательство `fs1 ≡ fs2`, то можно построить доказательство `[[CN]] fs1 ≡ [[CN]] fs2`). Что касается обратного, то при наличии коэрсии равенство для `[[CN]] fs` не является простым понятием, и из него не обязательно следует равенство соответствующих `fs`. Действительно, коэрсию `A ⊆ B` мы интерпретируем как подмножество, то есть так, что все элементы `A` содержатся также и в `B`. Однако, строго говоря, в теории типов это не может быть верно, поскольку в ней каждый элемент может содержаться лишь в одном множестве (типе). Здесь требуется уточнение понятия равенства, которое мы, однако, проводить не будем.

Введем обозначения:

```
*Human = [[CN]] FH
*Dog    = [[CN]] FD
*Animate = [[CN]] FA
*Object = [[CN]] FO
*Alex   = base Alex
*Mary   = base Mary
*Polkan = base Polkan
```

Условимся, что далее, как и здесь, термины со звездочкой будут обозначать семантические сущности, на которых мы интерпретируем, то есть множества (типы) и их элементы. Наше определение `[[CN]]` гарантируют, что `*Alex` и `*Mary` принадлежат типу `*Human`, а `*Polkan` — типу `*Dog`. Функция `(_)`, учитывающая коэрсию, позволяет нам использовать термины в качестве элементов разных типов. Проверим, например, что `(*Mary)` входит во все наши типы, кроме `*Dog` (в случаях, подобных ниже, если нам не требуется имя декларируемого термина, мы можем заменить его подчеркиком):

```
_ : *Human
_ = *Mary
```

```
_ : *Human
_ = ( *Mary )
```

```
_ : *Animate
_ = ( *Mary )
```

```
_ : *Object
_ = ( *Mary )
```

Постулируем дополнительно предикаты для интерпретации глаголов и прилагательных:

```
postulate
  *_run   : *Animate → Set
  *_love_ : *Animate → *Object → Set
  *black  : *Object → Set
```

Все это позволяет нам определить функции валюации, нужные для модели:

```
valCN : nameCN → Set
valCN n = [[CN]] (FSet n)
```

```
valPN : (n : namePN) → valCN (argPN n)
valPN n = base n
```

```
valVI : (n : nameVI) → valCN (argVI n) → Set
valVI run = *_run
```

```
valVT : (n : nameVT) → valCN (proj1 (argVT n)) → valCN (proj2 (argVT n)) →
  Set
valVT love = *_love_
```

```
valAdj : (n : nameAdj) → valCN (argAdj n) → Set
valAdj black = *black
```

```
val<:0 : ∀{n1 n2 : nameCN} → {{n1 <:0 n2}} → valCN n1 ⊆ valCN n2
val<:0 = coerce (⊆)
```

Эти определения вполне прозрачны. Последнее из них определяет интерпретацию коэрсии на базовых именах nameCN. Как видно, для этого используется функция (⊆) из определения [[CN]]. Действительно, она

предоставляет нам нужную функцию коэрсии, связывающую множества $\llbracket \text{CN} \rrbracket fs$ для различных fs .

Теперь все готово для рассмотрения примеров языковых выражений.

Предложение «Mary runs» имеет следующий вид:

$$s1 = s\text{-nv} \text{ (np-pn Mary) (vp-vi run)}$$

Агда позволяет вычислить его интерпретацию, которая выглядит ожидаемо:

$$\llbracket s \ s1 \rrbracket \equiv (*Mary) *run$$

Здесь $*Mary$ типа $*Human$ автоматически приводится к типу $*Animate$, на котором определен предикат $*run$. Совершенно аналогично для $*Polkan$, относящегося к типу $*Dog$:

$$s2 = s\text{-nv} \text{ (np-pn Polkan) (vp-vi run)}$$

$$\llbracket s \ s2 \rrbracket \equiv (*Polkan) *run$$

Рассмотрим более сложное предложение «A human runs». Его формализация и интерпретация имеют следующий вид:

$$s3 = s\text{-nv} \text{ (np-det a/an (cn-n Human)) (vp-vi run)}$$

$$\llbracket s \ s3 \rrbracket \equiv \Sigma *Human \lambda (x \rightarrow (x) *run)$$

Или, если мы введем обозначение $(\rightarrow f)$ для коэрсии функции f :

$$(\rightarrow _) : \forall \{fs_1 \ fs_2\} \rightarrow (\llbracket \text{CN} \rrbracket fs_1 \rightarrow \text{Set}) \rightarrow \{\{fs_1 \sqsubseteq' fs_2\}\} \rightarrow (\llbracket \text{CN} \rrbracket fs_2 \rightarrow \text{Set})$$

$$(\rightarrow f) x = f (x)$$

$$\llbracket s \ s3 \rrbracket \equiv \Sigma *Human (\rightarrow _ *run)$$

Как видно, неопределенный артикль интерпретируется как Σ -тип или экзистенциальный квантор.

Предложение «Every human runs», как и требуется, интерпретируется как формула с универсальным квантором:

$$s4 = s\text{-nv} \text{ (np-det every (cn-n Human)) (vp-vi run)}$$

$$\llbracket s \ s4 \rrbracket \equiv \forall (x : *Human) \rightarrow (x) *run$$

Предложение с определенным артиклем «The human runs» и его интерпретация выглядят следующим образом:

$s5 = s-nv$ (np-det the (cn-n Human)) (vp-vi run)

$\llbracket s \ s5 \rrbracket \equiv \Sigma [A_p \in \text{Pointed } *Human] (\text{the}_p \ A_p) *run$

Здесь используется тип **Pointed**, определенный как

```
record Pointed (A : Set) : Set where
  field
    thep : A
```

Pointed A означает, что тип **A** имеет выделенный элемент, который обозначается **the_p**. Таким образом, интерпретация **s5** гласит: «Существует тип ***Human** с выделенным объектом, и этот выделенный объект бежит». Если мы далее постулируем, что этим выделенным объектом является ***Mary**, а также то, что Мэри бежит, то можем получить доказательство пропозиции $\llbracket s \ s5 \rrbracket$, которое будет представлять собой пару, состоящую из типа **H_p** с выделенным элементом ***Mary** и доказательства того, что она бежит:

```
_ :  $\llbracket s \ s5 \rrbracket$ 
_ = Hp , *Mary-run
  where
    Hp : Pointed *Human
    Hp = record { thep = *Mary }

postulate *Mary-run : ( *Mary ) *run
```

Здесь, как и ранее, функция (**_**) позволяет не заботиться о типах используемых термов; алгоритм поиска экземпляров (*instance search*) проводит коэрсию автоматически. К сожалению, эта автоматика работает не всегда, и в сложных случаях алгоритму приходится помогать. Рассмотрим, например, относительные конструкции. «Human that runs» относится к категории **CN** и выглядит следующим образом:

```
human-that-runs : CN
human-that-runs = rcn (cn-n Human) (vp-vi run)
```

Добавление неопределенного артикля создает категорию **NP**:

```
a-human-that-runs : NP _
a-human-that-runs = np-det a/an human-that-runs
```

Тогда для формализации предложения «Mary loves a human that runs» потребуется добавить экземпляр, обеспечивающий коэрсию:

s9 = s-nv (np-pn Mary) (vp-vt love a-human-that-runs
 {{c° ((c° crcn (cnm {n2 = Animate}))})
)

Здесь требуется композиция коэрсий, и Агда не может самостоятельно определить, каков должен быть средний термин этой композиции. Мы подсказываем ей, что это должен быть *Animate*.

Интерпретация предложения s9 равна:

$\llbracket s \text{ s9} \rrbracket \equiv \Sigma [\text{hr} \in \Sigma [\text{h} \in *Human] (\text{h}) *run] (*Mary) *love ((\text{proj}_1 \text{hr}))$

Словами: «Существует человек, который бежит, и Мэри его любит».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, часто используемая в лингвистике классификация с помощью признаков может быть согласована с теорией типов в случае простого фрагмента естественного языка. Более того, реализованный в Агде механизм имплицитных экземпляров позволяет в простых случаях организовать автоматический пересчет типов. К сожалению, этот механизм создавался, имея в виду другие цели, да и сама Агда направлена прежде всего на нужды математики, а не теории естественного языка. Специализированный, ориентированный на семантику язык, с одной стороны, может быть проще, а с другой — должен удовлетворять дополнительно таким требованиям как допущение подтипов, работа с контекстами для учета референциальной непрозрачности и различия мнений, эффекты интенциональности и другие. Вопрос о возможности такого «компилятора естественного языка» остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Mitrenina O. V., Slosar' N. A., Romanova E. E.* Введение в генеративную грамматику. — 2-е изд. — М. : Ленанд, 2018.
- Agda Documentation / Agda. — 2014. — URL: <https://agda.readthedocs.io/>.
- Asher N., Luo Z.* Formalization of Coercions in Lexical Semantics // Proceedings of Sinn und Bedeutung. — 2013. — Vol. 17. — P. 63–80.
- Bahramian H., Nematollahi N., Sabry A.* Copredication in Homotopy Type Theory / IUScholarWorks. — 2017. — URL: <https://hdl.handle.net/2022/21811>.
- Carpenter B.* The Logic of Typed Feature Structures with Applications to Unification Grammars, Logic Programs and Constraint Resolution. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — (Cambridge Tracts in Theoretical Computer Science ; 32).

- Chatzikiyiakidis S., Luo Z.* On the Interpretation of Common Nouns : Types Versus Predicates // *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics* / ed. by S. Chatzikiyiakidis, Z. Luo. — 1st ed. — Cham : Springer International Publishing, 2017. — P. 43–70. — (Studies in Linguistics and Philosophy ; 98).
- Chatzikiyiakidis S., Luo Z.* Cognitive Science : Logic, Linguistics and Computer Science Set. In 2 vols. Vol. 2. Formal Semantics in Modern Type Theories. — London : Wiley, ISTE, 2020.
- Coquand T.* Pattern Matching with Dependent Types // *Proceedings of the 1992 Workshop on Types for Proofs and Programs* / ed. by B. Nordström, K. Petersson, G. Plotkin. — Båstad, 1992. — P. 66–79. — URL: <https://wonks.github.io/ty-pe-theory-reading-group/papers/proc92-coquand.pdf>.
- Head-Driven Phrase Structure Grammar : The Handbook* / ed. by S. Müller, A. Abeillé, R. D. Borsley, J.-P. Koenig. — Berlin : Language Science Press, 2021. — (Empirically Oriented Theoretical Morphology and Syntax ; 9).
- Heim I., Kratzer A.* Semantics in Generative Grammar. — Cambridge (MA), Oxford : Blackwell Publishers, 1998.
- Luo Z.* Computation and Reasoning : A Type Theory for Computer Science. — Oxford : Oxford University Press, 1994.
- Luo Z.* Common Nouns as Types // *Logical Aspects of Computational Linguistics : 7th International Conference, LACL 2012, Nantes, France, July 2–4, 2012* / ed. by D. Béchet, A. Dikovsky. — Berlin, Heidelberg : Springer, 2012a. — P. 173–185. — (Lecture Notes in Computer Science ; 7351).
- Luo Z.* Formal Semantics in Modern Type Theories with Coercive Subtyping // *Linguistics and Philosophy*. — 2012b. — Vol. 35, no. 6. — P. 491–513.
- Luo Z., Soloviev S., Xue T.* Coercive Subtyping : Theory and Implementation // *Information and Computation*. — 2013. — Vol. 223. — P. 18–42.
- Martin-Löf P.* An Intuitionistic Type Theory : Notes by Giovanni Sambin of a Series of Lectures Given in Padua, June 1980. — Napoli : Bibliopolis, 1984. — (Studies in Proof Theory ;)
- Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics* / ed. by S. Chatzikiyiakidis, Z. Luo. — 1st ed. — Cham : Springer International Publishing, 2017. — (Studies in Linguistics and Philosophy ; 98).
- Montague R.* English as a Formal Language // *Formal Philosophy : Selected Papers of Richard Montague* / ed., with an introd., by R. H. Thomason. — New Haven, London : Yale University Press, 1974a. — P. 188–221.
- Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // *Formal Philosophy : Selected Papers of Richard Montague* / ed., with an introd., by R. H. Thomason. — New Haven, London : Yale University Press, 1974b. — P. 247–270.
- Norell U.* Dependently Typed Programming in Agda // *Advanced Functional Programming : 6th International School, AFP 2008, Heijden, The Netherlands, May 2008, Revised Lectures* / ed. by P. Koopman, R. Plasmeijer, D. Swierstra. —

1st ed. — Berlin, Heidelberg : Springer-Verlag, 2009. — P. 230–266. — (Lecture Notes in Computer Science ; 5832).

Ranta A. Type-Theoretical Grammar. — Oxford : Clarendon Press, 1994. — (Indices ; 1).

Retoré C. The Montagovian Generative Lexicon ΛTy_n : A Type Theoretical Framework for Natural Language Semantics // Proceedings of TYPES2013 / ed. by R. Matthes, A. Schubert. — Toulouse : TYPES, 2013. — P. 202–229.

Domanov, O. A. 2024. “Priznaki i tipy v teoretiko-tipovoy semantike yestestvennogo yazyka [Features and Types in Type-Theoretical Natural Language Semantics]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 188–214.

OLEG DOMANOV
PHD IN PHILOSOPHY
SENIOR RESEARCH FELLOW
INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE (NOVOSIBIRSK, RUSSIA);
ORCID: 0000-0003-0057-3901

FEATURES AND TYPES IN TYPE-THEORETICAL NATURAL LANGUAGE SEMANTICS

Submitted: Apr. 12, 2023. Reviewed: Aug. 11, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: Features and types are two possible ways to classify phenomena related to the formalization of natural language grammar and semantics. Features are frequently used in linguistically oriented theories. However, they do not accord with type theoretical semantics due to the notion of subtype to which they lead. The article suggests a way to coordinate these two approaches through defining types based on the classification by features. An example of formalization for a small fragment of English language is provided for demonstration. General formal theory of syntax and semantics for this language is developed, which is of a separate interest. The language of formalization is Agda. Agda serves simultaneously as (1) a metalanguage that formalizes the syntax of the natural language and (2) a semantical/ontological language that interprets the natural language. This allows to formalize interpretation as a function that maps Agda expressions presenting syntax into Agda expressions comprising semantics. The concept of subtype is based on the notion of coercion. Defining types through features leads to the automatic definition of coercion between them. Agda’s mechanism of instance arguments allows in many cases to provide coercion automatically. The article ends with examples of the natural language expression formalizations showing the theory in action. Despite Agda’s primary orientation towards mathematics, it contains tools and instruments that render it applicable to natural language studies in the framework of type theoretical semantics.

Keywords: Type Theoretical Semantics, Natural Language, Type Theory, Agda, Subtypes, Coercion.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-188-214.

REFERENCES

- “Agda Documentation.” 2014. Agda. <https://agda.readthedocs.io/>.
- Asher, N., and Z. Luo. 2013. “Formalization of Coercions in Lexical Semantics.” *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 17:63–80.
- Bahramian, H., N. Nematollahi, and A. Sabry. 2017. “Copredication in Homotopy Type Theory.” IUScholarWorks. <https://hdl.handle.net/2022/21811>.
- Carpenter, B. 1992. *The Logic of Typed Feature Structures with Applications to Unification Grammars, Logic Programs and Constraint Resolution*. Cambridge Tracts in Theoretical Computer Science 32. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chatzikiyiakidis, S., and Z. Luo, eds. 2017a. *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics*. 1st ed. Studies in Linguistics and Philosophy 98. Cham: Springer International Publishing.
- . 2017b. “On the Interpretation of Common Nouns: Types Versus Predicates.” In *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics*, 1st ed., ed. by S. Chatzikiyiakidis and Z. Luo, 43–70. Studies in Linguistics and Philosophy 98. Cham: Springer International Publishing.
- . 2020. *Formal Semantics in Modern Type Theories*. Vol. 2 of *Cognitive Science : Logic, Linguistics and Computer Science Set*. 2 vols. London: Wiley / ISTE.
- Coquand, T. 1992. “Pattern Matching with Dependent Types.” In *Proceedings of the 1992 Workshop on Types for Proofs and Programs*, ed. by B. Nordström, K. Petersson, and G. Plotkin, 66–79. Båstad. <https://wonsk.github.io/type-theory-reading-group/papers/proc92-coquand.pdf>.
- Heim, I., and A. Kratzer. 1998. *Semantics in Generative Grammar*. Cambridge (MA) and Oxford: Blackwell Publishers.
- Luo, Z. 1994. *Computation and Reasoning: A Type Theory for Computer Science*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2012a. “Common Nouns as Types.” In *Logical Aspects of Computational Linguistics : 7th International Conference, LACL 2012, Nantes, France, July 2–4, 2012*, ed. by D. Béchét and A. Dikovsky, 173–185. Lecture Notes in Computer Science 7351. Berlin and Heidelberg: Springer.
- . 2012b. “Formal Semantics in Modern Type Theories with Coercive Subtyping.” *Linguistics and Philosophy* 35 (6): 491–513.
- Luo, Z., S. Soloviev, and T. Xue. 2013. “Coercive Subtyping: Theory and Implementation.” *Information and Computation* 223:18–42.
- Martin-Löf, P. 1984. *An Intuitionistic Type Theory: Notes by Giovanni Sambin of a Series of Lectures Given in Padua, June 1980*. Studies in Proof Theory. Napoli: Bibliopolis.
- Mitrenina, O. V., N. A. Slyusar', and Ye. Ye. Romanova. 2018. *Vvedeniye v generativnuyu grammatiku [Introduction to Generative Grammar] [in Russian]*. 2nd ed. Moskva [Moscow]: Lenand.
- Montague, R. 1974a. “English as a Formal Language.” In *Formal Philosophy : Selected Papers of Richard Montague*, ed., with an introd., by R. H. Thomason, 188–221. New Haven and London: Yale University Press.
- . 1974b. “The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English.” In *Formal Philosophy : Selected Papers of Richard Montague*, ed., with an introd., by R. H. Thomason, 247–270. New Haven and London: Yale University Press.
- Müller, S., et al., eds. 2021. *Head-Driven Phrase Structure Grammar: The Handbook*. Empirically Oriented Theoretical Morphology and Syntax 9. Berlin: Language Science Press.

- Norell, U. 2009. “Dependently Typed Programming in Agda.” In *Advanced Functional Programming : 6th International School, AFP 2008, Heijen, The Netherlands, May 2008, Revised Lectures*, 1st ed., ed. by P. Koopman, R. Plasmeijer, and D. Swierstra, 230–266. Lecture Notes in Computer Science 5832. Berlin and Heidelberg: Springer-Verlag.
- Ranta, A. 1994. *Type-Theoretical Grammar*. Indices 1. Oxford: Clarendon Press.
- Retoré, C. 2013. “The Montagovian Generative Lexicon ΛT *yn*: A Type Theoretical Framework for Natural Language Semantics.” In *Proceedings of TYPES2013*, ed. by R. Matthes and A. Schubert, 202–229. Toulouse: TYPES.

АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИКОВ*

ДЖОНАС ПРОСТ: «ТЕРНЫ И ВОЛЧЦЫ» НА ПУТИ ЛОККА К ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Аннотация: Данный текст представляет собой вступительную статью к переводу на русский язык ответа англиканского священника Джонаса Проста на английское издание «Письма о толерантности» Джона Локка. Тексты Проста ранее не переводились на русский язык, хотя их влияние как на позднейшие политические тексты самого Локка, так и на современную интерпретацию локкианского обоснования терпимости широко признаны и обсуждаются в обширной вторичной литературе. Именно в полемике с Простом написаны второе, третье и незавершенное по причине смерти четвертое письмо Локка о толерантности, значительно превосходящие по объему исходный текст и уточняющие многие акценты, оставшиеся непроясненными в первом письме. Прост проводит решительную атаку на утверждение о том, что внешняя сила не может помочь формированию искреннего убеждения в истине, а потому не оправдана в целях спасения души — так называемый аргумент от убеждения (*argument from belief*) Локка. С точки зрения Проста, ни отсутствие прямого подчинения убеждения воле, ни понимание обязанностей правителя на основании естественных интересов его подданных не отменяют права разумного применения силы правителем для защиты религиозной истины — напротив, требуют этого применения как необходимого средства для основополагающего интереса каждого человека в спасении собственной души. Вниманию читателей предлагается перевод первого текста, написанного Простом в полемике, а также вступительная статья об основных темах полемики в целом, с отдельным акцентом на том, как в ее свете предстает, и в каких уточнениях может нуждаться *argument from belief*. В то же время автор подчеркивает, что статус этого аргумента является далеко не единственной, а возможно, не самой главной, интересной или актуальной ставкой в споре Локка и Проста.

Ключевые слова: Прост, Локк, толерантность, аргумент от убеждения, достаточные свидетельства, скептицизм.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-217-238.

В современных дискуссиях о толерантности активно обсуждается парадоксальная логическая структура, казалось бы, общепризнанного идеала. Толерантность предполагает осуждение: нет оснований говорить именно о толерантности (а не признании, включении, почитании и т. д.), по отношению к тому, что прежде не стало объектом обоснованного

*Мельников Александр Авионирович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), aame1nikov@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9782-2390.

**© Мельников, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

дистанцирования. Но если дистанцирование остается как-то обоснованным, возникает другой вопрос — почему нужно быть толерантным к тому, против чего есть основания выступить.

Такая постановка вопроса типична для работ о толерантности последних десятилетий: как объяснить тому, кто считает нечто неправильным, что он должен это терпеть (Forst, 2013; Horton, 1996; Mendus, 1989a; Williams, 1996)? Простая формула, по которой преследователь оправдывает свое преследование — «преследую тебя, потому что я прав, а ты нет», снова и снова цитируется как то, с чем должна иметь дело работоспособная теория толерантности. Тем не менее, сегодня такая формула почти неизбежно помещается в кавычки. Мало кто рискует в академическом рассуждении как-либо солидаризироваться с потенциальными преследователями, предлагая в их защиту лучшие имеющиеся аргументы. Но в относительно недавние времена участники практических дискуссий как раз брали на себя подобный риск. Так, выступая против современных ему проектов толерантности ради торжества истины, мыслил в споре с не нуждающимся сегодня в представлении Джоном Локком Джонас Прост.

Прост (Jonas Proast, 1642–1710) был сыном кальвинистского священника, получил образование в Оксфорде и там же (в Колледже Всех душ) служил капелланом. Воспитанник и союзник архиепископа Кентерберийского Уильяма Сэнкрофта, известного своим участием в публикации «Patriarcha» Роберта Филмера, Прост также проявлял роялистские симпатии, что, впрочем, не помешало ему выступить против католического монарха Якова II. В незавершенной «Brief Defence of the Society of St Mary Magdalen College» Прост вступился за членов общества, сопротивлявшихся форсированному королем назначению католического президента (Goldie, 1993: 146). В скором времени сам Прост потерял место оксфордского капеллана, впоследствии возвращался, но был снова изгнан. Словами Марка Голди, «Прост, защитник религиозных преследований, должен был провести 1690-е, чувствуя себя преследуемым посланниками новой церкви» (ibid.: 145).

Прост не оставил собственной философской теории; полемика с Локком стала главным его письменным наследием. Сложно сказать наверняка, что именно заставило его вступить в многолетний спор. Голди склонен рассматривать спор Локка и Проста с перспективы не столько конфликта между англиканской церковью и несогласными с ней, сколько непосредственно касавшегося Проста конфликта между так называемой «High Church» и «Low Church», или латитудирианством,

интересы которого выражал в данном случае Локк. Виктор Нуово пишет, что привести Проста к действию могла и экспрессивная риторика, используемая Уильямом Попплом, переводчиком письма Локка на английский: в предисловии Поппла говорилось о необходимости «абсолютной свободы»¹.

Так или иначе, на выход перевода Прост прореагировал быстро, уже в 1690 году опубликовав (анонимно) свой «The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Consider'd and Answer'd». Это не было первой реакцией на текст (еще в год выхода перевода Поппла с ответом выступил архидиакон Эксетера Томас Лонг, резко критикуя проект толерантности как идущий на руку католицизму), но первой и единственной, вызвавшей ответ Локка.

В том же году Локк отвечает Вторым письмом о толерантности. Несмотря на двусмысленное название, сам текст выходит не только анонимно², но и маскируется относительно оригинального письма о толерантности. Локк выступает в роли защитника автора Первого письма, предполагающего, что Прост неверно изложил и недостаточно опроверг аргументы данного текста.

Подобная уловка Локка не оказала серьезного влияния на дальнейшее содержание полемики: Прост не попытался показать, что оппонент плохо понимает аргументы автора Первого письма и вообще не особо проблематизировал разницу между Первым письмом и последующими. По некоторым косвенным признакам можно предположить, что Прост догадывался, что имеет дело с автором «Опыта о человеческом разумении»³.

После ответа Проста на Второе письмо Локка («A Third Letter Concerning Toleration: In Defense of the Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Consider'd and Answer'd») и выхода Третьего в 1692 году, в полемике наступает долгое затишье. Возможной причиной был непомерный объем Третьего письма (см. Cranston, 1957, Goldie, 1999: 118). С другой стороны, сам период молчания Проста был очень насыщенным для английской истории свободы совести, включая дискуссии

¹ «Абсолютная свобода, справедливая и истинная свобода, равная и беспристрастная свобода — вот в чем мы нуждаемся» (Nuovo, 2022: 44).

² Что обычно для текстов Локка.

³ Прост использует весьма ехидный комплимент по отношению к Аристотелю «Respondet pro me us Aristoteles. That old conductor of human understanding...» (Locke on Toleration, 2010: 167).

о скандальной казни в Шотландии студента Томаса Айкенхеда по обвинению в атеизме, и (как выяснилось, окончательную) отмену предварительной цензуры в 1695 году, к которой взывал Мильтон в своей Ареопагитике пятьюдесятью годами ранее. С учетом активизации дискуссий о том, какие меры контроля публичного пространства должны занять место, прежде занятое цензурой⁴, молчание Проста может иметь более сложный характер. Так или иначе, ответ Локку («A Second Letter to the Author of the Three Letters for Toleration»⁵) он публикует лишь в 1704 году. Локк немедленно начинает работу над четвертым письмом, но умирает, не успевая завершить его.

Как и иные работы Локка, все четыре его письма не раз переиздавались на английском языке. Тексты Проста также не остались незамеченными: из недавних переизданий необходимо упомянуть пятый том под ред. М. Голди (*The Reception of Locke's Politics...*, 1999), и более компактный сборник «Locke on Toleration» под ред. Р. Вернона (*Locke on Toleration*, 2010), где первые письма Локка и Проста приводятся полностью, а остальные — с сокращениями.

На русском языке есть некоторое исследование полемики Локка и Проста (см., например, сборник под ред. М. Б. Хомякова (*Послание о веротерпимости...*, 2002) и главу в книге А. Яковлева (*Яковлев*, 2013)), но сам Прост прежде не переводился. Недооцененными остались и письма Локка, написанные им в полемике с Простом: они не были переведены и для собрания сочинений Локка в издательстве «Мысль».

Такая недооценка Проста может влиять, по меньшей мере, на понимание текстов Локка, поскольку, под влиянием аргументов Проста

⁴См., например, работу Кемпа для краткого обзора подобных дискуссий (Kemp, 2012).

⁵Нумерация писем может показаться запутывающей, так как в случае Проста третье письмо оказывается раньше второго. Причина в том, что в анонимной дискуссии Прост и Локк не могут определиться, как именно считать уже написанные письма. После «Письма» Локка и его первого рассмотрения Простом, Локк называет свое письмо «Вторым письмом о толерантности», тем самым не включая в счет первый ответ Проста. Поскольку ниоткуда прямо не следует, что первое и второе письмо Локка написаны одним человеком, Прост, вероятно, не видит причин не включиться в этот же счет и называет свое следующее письмо Третьим. Но Локк стоит на своем способе счета и называет следующее письмо третьим, снова беря в расчет свое первое письмо и не беря в счет Проста, («A Third Letter for Toleration, to the Author of the Third Letter Concerning Toleration»). После этого Прост сдаётся и начинает нумеровать только собственные письма. Но, видимо, назвать уже третье письмо в переписке «третьим» Прост находит слишком странным, поэтому говорит о втором письме, не считая свой первый комментарий на письмо Локка, который, строго говоря, не являлся частью переписки.

Локк значимо смещает акценты по сравнению с оригинальным Письмом о Толерантности (см. Tate, 2016; Tuckness, 2002a; 2008). Сам Локк завещал, чтобы его Письма были изданы в едином томе с работами Проста (Яковлев, 2013: 304).

Долгое время в литературе доминировал взгляд, что главным, если даже не единственным опорным аргументом Локка в пользу толерантности, является аргумент нерациональности принуждения к убеждению, известный как аргумент *from belief*, или *rationality argument* (см. Dunn, 1969; Goldie, 1999; Waldron, 1988).

Природа человеческого разума, — гласит знаменитая цитата из Письма о толерантности, — такова, что никакая внешняя сила не способна принудить его. Отними все имущество, брось его в темницу, подвергай тело мучениям — напрасно всеми этими пытками ты надеешься изменить суждение, которое ум составил о вещах (Локк, Федоров, 1988: 95).

Разные версии этого аргумента можно найти и в «Опыте о человеческом разумении», и даже в ранних «Tracts on Government»⁶. По широко известной интерпретации Джереми Уолдрона, помимо глубоко укорененных в христианской традиции аргументов, Локк предлагает лишь этот аргумент, спорный по целому ряду причин (Waldron, 1988). Начиная с того, что целью преследования может быть вовсе не принуждение разума и тем более не спасение души, и заканчивая тем, что аргумент о неконтролируемости убеждений надо как-то совместить с явными доксатическими обязательствами, которые сам Локк в «Опыте о человеческом разумении» накладывает на недостаточно приверженных истине энтузиастов и «пуританских фанатиков» (см. Jolley, 2016: 9) и тем фактом, что по самому же Локку, убеждения разума «не вполне необходимы, и не вполне произвольны».

Но первым, кто попытался разместить всю аргументацию Локка вокруг одной сомнительной идеи и разбить ее там единым ударом, был именно Прост. В то же время, открывая уже Второе письмо, можно увидеть решительный протест Локка именно против редукативного изложения его доводов, как основанных на одной лишь идее:

⁶ Тем не менее, в логике Tracts «outward religious behaviour» в отличие от *inner belief*, вполне могло подлежать регуляции (Locke, 1967: 127–130; Tate, 2016: ch. 5).

Я думаю, у вас было не больше оснований, чем если бы вы сказали, что лишь в одной из балок дома заключена сила, когда есть несколько других, которые бы поддерживали здание и без нее (Locke, 1824: 67)⁷.

В ходе полемики Прост признает, что позиция Локка динамичнее и сложнее, чем она излагалась на ранних стадиях спора — Локк переносит опору своего рассуждения на совсем другую пропозицию — что каждый правитель считает свою религию истинной, а потому будет использовать принуждение в интересах той религии, которая, с учетом числа разных конфессий, почти наверняка является ложной. Но уже в конце переведенного далее первого ответа Прост рассуждает о трех доводах Локка против права правителя преследовать в религиозных вопросах, а не об одном⁸.

Уже во «Втором письме о толерантности» Локк настолько отходит от радикальной версии аргумента, что принуждение не может определить убеждение, что развернуто аргументирует, как принуждение может привести тех, к кому оно применяется, к разного рода ложным и вредным убеждениям (ibid.: 78).

При этом Прост нигде не занимается лобовой атакой на довод, что разум не может быть принужден силой. Вместо этого, он стремится показать, что хотя разум не может быть принужден грубой силой, умеренная сила — «не напрямую и опосредованно»⁹ — может быть полезна и необходима в вопросах религии, причем не для сугубо политического поддержания порядка, а именно для спасения души.

В основе здесь лежит идея, что сила может изменить контекст, в котором люди приходят к своим убеждениям. А это, в свою очередь, может побудить ум к более внимательному рассмотрению аргументов в пользу истинной религии.

Если люди столь чужды должного рассмотрения вещей там, где это в их наибольших интересах, [...] что остается (кроме милости Божией), дабы оградить их от избранного ими ложного пути, как не обречь сам путь тернами и препонами? Коли они глухи ко всем убеждениям, встреча с неудобствами

⁷См. также Вернона (Locke on Toleration, 2010: XIX): в переписке Локк убирает фокус с аргумента о неспособности государства порождать мнения, и больше пишет не о *capacity*, а об *authority*, обвиняя Проста в редукции второго к первому.

⁸Этот факт отмечает Тейт (Tate, 2016).

⁹Или «косвенно и на расстоянии», как перевел это А. Яковлев, цитируя соответствующий параграф из Проста (Яковлев, 2013: 308).

может хотя бы прервать их поступь и побудить прислушаться к словам, что они ошиблись путем¹⁰...

Как ни странно, более сложной и интригующей исследовательской задачей может стать экспликация не того, о чем спорят, а того, с чем именно соглашаются — говоря о неподконтрольности убеждений принуждению — Локк и Прост. Как пишет Р. Вернон, излагать Локка, словно его целью было продемонстрировать некое удивительное положение веры и убеждения «за пределами влияния воли» — значит делать его защитником не просто спорной, а даже абсурдной позиции (Vernon, 1997: 28).

В «Опыте...» Локк признает, что даже те, кто овладел всеми релевантными свидетельствами, могут интерпретировать их неправильно, из-за «общепринятых гипотез», «господствующих страстей». Известен его пример с мужем, который не может поверить в неверность жены: одно ее слово перевешивает сколь угодно большое число свидетельств. «*Quod volumus*, — объявляет Локк, — *facile credimus*»¹¹.

Но тогда, — размышляет Вернон, — Прост не просто прав («не напрямую», влияние на волю со стороны государства может влиять на мнения). Сам Локк, должно быть, знал это (*ibid.*: 27).

Неочевидно, что вообще остается от тезиса о неподконтрольности убеждений принуждению, если формирование идей определяется имеющимся опытом. Ведь если контроль доступного опыта с неизбежностью предопределяет и заключения рассудка, рассудок (в пределах того, к каким идеям в принципе можно прийти с учетом возможных вариантов опытных данных) может быть успешно принужден силой.

Возможно, реальное различие между «прямой» и «непрямой» эффективностью принуждения следует искать между неэффективным принуждением вида «думай *X*, не то будешь наказан» и эффективным, (возможно, даже эффективным с необходимостью) принуждением вида «делай *Y*, не то будешь наказан», приводящим к убеждению в *X*.

¹⁰Здесь предложен авторский перевод фрагмента текста «The Argument of the Letter concerning Toleration, Briefly Considered and Answered» (см. Proast, 2010b: 58).

¹¹«Скажите страстно влюбленному человеку, что его обманывают; приведите ему сколько угодно свидетелей неверности его возлюбленной; [...] три ее ласковых слова уничтожат все их показания. *Quod volumus, facile credimus* — „что совпадает с нашими желаниями, тому легко верить“ — это, я думаю, не раз проверено каждым на опыте. [...] И хотя разум по своей природе становится всегда на ту сторону, где вероятность больше, однако человек властен прекратить и ограничить свои исследования и не позволить себе полного и исчерпывающего изучения рассматриваемого вопроса...» (Локк, Савин, 1985: 195).

И тогда следует различать между менее (о неэффективности принуждения для изменения убеждений) и более правдоподобным тезисом — о неподконтрольности убеждения воле¹².

Дальнейшие письма Локка Просту интересны поиском более точных формулировок того, что же именно особенного в отношениях между убеждением, принуждением и волей. Как признает и Вернон, пример с самообманом рогоносца не так легко направить против концепции терпимости. Если простианские преследователи, стремящиеся повлиять на волю, хотят добиться изменения убеждений, локковский рогоносец вовсе не стремится изменить убеждение, в том числе свое. Он просто очень хочет, чтобы его жена была верна ему, и само это желание оказывает серьезное воздействие на его убеждения (Vernon, 1997: 28).

Такая модель отношений воли и убеждения мало чем помогает обоснованию религиозного преследования. Даже если наказания вызовут желание спасения души, а не только спасения от преследования, отсюда не следует, что подобное желание вызовет подлинные религиозные убеждения, необходимые для спасения. Ведь и желание мужа не быть рогоносцем вовсе не помогает ему не быть рогоносцем. Оно несомненно влияет на его убеждения, но вовсе не помогает ему иметь истинные убеждения.

То, насколько мало локковский аргумент *from belief* нуждается в радикальных эпистемологических предпосылках о независимости убеждений под воздействием силы, можно заметить по тому, какую форму сходный аргумент принимает в апологетическом тексте Мэттью Гиндала «An Essay Concerning the Power of the Magistrate...» (1697), посвященном «трем несравненным письмам о терпимости» и развитию (порой повтору) их аргументов против наличия у магистрата прав религиозного преследования:

Фатальные последствия [права преследования] для вечного блаженства человеческого, состоят в прямом склонении людей поступать вопреки их совести [Consciences]. Ибо поскольку сила не более способна изменить или повлиять на ум, чем доводы — на тело, все, что она может сделать, это побудить человека избежать ее тяжести, что он не сделает иначе как действуя в соответствии с желанием магистрата, [...] она может лишь произвести внешнее согласие, но совесть останется против, [...] а если нечто (как это в случае насилия)

¹²С. Мендус, в обзоре на книгу Килкуллена, предлагает различать два вопроса: (1) «whether belief is subject to the will», (2) «whether belief is susceptible to rational justification» (Mendus, 1989b).

вовсе не способно убедить совесть, но обязывает человека действовать, оно обязывает человека действовать против совести, что прямо враждебно его вечному блаженству¹³...

Подобное употребление расхожей формулы, что насилие «вовсе не способно убедить совесть»¹⁴, показывает, что Тиндалу (как и Локку), нет особой нужды доказывать, что сила не способна произвести изменения в сознании. Важно уже то, что она не производит эти внутренние изменения с той же сущностной и прямой связью, как изменения в поведении. Тем самым, любое применение силы в вопросах совести порождает конфликт между поведением и убеждением, который не может быть угоден Богу и оправдан заботами о спасении души.

Впрочем, как уже отмечалось, ни сами тексты Локка, ни их обсуждение Простом, не сводятся к анализу аргумента *from belief*. Начиная со второго письма, Локк пытается добиться от Проста более четких ответов о том, на каких принципах должна, по Просту, применяться сила, и в целом получает их.

Кого наказывать? Тех, кто имея достаточные свидетельства в пользу истинной религии, отвергли ее, то есть не рассмотрели честно и непредвзято? Зачем? чтобы привести их к истине. Как? В той степени, в которой необходимо. (Прост не стремится установить меру наказания за светских властителей, предполагая их куда более опытными и сведущими в решении подобных вопросов). Как долго? Пока длится нарушение, ведь пока достаточные свидетельства в пользу истины не рассмотрены, наказание как заслуженно, так и необходимо (Proast, 1691: 48–52; Locke on Toleration, 2010: 113–116).

¹³Tindal, 1697: ch. 3, §2: «It is of fatal Consequence to the *Eternal Happiness of Mankind*, in having a direct tendency to make them act *contrary to their Consciences*. For since Force can no more work a Change or Alteration on the *Mind*, than Arguments can on *Matter*, all that it can do, is to make Men unwilling to lie under the weight of it; which they have no way of avoiding, but by acting as the Magistrate will have them; the Truth of which Force is wholly unapt to convince them of, and can only produce an outward compliance, the Conscience still remaining averse: For nothing is more evident, than that where a thing is wholly impertinent to convince the Conscience, (as Violence is) and yet it obligeth a Man to act, it obligeth him to act contrary to his Conscience; which is directly contrary to his *Eternal Happiness*: For if he that acts *when he doubts is damned*, he cannot certainly be in a better Condition, who wholly revolts from his Conscience, and basely lieth both to *God and Man*».

¹⁴Хотя формулировка «сила не более способна изменить или повлиять на ум, чем доводы — на тело», если хоть немного усомниться в дуализме картезианского образца, выглядит довольно двусмысленной.

Решительные интонации Проста вызывают неизменное подозрение у Локка, многократно утверждающего, что, несмотря на предполагаемую умеренность наказаний, никаких реальных границ их применению Прост не предлагает (см. *Locke on Toleration*, 2010: 152, IV главу Третьего письма). Но особенное внимание Локка в позднейших письмах занимает вопрос, каковы результаты для истины были бы, допуская все правители подобные преследования¹⁵. Ответ Проста, заключает, возможно, ключ ко всему спору.

Для Проста подобные преследования — это преследования со стороны тех, кто имеет достаточные свидетельства в пользу истинной религии и призывает к их рассмотрению. Соответственно, от универсализации такой практики никакого вреда истинной религии не будет. Если большая часть правителей мира сами не рассмотрели достаточные свидетельства и лишь претендуют на обладание ими, нельзя сравнивать их с теми, кто действительно обладает достаточными свидетельствами (Proast, 1691: 51–52).

В этом ответе Прост подводит дискуссию к эпистемологическому вопросу о том, как устроены свидетельства в пользу истинной религии. Просту видится нелепой мысль, что кто-то рассмотрел достаточные свидетельства в терминальном вопросе спасения души с должным тщанием, и все равно отверг их — это означало бы, что достаточные свидетельства не есть достаточные (*ibid.*: 50–51).

Учитывая деликатность возникающего здесь религиозного контекста, Прост ставит серьезные проблемы перед Локком. С точки зрения, например, Райнера Форста, Локк (в отличие от своего современника Бейля) оказался не очень готов к традиционной христианской аргументации в пользу ограничения терпимости, восходящей к позднему

¹⁵Хотя в разных формах попытка объяснить, каким можно полагать разумный универсальный закон Бога, указанием на ожидаемое и наблюдаемое поведение монархов, злоупотребляющих предполагаемыми законами, есть и в Первом письме, и в других текстах Локка. Например, §41 Первого трактата о правлении гласит: «Более разумно полагать, что бог, который приказал людям плодиться и размножаться, скорее сам предоставил им всем право пользоваться пищей и одеждой и другими жизненными удобствами, [...], чем заставлять их зависеть в своем существовании от воли человека, который обладал бы властью уничтожить их всех, [...] и, будучи несколько не лучше других, мог [...] скорее постоянно понуждать их к тяжелой работе, чем способствовать великому предназначению бога „плодитесь и размножайтесь“ с помощью щедрого предоставления жизненных удобств. Пусть тот, кто сомневается в этом, посмотрит на абсолютные монархии мира и увидит, что происходит там с жизненными удобствами и огромными массами людей» (Локк, Федоров, 1988: 169).

Августину (см. Forst, 2008: 284–285). Многие доводы Проста и впрямь можно обозначить как исследование возможности переноса на англиканскую почву августинианской интенции воздействовать на религиозные убеждения из-за любви к душе ближнего. Прост способен одновременно всерьез рассматривать пространство индивидуального размышления как ключевого для спасения души и понимать *commonwealth* с точки зрения общих целей учреждающих его членов. По его логике, применение силы в вопросах религии оказывается частью заботы граждан о самих себе: в рамках общественного соглашения не лишенный здравого смысла индивид, отдавая отчет в своей интеллектуальной лености и грешности, обязательно пожелает возложить на правительство полномочия по поддержанию истинной религии, от которой он по своему неразумию может отпасть.

Но если Прост стремится обосновать, что спасение души входит в цели, с которыми должны учреждаться человеческие сообщества, то Локк сосредоточен на критике положения, по которому средством, задуманным Богом для подобной цели, является внешняя сила. Во Втором письме, не без ехидства повторяя на разные лады простовский оборот «не напрямую и опосредованно», Локк настаивает, что такая «непрямая» полезность — очень слабое свидетельство в пользу практики: едва ли существует практика, которую мудрый Господь не мог бы направить на пользу благому замыслу. Возможно, пишет Локк, колотая рана однажды сработает как кровопускание и спасет человека вместо того, чтобы убить. Возможно, заточение невинного в тюрьму по неисповедимым путям поможет спасению души этого невинного — но это не повод оправдывать любые средства как политически допустимые.

Если ваша непрямая и опосредованная пригодность может уполномочить правителя применять силу в вопросах религии, все жестокости, применяемые язычниками против христиан, папистами против протестантов, и всякое преследование христиан как на подбор — все оправдано (Locke, 1824: 69–70).

Прост в ответ уточняет, что выводит право силы не из одной лишь не прямой полезности, но из связки полезности с необходимостью (Proast, 1691: 17). Но это делает его уязвимым для теологического аргумента: когда сам Прост пытался показать, что милость Бога предполагает, что Он снабдил человеческие общества достаточными средствами для спасения души, (и следовательно, правитель должен пользоваться теми средствами, которые были ему доверены), Локк аргументирует, что милость Бога предполагает, что Он снабдил человеческие общества

достаточными средствами для спасения души помимо грубой силы. И сама идея, что применение силы светской властью необходимо для спасения душ, оказывается крайне спорной¹⁶.

Помимо этого, Локк многократно повторяет и секулярный аргумент — кто именно должен судить о необходимости и полезности применения силы? Истинности религии, к доводам которой необходимо прислушиваться? Достаточности оснований, по которым правитель считает истинной религию, в интересах которой применяет силу? Должен ли судить об этом сам применяющий силу правитель? Лично Джонас Прост?

Как мы уже отчасти увидели, на протяжении всей полемики и Локк, и Прост апеллируют к несовершенству человеческого разума. В позднейших дискуссиях Нового и Новейшего времени локковская стратегия, видящая в ограниченности человеческих суждений довод в пользу обширной свободы совести, станет доминирующей. Но для Проста именно слабость человеческого ума становится одной из основных причин, почему силу в религиозных вопросах использовать не просто полезно, но необходимо.

Если Локк больше подчеркивает неспособность человека прийти к окончательной достоверности по большей части спорных вопросов между разными религиозными традициями¹⁷, Прост настаивает, что наличие достаточных свидетельств как раз является ультимативным свойством истинной религии, и сила используется правильно именно тогда, когда имеет своей целью заставить прислушаться к этим достаточным свидетельствам. Погрешимость человеческого ума для Проста означает скорее неготовность рассматривать свидетельства с должным тщанием и естественность, с которой человек остается при сколь угодно ложном, но привычном мнении, если терпимость к разным мнениям позволяет ему это делать.

У Локка достаточные свидетельства в частных вопросах религии не конгруэнтны человеческому уму; у Проста несовершенство ума тесно

¹⁶Здесь нужно различать два вопроса: (1) какие религиозные убеждения необходимы для спасения души, а какие — нет (важный сюжет в позднем тексте Локка «Reasonableness of Christianity»), (2) необходимо ли применение силы даже для формирования убеждений, необходимых для спасения. В зависимости от того, какому вопросу придается большее значение, можно различать модели включения всех в общую церковь, «очищенную» от спорных постулатов, вызывающих разногласия, и модели собственно терпимости между разными церквями. Локк в разных текстах склонен использовать оба вопроса для обоснования религиозной терпимости (см., например, Jolley, 2016: 138–139).

¹⁷«That it can be judicially known that the true religion has been tendered to anyone with sufficient evidence, is what I deny» (Locke, 1824: 260).

связано со слабостью человеческой воли к познанию истины. Хотя полемика Локка и Проста развилась в этом направлении лишь частично и в основном в поздних письмах, она провоцирует глубже исследовать природу несовершенства ума и воли в контексте терпимости, а также более пристально исследовать связь эпистемологических и политических доводов в неполемических текстах Локка.

Некоторые исследователи локкианской концепции терпимости считают ее серьезным преимуществом независимость от скептической опоры. В исследованиях последних лет описываются многочисленные трудности «скептического» подхода к терпимости. Скептицизм, в зависимости от того, как его проводить, может вести отнюдь не к торжеству либеральной терпимости, а, например, к попытке создать ограничивающие условия, максимально способствующие достижению членами общества атараксии. Или к полному отказу строить универсальную практическую философию, к релятивизму, радикальному волюнтаризму, авторитаризму и т. д.¹⁸

Письма Локка избегают ряда трудностей, с которыми сталкиваются апологеты терпимости, решающие использовать для обоснования хрупкую и амбивалентную скептическую почву. Локк не требует от сторонников терпимости ставить под сомнение свою возможность придерживаться истины в кардинальных вопросах, тем более — ставить под сомнение осмысленность самой идеи истины (см. Tuckness, 2002b). Формально, вся полемика Локка и Проста проходит под общим знаменем согласия, какую религию они оба считают истинной¹⁹ — но это не мешает Локку развивать проект терпимости по отношению к тому, что он сам же считает заблуждением (и на практике общаться с представителями разных конфессий, включая пресвитериан и квакеров; см. Goldie, 1993: 144).

И все же некоторые аргументы Локка (так называемый *argument from error*) оказываются сами довольно скептическими. Хотя Локк

¹⁸Mendus, 1989a: 75–79; Justifying Toleration..., 2009; Mendus, 1989b; Tuckness, 2002a. Исторические примеры поддержания скептиками авторитаризма (см. Tuck, 2009). Одна из общих интуиций здесь состоит в том, что скептический аргумент бессилен против потенциальных преследователей, убежденных в своей правоте.

¹⁹Прямолинейное утверждение согласия между Локком и Простом в этом вопросе оказывается объектом резкой критики Джона Тейта (Tate, 2016: ch. 6), подчеркивающего акцент, с которым Локк выступает против наличия достаточных свидетельств в пользу истинной религии.

и соглашается с Простом, какая религия является истинной, он занимает несколько витиеватую позицию, утверждая в то же время, что не имеет об этом достоверного знания, основанного на достаточных свидетельствах. Подобная неопределенность не ускользает от критических выпадов Проста и оказывается в центре внимания в позднейших письмах.

Вопрос, насколько Локк позволяет проекту терпимости обрести автономию от скептицизма, остается открытым (см. дискуссии о роли скептицизма в проекте толерантности Локка: Nicholson, 1991; Tate, 2016; Vernon, 1997; Waldron, 2002; Wolfson, 2010). При изучении полемики Локка и Проста оказывается неизменно интригующим, как именно связано справедливое проведение границ свободы совести с предполагаемыми отношениями между человеком и истиной. Быть может, без решения эпистемологического спора и вовсе невозможно рассудить справедливо о результатах полемики. Уходя в ответах Просту от абстрактного аргумента от природы убеждения к аргументу от универсализации, Локк пытается показать, что принцип «применяй силу во благо истинной религии» (оставляя здесь открытым вопрос, насколько его рассуждения применимы к более широкому «применяй силу во благо истины») не может быть частью закона природы, закона разума и воли Бога, поскольку справедливый законодатель, зная ограниченность человеческой природы, не мог повелеть следовать закону, который — с учетом того, коль часто преследующие во имя истины сами заблуждаются относительно нее — принесет больше вреда, чем пользы. Так, в последней главе «Третьего письма» Локк пишет:

Если бы существовало поручение [commission] всем магистратам по закону природы, которое обязывало бы их использовать силу, чтобы привести людей к истинной религии, для них не было бы возможно исполнить этот наказ, без вынесения суждения о том, что есть истинная религия, а потому [...] всякий магистрат счел бы себя обязанным использовать силу, чтобы привести людей к тому, что он считает истинной религией (Locke, 1824: 541).

Трудность в том, что позиция Проста как раз учитывает, что право (и обязанность) применять силу для продвижения истинной религии предполагает обязанность здраво судить об истинной религии. Долг применения силы идет у Проста «в комплекте» с долгом рассматривать доводы в отношении истинной религии. Тот, кто отворачивается от «достаточных свидетельств» религиозной истины и упорствует в заблуждении, так же не исполняет долг правителя, как тот, кто, согла-

шаясь с религиозной истиной, отказывается использовать «пригодные и необходимые средства» для ее защиты.

Я всегда полагал не вызывающим вопросов, что никто в мире, ни правитель, ни кто иной, не имеет никакого права использовать силу или любые иные средства [...], чтобы вести людей к ложной религии, как бы он сам ни убеждал себя в ее истинности (Proast, 2010a: 164).

Поэтому эпистемологический вопрос может претендовать на решающее значение. Прост последовательно настаивает, что в вопросах религии человеку при должной ответственности может открыться истина: никакая религия, кроме истинной, «не может исповедоваться иначе как в силу видимости, не выдерживающей тщательного испытания» (ibid.: 166). Если человеческие заблуждения проистекают не из нехватки свидетельств, позволяющих установить достоверную истину по частным вопросам²⁰, а из нехватки воли к познанию, обязательство правителя придерживаться истинной религии перестает быть пустым, а аргументы Локка, регулярно взывающие к симметрии между разными правителями, расходящимися в вопросах религии, рискуют потерять в валидности. Сходная проблема возникает и в важнейшей французской полемике о терпимости тех времен — Бейля и Арно, где последний утверждает, что недостаточно следовать собственной совести, необходимо также всеми силами стремиться к правильному пониманию и действию²¹.

В своем последнем письме Прост уделяет чуть большее внимание эпистемологии, критикуя локковскую дихотомию знания (строго демонстрируемого) и вероятностных убеждений (*beliefs*):

Есть третий род степени убеждения, хотя и не основанный на строгой демонстрации, но в твердости и стабильности далеко превосходящий все основанное лишь на предполагаемой вероятности [slight appearance of probability], опираясь на ясные и надежные доказательства [proof], что не оставляет разумных сомнений для внимательного и непредвзятого ума [...] и потому в отношении религии очень часто называется в Писании не только верой или мнением [faith or belief]; но и знанием, в других местах — полной уверенностью [...] этот род убеждения, это знание, эту полную уверенность, люди могут и должны

²⁰ Локк признает достаточными свидетельства в пользу самого существования Бога, но не спекулятивных догматов. Теоретическую сложность здесь вызывают отношения Локка к постулату о Троице и природе Иисуса, последнюю из которых он явно вписывает в основу христианских воззрений, в то же время не предполагая конкретных свидетельств.

²¹ См. классическую работу «Sincerity and Truth: Essays on Amauld, Bayle and Toleration» (Kilcullen, 1988).

иметь в отношении истинной религии, но никогда не обретут в отношении ложной (Proast, 2010a: 165).

Локк, в свою очередь, продолжает отрицать наличие некоего третьего рода убеждения в незаконченном «Четвертом письме».

В заключение несколько замечаний переводчика.

Прежде всего хочу выразить глубокую благодарность Максиму Евстигнееву, с которым мы вычитали и обсудили весь рабочий вариант перевода. Его идеи и предложения, а также наши регулярные беседы о Локке и его современниках серьезно отразились на самом переводе, на комментариях к нему и на этой вступительной статье.

Одна из многих возникших при наших обсуждениях идей состоит в осознании того, что дополнительный пласт дискуссии между Простом и Локком может быть обнаружен благодаря удерживанию самоочевидного для обоих из библейского контекста. Например, часто упоминаемые во вторичной литературе «шипы и тернии» (*thorns and briars*), с которыми Прост красочно сравнивает необходимые меры сделать ложный путь в религии не столь удобным, не раз фигурируют в тексте Писания.

Чтобы сохранить этот контекст, я старался при обнаружении возможных библейских отсылок сохранять их в переводе, (так, «шипы и тернии» чуть не стали «тернами и волчцами», но в итоге я остановился на чуть более понятном варианте «терны и препоны»), во-вторых, упоминать в сносках стихи из Библии, возможно соотносимые с полемикой Проста и Локка. В случае «*thorns and briars*» это притча из книги Исаяи о винограднике, где Бог объявляет, что «зарастет тернами и волчцами» виноградник, давший, вопреки своему назначению, дурные плоды.

Этот образ вполне мог казаться привлекательным для Проста, поскольку связывал непрямые карательные меры с божественной волей. Не менее интересно, как отвечает на образ Локк — спрашивая, кому же должна принадлежать власть обрамлять пути подобными тернами, если не самому Богу (Locke, 1824: 162), тем самым продолжая взаимодействовать с идеей божественной воли из притчи.

При работе с цитатами из Письма я обращался к последнему русскоязычному переводу, сделанному для собрания сочинений Локка в издательстве «Мысль» Н. А. Федоровым. В некоторых случаях я от него отходил, сообщая об этом в сносках. Основной причиной было стремление держаться ближе к оригиналу текста Проста, который цитирует Локка не по латыни, а в прижизненном английском переводе Поппла.

Помимо этого, вопреки Федорову, я перевожу *toleration* как «толерантность», а не «веротерпимость». Во-первых, в спорных случаях мне видится продуктивным давать перевод, который не был прежде использован. Во-вторых, говорить о толерантности представляется и более точным, чем о веротерпимости, так как по современному состоянию языка термин *toleration* не означает непременно *religious toleration*. Наконец, сужение ключевого термина статьи до «веротерпимости» оттеняет одну из основных линий современных дискуссий о практической философии Локка, а именно — может ли его защита терпимости иметь значение в секулярном обществе (Dunn, 1969; Schwartzman, 2005; Tate, 2013; Tuckness, 2002a; Waldron, 1988; 2002; Mendus, 1989a: 22–43). Говоря о концепции толерантности, а не просто веротерпимости в отношении Локка, мы повышаем исследовательские ставки, провоцируя размышления, адекватна ли его теория современным проблемам, связанным с осмыслением терпимости и ее отношения к истине.

В не менее знаменитом англоязычном тексте о свободе мысли и совести полтора века спустя утверждалось, что познание, не основанное на серьезной работе с противоположной точкой зрения, даже если эта точка зрения ложна, приводит к омертвлению понимания того, почему истинная точка зрения истинна. В этом отношении та серьезность, с которой Локк и Прост спорят, допустимо ли принуждение в вопросах совести, может попытаться дать фору многим позднейшим полемикам, и даже в чем-то оживить столь проблематичное сегодня обсуждение свободы совести. Полемика Локка и Проста, в которой сама необходимость максимально широкой толерантности и плюрализма не предзадана, а является прямым предметом спора и обоснования, может — как ни иронично — оказаться ближе современному российскому читателю, все чаще сталкивающемуся с тем, что в вопросах, относительно которых могло бы существовать формальное, но недостаточно глубокое и обоснованное согласие, на самом деле есть, что обсуждать, обдумывать и обосновывать.

ЛИТЕРАТУРА

- Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Книга IV / пер. с англ. И. С. Нарского // Сочинения. В 3 т. Т. 2 / под ред. И. С. Нарского. — М. : Мысль, 1985. — С. 3–201.
- Локк Д. Послание о веротерпимости / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения. В 3 т. Т. 3 / под ред. И. С. Нарского. — М. : Мысль, 1988. — С. 91–134.

- Послание о веротерпимости Дж. Локка : точки зрения / под ред. М. Б. Хомякова. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002.
- Яковлев А.* Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. — М. : Издательство Института Гайдара, 2013.
- Cranston M.* John Locke. A Biography. — London : Longmans, Green & Co, 1957.
- Dunn J.* The Political Thought of John Locke : An Historical Account of the Argument of the “Two Treatises of Government”. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
- Forst R.* Pierre Bayle’s Reflexive Theory of Toleration // Toleration and Its Limits / ed. by M. Williams, J. Waldron. — New York : New York University Press, 2008. — P. 78–113.
- Forst R.* Toleration in Conflict : Past and Present. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
- Goldie M.* John Locke, Jonas Proast and Religious Toleration 1688–1692 // The Church of England c. 1689–c. 1833 : From Toleration to Tractarianism / ed. by J. Walsh, C. Haydon, S. Taylor. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — P. 143–171.
- Goldie M.* Introduction to Jonas Proast “A Second Letter to the Author of the Three Letters for Toleration” // The Reception of Locke’s Politics. Vol. 5. The Church, Dissent and Religious Toleration 1689–1773 / ed. by M. Goldie. — London : Pickering & Chatto, 1999.
- Horton J.* Toleration as a Virtue // Toleration : Elusive Virtue / ed. by D. Heyd. — Princeton : Princeton University Press, 1996. — P. 28–43.
- Jolley N.* Toleration and Understanding in Locke. — Oxford : Oxford University Press, 2016.
- Justifying Toleration. Conceptual and Historical Perspectives / ed. by S. Mendus. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
- Kemp G.* The “End of Censorship” and the Politics of Toleration, from Locke to Sacheverell // Parliamentary History. — 2012. — Vol. 31, no. 1. — P. 47–68.
- Kilcullen J.* Sincerity and Truth : Essays on Amauld, Bayle and Toleration. — Oxford : Clarendon Press, 1988.
- Locke J.* The Works. In 9 vols. Vol. 5. Four Letters Concerning Toleration. — 12th ed. — London : Rivington, 1824.
- Locke J.* Two Tracts on Government. — Cambridge : Cambridge University Press, 1967.
- Locke on Toleration / ed. by R. Vernon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Mendus S.* Toleration and the Limits of Liberalism. — London : Macmillan, 1989a.
- Mendus S.* Toleration, Truth and Reciprocity : In Defence of the Closed Mind // Seventeenth-Century French Studies. — 1989b. — Vol. 11, no. 1. — P. 182–188.

- Nicholson P.* John Locke's Later Letters on Toleration // John Locke. A Letter Concerning Toleration in Focus / ed. by J. Horton, S. Mendus. — London : Routledge, 1991. — P. 163–187.
- Nuovo V.* Locke and Jonas Proast // The Lockean Mind / ed. by J. Gordon-Roth, S. Weinberg. — London : Routledge, 2022. — P. 44–46.
- Proast J.* A Third Letter Concerning Toleration : In Defense of the Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Consider'd and Answer'd. — Oxford : Printed by L. Lichfield, for George West, Henry Clements, 1691.
- Proast J.* From a Second Letter to the Author of the Three Letters for Toleration // Locke on Toleration / ed. by R. Vernon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010a. — P. 164–169.
- Proast J.* The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered // Locke on Toleration / ed. by R. Vernon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010b. — P. 54–66.
- Schwartzman M.* The Relevance of Locke's Religious Arguments for Toleration // Political Theory. — 2005. — Vol. 33, no. 5. — P. 678–705.
- Tate J. W.* Dividing Locke from God // Philosophy and Social Criticism. — 2013. — Vol. 39, no. 2. — P. 133–164.
- Tate J. W.* Liberty, Toleration and Equality : John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration. — London : Routledge, 2016.
- The Reception of Locke's Politics. Vol. 5. The Church, Dissent and Religious Toleration 1689–1773 / ed. by M. Goldie. — London : Pickering & Chatto, 1999.
- Tindal M.* An Essay Concerning the Power of the Magistrate, and the Rights of Mankind in Matters of Religion with Some Reasons in Particular for the Dissenters Not Being Obliged to Take the Sacramental Test but in Their Own Churches, and for a General Naturalization : John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration. — London : Printed by J. D. for Andrew Bell, 1697.
- Tuck R.* Scepticism and Toleration in the Seventeenth Century / ed. by S. Mendus. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
- Tuckness A.* Locke and the Legislative Point of View. — Princeton : Princeton University Press, 2002a.
- Tuckness A.* Rethinking the Intolerant Locke // American Journal of Political Science. — 2002b. — Vol. 46, no. 2. — P. 288–298.
- Tuckness A.* Locke's Main Argument for Toleration // Toleration and Its Limits / ed. by M. Williams, J. Waldron. — New York : New York University Press, 2008. — P. 114–138.
- Vernon R.* The Career of Toleration. John Locke, Jonas Proast, and After. — McGill-Queen's University Press, 1997.
- Waldron J.* Locke : Toleration and the Rationality of Persecution // Justifying Toleration. Conceptual and Historical Perspectives / ed. by S. Mendus. — Cambridge : Cambridge University Press, 1988.

Waldron J. God, Locke and Equality. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002.

Williams B. Toleration : An Impossible Virtue? // Toleration : Elusive Virtue / ed. by D. Heyd. — Princeton : Princeton University Press, 1996. — P. 18–27.

Wolfson A. Persecution or Toleration : An Explication of the Locke-Proast Quarrel, 1689–1704. — Lanham : Lexington Books, 2010.

Mel'nikov, A. A. 2024. "Dzhonas Proast: 'Terny i volchtsy' na puti Lokka k tolerantnosti [Jonas Proast: 'Thorns and Briars' on Locke's Way Towards Toleration]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 217–238.

ALEKSANDR MEL'NIKOV

PHD IN PHILOSOPHY

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9782-2390

JONAS PROAST: "THORNS AND BRIARS" ON LOCKE'S WAY TOWARDS TOLERATION

Abstract: This text offers an introductory article and a translation of the response of the Anglican priest Jonas Proast to the English edition of John Locke's "Letter on Toleration." Proast's texts have not previously been translated into Russian, although their influence both on Locke's later political texts and on contemporary interpretations of Lockean justification for toleration is widely recognized and discussed. Locke's second, third and fourth (unfinished due to death) letters on toleration were written as responses to Proast, clarifying different aspects that had remained unclear in the first letter. Proast makes a decisive attack on the claim that an external force cannot induce a sincere belief in the truth, and is therefore not justified for the purpose of salvation (the so-called "argument from belief" of Locke). In Proast's view, neither the absence of direct subordination of reason to will, nor the understanding of the duties of magistrate on the basis of the natural interests of his subjects abolish the magistrate's authority to the reasonable use of outward force in defense of religious truth—on the contrary, this use is necessary for the fundamental interest of every person in salvation. Readers are offered a translation of the first text written by Proast in the polemic, as well as an introductory article covering the polemic as a whole, specifically focusing on how the argument from belief appears in the light of the polemic and what clarifications may be needed. At the same time, the author emphasizes that the status of this argument is far from the only, and perhaps even the most important, interesting or relevant stake in the Locke-Proast controversy.

Keywords: Proast, Locke, Toleration, Argument from Belief, Sufficient Evidence, Skepticism.

DOI: 10.1723/2587-8719-2024-1-217-238.

REFERENCES

- Cranston, M. 1957. *John Locke. A Biography*. London: Longmans / Green & Co.
- Dunn, J. 1969. *The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the "Two Treatises of Government"*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Forst, R. 2008. "Pierre Bayle's Reflexive Theory of Toleration." In *Toleration and Its Limits*, ed. by M. Williams and J. Waldron, 78–113. New York: New York University Press.
- . 2013. *Toleration in Conflict: Past and Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goldie, M. 1993. "John Locke, Jonas Proast and Religious Toleration 1688–1692." In *The Church of England c. 1689–c. 1833: From Toleration to Tractarianism*, ed. by J. Walsh, C. Haydon, and S. Taylor, 143–171. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1999a. "Introduction to Jonas Proast 'A Second Letter to the Author of the Three Letters for Toleration'." In *The Church, Dissent and Religious Toleration 1689–1773*, vol. 5 of *The Reception of Locke's Politics*, ed. by M. Goldie. London: Pickering & Chatto.
- . ed. 1999b. *The Church, Dissent and Religious Toleration 1689–1773*. Vol. 5 of *The Reception of Locke's Politics*. London: Pickering & Chatto.
- Heyd, D., ed. 1996. *Toleration: Elusive Virtue*. 28–43. Princeton: Princeton University Press.
- Horton, J. 1996. "Toleration as a Virtue." In *Toleration: Elusive Virtue*, ed. by D. Heyd, 28–43. Princeton: Princeton University Press.
- Jolley, N. 2016. *Toleration and Understanding in Locke*. Oxford: Oxford University Press.
- Kemp, G. 2012. "The 'End of Censorship' and the Politics of Toleration, from Locke to Sacheverell." *Parliamentary History* 31 (1): 47–68.
- Khomyakova, M. B., ed. 2002. *Poslaniye o veroterpimosti Dzh. Lokka [A Letter on Toleration of Locke]: tochki zreniya [Points of View]* [in Russian]. Yekaterinburg: Izd-vo UrGU [Ural State University Press].
- Kilcullen, J. 1988. *Sincerity and Truth: Essays on Amauld, Bayle and Toleration*. Oxford: Clarendon Press.
- Locke, J. 1824. *Four Letters Concerning Toleration*. Vol. 5 of *The Works*, 12th ed. 9 vols. London: Rivington.
- . 1967. *Two Tracts on Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1985. "Opyt o chelovecheskom razumenii. Kniga IV [An Essay Concerning Human Understanding]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. and trans. from the English by I. S. Narskiy, 3–201. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1988. "Poslaniye o veroterpimosti [Epistola de tolerantia]" [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by I. S. Narskiy, trans. from the Latin by N. A. Fedorov, 91–134. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Mendus, S. 1989a. *Toleration and the Limits of Liberalism*. London: Macmillan.
- . 1989b. "Toleration, Truth and Reciprocity: In Defence of the Closed Mind." *Seventeenth-Century French Studies* 11 (1): 182–188.
- , ed. 2009. *Justifying Toleration. Conceptual and Historical Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nicholson, P. 1991. "John Locke's Later Letters on Toleration." In *John Locke. A Letter Concerning Toleration in Focus*, ed. by J. Horton and S. Mendus, 163–187. London: Routledge.
- Nuovo, V. 2022. "Locke and Jonas Proast." In *The Lockean Mind*, ed. by J. Gordon-Roth and S. Weinberg, 44–46. London: Routledge.
- Proast, J. 1691. *A Third Letter Concerning Toleration: In Defense of the Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Consider'd and Answer'd*. Oxford: Printed by L. Lichfield, for George West, / Henry Clements.
- . 2010a. "From a Second Letter to the Author of the Three Letters for Toleration." In *Locke on Toleration*, ed. by R. Vernon, 164–169. Cambridge: Cambridge University Press.

- . 2010b. "The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered." In *Locke on Toleration*, ed. by R. Vernon, 54–66. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schwartzman, M. 2005. "The Relevance of Locke's Religious Arguments for Toleration." *Political Theory* 33 (5): 678–705.
- Tate, J. W. 2013. "Dividing Locke from God." *Philosophy and Social Criticism* 39 (2): 133–164.
- . 2016. *Liberty, Toleration and Equality: John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration*. London: Routledge.
- Tindal, M. 1697. *An Essay Concerning the Power of the Magistrate, and the Rights of Mankind in Matters of Religion with Some Reasons in Particular for the Dissenters Not Being Obliged to Take the Sacramental Test but in Their Own Churches, and for a General Naturalization: John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration*. London: Printed by J. D. for Andrew Bell.
- Tuck, R. 2009. *Scepticism and Toleration in the Seventeenth Century*. Ed. by S. Mendus. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tuckness, A. 2002a. *Locke and the Legislative Point of View*. Princeton: Princeton University Press.
- . 2002b. "Rethinking the Intolerant Locke." *American Journal of Political Science* 46 (2): 288–298.
- . 2008. "Locke's Main Argument for Toleration." In *Toleration and Its Limits*, ed. by M. Williams and J. Waldron, 114–138. New York: New York University Press.
- Vernon, R. 1997. *The Career of Toleration. John Locke, Jonas Proast, and After*. McGill-Queen's University Press.
- , ed. 2010. *Locke on Toleration*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Waldron, J. 1988. "Locke: Toleration and the Rationality of Persecution." In *Justifying Toleration. Conceptual and Historical Perspectives*, ed. by S. Mendus. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2002. *God, Locke and Equality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Williams, B. 1996. "Toleration: An Impossible Virtue?" In *Toleration: Elusive Virtue*, ed. by D. Heyd, 18–27. Princeton: Princeton University Press.
- Williams, M., and J. Waldron, eds. 2008. *Toleration and Its Limits*. New York: New York University Press.
- Wolfson, A. 2010. *Persecution or Toleration: An Explication of the Locke-Proast Quarrel, 1689–1704*. Lanham: Lexington Books.
- Yakovlev, A. 2013. *Zaveshchaniye Dzhona Lokka, priverzhentsa mira, filosafo i anglichanina [The Last Will of John Locke, Defender of Peace, Philosopher, Englishman]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Instituta Gaydara [Gaydar Institute Press].

ДЖОНАС ПРОСТ

АРГУМЕНТ «ПИСЬМА О ТОЛЕРАНТНОСТИ», В КРАТКОМ РАССМОТРЕНИИ, И ОТВЕТ НА НЕГО*

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-239-253.

В начале этого письма автор говорит о «взаимном признании христиан в их различных религиозных исповеданиях». Но к концу он утверждает:

Если позволено быть правдивым и открыто сказать о том, что является взаимным долгом людей друг перед другом, то я считаю, что даже язычник, или магометанин, или иудей не должны отстраняться от государственной жизни по религиозным соображениям¹.

И все, что он требует от тех, кого стремится удостоить привилегиями предлагаемой им терпимости, это лишь то, чтобы они не были атеистами, не придерживались мнений, враждебных гражданскому обществу [civil society] и исполняли и проповедовали долг терпимости ко всем людям в делах сугубо религиозных.

Таким образом, замысел автора, очевидно, показать, что все религии и секты на свете, совместимые с гражданским обществом и готовые терпеть друг друга, должны быть везде равно терпимы и защищены или, как это сказано в предисловии, должны пользоваться равной и непредвзятой свободой.

Я не думаю, что этот автор замышлял что-то дурное против религии в целом или христианской религии. И все же трудно понять, как он рассчитывал сослужить ей иную службу, советуя и убеждая в такой толерантности. Ибо как бы сильно это ни способствовало развитию

* © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Мельников Александр Авионирович (ORCID: 0000-0001-9782-2390). Оригинал: *Proast J. The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered // Locke on Toleration / ed. by R. Vernon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — P. 54–66.*

¹ В продолжительной полемике Локк и Прост ссылаются на перевод Уильяма Пошла. Последовательность, с которой сам Локк цитирует в дальнейших письмах английский перевод латинского оригинала, часто считается достаточным свидетельством валидности этого перевода (здесь и далее — примечания переводчика).

торговли и коммерции (которую некоторые, кажется, ставят выше всех прочих соображений), я не вижу никаких разумных оснований и никакого проделанного опыта, свидетельствующего, что истинная религия как-либо выиграет от этого, лучше сохранится или шире распространится или же что станет плодотворнее жизнь тех, кто ее исповедует. Я уверен, что плоды и не столь большой толерантности (некоторые из которых мы еще пожинаем) не дают повода надеяться на какую-либо пользу от нее².

Но я не намерен спорить против этой толерантности, только исследовать, что наш автор предлагает в пользу своего утверждения, и испытать, достаточно ли в его доводах силы, чтобы вынести положенный на них вес. А это, я надеюсь, может быть сделано без особой пространности. Так, если я понял письмо, вся сила для названных им целей заключается в этом рассуждении:

Есть лишь один путь к спасению, иначе говоря, лишь одна истинная религия. Никто не может быть спасен этой религией, если не верит в нее как в истинную. Эта вера происходит в человеке от доводов и аргументов [reason and arguments], а не от силы и принуждения. Следовательно, вся эта сила бесплодна для продвижения истинной религии и спасения душ. И следовательно, ни у кого нет права использовать силу и принуждение для обращения человека к истинной религии: ни у частного лица, ни у духовного лица (епископ, священник, и другие), ни у церкви и религиозной общины, ни у гражданского правителя [magistrate].

Это, при тщательном прочтении, я принимаю за финальный аргумент, которым автор стремится утвердить свою позицию³. И будь каждый пункт здесь убедительно доказан, я был бы вынужден признать, что он не нуждается ни в чем более для осуществления своего замысла. Но убедителен ли его аргумент, во всех его составных частях, я теперь и буду испытывать.

Касательно первых двух утверждений, я не имею разногласий с автором и полностью солидарен с ним.

²Смутность этой формулировки не ускользнула от едких выпадов Локка во втором письме (см. Locke, 1824: 65), но даже в более поздних письмах Прост не слишком конкретизировал, что имеет в виду, уточняя в третьем письме, что речь идет о различных сектах и ересях.

³Прост преподносит этот пассаж словно цитату из Локка, но это лишь самостоятельное резюмирование аргумента из Письма.

Что до третьего, я готов признать, что доводы и аргументы — единственно пригодные средства привести ум к истине, не очевидной благодаря собственному свету, и что сила не годится в качестве замены доводам и аргументам. Ибо кто не знает, что «природа рассудка [understanding] такова, что его не принудить к вере внешней силой».

Но, тем не менее, если сила используется не вместо доводов и аргументов, т. е. не чтобы убедить своей собственной эффективностью (что невозможно), но лишь чтобы побудить рассмотреть те доводы и аргументы, которые для этого пригодны и достаточны, но без применения силы вовсе не рассматриваются, то кто станет отрицать, что так — не напрямую и опосредованно, — сила может послужить обращению людей к истине, которая иначе — из-за беззаботности и невежества — осталась бы им незнакомой или — из-за предубеждений — слепо отвергнутой под видом заблуждения.

И поэтому мы видим, как мало истины в четвертом утверждении, что «Вся эта сила бесплодна для продвижения истинной религии и спасения душ». Ибо если сила, примененная вышеуказанным образом, может послужить людям к восприятию и принятию истины, неясно, почему это не должно быть верно по отношению к истинам религии и в отношении любых других истин. Так как истинная религия, принятая к рассмотрению под воздействием силы, не становится менее истинной от того, что так принята, ничто здесь не лишает ее богоугодности [acceptableness] в большей степени, чем то послушание, к которому сам Бог побуждает посредством наказания и воздаяния.

Стало быть, для прояснения вопроса необходимо рассмотреть только, есть ли какая-либо надобность во внешней силе для приведения человека к истинной религии и, соответственно, спасения. Ибо я признаю, что такая сила, ежели она не нужна или не необходима, не подходит как средство для данной цели (как и для всякой другой). Но если же она обычно нужна для нее, я полагаю, что уже сказанное можно счесть достаточным свидетельством ее полезности.

Здесь я допускаю, что будь все люди столь верны собственным душам, чтобы искать путь к их спасению с усердием и тщательностью, достойными важности дела, со свободным от предрассудков и страстей умом, могло бы и не быть надобности в силе, заставляющей [compel] какого-либо человека делать то, что он сделал бы и по своей воле и желанию.

Но далее необходимо допустить вдобавок, что будь оно так, то в силу того, что лишь одна религия истинна, других бы в мире и быть не могло. Ведь (если мы верим Писанию) никто не заблудится на пути

к спасению, если будет искать его как следует, а в нашем случае все люди предполагаемо ищут его. Но нет более печального факта, чем то, что люди, пустившись во многие помыслы⁴, надумали и множество религий, так что ни в чем мир не разделен так, как относительно пути к вечному блаженству, а это с очевидностью доказывает, что люди не искали истину с тем приложением ума и с той свободой суждения, которые обуславливали бы ее разыскание.

И ибо все ложные религии, которые сейчас по миру в ходу, можно резонно полагать происходящими из легкомысленных и предвзятых [slight and partial] соображений, которыми довольствовались их создатели в разысканиях истины, одолеваемые вожделениями и страстями, примешивающимися к их суждениям и управляющими их исследованиями, — очевидно наблюдение, что, несмотря на обилие религий в мире, из которых лишь одна истинная, ни в чем люди не нуждаются так, как в соображении, по которому они смогут выбрать между ними. Это в самом деле странно: но все же всякий, кто внимательно вглядывается в мир, должен видеть, что в этих делах впечатления от образования, почитание и восхищение людьми, уважаемыми в мире и тому подобные неуместные [incompetent] мотивы решают куда больше, чем разумные доводы и соображения, способные и пригодные проявлять истину вещей.

Не сложнее заметить, что какую религию люди ни принимали бы без разумных доводов, они и в следовании ей редко прислушиваются к разуму. То, что сперва препятствует должному рассмотрению вещей, побуждая людей выбирать необоснованно, впоследствии повсеместно отвращает людей от размышления и в том, что они так выбирают. К тому же, люди, как правило, слишком тщеславны в суждениях, и склонны ценить то, что выбрали, уже потому, что выбрали это, и это предубеждает ум против всего, что может быть сказано в возражение их выбору, убеждая их, будто ничего в этом роде не заслуживает их внимания. К этому я могу добавить, что когда люди раз принимают религию, она становится их собственной, и одного этого (такова сила себялюбия) хватает, чтобы заставить их любить ее, подобно тому как люди склонны души не чаять в своих детях, потому что это их дети, даже если помимо этого сказать им в их пользу почти или совсем нечего. И это также отвращает их от рассмотрения всего, что может быть предложено против их религии или в поддержку какой-либо иной.

⁴«sought out many inventions» — возможна скрытая цитата Простом Екк. 7:29 («Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы»).

Но хотя столь обыденно для людей и выбирать, и упорствовать в своей религии без обращения к доводам разума, нужно признать, что так поступающие не желают думать о себе в таком роде или что другие бы так о них думали. Но тогда это заставляет их смотреть, как их лидеры и подвижники склонны отбивать выпады оппонентов, и так, изучая лишь одну сторону споров, они еще больше убеждаются в избранном пути, думая, будто могут показать его разумность⁵. И когда доходит до того, что такая видимость разума сходится с их предрассудками и страстями, они совсем удаляются от мысли, что могут быть не правы и больше не имеют терпения выслушивать строго и беспристрастно обе стороны спорных вопросов, отвергают это предложение с презрением, злятся на тех, кто так их утруждает.

И если так обстоит дело (что, полагаю, не может вызвать сомнений, будучи общенаблюдаемым), если люди столь чужды должного рассмотрения вещей там, где это в их наибольших интересах, если они обычно принимают религию, не изучая ее должным образом, приходят к такой уверенности и непреклонности в своих предрассудках, что ни самые кроткие увещания, ни самые убежденные мольбы не затрагивают их — что остается (кроме милости Божией), дабы оградить их от избранного ими ложного пути, как не обрамить сам путь тернами и препонами⁶? Коли они глухи ко всем убеждениям, встреча с неудобствами может хотя бы прервать их поступь и побудить прислушаться к словам, что они ошиблись путем, и предложениям указать верный. Когда люди бегут от средств верного познания [information] и даже не думают, сколь разумно было бы тщательно и непредвзято рассмотреть религию, принятую под влиянием таких побуждений, на которые не следовало бы здесь полагаться, и потому практически без изучения надлежащих оснований — какой человеческий метод — помимо наказаний, уравнивающих тяжесть предрассудков, склоняющих их предпочитать ложное истинному — мог бы побудить их вести себя по-человечески

⁵ «show that they have reason on their side». Подобное выражение тоже может иметь библейские корни, например: «The LORD is on my side; I will not fear. What can man do to me? The LORD is on my side as my helper; I shall look in triumph on those who hate me» (Psalm 118:6–7), в русском синодальном переводе этому соответствует 117 псалом, «Господь за меня — не усташусь: что сделает мне человек? Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих».

⁶ и оставлю его в запустении: не будут ни обрезать его, ни вскапывать его, — и зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя. (Ис. 5:6).

в столь важном деле и сделать более мудрый и разумный выбор, возвратить им трезвость и рассудительность для серьезного вопроса: стоит ли таких неудобств следование религии, которая, исходя из того, что они знают, может быть ложной, или отрицание другой (если таковое имеет место), которая, исходя из того, что они знают, может быть истинной, пока они не представят ее на суд разума [bar of reason] и не подвергнут там честному испытанию? Там, где наставление попросту отвергается, а все увещания и убеждения тщетны, нет места иному методу, и потому я уверен, что он достаточно нужен, и хорошо, если он достигнет желаемого. А в успешности этого метода (если применять его верно) нет оснований сомневаться при лечении тех, кто не совсем неизлечим, тогда как неизлечимых надлежит оставить Богу.

Я говорю, если применять верно, т. е. если применяемая сила должным образом взвешена по отношению к замыслу. Ибо, хотя по предложенным здесь основаниям я считаю в целом ясным, что внешняя сила не бесполезна и не излишня, чтобы привести людей к действиям, потребным для спасения их души, я не говорю, что все виды и степени силы пригодны для этой цели. Но, определяя точно и на достойных основаниях справедливую меру, все это может быть применено ровно для оговоренной нами цели и не более, что может потребовать некоторого рассмотрения. Для меня, признаюсь, это кажется единственным вопросом, дающим здесь почву для полемики.

Вот здесь я должен полностью согласиться с автором, что «преследовать людей огнем и мечом», или «лишать их имущества, подвергать телесным наказаниям, морить голодом и истязать в зловонных тюрьмах, и, наконец, отнимать жизни, чтобы сделать их христианами» есть извращенная форма желания спасти тех, с кем так обращаются. И что

очень трудно убедить разумных людей, будто тот, кто, не моргнув глазом, с чувством удовлетворения, отдает брата своего палачу гореть заживо, искренне и сердечно обеспокоен спасением этого брата от пламени в царстве грядущем⁷.

⁷«it will be very difficult to persuade men of sense that he, who with dry eyes, and satisfaction of mind, can deliver his brother to the executioner to be burnt alive, does sincerely and heartily concern himself to save that brother from the flames of hell in the world to come» — здесь Прост точно цитирует английский перевод Поппла. В переводе Федорова (Локк, Федоров, 1988: 105) выглядит так: «нелегко убедить разумных людей в своем пылком и искреннем желании спасти в жизни будущей брата своего от геенны огненной тому, кто безжалостно и с готовностью отдает его в этой жизни палачу для сожжения».

И (помимо явной абсурдности отнятия жизни у людей, чтобы сделать их христианами) я не могу не заметить, что эти методы столь неадекватны своим целям, что обычно производят обратный эффект. В то время как вся польза силы для продвижения истинной религии и спасения душ заключается, как было показано, в том, дабы расположить людей добросовестно выслушать просветляющие ум доводы и тем открыть им истину, подобные жестокости рассматриваются как предрассудок для всякой использующей их религии и совсем не побуждают взглянуть глубже, соблазняют отвергнуть такую религию как ложную и отвратительную, даже не испытывая разумность ее оснований и мотивов. Редко избегают они этого эффекта на того, к кому применяются. Да и на зрителей, если их сперва не просветить хорошенько насчет этих оснований и мотивов, они влияют сходно, не только вызывая похожее отношение к такой религии, но и благосклонность к мнению жертв, которые, как им кажется, не стали бы подвергать себя мучениям, которых могли бы избежать, не будь они полностью уверены в правоте своего дела.

Эти суровости я потому считаю совершенно непригодными и неспособными привести людей к истине, которая должна их спасти. Но как далеко в этих рамках может простираться сила, действительно полезная для поставленной цели, я не берусь определить. Быть может, можно ограничиться ответом, что то количество силы или наказаний, коего обычно достаточно, чтобы побудить взвешивать религиозные соображения внимательно и непредвзято людей в общем благоразумных, а не отчаянно суровых и упрямых и то количество силы или наказаний, без которого этого не делается, можно разумно использовать в интересах истинной религии и спасения душ.

И если это четвертое утверждение неверно (каким оно теперь и кажется), то последнее, на нем основанное, должно пасть следом. Это утверждение, что ни у кого нет права использовать внешнюю силу и принуждение для обращения человека к истинной религии: ни у частного лица, ни у духовного лица (епископ, священник, и другие), ни у церкви и религиозного сообщества [religious society], ни у гражданского правителя.

И конечно, если есть столь большая польза и надобность во внешней силе (подобающе выверенной и примененной) для продвижения истинной религии и спасения душ, как я стремился здесь показать, это аргумент и в пользу того, что где-то должно быть право использовать силу для этой цели, как и бесполезность силы (если бы ее можно было показать) показывала бы, что никто не должен был бы иметь такого

права. Это и есть суть спора: если всякая сила и принуждение совершенно непригодны для этой цели, то всякое ее употребление было бы злоупотреблением, на которое никто не имел бы права, но если, напротив, такая степень внешней силы, как была отмечена, может иметь весомую или даже необходимую пользу (как оно и кажется, если мир таков, каким мы находим его), то нужно признать, что есть где-то право использовать ее в данных целях; иначе мы говорили бы (что нельзя говорить, не впадая в нечестие), что мудрый и милосердный распорядитель и управитель всего сущего не снабдил человеческий род уместными средствами для воцарения своей же славы в мире и для блага душ.

А ежели такое право есть, то где ему быть, как не в принуждающей силе? Она и вообще, и в отношении к обществу находится у гражданского властителя [civil sovereign] (кого автор называет гражданским магистратом) и у тех, чей авторитет происходит от него, но также, в меньшей степени, у родителей, глав семей, воспитателей и т. д. Ибо я согласен с автором, что⁸

- (1) ни одно частное лицо (если он подразумевает под этим лицо, не имеющее принудительной [coactive] власти над другими), «не вправе каким-либо способом посягать на гражданские права другого», в силу того, что он принадлежит к другой религии или церкви. Ибо как можно без принудительной власти иметь право ей пользоваться по тому или какому угодно иному поводу?
- (2) ни один служитель церкви, сам по себе,
- (3) ни церковь или религиозное сообщество не имеют внешней принудительной власти, стало быть, ни те, ни другие не могут использовать эту власть под любым предлогом (хотя должен признаться, что не постигаю, почему священнослужители и клирики обладают этой властью в меньшей мере, чем прочие люди).

Но в отношении гражданского правителя наш автор говорит нам, что «государство [commonwealth] видится ему как сообщество людей, учрежденное лишь для обеспечения, сохранения и продвижения их собственных гражданских интересов [interests]»⁹. Под этими интересами, поясняет он, имеется в виду «жизнь, свобода, здоровье и непринужденность [indolence] тела, и владение внешними вещами, как то: деньги, земли, дома, мебель, и тому прочее». И согласно этой гипотезе, он убеждает нас, что

⁸В оригинале разбивки на пункты нет.

⁹В переводе Федорова (Локк, Федоров, 1988: 94) *interests* переведено как «блага».

вся юрисдикция правителя простирается только лишь на эти гражданские дела, и что вся гражданская власть, право и полномочия определяются и ограничиваются единственно заботой об этих вещах, что ни в коем смысле не должно и не может быть расширено до спасения души.

В ответе на это¹⁰:

- (1) я признаю (как, по-видимому, и автор), что юрисдикция правителя должна быть соразмерна целям, с которыми учреждается государство, ибо напрасно объединяются люди в сообщества, которые мы называем государствами, если их властители не наделяются достаточными силами достичь цели, ради которой эти сообщества задуманы. Но затем,
- (2) я должен сказать, что наш автор лишь заминает вопрос, когда признает, что государство учреждается лишь для обеспечения, сохранения и продвижения гражданских интересов своих членов. Что государства учреждаются с этими целями, никто спорить не будет. Но если есть и другие цели помимо этих, достижимые гражданским обществом и правительством, необоснованно говорить, что только для этих целей государство задумано. Несомненно, государства учреждаются для достижения всех преимуществ, что могут быть предоставлены политическим управлением. И, следовательно, если духовные и вечные интересы человека могут быть как-то обеспечены и продвинуты политическим управлением, обеспечение и продвижение этих интересов должно быть на полном основании признано среди целей гражданских обществ и потому, соответственно, подпадать под юрисдикцию правителя.

Но наш автор предлагает три довода, которые, как ему видится, «полностью показывают, что гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ»¹¹. Во-первых, «потому что забота о душах возложена на гражданского правителя не больше, чем на любого другого человека». Это не видится доводом вовсе, но лишь обоснованием вещи ею же самой под другим именем. Ибо распространить гражданскую власть на спасение души и значит сказать,

¹⁰В оригинале разбивки на пункты нет.

¹¹В *Locke on Toleration*, 2010: XV три этих аргумента именуется как аргумент от мандата власти [mandate], аргумент от убеждения [belief], и аргумент от заблуждения [error]. Другие варианты именованя: *consent argument, rationality argument, truth argument* (Tate, 2016: ch. 5), *from authority, from belief, from fallibility* (Casson, 2022).

что забота о душах возложена на правителя больше, чем на любого другого человека. И, следовательно, сказать, что

гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ, поскольку забота о душах возложена на гражданского правителя не больше, чем на любого другого человека

все равно, что сказать:

Гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ, поскольку гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ.

Но, двигаясь дальше, если верно мной сказанное, отсюда следует, что помимо обязанностей милосердия [charity], возлагаемых на всех людей, особенно христиан, по отношению к душам друг друга и забот, возложенных на соответствующих служителей религии, кто по особому полномочию призван не просто увещевать, наставлять, обличать и исправлять духовными порицаниями тех, кто, признав истину, нашел себя обязанными подчиниться их духовному владычеству, но и искать заблудших, стремиться должным поучением наставить на верный путь того, кто никогда не знал пути, уменьшить число тех, кто сбился — так вот, помимо этой братской заботы, общей для всех, и пасторской, которая сугубо духовна и взаимодействует непосредственно с людской совестью, есть и внешняя, более отдаленная забота о душах. Она исполняется не только в виде мирских наказов [temporal sanctions] духовным лицам исполнять их обязанности, а признавшим их авторитет — относиться к ним с почтением, но и наказывая тех, кто отказывается принять их учение и подчиниться их духовному руководству [spiritual government] так, чтобы побудить переосмыслить себя, не позволить глупой шутке или пустому предрассудку отвлечь от истины и собственного счастья. Такая забота о душах, которая может принадлежать лишь гражданскому правителю, должна, как я думаю на основании сказанного, действительно быть на него и возложена.

Но наш автор пытается доказать обратное. «Это не возложено, — говорит он, — на него Богом, поскольку не похоже, что Бог давал кому-либо такую власть [authority] в отношении другого человека, как принуждать его к своей вере». Но это явно затрагивает сути дела. Ибо власть правителя не есть власть принуждать к религии, но только обеспечивать всем людям средства обрести путь к спасению и, насколько это в его силах, чтобы никто не остался в неведении насчет них или отказался

их принять, из-за нехватки ли использования этих средств или на основании таких предрассудков, которые могут сделать их бесплодными. И, конечно, такая власть может быть дана правителю Богом, хотя он и не дал никому власти принуждать к религии.

Наш автор добавляет:

Не может эта власть быть дана правителю и по согласию людей, ибо никто не зайдет так далеко в своем безразличии к спасению, чтобы слепо оставить ее на выбор другому, будь то государь или иное лицо, приписывающее, какой веры или богослужения ему надлежит придерживаться.

На это я отвечаю: ибо власть правителя в отношении к религии определяется побуждением людей озаботиться своим спасением, они не могут совершать свой выбор слепо, ни другая личность, ни даже их собственные влечения и страсти не припишут им, как верить и служить богу; так что если предполагать, что правитель наделяется этой властью с согласия людей, это не означает их безразличия к спасению, но скорее обратное. Ибо если люди, в выборе своей религии предоставленные сами себе, так часто, как было показано, охватываются предрассудками и страстями или вовсе не внимают, или недостаточно внимают доводам и мотивам, которые одни и должны были бы определять их выбор, то в интересах каждого не быть здесь целиком предоставленным самому себе, но озаботиться, чтобы в столь важном для него деле его могли побудить даже вопреки склонностям, коли нет иного пути (что обычно и бывает) действовать в соответствии с разумом и здравым суждением. А тогда что лучше для этого, чем наделить подобной властью того, кто имеет меч? Не оттого, что я думаю, будто мечу надлежит быть здесь использованным (как я уже достаточно показал), но оттого, что вся принудительная власть решается в конечном счете мечом; ибо все (я не говорю, что в этом вопросе нет места для смягчающих наказания реформ), кто отказывается подчиниться меньшему наказанию, попадут в итоге под его удар.

Во-вторых, наш автор говорит:

забота о душе не может принадлежать гражданскому правителю, ибо его власть состоит лишь во внешней силе, но подлинная и спасительная религия состоит в убеждении ума, без которого она негодна Богу. А такова природа ума, что он не может быть приведен к мнению [belief] какой-либо внешней силой.

Но та забота о душах, которую я приписываю правителю, принадлежит ему потому, что он обладает внешней силой [his power consists in

outward force]. Ибо такая забота целиком состоит в приложении этой силы, в вышеописанном смысле, для обеспечения спасения душ. И эта внешняя сила может применяться для обеспечения спасения душ, даже хотя истинная и спасительная религия действительно состоит во внутреннем убеждении ума, и ум не может быть принужден к убеждению силой — что, как я надеюсь, вполне ясно из вышесказанного.

Третье соображение таково: «забота о душе не может принадлежать гражданскому правителю, ибо хотя бы даже суровость законов и сила наказаний и изменили бы убеждения людей, так не спаслись бы их души». Я верю ничуть не больше автора, что строгость законов и власть наказаний способны убеждать и менять умонастроения людей. (Хотя, надеюсь, показал, что умеренные наказания могут послужить убеждению и изменению умонастроений людей.) А если бы они могли добиться этого, признаюсь, я не вижу, почему же это не помогает спасению душ. Но мнение автора выражается далее:

Ибо есть лишь одна истина, одна дорога к царству небесному. Какова же надежда, что к ней придет больше людей, если им не будет дозволено ничего, кроме религии двора [religion of the Court]? Если они будут вынуждены избегать света собственного разума и требований собственной совести, слепо отдаваться на волю своих управителей в той религии, которой из-за невежества ли, амбиций или суеверий случилось установиться в родных их землях? В многообразии противоречащих друг другу религиозных воззрений государи разделены по всему миру так же, как и в интересах светских, и узкая дорога станет куда прямее: лишь одна страна будет права, а остаток мира обречен будет следовать за своими государями по пути в бездну [destruction], а это утверждает высший абсурд и совсем не согласуется с идеей Божества [notion of a Deity], предопределяя вечное блаженство и вечные муки лишь местом рождения¹².

¹² «For there being but one truth, one way to heaven, what hope is there that more men would be led into it, if they had no rule but the religion of the court, and were put under a necessity to quit the light of their own reason, and oppose the dictates of their own consciences, and blindly to resign themselves to the will of their governors, and to the religion, which either ignorance, ambition, or superstition has chanced to establish in the countries where they were born? In the variety and contradiction of the opinions in religion, wherein the princes of the world are as much divided as in their secular interest, the narrow way would be much straightened; one country alone would be in the right, and all the rest of the world put under an obligation of following their princes in the ways that lead to destruction, and that which heightens the absurdity, and very ill suits the notion of a Deity, men would owe their eternal happiness or misery to the places of their nativity».

В этом отрывке я полностью переписываю существующий перевод Локка с латинского языка на русский язык, в котором возникают существенные отличия по сравнению

Все это я признаю вполне верным. Но с какой целью оно здесь говорится, я не понимаю. Ибо кто требует, чтобы люди не имели другого указа [rule], помимо религии двора? Или чтобы они должны были избегать света собственного разума и требования своей совести, и слепо полагаться на волю своих управителей и т. д.? Разумеется, никто из тех, кто удостаивает религию серьезного отношения. Власть, которую я приписываю правителю, есть власть приводить людей не к его собственной, но к истинной религии, и хотя (как напоминает нам наш автор) «для каждого государя его религия ортодоксальна», если эта его власть удерживается в своих границах, она может служить на благо одной лишь религии истинной. Поскольку наказания, которые она позволяет накладывать, не таковы, чтобы искусить таких людей отказаться от религии, которую они считают истинной, либо исповедовать ту, в которую они не верят, всех, кому есть какое-либо дело до своего вечного спасения (а иных нечего и рассматривать), она может лишь побудить к пристальному рассмотрению своего разногласия с правителем, что может сподвигнуть их к познанию истины. И если при таком рассмотрении им доведется заключить, что истина не на стороне правителя, они тем самым обретут многое, даже от злоупотребления правителем своей властью: они теперь лучше знают, чем ранее, где находится истина. А весь вред, им так нанесенный, лишь в страдании от некоторых терпимых неудобств за следование свету собственного разума и требованиям собственной совести, что явно меньшая беда для рода человеческого, в сравнении с тем, чтобы решили, будто никакой такой власти на правителе быть не должно, а каждого нужно предоставить самому себе (как того требует автор). То есть, чтобы каждому человеку предлагалось молча и без малейшего беспокойства или вовсе не думать о своей душе, если ему так хочется, или в этой заботе следовать своим необоснованным предвзвешенным или неуместной иронии, или любому другому искусному соблазнителью, которого он соблаговолит взять за проводника.

с английским вариантом: «Ведь коль скоро только одна религия истинна, только одна дорога ведет к вечному блаженству, то разве остается надежда, что к нему придет больше людей, будь им дана лишь одна возможность: вопреки требованиям разума и совести слепо следовать тому учению, которое разделяет государь, и чтить бога так, как установлено это законами предков? При таком многообразии религиозных воззрений государей эта ведущая на небо дорога неизбежно окажется узкой, а ворота — тесными и открытыми весьма немногим, и притом только из одной страны, и, что особенно абсурдно в этом деле и недостойно бога, в таком случае вечное блаженство и вечные муки предопределены всего лишь случайностью рождения» (Локк, Федоров, 1988: 96).

Из того, что сказано об этих соображениях, я надеюсь, вполне показано, — так как они не ведут нас к другим аргументам — что они далеки от демонстрации того, что тщатся доказать.

Так, я, по возможности кратко, испытал использованный автором аргумент в том, в чем он так хочет всех уверить, не пропуская ни одной части «письма», в которую была бы вложена часть его силы. И я надеюсь, что к этому времени рядовой читатель смог убедиться, что, хотя авторский замысел требовал показать, что всякая внешняя сила совершенно бесполезна для побуждения людей искать истину с вниманием и усердием, и свободой суждений, подобающим, чтобы найти истину и обрести с ней спасение, что хорошо бы обосновало его заключения; вместо этого, автор ограничился хорошей декламацией, что нельзя достичь силой того, чего можно достичь только доводами и аргументами и что негуманно, равно как и бессмысленно, использовать огонь, меч или смертную казнь, чтобы раскрыть людям глаза на их заблуждения и сообщить им истину. Прорекламировать последнее куда легче, чем обосновать первое, и оно может достигать того же успеха среди людей слабых и опрометчивых, но только не действительно служить заявленным целям.

ЛИТЕРАТУРА

- Locke D.* Послание о веротерпимости / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения. В 3 т. Т. 3 / под ред. И. С. Нарского. — М. : Мысль, 1988. — С. 91–134.
- Casson D.* Locke on Toleration : Rejecting the Sovereign Remedy // *The Lockean Mind* / ed. by J. Gordon-Roth, S. Weinberg. — London : Routledge, 2022. — P. 456–464.
- Locke J.* The Works. In 9 vols. Vol. 5. Four Letters Concerning Toleration. — 12th ed. — London : Rivington, 1824.
- Locke on Toleration* / ed. by R. Vernon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Tate J. W.* Liberty, Toleration and Equality : John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration. — London : Routledge, 2016.

Proast, J. 2024. "Argument 'Pis'ma o tolerantnosti', v kratkom rassmotrenii, i otvet na nego [The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered]" [in Russian], trans. from the English and annot. by A. A. Mel'nikov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 239–253.

JONAS PROAST

THE ARGUMENT OF THE LETTER CONCERNING TOLERATION, BRIEFLY CONSIDERED AND ANSWERED

Translation of: Proast, J. 2010. "The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered." In *Locke on Toleration*, ed. by R. Vernon, 54–66. Cambridge: Cambridge University Press.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-239-253.

REFERENCES

- Casson, D. 2022. "Locke on Toleration: Rejecting the Sovereign Remedy." In *The Lockean Mind*, ed. by J. Gordon-Roth and S. Weinberg, 456–464. London: Routledge.
- Locke, J. 1824. *Four Letters Concerning Toleration*. Vol. 5 of *The Works*, 12th ed. 9 vols. London: Rivington.
- . 1988. "Poslaniye o veroterpimosti [Epistola de tolerantia]" [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by I. S. Narskiy, trans. from the Latin by N. A. Fedorov, 91–134. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Tate, J. W. 2016. *Liberty, Toleration and Equality: John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration*. London: Routledge.
- Vernon, R., ed. 2010. *Locke on Toleration*. Cambridge: Cambridge University Press.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

Жуматина М.-С. Д. Времена антигегельянских историй : рецензия на книгу о темпоральности, хронологии и анахронии в современной теории искусства // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 257–272.

Майя-София Жуматина*

ВРЕМЕНА АНТИГЕГЕЛЬЯНСКИХ ИСТОРИЙ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ О ТЕМПОРАЛЬНОСТИ, ХРОНОЛОГИИ
И АНАХРОНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ИСКУССТВА

TIME IN THE HISTORY OF ART : TEMPORALITY, CHRONOLOGY AND ANACHRONY / ED. BY
D. KARLHOLM, K. МОХЕУ. — NEW YORK, LONDON : ROUTLEDGE, 2018.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-257-272.

Проблема осмысления истории искусства и связанных с ней вопросов темпоральности искусства¹ как никогда остро стоит в современной теории. Несмотря на то, что теория искусства еще пользуется традиционными искусствоведческими методами, связанными с построением линейной истории искусства², старые рамки и инструментарий становятся слишком узки для нового разрастающегося дискурса, ставящего под вопрос уже классический исследовательский подход. Со второй половины XX в. классическое и современное искусство осмысляются теоретиками в более сложной сетке представлений о темпоральности и истории, а обширный ряд теоретических подходов и моделей все чаще обращается к разного рода философии.

Сборник под редакцией Дэна Карлхолма (профессора истории искусства в Университете Сёдертёрна в Швеции) и Кита Мокси (профессора-эмерита истории искусства в Колледже Барнард в Нью-Йорке, США) «Time in the History of Art: Temporality, Chronology and Anachrony»

* Жуматина Майя-София Дмитриевна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии; студентка магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), mzhumatina@hse.ru, ms@maiasofia.com, ORCID: 0000-0002-1516-621X.

** © Жуматина, М.-С. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹Под «темпоральностью искусства» мы будем подразумевать широкий спектр вопросов и подходов о том, как что-то в истории искусства времени.

²Под линейной историей искусства имеется в виду изложение его истории как хронологии произведений, стилей или персоналий, которая разворачивается от «зарождения» до «современности».

(«Время в истории искусства: темпоральность, хронология и анахрония»), объединивший ряд специально написанных для издания статей ведущих историков искусства из разных уголков мира, представляет собой одну из реализаций такого околофилософского теоретического подхода в отношении вопроса о времени в искусстве. Набор статей, которые мы скорее могли бы назвать «кейсами», в каждом отдельном случае по-своему, в своей оптике и методике, «исследует историю и природу времени в разнообразных контекстах (*environments*) и медиумах, а также временной потенциал объектов»³ (*Time in the History of Art...*, 2018: аннотация сборника). По словам редакторов, в сборнике анализируются такие темы, как

неравенство приоритетов, отдаваемых одним формам темпоральности над другими, природа временной длительности в разных культурах, время материалов, создание изобразительного повествования и признание анахронии как формы исторического осмысления (*ibid.*: аннотация сборника).

Несмотря на кажущуюся философскую скромность, сборник имеет довольно серьезную фундированность в философии и определенные философские претензии, поэтому предоставляет повод рассмотреть его именно с философской точки зрения — провести «ревизию на его философичность».

Статьи сборника ссылаются на достаточно широкий ряд философов: Августина, Канта, Дильтея, Бергсона, Хайдеггера, Беньямина, Гадамера, Маркузе, Лиотара, Деррида, Фуко, Латура, Рансьера и современных мыслителей, таких как Артур Данто, Мишель Серрес и Франциско Бифо Берарди. Однако главным философом, с которым полемизирует книга, выступает Гегель. Возможно, для неискушенного читателя место Гегеля в сборнике могло бы остаться почти незамеченным: он практически не упоминается в текстах, но его роль артикулируется редакторами и его философская фигура подразумевается как важнейшая для сборника.

Упоминание Гегеля, преподносимое редакторами как практически само собой разумеющееся в контексте вопросов истории и хронологии, отсылает нас к уже укоренившемуся в западной теории искусства мнению о связи Гегеля и традиционной истории искусства. Несмотря на то, что сборник не претендует на какую-либо встроенность в историю мысли и принципиально отказывается сводить отдельные рассматриваемые «кейсы» в единую систему или даже ставить их в артикулированное

³Здесь и далее перевод с английского наш. — М.-С. Ж.

отношение друг к другу, он, тем не менее, позиционирует себя как ответ, или скорее ряд ответов на вопросы об истории и темпоральности, поставленные в отношении основ традиционной, «гегельянской» истории искусства — линейной, хронологической и телеологической.

Согласно издателю, сборник разделяет цели серии «*Studies in Art Historiography*» — осмысление практик написания истории искусства и ее исторически сложившейся парадигмы (*Time in the History of Art...*, 2018: аннотация серии). В случае рассматриваемого нами сборника, это означает разработку альтернативных подходов к рассмотрению вопросов темпоральности и истории искусства. Традиционное понимание истории в истории искусства здесь связывается с историей самой дисциплины, возникшей в конце XVIII века, когда, под влиянием событий эпохи Просвещения и Французской революции, философы разрабатывали концепции истории, подразумевающие идею прогресса. Как описывают это редакторы,

Гегель, писавший в 1820-х гг., утверждает, что время самодвижимо (*self-motivated*) и что его прохождение совпадает с работой «Духа», когда он проходит через эпохи. Основоположники истории искусства аналогичным образом обрисовали историю развития искусства, где каждый период содержал в себе зачатки того, что должно было наступить. [...] Таким образом, использование гегелевских идей первыми поколениями искусствоведов послужило закреплению эволюционной формы хронологии как модели темпоральности, на которой расцвела дисциплина (Karlholm & Moxey, 2018: 1–2).

В соответствии с этим, редакторы исходят из тезиса о том, что бесспорным допущением дисциплины истории искусства с момента ее создания в конце XIX в. является то, что время разворачивается хронологически и упорядоченным образом куда-то ведёт (*ibid.*: 1).

Когда современная теория искусства и арт-критика начали массово скептически рассматривать и реформировать традиционную «монохронию» истории искусства, они окрестили ее «колониальным нарративом белого мужчины» и «рудиментом» гегелевской системы мышления — системы, просто хронологически совпавшей с зарождением искусствоведения, и потому так сильно на него повлиявшей (Mitter, 2018: 71; Karlholm & Moxey, 2018: 2). Таким образом, история искусства признает роль Гегеля как своего основателя, «отца истории искусства», но стремится вступить с ним в противостояние и реформировать дисциплину⁴.

⁴Идея о гегелевской роли «отца истории искусства» преемственно передается в теоретическом дискурсе, хотя на эту роль претендовал и Винкельман. В итоге гегелевское

Заметим, что борьба с гегельянской историей искусства тесно связана с развитием «постколониальных» и «деколониальных» исследований, а также с фактом все большего появления в искусствovedческой картине искусства, не вписывающегося в единый хронологический таймлайн западной истории искусства. Эта проблематика закономерно выступает еще одним лейтмотивом сборника. Проблемой для современной теории становится «колонизаторская» история искусства, которая в единой и универсальной телеологической парадигме видит колонизированные культуры как «отсталые»⁵. В согласии с этим, в сборнике прослеживается и проблема аксиологизации темпоральных нарративов. Эта аксиологизация, имеющая в том числе и религиозный аспект, рассматривается как форма дискурсивного насилия: «линейное» время соответствует христианской точке зрения, а, например, теории «циклического» времени — «примитивной» или «языческой» перспективе. Как уже отмечалось в академическом дискурсе, эта аксиологизация усиливается связыванием теорий времени с дополнительными ценностями: «„линейное“ время представляет прогресс, человеческую свободу и т. д., тогда как „циклическое“ время представляет застойные общества, фатализм и т. д.» (Raju, 2003: 45–46).

В рассматриваемом нами сборнике вышеперечисленные презумпции современной теории преимущественно разделяются. Из-за этого, на наш взгляд, сборник интересен как собрание ряда исследовательских «кейсов», которые можно рассматривать именно как антигегельянские⁶.

вливание победило, во многом благодаря влиятельной позиции Э. Х. Гомбриха (ср. напр.: Elkins, 1988: 354). Современная теория (условно с середины XX в.) считает влияние Гегеля «рудиментарным» (ср. напр. Karlholm & Moxey, 2018).

⁵Использование слова «отсталость» характеризуют как форму «дискурсивного насилия» (ср. Roberts, 2018: 82, а также знаковый анализ насилия темпоральными понятиями в Fabian, 1983: 37–70).

⁶Мы в тезисах редакторов сборника и способе рассуждения авторов статей скорее видим *анти*гегельянскую позицию, нежели *не*гегельянскую или *пост*гегельянскую, потому что их усилия направлены именно на «свержение» гегельянской истории искусства и зачастую игнорируют возможность использования или переосмысления ее сильных сторон. Уточнение наименования возможных отношений к Гегелю находим в Стрелков, 2014: 37, 41: «Для „постмодерниста“, таким образом, Гегель оказывается ключевой фигурой, с которой необходимо как-то „рассчитаться“, т. е. которую надо преодолеть. Преодолеть, но как? В смысле забыть, окончательно оставить позади, как нечто сугубо ложное и несуществующее для настоящего? Или забыть, включив в свой собственный состав, в список своих безусловных приоритетов? Забыть, но в смысле гегелевского же *Aufhebung*, т. е. как раз в преодолении без забвения?». Постгегельянская позиция «преодолевает горизонт гегелевской мысли, но и сохраняет его, включает его в себя».

Другими словами, собранные в сборнике статьи предлагают антигегельянские подходы к осмыслению вопросов истории и темпоральности искусства самых разных эпох, культур и контекстов⁷.

Несмотря на то, что вопросы темпоральности очень широки, сборник концентрируется в первую очередь на вопросах разного рода хронологии и антихронологии, синхронности и анахронии, а его отдельные теоретические поиски посвящены преимущественно исследованию антихронологического или гетерохронного. В введении, редакторы сборника озвучивают важнейшие вопросы о временной структуре истории искусства:

Что происходит с «историей» истории искусства? [...] Можно ли спасти историю от объятий историцизма? Можем ли мы иметь хронологию без телеологии? [...] Является ли хронология универсальным явлением? Течет ли время с одинаковой скоростью во всех местах? [...] Можно ли найти единую систему координат для различных свойств времени, которые оставили отпечаток на мировых культурах? Если времена должны быть соизмеримы, по какому стандарту их следует переводить? (Karlholm & Moxey, 2018: 2–3)

Все статьи сборника, работающие с этими вопросами, сгруппированы в шесть разделов, в соответствии со сформулированными редакторами шестью «типами времени»: (1) «Историческое время», (2) «Постколониальное время», (3) «Время художника», (4) «Нарративное время», (5) «Онтологическое время», (6) «Фотографическое время».

Первый раздел, «Историческое время», поднимает самые общие вопросы в отношении традиционной истории искусства. Концепция гегельянской истории искусства проблематизируется через «политемпоральности» и «гетерохронности» участников художественного процесса — темпоральности, которые постоянно меняются в течение времени, как сами по себе, так и благодаря столкновению друг с другом. Освещается проблема всеобщности линейного нарратива истории искусства, принимающего в традиционных учебниках и энциклопедиях форму ряда произведений, событий, эпох. Такая история искусства критикуется как «*catalogue raisonné* [фр.: аргументированный каталог. — М.-С. Ж.]»,

⁷Как отмечают редакторы в отношении состава авторов статей, собранных «из разных уголков мира», сборнику «особенно повезло», что они «смогли включить эссе, которые глубоко размышляют о незападных темпоральностях и о том, как они могут пересекаться с гегемонистским временем, распространяемым колониализмом и поддерживаемым капитализмом» (Karlholm & Moxey, 2018: 4).

который берет за основу артефакты и цель которого состоит в том, чтобы «проследить, нанести на карту и прокомментировать дальнейшее развитие произведения, в принципе вплоть до открытого, таким образом отсроченного, конца его пути» (Karlholm, 2018: 21). На наш взгляд, самыми заметными рассматриваемыми авторами проблемами этого метода являются игнорирование (1) неоднородной временной природы самих артефактов (яркими примерами гетерохронности выступают «транскультурные» произведения искусства: Мохеу, 2018: 35) и (2) динамичности временных аспектов произведения в отношении воспринимающего (из-за чего, например, произведения обладают способностью «увлекать зрителей за пределы их собственного временного горизонта»: *ibid.*: 27). Согласно редактору, эти проблемы традиционной истории искусства — истории артефактов, — возникают не только из-за привычек классической методологии, но и из-за привычек способа говорить о временных аспектах искусства:

Сам понятийно-терминологический аппарат является частью проблемы; похоже, мы коллективно неспособны мыслить нестандартно, увы, о западном новом и новейшем времени [modernity] с его прогрессивной концепцией истории и его телеологической философией истории (Karlholm, 2018: 13).

Раздел «Постколониальное время», развивая идею отказа от монохронии, задается вопросом о том, как гетерохронные процессы могут быть согласованы, и выносит на обсуждение любопытную с нашей точки зрения проблему (не)соизмеримости различных временных структур. Также рассматриваются такие явления, как «актуальное» и «новаторское» искусство в контексте «мирового», традиционно «европоцентричного» искусства, диктующего какое искусство относится к «прогрессивному» или «запоздалому» (в отношении развития медиумов, жанров, стилей, школ и т. п.). Критически рассматривается и сама мировая система счисления времени⁸ как форма дискурсивного насилия Запада над остальной частью мира.

Раздел «Время художника» особенно примечателен анализом, «казалось бы, ничем не выдающейся голландской картины, зарисовки

⁸Мохеу, 2018: 30. Один из главных примеров — Гринвич: «...экономическое и техническое развитие привело, в 1884 году, к знаменательной конференции в Вашингтоне, на которой была установлена первоначальная долгота (в соответствии с которой время во всех других местах либо впереди, либо позади), прошедшая через Гринвич, пригород Лондона, в сердце Британской империи. Таким образом, само время было дисциплинировано и организовано в соответствии с капиталистическим и колониальным критерием».

повседневной жизни» (Karlholm & Moxey, 2018: 5), полотна Якоба Вреля «Женщина у очага» (ок. 1655). Эта картина — которая, к слову, находится в собрании Эрмитажа в Санкт-Петербурге, — рассматривается автором с целью «послушать, что она может „сказать“» (ibid.). Выделяющийся среди остальных, текст последовательно дискутирует напрямую с Гегелем, однако, по неожиданному для сборника вопросу: дискуссия ведется со «взглядом Гегеля на голландское искусство, чтобы глубже изучить временные модусы и разрывы в творчестве Вреля» (Grootenboer, 2018: 12).

Раздел «Нарративное время» вводит в дискуссию вопрос отношения теоретического осмысления темпоральностей и их непосредственного переживания. На этом поле отмечается проблема подмены непосредственного переживания произведения теоретической сеткой заданных координат истории искусства, дающей иллюзию понимания:

Точно так же, как в наших музеях ярлыки, идентифицирующие художника, служат успокоительным средством, история искусства предоставляет классификационную рамку, позволяющую этой анестезирующей мере действовать (Carey, 2018: 151).

Раздел с самым философским названием — «Онтологическое время» — поднимает вопрос о возможности применения одной онтологии искусства ко всему множеству произведений искусства и возможности самого определения чего-либо как произведения искусства, а не как простого артефакта (Bahrami, 2018: 172). Помимо этого, затрагивается необычная тема онтологии произведения, как чего-то, закладываемого в произведение создателем в момент его создания. В этом отношении, показательны примеры сакральных «вневременных» объектов: имеем ли мы право навязывать таким произведениям какую-либо иную онтологию помимо «аутентичной», в особенности когда она сущностно отрицает возможность какого-либо человекосоразмерного темпорального анализа (ibid.: 173). В том же контексте рассматривается вопрос «вневременных» художественных материалов и их аксиология, возникшая благодаря стремлению традиционного искусства к неподверженности времени⁹ (например, набор «благородных» материалов — золото, драгоценные камни,

⁹Описание зарождения этой аксиологии в другом ключе изложил в т. ч. и сам Гегель. Согласно ему, древние стремились выбирать из природы то, что «уже в себе в качестве внешнего явления представляется прекрасным: чистые яркие цвета, как, например, зеркальный блеск металла, благоухающие деревья, мрамор и т. д.» (Гегель, Столпнер, 1938: 268).

горный хрусталь и мрамор — связывался с представлениями о вечном¹⁰ и, соответственно, прекрасном и божественном). Еще одна важная тема раздела — поиск способа выхода из антропоцентрической перспективы и человекоцентричного времени. Такой способ находится авторами в художественных практиках «остранения» и удивления — удивление чуждому рассматривается как способ увидеть обычное как необычное, и тем самым вырваться из предзаданной перспективы¹¹.

Последний раздел, «Фотографическое время», объединяет тексты, посвященные времени экспозиции фотокамеры и времени экспозиции выставки, как темпоральностям, которые часто остаются «за скобками». Поднимается вопрос о времени «мира искусства»: если мир искусства — это особый мир, то каково его время¹²? Время экспозиции фотокамеры рассматривается, вопреки традиционной точки зрения, не как запечатление «решающего момента»¹³, а как особая, определяющая произведение темпоральность — как что-то большее, чем простой инструмент. Время выставочной экспозиции произведения также освещается как нуждающееся в теоретическом и практическом переосмыслении: сборник выдвигает забавный призыв — перестать осуществлять процесс «музеефикации» как процесс «мумификации». Помимо этого, раздел поднимает важные вопросы отношения времени зрителя с временем произведения, а также возможности их «совпадения».

Вернемся теперь к нашей изначальной цели установить философский статус сборника. Чтобы это сделать, нужно рассмотреть следующее:

¹⁰Shalem, 2018: 185: «...артефакты, сделанные из материалов, которые „хотя“ сопротивляются времени [...], кажется, яростно отвергают природу, отрекаясь от теории о том, что время торжествует над материалом».

¹¹Любопытно, в этой формулировке прослеживается корреляция с «философией удивления», например с «непонятностью самопонятного» и «феноменологической приостановкой» Гуссерля.

¹²«Мир» и «мир искусства» здесь используются со ссылкой на Гадамера и Данто: «С этой точки зрения построение имманентного и самореферентного мира — объединение того, что принято называть „миром искусства“, — осуществляется посредством топографического исключения внешнего, контекста или, говоря словами Гадамера, „мира“. В некотором отношении именно этот „мир произведения искусства“ со всей его социально-исторической укорененностью и должен быть заключен в скобки, чтобы допустить появление совершенно другого „мира“, который Артур К. Данто теоретизировал как „мир искусства“» (Алоа, 2018: 224).

¹³Ibid.: 226: «Фотография традиционно характеризуется как искусство запечатления мимолетного мгновения, „решающего момента“, как Картье-Брессон описал этот фотографический кайрос».

(1) Какие философские вопросы действительно поднимаются в сборнике и каким образом они разрабатываются? (2) Каким образом эти вопросы соотносятся с проблематикой гегелевской философии?

(1) С нашей точки зрения, ряд озвученных редакторами философских вопросов — вопросов, сводимых в конечном счете к вопросам онтологии искусства и философии времени — не раскрывается дословно в текстах сборника. Несмотря на то, что каждая глава подразумевает определенную философскую проблематику, философская разработка любой темы или кейса по большей части избегается¹⁴. Таким образом, все интересные и разнообразные философские вопросы остаются открытыми, частично рассмотренными, освещенными в околофилософской манере или и вовсе только заданными. По этой причине, статьи сборника часто выглядят как диалоги теории искусства с выдержками из отдельных философских теорий, или как монологи теории искусства, держащей философию «в уме». Конечно, это само по себе не является проблемой; более того, это зачастую сделано в блестящей манере современной художественной критики. Однако, для полноценной философичности, которую призывает столь интенсивное ссылание на философские теории, не хватает перехода на более фундаментальный уровень — чисто философский, который подразумевает постановку сущностных вопросов о природе времени, онтологии и истории.

(2) Что касается соотношения сборника с гегелевской философией, заметна вытекающая из вышесказанного сложность: бороться с гегельянством без философского арсенала достаточно проблематично, в т. ч. без достаточной философской критики тезисов самого Гегеля. Тем не менее, подобный антигегельянский подход в теории искусства, в котором практически не рассматривается непосредственно Гегель — не единичный случай, а скорее тенденция¹⁵. В том же проблемном ключе сборник работает и с другими упоминаемыми философами, чей обширный список мы приводили ранее: они зачастую выступают мимолетными оппонентами или

¹⁴Например, даже в главе с самым философским названием «Онтологическое время» не рассматривается никакая онтология времени или искусства.

¹⁵Эта проблема как тенденция уже довольно давно отмечалась в академической литературе (ср., напр., Elkins, 1988: 355): «...обсуждение теоретических вопросов не имеет определённого места в работах по истории искусства. Устойчивые теоретические аргументы в основных искусствоведческих текстах стали редкостью!».

пропонентами, без проведения серьезной философской работы с их учениями¹⁶.

Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать три проблемных пункта философской состоятельности сборника «Время в истории искусства»: (а) скудная работа с философскими текстами; (б) (не?)намеренное уплощение философских позиций; (в) отказ от единой теоретической системы для осмысления темпоральных аспектов искусства. Эти пункты нуждаются в нескольких комментариях.

- (а) Отсутствие должного анализа первоисточников видно и в отсутствии описания философской позиции Гегеля, которую как оппонирующую подразумевают редакторы: до рассмотрения самого Гегеля в текстах сборника дело не доходит. Эта проблема давно отмечена в академической литературе, и эта формулировка актуальна и по отношению рассматриваемого сборника: «то, что часто называют „гегелевской“ теорией — но что, точнее, является набором расплывчатых утверждений, свободно именуемых „гегелевскими“ — стало центральной темой нескольких дисциплин»¹⁷. Так и гегелевская «линейная телеологичная история» превратилась в теории искусства в миф и предание, чуть ли не передаваемое из уст в уста.

¹⁶Например: по случаю упоминания привычного деления времени на настоящее, прошлое и будущее, вспоминается, без дальнейшей разработки, вклад Августина, который описывается как «сведение» трех темпоральных измерений на вариации внутрисубъективной ориентированности (Clark, 2018: 46); во время рассказа о фотографиях Стамбула, другой автор внезапно приводит хорошо резонирующее определение Беньямина о «хорошем тексте» и переводе, ставя после него свои новые размышления, в которых Беньямин не участвует (Аксап, 2018: 113). Или, например, учение Хайдеггера об истине как несокрытости мимолетно приводится как пример, которому следует автор, который «больше заинтересован в „раскрытии“ истины произведенным произведением искусства, чем в так называемых „истинах“ о произведении, основанных на обстоятельствах его создания» (Karlholm & Moxey, 2018: 4). Такая трактовка Хайдеггера вызывает вопросы, потому что неизвестно, что имеется авторами в виду под «обстоятельствами», и потому что сам Хайдеггер не был против привлечения многих аспектов создания произведений искусства, которые бы могли попасть под это понятие.

¹⁷Автор приводит старое вдохновение подобных практик в виде слов Буркхардта: «Мы не будем пытаться создать систему и не будем претендовать на „исторические принципы“. Наоборот, мы ограничимся наблюдением. [...] Прежде всего, мы не имеем ничего общего с философией истории». Он комментирует последствия следующим образом: «Когда Якоб Буркхардт высказал это утверждение, он имел в виду Гегеля, которого он описал в образе кентавра „на опушке леса истории“. Сегодня мы, возможно, не решимся утверждать, что кентавр не вторгается в наши владения, или что такое предупреждение может его оттолкнуть» (Elkins, 1988: 354).

- (б) «Уплощение» философских позиций также касается не только Гегеля и не только рассматриваемого сборника. Так, например, в книге Кейт Бретткелли-Чалмерс «Время, длительность и изменение в современном искусстве: по ту сторону часов», несмотря на гораздо более глубокую философскую проработанность, гуссерлевское понятие «внутреннего» может быть расценено как сводимое к простой идее субъективного переживания, а концепция памяти Бергсона к чему-то «нелинейному»¹⁸. Во всех описанных нами случаях, философия попадает в опасность упрощения и уплощения до какого-то уже нефилософского тезиса, который потом рассматривается как тезис самого философа. Однако, стоит отметить, что это опасность, с которой неминуемо сталкиваются все авторы междисциплинарных текстов.
- (в) Антигегельянские поиски в сборнике наслаиваются на принципиальный отказ от построения единой теоретической системы для осмысления темпоральных аспектов искусства. С одной стороны, книга предлагает альтернативы единой линейной хронологии как традиционному способу мыслить время: она рассуждает о различных случаях гетерохронии, асинхронности и т. п. С другой стороны, этот отход происходит не только в отношении расширения перечня рассматриваемых темпоральных измерений, но и в отношении методик и подходов по работе с ними. Некоторые статьи даже предлагают свои авторские классификации темпоральных аспектов каких-то изолированных явлений из мира искусства. Так, в азиатском искусстве предлагается усмотреть три «картины времени» — «эпистемически разорванную», «обыденную» и «сверхцикличную» (Clark, 2018: 47); эти «картины» используются для

¹⁸В отношении Гуссерля, например, возникает любопытная ситуация не в самом изложении, а в его «применении к ряду произведений искусства». Если звание «гуссерлевских» произведений отдается перформативным практикам на основании их сосредоточенности на темпоральных переживаниях перформером или зрителем (BrettKelly-Chalmers, 2019: 75–87), то чем это отличается, например, от идеи простого переживания времени «в душе» Августина, и чем, следовательно, эти произведения не «августиновские»? Недостаточная детализация философии Гуссерля делает его философский образ слишком размытым. В случае с Бергсоном, Бретткелли-Чалмерс пишет, что «один из ключевых контрхронологических постулатов Бергсона состоит в том, что человеческая память и способности восприятия функционируют не так, как если бы они „записывали“ линейную последовательность событий или действий, чтобы надежно хранить их в „архиве“ мозга» (ibid.: 63ff). Однако, делает ли это «бергсоновскими» все произведения искусства, разрушающие линейную репрезентацию памяти? См. также Жуматина, 2022: 389–391.

нужд только одной конкретной статьи¹⁹ и не претендуют ни на какую применимость за пределами рассматриваемого «кейса».

Вместо выработки одной системы классифицирования временного, сборник объединяет разные интересные оптики на различные темпоральные аспекты искусства в конкретных «кейсах». Сама группировка текстов по шести рубрикам, на первый взгляд, достаточно произвольная, отражает идею неоднородной классификации, где пункты явно не принадлежат к одному измерению или системе. Такое устройство книги может быть расценено нами и как преимущество, и как недостаток. Если посмотреть на книгу с точки зрения аккумуляции разных необычных подмеченных аспектов временного и способов работы с ними, то там можно найти немало любопытных наблюдений и новых прочтений, а организация рубрик превращается в еще одну авторскую оптику. Наверное, именно эта точка зрения на книгу и была у редакторов, и, нужно признать, она «в тренде»: в теории искусства, как и в философии, наша современность не является временем больших теоретических систем, а скорее эпохой симпатий к множественности прочтений, неподчинению единой системе (как авторитарному аппарату), нелинейности и своеобразной турбулентности. Это, собственно, и является модным образом антигегельянского подхода: «нет» единой системе, «нет» единой методике, «нет» единой темпоральной шкале и телеологичности. Отказ от системы «белого колонизатора» превращается в отказ от системы как таковой.

С нашей точки зрения, явным минусом этого подхода становится сложность выстраивания отношений между разными теоретическими позициями и методами. Мы предполагаем, что отказ от единой системы, которая видится как «одномерная», не означает невозможность построения новой сложной «многомерной» системы осмысления истории искусства ее темпоральных измерений. Такая модель разрешила бы внутренние противоречия самих подходов — не только к осмыслению временного, но и по отношению к разнящимся взглядам на онтологию искусства.

Все же вопрос о том, является ли описанный подход достоинством или недостатком сборника, остается открытым, как и вопрос о его философичности. Несмотря на достаточно слабую философскую основу, сборник все же предлагает ценную и любопытную подборку идей,

¹⁹При этом, автор берет перечень из более широкого ряда «картин времени» (Raju, 2003: 291–292).

выступающих скорее почвой для выведения из нее серьезной философской разработки. Одно из главных достоинств сборника — обширный горизонт вопросов на стыке теории искусства и философии, некоторые из которых артикулированы впервые. Именно в этом проявляется огромный философский потенциал сборника, и мы надеемся, что он станет вдохновением для дальнейшего философского поиска. Из-за этого «Time in the History of Art» можно назвать обязательным для всех, занимающихся философией искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. В 14 т. Т. 12. Ч. 1. Лекции по эстетике. Книга первая / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. — М. : Политиздат, 1938.
- Жуматина М.-С. Д.* Кант, Бергсон, Эйнштейн и ледники : рецензия на книгу Кейт Бретткелли-Чалмерс о философии времени и современном искусстве // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 385–401.
- Стрелков В. И.* Антигегельянство или постгегельянство : дилемма французской постклассической мысли // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. — 2014. — № 10. — С. 36–45.
- Akcan E.* The Time of Translation : Victor Burgin and Sedad Eldem in Virtual Conversation // *Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony* / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 101–116.
- Alloa E.* Showtime and Exposure Time : The Contradictions of Social Photography and the Critical Role of Sensitive Plates for Rethinking the Temporality of Artworks // *Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony* / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 223–239.
- Bahrani Z.* The Phenomenal Sublime : Time, Matter, Image in Mesopotamian Antiquity // *Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony* / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 171–183.
- BrettKelly-Chalmers K.* Time, Duration and Change in Contemporary Art : Beyond the Clock. — Bristol : Intellect Books, 2019.
- Careri G.* Heterochronies : The Gospel According to Caravaggio // *Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony* / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 149–168.
- Clark J.* Time Processes in the History of the Asian Modern // *Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony* / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 45–61.
- Elkins J.* Art History without Theory // *Critical Inquiry*. — 1988. — Vol. 14, no. 2. — P. 354–378.

- Fabian J.* Time and the Other : How Anthropology Makes Its Object. — New York : Columbia University Press, 1983.
- Grootenboer H.* Arresting What Would Otherwise Slip Away : The Waiting Images of Jacob Vrel // Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 119–132.
- Karlholm D.* Is History to Be Closed, Saved, or Restarted? Considering Efficient Art History // Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 13–25.
- Karlholm D., Moxey K.* Introduction : Telling Art's Time // Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 1–25.
- Mitter P.* Colonial Modern : A Clash of Colonial and Indigenous Chronologies. The Case of India // Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 62–78.
- Moxey K.* What Time is it in the History of Art? // Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 26–42.
- Raju C. K.* The Eleven Pictures of Time : The Physics, Philosophy, and Politics of Time Beliefs. — New Delhi : Sage Publications, 2003.
- Roberts M.* Artists, Amateurs, and the Pleated Time of Ottoman Modernity // Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 79–100.
- Shalem A.* Resisting Time : On How Temporality Shaped Medieval Choice of Materials // Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018. — P. 184–204.
- Time in the History of Art : Temporality, Chronology and Anachrony / ed. by D. Karlholm, K. Moxey. — New York, London : Routledge, 2018.

Zhumatina, M.-S. D. 2024. "Vremena antigegegel'yanskikh istoriy [Times of Anti-Hegelian (Hi)stories]: retsenziya na knigu o temporal'nosti, khronologii i anakhronii v sovremennoy teorii iskusstva [Review of the Book on Temporality, Chronology and Anachrony in Contemporary Art Theory]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 257–272.

МАИИА-СОФИИА ЗЖУМАТИНА

RESEARCH ASSISTANT AT THE LABORATORY OF TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY

MA STUDENT

FACULTY OF HUMANITIES, HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-1516-621X

TIMES OF ANTI-HEGELIAN (HI)STORIES

REVIEW OF THE BOOK ON TEMPORALITY, CHRONOLOGY AND ANACHRONY IN CONTEMPORARY ART THEORY

KARLHOLM, D., AND K. MOXEY, EDS. 2018. *TIME IN THE HISTORY OF ART: TEMPORALITY, CHRONOLOGY AND ANACHRONY*. NEW YORK AND LONDON: ROUTLEDGE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-257-272.

REFERENCES

- Akcan, E. 2018. "The Time of Translation: Victor Burgin and Sedad Eldem in Virtual Conversation." In Karlholm and Moxey 2018b, 101–116.
- Alloa, E. 2018. "Showtime and Exposure Time: The Contradictions of Social Photography and the Critical Role of Sensitive Plates for Rethinking the Temporality of Artworks." In Karlholm and Moxey 2018b, 223–239.
- Bahrani, Z. 2018. "The Phenomenal Sublime: Time, Matter, Image in Mesopotamian Antiquity." In Karlholm and Moxey 2018b, 171–183.
- Brettkelly-Chalmers, K. 2019. *Time, Duration and Change in Contemporary Art: Beyond the Clock*. Bristol: Intellect Books.
- Careri, G. 2018. "Heterochronies: The Gospel According to Caravaggio." In Karlholm and Moxey 2018b, 149–168.
- Clark, J. 2018. "Time Processes in the History of the Asian Modern." In Karlholm and Moxey 2018b, 45–61.
- Elkins, J. 1988. "Art History without Theory." *Critical Inquiry* 14 (2): 354–378.
- Fabian, J. 1983. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press.
- Grootenboer, H. 2018. "Arresting What Would Otherwise Slip Away: The Waiting Images of Jacob Vrel." In Karlholm and Moxey 2018b, 119–132.
- Hegel, G. W. F. 1938. *Lektsii po estetike. Kniga pervaya [Vorlesungen über die Ästhetik]* [in Russian]. Vol. 12, bk. 1 of *Sochineniya [Works]*, trans. from the German by B. G. Stolpner. 14 vols. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Karlholm, D. 2018. "Is History to Be Closed, Saved, or Restarted? Considering Efficient Art History." In Karlholm and Moxey 2018b, 13–25.
- Karlholm, D., and K. Moxey. 2018a. "Introduction: Telling Art's Time." In Karlholm and Moxey 2018b, 1–25.
- , eds. 2018b. *Time in the History of Art: Temporality, Chronology and Anachrony*. New York and London: Routledge.

- Mitter, P. 2018. "Colonial Modern: A Clash of Colonial and Indigenous Chronologies. The Case of India." In Karlholm and Moxey 2018b, 62–78.
- Moxey, K. 2018. "What Time is it in the History of Art?" In Karlholm and Moxey 2018b, 26–42.
- Raju, C. K. 2003. *The Eleven Pictures of Time: The Physics, Philosophy, and Politics of Time Beliefs*. New Delhi: Sage Publications.
- Roberts, M. 2018. "Artists, Amateurs, and the Pleated Time of Ottoman Modernity." In Karlholm and Moxey 2018b, 79–100.
- Shalem, A. 2018. "Resisting Time: On How Temporality Shaped Medieval Choice of Materials." In Karlholm and Moxey 2018b, 184–204.
- Strelkov, V. I. 2014. "Antigegel'yanstvo ili postgegel'yanstvo [Anti-Hegelianism or Post-Hegelianism]: dilemma frantsuzskoy postklassicheskoy mysli [The Dilemma of French Post-classical Thought]" [in Russian]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye"* [RSUH/RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Art History"], no. 10, 36–45.
- Zhumatina, M.-S. D. 2022. "Kant, Bergson, Eynshteyn i ledniki [Kant, Bergson, Einstein and Glaciers]: retsenziya na knigu Keyt Brettkelli-Chalmers o filosofii vremeni i sovremennom iskusstve [Review of the Book by Kate Brettkelly-Chalmers about Philosophy of Time and Contemporary Art]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3): 385–401.

Антонов К. М. Интеллектуальная культура и религия в русской мысли: политические и поэтические аспекты : размышления по поводу книги О. А. Жуковой о творчестве и религиозности в русской культуре // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 273–283.

Константин Антонов*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ В РУССКОЙ МЫСЛИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ КНИГИ О. А. ЖУКОВОЙ
О ТВОРЧЕСТВЕ И РЕЛИГИОЗНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. — М. : Согласие, 2022.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-273-283.

Проблема религиозного обоснования творчества — одна из центральных, если не вообще главная, для русской религиозной мысли конца XIX и начала XX века и это, несомненно, один из поводов для того, чтобы называть эту эпоху, следуя Н. М. Зернову, «русским религиозным возрождением» (Зернов, 1991). Смысл понятия «возрождение» тут двоятся: он и просто фиксирует активизацию и взрывной рост религиозной жизни и, в особенности, религиозной мысли, обращение, если не к Церкви, то к религии значительного количества выдающихся интеллектуалов эпохи, и, вместе с тем, несомненно, вольно или невольно, отсылает и к эпохе Возрождения, с ее пафосом религиозно обоснованного творческого самосознания и повышенным интересом к достижениям античной культуры, в том числе, в религиозно-мистической сфере. Как писал в «Русской идее» Н. А. Бердяев: «Элемент ренессанский у нас только и был в эпоху Александра I и в начале XX в.» (Бердяев, 1971: 27).

Именно этой проблематике посвящена новая монография О. А. Жуковой, развивающая темы двух предшествующих трудов, посвященных осмыслению отечественной традиции философии культуры (Жукова, 2017; 2019). В центре внимания автора стоит важнейший вопрос о том,

* Антонов Константин Михайлович, д. филос. н., доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), konstanturg@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0982-2513.

** © Антонов, К. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

что происходит, когда культура традиционно-религиозного типа, в центре которой стоит проблема личного спасения (причем, в том числе, стоит и как культурный идеал), такая как русская культура допетровского времени, переживает специфический опыт секуляризации, т. е., прежде всего, в данном случае, дифференциации культурных символических систем, сохраняя при этом тему спасения в качестве одной из основополагающих для себя. Автор полагает, что на первое место в этом случае выходит тема антропологии как «оправдания творчеством».

Каким образом преломляется принцип взаимообусловленности религиозности и форм художественного творчества, характерный для культуры с доминантой религиозного типа сознания, в рамках культуры светской, ориентированной на произведение как продукт авторского творчества, где между идеальным образом замысла и художественным образом произведения стоит не себя являющий Первообраз, а творческая воля и идейные установки автора?

Задаваясь указанным вопросом, автор книги предполагает проследить проявление этого принципа в воспроизведении религиозного смысла творчества (с характерным опытом трансцензуса) в структуре морального, эстетического и политического сознания (Жукова, 2022: 17–18).

Обращение к религиозному обоснованию «смысла творчества» для русских мыслителей той эпохи было, как полагает автор, и способом осуществления преемственности между традиционной религиозной и современной светской культурой, и «способом философского оправдания христианской истины» (там же: 18) — разумеется, в той мере, в какой они сами эту истину принимали и понимали. Так или иначе, нельзя не согласиться с тем, что проблема религиозного оправдания личного творчества стояла в центре внимания русских мыслителей (и деятелей) начала XX века — и в художественной, и в политической, и в церковной сфере. Остается, однако, открытым вопрос о том, насколько в поисках решения этой проблемы русские мыслители действительно осуществляли преемственность с традицией, а насколько — эту традицию заново изобретали, пересобирая отдельные элементы в качественно новое, «модерное» целое¹?

Эта тема соотношения преемственности и разрыва между православной традицией и светской культурой (в том числе, и с русской религиозной мыслью) красной нитью проходит через работу, и явным образом автор склонна подчеркивать и разрабатывать в деталях скорее

¹Как это продемонстрировано, напр. Ваганова, 2014: 81–91.

элемент «преемственности духовно-творческого опыта» (см., напр.: Жукова, 2022: 66–68), не слишком углубляясь в вопрос о том, насколько современными были те механизмы, с помощью которых русские авторы щедрой рукой черпали из православия те ресурсы, которые они затем использовали для столь же современного, по существу, самообоснования. Тем не менее, автор отдает себе отчет в наличии «конфликта новационного творчества и религиозной традиции», который, как она полагает, преодолевается целостностью «постоянно воспроизводимого специфического соотношения религиозных и секулярных интенций творчества» (там же: 63–64). И все же кажется важным задаться здесь, применительно к русской культуре, вопросом, поставленным Ч. Тейлором в отношении культуры западноевропейской. А именно: не является ли религиозность, сопоставленная с секулярностью, уже чем-то совсем иным, чем религиозность традиционная, безальтернативно господствующая в культуре, ни о каких «имманентных рамках» и логиках не подозревающая? Не отличаются ли друг от друга такие, «наивная» и «сентиментальная» — в смысле Шиллера и Шеллинга — религиозности столь же сильно, а может быть и сильнее, чем, соответственно, «наивное» и «сентиментальное» искусство?

Книга приглашает к размышлениям на эти и подобные темы, приглашает своеобразно. Заметим, что хотя читается книга по большей части довольно легко — воспринимается она сложно. В особенности у профессионального историка философии дискурс автора может вызвать недоумение и даже отторжение: классический историко-философский анализ в книге встречается, но не преобладает, порой теряется за культурологическими рассуждениями, предметом обсуждения часто становятся не столько идеи, сколько опирающиеся на них практики. Связанные с этим недоумения автор разрешает в Заключении к книге, в котором не только подводятся содержательные итоги, но и эксплицируется методология проделанной работы.

Автор работает в рамках традиций интеллектуальной и культурной истории, но развивает в рамках этих традиций не дискурсивный или институциональный, а «лично-ориентированный подход». В центре внимания автора: не история «социальных процессов и институтов», а «история идей и людей, генерирующих данные идеи и воплощающих их в творческом опыте и практиках культурного строительства» (там же: 506). Не покушаясь на идентичность философии, как особого рода интеллектуальной деятельности, в русской культуре достаточно поздно обретающей статус автономной культурной подсистемы, автор

сознательно выходит за ее рамки, обращаясь к поиску «философских смыслов»

в художественных произведениях и эссе, оригинальной эссеистике, травелогах, мемуарных свидетельствах, иных источниках, где предмет исследования локализован событиями творчества, погруженными в биографический контекст (Жукова, 2022: 506–507).

Это позволяет увидеть философские идеи и в процессе их зарождения, и в их работе в разнообразных культурных и социальных практиках. Посмотрим, насколько удастся автору этот замысел.

Книга состоит из двух частей, каждая из которых, в свою очередь, имеет общетеоретическую вводную главу и набор глав, в которых обсуждаются конкретные кейсы. В них предложенная автором сложная оптика реализуется на эмпирическом материале из истории русской мысли и русской культуры вообще.

В первой части «Историческая динамика русской культуры: религиозные ценности, общественные идеалы и культурно-политические практики» общетеоретический раздел обсуждает как раз описанную выше проблематику преемственности и конфликтности и прослеживает историческую динамику религиозных идеалов и творческих практик от Древней Руси через период петровских реформ к XIX веку и далее — к русскому религиозному ренессансу и даже к советской и постсоветской культуре. Автор предлагает «модель исторической динамики культуры» в рамках которой культурологическая, историко-философская и художественно-эстетическая периодизации накладываются друг на друга, что позволяет формировать содержательно насыщенные идеальнотипические модели соотношения религиозности и творчества, традиции и новации в русской культуре. Они в дальнейшем служат рамкой для более конкретных и специальных анализов. Вторая глава также носит обобщающий характер, однако здесь автор прослеживает социокультурную динамику русской религиозности, от «религиозно понимаемого акта творчества», реализующегося в контексте мистико-аскетической традиции к культурной дифференциации и секуляризации — а потом и десекуляризации — культуры на примере

истории Николо-Угрешского монастыря, весьма показательной для выявления процессов сакрализации и десакрализации базовых ценностей отечественной культуры как маркера ее ментальных и социальных трансформаций (там же: 85).

К этим двум разделам примыкают не только характерные с точки зрения иллюстрирования авторского подхода, но и весьма ценные и сами по себе кейсовые исследования, посвященные, соответственно, сопоставлению «философий России» А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского, между которыми автор обнаруживает не только вполне очевидное полемическое противостояние, но и более скрытое взаимное притяжение, проблеме религиозного обоснования политического творчества в дискуссиях о свободе совести (М. М. Стахович, В. Ф. Эрн, В. А. Караулов), в «женской» либеральной политике начала XX века (Панина и Тыркова-Вильямс), в осуществленных П. Б. Струве поисках национальных идеалов в культуре и политике.

Особенно стоит отметить разделы, посвященные политической мысли Стаховича, Эрна и Караулова и «практикам общественного строительства» Паниной и Тырковой-Вильямс.

В интересном анализе реакций на известную речь М. М. Стаховича о свободе совести, автор, кажется, упустила, все же один любопытный момент: поразительное сходство позиций Л. Н. Толстого и св. Иоанна Кронштадтского, по крайней мере в двух пунктах: (1) они оба считали, что православная Церковь не приемлет идею свободы совести (хотя и по разному оценивали этот факт) и (2) они оба очень низко ставили идею политической свободы как таковую, основной акцент делая на личном религиозном подвиге — будь то нравственное самоусовершенствование Толстого или спасение души у св. Иоанна. При наличии столь мощного и авторитетного противодействия неудивительно, что предлагаемый Стаховичем «третий путь», при всей его симпатичности, оказался в то время маловостребован. Из двух других героев этого раздела ранний Эрн как политический мыслитель известен не очень хорошо, но все же известен, в то время как совершенно неизвестен В. А. Караулов, которого автор, фактически открывает современному читателю как яркий пример практического воплощения идеи христианской политики. Караулов, конечно, не был религиозным философом, автором религиозно-философских произведений, однако, как и Стахович, он был, судя по всему, их «идеальным читателем», человеком, воспринявшим и попытавшимся реализовать намеченную Соловьевым и его продолжателями идею соединения церковного христианства и любви «к политической свободе и ее правовым формам» (Жукова, 2022: 211) в политической практике.

Это же можно сказать и о героинях следующего очерка: гр. С. В. Паниной и А. В. Тырковой-Вильямс. Обе они, каждая по-своему, предложили и попытались в конкретной общественной и политической дея-

тельности реализовать «христианско-либеральную по своему идейно-теоретическому ядру и практическому осуществлению» программу, в которой соединялись «строительство общества» и «забота о спасении человека» (Жукова, 2022: 224). Ни «Народный дом» и общественная деятельность Паниной, ни правокадетский политический активизм Тырковой-Вильямс (и ее дальнейшая литературная деятельность, которую автор удачно характеризует как опыт философской самокритики) не могли бы состояться без религиозно-философского переосмысления религии, творчества и политики, осуществленного в русской мысли той эпохи. Это, несомненно, один из наиболее удачных и увлекательно написанных разделов, в котором автор совершает настоящее открытие — не потому, что Панина и Тыркова-Вильямс совершенно не были известными историкам, а потому, что впервые предлагает историко-философский и культурологический анализ их деятельности и творчества.

Вторая часть «Самосознание русской культуры: творчество и религиозность в художественной и философской традиции» ориентирована на взаимодействие философии и религии не столько с политическими практиками, сколько с особого рода художественной рефлексией и с поэтическим мышлением.

В вводной главе «Творчество и религиозность как эпистемологическая проблема» автор делает попытку предложить комплексный подход к феномену творчества, как порождающей культуру способности человека, найти точки пересечения философии творчества, дающей его религиозно-онтологическую трактовку (здесь автор обращается к очень широкому кругу авторов: Платон, Иоанн Златоуст, Пико делла Мирандола, Вазари, Кант, Гердер, Дильтей, Вл. Соловьев, Хайдеггер, Лосев, К. Ранер, Вяч. Иванов) с современными психологическими концепциями человеческой креативности (А. Леонтьев, П. Гальперин, А. Давыдов, Л. Выготский, Я. Пономарев, Е. Торранс, К. Тэйлор, Дж. Гилфорд, К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мэй и А. Ротенберг). На этой основе автор предлагает свое видение философии искусства, в котором искусство предстает, прежде всего, как своеобразное «художественное мышление», особый способ познания, как художественная рефлексия, «продуктивный процесс понимания и воспроизведения мира как некоего *идеального объекта*» (там же: 319).

Отсюда, опираясь на описанное в предыдущей части понимание исторической и социокультурной динамики, автор ставит вопрос об установлении связи религии и культуры, о религиозном оправдании искусства

и творчества в русской мысли, причем в мышлении не только фило-софов, но и поэтов.

На этом фоне кажется на первый взгляд неожиданным, что первая конкретизирующая глава второй части посвящена идеям и деятельности А. В. Головнина — министра народного просвещения России и главного архитектора университетской реформы 1863-го года. Здесь особенно хорошо видно, как работает авторский подход к истории интеллектуальной культуры: последняя предстает здесь как *«констелляция творческих опытов ее создателей»*, благодаря своей личной творческой активности выступающих конструкторами ее институтов и генераторами идейных процессов» (Жукова, 2022: 329). И в этом смысле, раздел, снова открывающий практически неизвестную в истории мысли фигуру, снова ставящий проблему религиозных оснований политической деятельности, оказывается совершенно на своем месте: философия образования, практически развиваемая Головниным в рамках университетской реформы 1860-х годов становится основанием системы либерального образования в России и, тем самым, толчком к становлению основного потока системного религиозно-философского мышления, представленного именами Вл. Соловьева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, Л. М. Лопатина и других мыслителей последней трети XIX века, эпохи развития русской философии, обозначенной прот. В. В. Зеньковским как «период систем».

Следующие главы носят более специальный философский характер: они посвящены соответственно, заочной дискуссии с Л. Н. Толстым, которую вел на протяжении своей жизни Н. А. Бердяев и интеллектуальной биографии Л. П. Карсавина.

Не ставя под сомнение ценность первой из них и всячески поддерживая идею автора о конституирующем влиянии этических идей Толстого на становление бердяевской мысли, хочется отметить один, как кажется, не замеченный автором момент: существенное позитивное изменение отношения Бердяева к Толстому, произошедшее по итогам дискуссии вокруг книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»². Зато большой интерес представляет здесь своеобразная «вставная новелла», относящаяся уже к 50-м годам XX века и посвященная дискуссии А. В. Тырковой-Вильямс и В. А. Маклакова о Толстом (там же: 367–368).

Раздел о Карсавине представляет собой увлекательно написанную интеллектуальную биографию мыслителя, особый интерес в которой представляет тот факт, что за основу реконструкции развития его

²См. мою статью Антонов, 2023.

мысли автор берет лагерный трактат «О совершенстве», равно как и подчеркивание художественных элементов в структуре карсавинской мысли. При этом, как кажется, автор недооценивает роль игрового элемента, «театральности и эстетических жестов» (Жукова, 2022: 395) в мышлении Карсавина, для которого такие моменты, как стилизация, мистификация, автопародия, самоирония были в высшей степени характерны (см., напр.: «София земная и горняя», «Глубины сатанинские» и проч.) и вполне органично сочетались в нем с предельной серьезностью и ответственностью, связанными, в том числе, с постоянной тематизацией смерти. В этом смысле характеристика Карсавина как «медиевиста русского модерна» (М. А. Бойцов) представляется в высшей степени удачной.

Следующие три главы посвящены раскрытию проблематики религии, творчества и культуры в художественной рефлексии трех выдающихся русских авторов XX века: Б. Зайцева, О. Манделштама, Б. Пастернака.

Основной сюжет первого очерка — внутренний диалог, который русская и европейская (прежде всего, итальянская) культура, а более конкретно — «калужско-московско-тульская» «Святая Русь» и Флоренция Данте вели в сознании выдающегося писателя.

В Манделштаме автора интересует прежде всего оригинальная философия творчества, вписанная в философские и религиозные искания первой половины XX века, «создание рефлексивного стиля современной поэзии», для которого характерно «преодоление программных установок эстетики модернизма» (там же: 432). Для реконструкции этой поэтической философии автор предпринимает своеобразную апологию акмеизма как «метафизической программы», оппонирующей символистской архаизации и футуристическому нигилизму. На этом фоне художественное мышление Манделштама предстает как «особая форма духовного опыта». Для понимания истоков творчества Манделштама автор использует оптику Маритена, Хайдеггера, Вейдле и Библера, пытаясь перейти от целостного художественного творения, существующего в контексте культуры, открытого диалогу культур, к его допонятийным истокам. В противоположность Святополк-Мирскому, отмечавшему ценность прозаических эссе Манделштама, автор настаивает на философском значении его поэзии и присущего ему специфического «этоса творчества», «вовлеченного в непосредственную целостность исторического опыта», соединяющего кажущихся разделенными «духовной и художественной пропастью» уточненного петербургского акмеиста и ожидающего последнего ареста воронежского ссыльного (там же: 464).

Тема поэтической философии продолжается в завершающем книгу очерке, посвященном Б. Пастернаку. Как и Мандельштам, Пастернак осваивает основные достижения модернизма, но «со временем приходит к новой версии классики» (Жукова, 2022: 469). Здесь также акцентируется нравственное измерение поэтического мышления и духовного пути поэта-философа, который «подчинил нравственной воле поэтическую интуицию» и создал «религиозно понимаемую эстетику творчества» на основе «религиозного христианского этоса» (там же: 495), не утрачивая при этом, добавим от себя, дара поэтической автономии, абсолютной творческой свободы поэта. Не случайным кажется факт, что дети философов-эмигрантов — В. Франк и Г. Струве дружно встают на защиту «Доктора Живаго» оппонировав его критикам во внутриэмигрантской дискуссии.

Русские поэты, настаивает автор, создают экзистенциальную метафизику творчества, конгениальную философскому экзистенциализму Хайдеггера, Марселя, Бердяева. Именно она позволяет «сохранить преемственность традиции через работу творческого рефлектирующего сознания в горизонте духовного Абсолюта» (там же: 485).

В заключение вернемся к обсуждению книги в целом. Автор не просто пишет очередную историю русской мысли, она ставит себе задачу «философской реконструкции культурной истории России через историю творческих опытов — персональных интеллектуально-духовных прецедентов творчества» (там же: 508), акцентируя религиозные истоки и аспекты этих опытов. Такая задача, принятая всерьез, очевидно, подразумевает многотомную серию, в которой становление русской культуры раскрывалось бы через анализ мысли и деятельности ее представителей — философов и богословов, поэтов и писателей, художников и композиторов, государей и министров, священников и епископов... — нечто аналогичное «Типам религиозной мысли в России» Бердяева, но еще более широкое и более ориентированное на практическое воплощение мысли в жизни. Непосредственно автор не ставит перед собой такой задачи, ее интересует прежде всего вполне определенный тип отношения к традиции, который она с полным правом считает наиболее продуктивным, однако в постановке и реализации такой задачи автору уже принадлежит решающий вклад.

Книга несомненно займет свое место в ряду современных исследований, совмещающих «понимающий» анализ конкретных кейсов со стремлением к созданию обобщенной картины становления русской мысли и выявлением механизмов, «объясняющих» это становление, она

вносит существенный вклад в самосознание русской культуры, в наше стремление к целостному и критическому познанию нашего прошлого, придающему смысл нашему пребыванию в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов К. М.* Этика долга и проблема сопротивления злу в русской мысли // Кантовский сборник. — 2023. — Т. 42, № 1. — С. 10–51.
- Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. — Paris : YMCA-Press, 1971.
- Ваганова Н. А.* Воля к Софии и церковность в творчестве о. Павла Флоренского // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2014. — Т. 55, № 5. — С. 81–91.
- Жукова О. А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. — М. : Согласие, 2017.
- Жукова О. А.* Опыт о русской культуре. Философия истории, литературы и искусства. — М. : Согласие, 2019.
- Жукова О. А.* Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. — М. : Согласие, 2022.
- Зернов Н. М.* Русское религиозное возрождение XX века. — Paris : YMCA-Press, 1991.

Antonov, K. M. 2024. "Intellektual'naya kul'tura i religiya v russkoy mysli: politicheskiye i poeticheskiye aspekty [Intellectual Culture and Religion in Russian Thought: Political and Poetical Aspects]: razmyshleniya po povodu knigi O. A. Zhukovoy o tvorchestve i religioznosti v russkoy kul'ture [Some Reflections on O. A. Zhukova's Book on Creativity and Religiosity in Russian Culture]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 273–283.

KONSTANTIN ANTONOV
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
ASSOCIATE PROFESSOR

ST. TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-0982-2513

INTELLECTUAL CULTURE AND RELIGION IN RUSSIAN
THOUGHT: POLITICAL AND POETICAL ASPECTS
SOME REFLECTIONS ON O. A. ZHUKOVA'S BOOK
ON CREATIVITY AND RELIGIOSITY IN RUSSIAN CULTURE

ZHUKOVA, O. A. 2022. *TVORCHESTVO I RELIGIOZNOST' V RUSSKOY KUL'TURE. FILOSOFSKIYE ISSLEDOVANIYA [CREATIVITY AND RELIGIOSITY IN RUSSIAN CULTURE. PHILOSOPHICAL INVESTIGATIONS]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: SOGLASIYE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-273-283.

REFERENCES

- Antonov, K. M. 2023. "Etika dolga i problema soprotivleniya zlu v russkoy mysli [From Kant to Frank. The Ethic of Duty and the Problem of Resistance to Evil in Russian Thought]" [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantian Journal]* 42 (1): 10–51.
- Berdyyayev, N. A. 1971. *Russkaya ideya. Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX i nachala XX veka [The Russian Idea]* [in Russian]. Paris: YMCA-Press.
- Vaganova, N. A. 2014. "Volya k Sofii i tserkovnost' v tvorchestve o. Pavla Florenskogo [The Will to Sophia and Ecclesiasticism in the Work of Father P. Florensky]" [in Russian]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies]* 55 (5): 81–91.
- Zernov, N. M. 1991. *Russkoye religioznoye vozrozhdeniye XX veka [Russian Religious Renaissance of the XX Century]* [in Russian]. Paris: YMCA-Press.
- Zhukova, O. A. 2017. *Filosofiya russkoy kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii [Philosophy of Russian Culture. The Metaphysical Perspective of Man and History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasieye.
- . 2019. *Opyt o russkoy kul'ture. Filosofiya istorii, literatury i iskusstva [An Essay on Russian Culture. Philosophy of History, Literature and Art]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasieye.
- . 2022. *Tvorchestvo i religioznost' v russkoy kul'ture. Filosofskiye issledovaniya [Creativity and Religiosity in Russian Culture. Philosophical Investigations]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasieye.

ГЛЕБ ЕНГОВАТОВ*

ФИЛОСОФИЯ ГОББСА КАК ИСТОЧНИК ПЕССИМИЗМА**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖОНА ГРЕЯ «НОВЫЕ ЛЕВИАФАНЫ»

GRAY J. THE NEW LEVIATHANS : THOUGHTS AFTER LIBERALISM. — LONDON : ALLEN LANE, 2023.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-284-295.

Нельзя сказать, что мы живем в спокойную и скучную эпоху. Мир переживает множество политических конфликтов и экономических проблем, даже природа преподносит нам рекордные климатические изменения. Почти каждый день происходит множество событий, которые опровергают идеи и прогнозы в сфере политико-философских исследований и требуют активного осмысления. В прошедшем году Джон Грей, британский политический философ и бывший профессор Оксфорда, опубликовал книгу под названием «Новые Левиафаны» («The New Leviathans: Thoughts After Liberalism»). Автор считается влиятельным исследователем и критиком в области теории либерализма. В прошлом он высказал ряд весьма справедливых предположений, например, сомнения в «Конце истории». Основой его трудов являются исторические исследования, призванные выявить корни современных событий. Широко известен критический анализ Просвещения в «Поминках по Просвещению» («Enlightenment's Wake», 1997; Gray, 1997) и «Фальшивом Рассвете» («False Dawn: The Delusions of Global Capitalism», 1998; Gray, 1998).

В «Новых Левиафанах» представлено обращение к политической философии Томаса Гоббса. Интригующим фактом является то, что авторские раздумия над гоббсовским наследием делятся уже добрые шестьдесят лет, буквально со школьной скамьи (Gray, 2023: 130). Такая

*Енговатов Глеб Кириллович, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), gleb.engovatov@inbox.ru, ORCID: 0009-0000-3223-1442.

**© Енговатов, Г. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

значительная подготовка побуждает особый интерес. Подзаголовок «Мысли после либерализма» намекает на наше текущее положение дел.

Многолетние размышления дополняются иллюстрирующими экскурсами к различным событиям мировой истории. В прошлом Грей уже создавал компиляции: например, широко известные «Поминки по Просвещению» почти полностью собраны из ранее опубликованных статей (Gray, 1997: v). В рассматриваемом мной издании значительная часть текста также является отдельными статьями, ранее представленными в виде публикаций в журнале «New Statesman» или интервью на радио BBC. В коротком обзоре едва ли получится разобрать все примеры из области истории и культуры, поэтому остановимся на ключевых тезисах о нынешней политической философии и на наиболее важных примерах.

Введением ко всей книге служит начальный параграф первой главы, в котором констатируется неутешительное состояние современной политической сферы: в Китае построен цифровой Паноптикон, а на Западе предельно радикализировались левые течения. Ссылаясь на свою раннюю работу, Грей выделяет отличительные особенности либеральной доктрины: индивидуализм, эгалитаризм, универсализм и мелиоризм. (Gray, 2023: 11). Частично эти тенденции выродились до абсурда, местами же их реализации противостоит жестокая действительность политики. Томас Гоббс не только внес значительный вклад в формирование и обоснование либерализма, но и наметил некоторые проблемы, которые привели к его нынешнему провалу.

Гоббс немало работал с античной философией, но его учение порывает со многими древними и средневековыми идеями. Теория желаний (*appetitus*) исходит из отрицания представлений о *finis ultimis* или *summum bonum*. Грей особенно отмечает, что для Гоббса отсутствие сакрального не приводит к свободе воли, а оставляет нас наедине с законами материальной природы. Воля человека является не способностью к произволу, а лишь актом выражения страстей и склонностей. Более того, интеллектуальные способности животных в своей сути схожи с человеческими и также позволяют им совершать акты воли. Человек и животное объединены тем, что в полной мере управляются механикой природных законов. Решающей страстью в человеке является «обдумывание» (*deliberation*, от лат. *libro* — взвешивать). Но в этом обдумывании мышление не свободно, оно обусловлено поиском наилучшего решения: «Это кладет конец нашей свободе (*liberty*) делать или не делать что-то сообразно нашему желанию или отвращению» (Гоббс, Гутерман, 1991: 45). Это

не противоречит дальнейшей теории общественной жизни и государства у Гоббса, но такой взгляд ставит под вопрос нынешние варианты либеральной идеологии.

Основной темой критики Грея является создание «искусственных богов», то есть возведение в статус абсолюта определенной идеологической ценности или цели. Грей здесь пессимистичен. С его точки зрения, постулирование абсолютной и универсальной идеи редко окажется успешным. Идеи Гоббса, как мы увидели выше, демонстрируют скепсис в отношении таковой возможности. В современном секуляризованном мире традиционные христианские ценности заменяются политическими утопиями. Гоббса же современники обвиняли в атеизме, хотя он имел мало общего с нынешним секулярным мировоззрением, поскольку последнее предполагает свободного человека с активной способностью к созданию «искусственных богов». Понятие абсурда в «Левиафане» ведет к критике данного стремления с точки зрения «малоизученной философии языка Гоббса» (Gray, 2023: 18).

Именно благодаря мышлению и языку человек уподобляется Богу в своем искусстве создавать искусственные тела. Но эти способности имеют и отрицательные стороны: абсурд появляется, если в размышлении отсутствуют определения понятий; ошибочно смешиваются субъекты и предикаты; предикаты ошибочно приписываются не обладающим ими субъектам, в том числе человеку; если используются метафоры и риторические выражения, а также бессмысленные имена. Примерами абсурда Гоббс называет понятия об акциденции хлеба в сыре, о невещественной субстанции, представление о свободном субъекте, о свободной воле или об иной свободе (ibid.: 19; Гоббс, Гутерман, 1991: 33). Отталкиваясь от этих представлений о свободе и об абсурде, Грей выражает скептицизм относительно целей либеральной доктрины. Создание всемирного объекта, некоего абстрактного человечества, для которого мы рассматриваем унифицированные ценности, является именно таким абсурдом. Соответственно, едва ли возможно распространение универсального порядка во всемирном масштабе.

В конце первой главы Грей возобновляет свою критику представления о конце истории, которую он ведет с начала девяностых годов прошлого века, и приводит примеры событий, демонстрирующих «классическую историчность» современности. Страны, сформировавшиеся в конце XX века, не спешат принимать западные правила игры. Оптимизм, вызванный распадом Советского Союза и переходом Китая к рыночной экономике, оказался огромнейшей иллюзией, за которой

последовало разочарование. Наконец, даже природа становится противником человека. Разрушительное развитие прогресса приводит к глобальному потеплению и катаклизмам. Ответом человечества становится адаптация и усложнение технологий. Опираясь на идеи историка науки Джорджа Дайсона, Грей указывает, что философская концепция Гоббса предвосхитила и это. В трактате «De Corpore» разум рассматривается как вычисление, и, по Дайсону, это предвосхищает развитие искусственного интеллекта.

Вторая часть книги повествует об «искусственных естественных состояниях». Идеология защищает людей от поиска смысла жизни, предоставляя его самостоятельно. Но обратной стороной становится сильнейший контроль, в котором государство стремится «разделять и властвовать». «Новые Левиафаны» могут сделать людей такими же несчастными, каковыми они были в естественном состоянии. Например, при тоталитарном режиме всеобщего контроля граждане не могут доверять почти никому и испытывают постоянный страх. Современный западный «гипер-либерализм» постулирует полную свободу самоопределения личной идентичности. Возникают сильные сомнения в том, что это вообще достижимо, но даже без них таковая цель выглядит проблематичной. Во-первых, агрессивная идеология отрывает людей от их исторической, традиционной идентичности. Во-вторых, увеличивающееся количество искусственных идентичностей приводит к раздробленности общества и возвращению вражды, существовавшей в естественном состоянии.

Фактически, большая часть второй главы является повествованием о некоторых страницах истории Российской империи и Советского Союза. Это рассказ едва ли можно назвать полезным или интересным, и вовсе не потому, что российский читатель знает историю своей страны. Проблема заключается в выборе исторических событий, но об этом стоит отдельно сказать позже. Авторское исследование российской истории оправдывается несколькими целями. Некоторые русские писатели и философы предвидели нынешние проблемы человечества. Константин Леонтьев в своих трудах предугадал культурный распад западной цивилизации вследствие возвышения культа индивидуальности. Далее, некоторые персонажи из «Бесов» и «Братьев Карамазовых» Федора Михайловича Достоевского демонстрируют тот самый тип атеизма, который обозначен выше как не присущий Гоббсу, но широко распространенный в мире. Биография Василия Розанова используется для демонстрации того, как интеллектуал пострадал от революции. Экскурс

в историю Советского Союза призван показать схожие черты бытования коммунистической идеологии и современного «гипер-либерализма». Но это история в портретах. Вкратце описана судьба Даниила Хармса, Варлама Шаламова. Судьба Николая Бухарина иллюстрирует, как революция убивает своих собственных последователей. Случай польского художника Юзефа Чапского, пережившего репрессии, демонстрирует до абсурдности неожиданную силу случайности.

Третья часть книги посвящена критике современных левых движений. Либерализм и его ценности были порождением монотеистической, даже патриархальной, цивилизации. Христианство значительно сильнее чем другие религии акцентирует роль человека. По мнению Грея, в корне индивидуализма лежит представление о том, что человек сотворен «по образу и подобию». Равенство следует из того, что все равны перед Богом. Универсализм — из общего происхождения всех людей. Правда после развернутой критики христианства скромно указывается, что это разоблачение справедливо в первую очередь для протестантизма, а другие направления не стоит сюда записывать.

Грей считает, что радикализация либерализма в XXI веке выглядит абсурдно, потому что отрицает свою же основу. Деррида и Фуко не узнали бы развития своих идей в современном мире. К тому же, притязания сторонников либерализма на универсальность разбиваются о встречное равнодушие. В государствах за пределами Европы и Северной Америки мало кому интересна идеология вокизма (*woke ideology*), характеризующаяся либеральной и антиколониальной направленностью. «Гиперлиберализм» уже никого не освобождает и не эмансипирует, потому что в современном западном бытовании он превратился в первую очередь в инструмент легитимации сложившегося экономического устройства. Это мало раскрываться, возможно, здесь имеется в виду заигрывание крупных игроков рынка с модными политическими идеями ради получения прибыли.

Большая проблема нынешней цивилизации заключается в излишке элит (*surplus elites*), в первую очередь, интеллектуальных. Это университетские профессора, лидеры мнений в СМИ, работники некоммерческих организаций, политические активисты. Здесь коренится противоречие, уже давно преследующее левых интеллектуалов. Призывая к эмансипации, они сами являются «профессиональной буржуазией». С отсылкой на теорию Турчина и Парето автор пишет о конкуренции за деньги, должности, влияние среди интеллигенции. Грей высказывает подозрение, что ввергнутые в такую борьбу интеллектуалы будут прагматично

подстраиваться под идеологическую конъюнктуру ради личного достатка. Намечается пугающая тенденция к оценке научной деятельности ученого не по настоящим результатам, а по его отношению к «инклюзивности» и другим подобным понятиям. Таким образом, опять проявляется антиномичность либерализма. Радикальная критика направлена против системы, которая сделала ее возможной.

В параграфах главы, которые мы можем рассматривать вместо заключения ввиду отсутствия такового, перечислены некоторые мыслители, чьи идеи автор видит наиболее релевантными в наше время. Сабина Шпильрейн, ученица Фрейда, в своей версии психоанализа рассматривала Танатос и страсть к разрушению как главные стремления человека. Говард Филлипс Лавкрафт создал художественный образ слабого и одинокого человечества в жестком бездушном космосе. Наконец, упоминается Арнольд Гейлинкс, современник Декарта, описавший пессимистическую версию дуализма: его учение об абсурде отрицает возможность познать силы, движущие человеческой жизнью, их можно лишь принять. В XX веке философия Гейлинкса стала одним из источников вдохновения Сэмюэля Бекетта.

Возможно, искушенного исследователя не поразят подробности биографии и трудов Гоббса, представленные в книге. Но Грей проделал действительно большую работу в сопоставлении «Левиафана» с современностью. Становится понятно, что Гоббс очень хорошо наметил проблемные моменты либерализма, а нынешний мир во многом остался в парадигме его идейного наследства. С другой стороны, многие отсылки к Гоббсу являются авторской оптикой. Выше рассматривалась «вычислительная» модель несвободного человека как суммы его страстей. Но у самого Гоббса страхи совместимы со свободой — это утверждение даже вынесено в подзаголовок параграфа, где приводится довольно известный пример с плаванием на корабле:

...если человек из страха, что корабль потонет, бросает свои вещи в море, то он тем не менее делает это вполне добровольно и может воздержаться от этого, если пожелает (Гоббс, Гутерман, 1991: 164).

Таким образом, теория страстей и «обдумывания» примиряется с возможностью выбора. Трактовки Грея резонируют с остро социальными проблемами, но их нельзя назвать неоспоримыми. Автор также отмечает, что Гоббс пишет о возможности свержения суверена, и эта возможность становится основополагающей в европейской теории общественного договора. Но гоббсовская доктрина допускает становление

нового суверена в первую очередь в случае, если предыдущий уже отсутствует и государство ввергнуто в состояние гражданской войны.

Здесь необходимо сделать уточнение относительно концепции общественного договора у Гоббса. Автор сразу отмечает, что нам не следует придерживаться хронологического подхода к общественному договору. Одной из нерешенных задач Гоббса был поиск первых участников договора (*problem of first performer*), это отмечает и сам Грей. Создатель «Левиафана» жил в эпоху революции, и зачастую в его наследии акцентируют именно возможность изменения суверена, хотя она значительно ограничена. А естественное состояние и общественный договор следует трактовать не как исторические события, а как абстракцию, конструирующую модель политических отношений в государстве (Юрченко, 2005: 169–170). Дальнейшая теория общественного договора развивает эту тему. У Канта в значительной степени перекликается абстрактный характер договора и невозможность революции (Соловьев, 1974: 220). Авторский пессимизм в отношении воли человека мог быть дополнен отсутствием легитимной возможности изменения суверена. Но в книге лишь кратко оговаривается, что народ имеет право на гражданское сопротивление, и не указаны описанные выше уточнения.

Иногда бывает сложно хвалить чужие аналитические выкладки, потому что ошибки всегда ярко видны, а правильное и корректное описание действительности может восприниматься читателем как само собой разумеющееся. Поэтому отметим ряд актуальных замечаний Грея. Он абсолютно справедливо отмечает подвешенное состояние интеллектуала наше время. Вместе с этим приводится критика их универалистских притязаний. Автор же предлагает сфокусироваться не на преумножении классов, идентичностей в рамках одного миропорядка, а на разнообразии многих цивилизаций.

Любопытным моментом является указание на вестернизацию азиатских стран. Например, Индия поддерживает западные политические идеалы (федеративность, терпимость, гражданская нация) даже лучше, чем это делают в ЕС или США. Затем Грей справедливо критикует «Конец истории» Фукуямы как одну из величайших иллюзий нашего недалекого прошлого. Впрочем, обозначенные идеи взяты из ранее вышедших работ автора (Gray, 2016: 217–223).

Самым слабым местом книги стали попытки исторического анализа, они сильно проигрывают в качестве анализу истории идей. Крайне сложные темы, вроде Революции 1917-го года или советских репрессий, сжимаются здесь до считанных абзацев, а заинтересованный читатель

не всегда сможет найти ссылку на источник информации. И хоть я и не могу претендовать на всезнание в отношении отечественной истории XX века, но могу разобрать один из первых авторских примеров.

Исторические справки о внутренней политике России XIX и XX веков демонстрируют весьма поверхностный анализ. Прародителем всем известного «КГВ» был революционный «Чека», а в царское время им предшествовала некая мифическая «Охрана». Она насчитывала 161 сотрудника в 1895 году и 15.000 сотрудников в 1915 (Gray, 2023: 26). Пример используется для того, чтобы продемонстрировать усиление полицейского контроля на рубеже XIX–XX веков. Источника этих цифр не указано. Возникает вопрос: кого вообще автор рассматривает как орган политического розыска — Министерство внутренних дел или секретные службы царской канцелярии? Охранкой, полагаю, принято называть Охранное отделение Министерства внутренних дел России, хотя вместе с ним работало Третье отделение Императорской канцелярии, а с 1880-го года и Чрезвычайная комиссия. Картина безмятежной Российской империи, где было лишь полторы сотни сыщиков точно не соответствует действительности. К тому же, здесь явно не учитывается существование Отдельного корпуса жандармов, на подмогу которому могли приходиться казаки и повсеместно расквартированные части армии. Скачок в численности царской полиции реально объясняется, судя по всему, погрешностью в подсчетах. Впрочем, для нас не так важно количество сотрудников царского правительства, но данный пример показывает, что необходимо с осторожностью относиться к авторским историческим экскурсам.

В целом повседневные реалии Советского Союза описаны Греем на основании двух источников. И, к сожалению, это не специальные исследования, а воспоминания Юджина Лайонса (Евгений Натанович Привин) и Юзефа Чапского, посещавшего СССР с краткой рабочей поездкой, да еще и в военное время. Дальнейшие отсылки вызывают подозрение, что в них могут быть допущены подобные недоразумения. Значительная часть примеров-портретов на грани между интересными и неадекватными. Складывается впечатление, что Грей пытается найти наиболее общую схему, чтобы собрать под одним знаком все эпохи российской истории. Поэтому он привлекает концепцию сакральных «Истоков русского коммунизма» Николая Бердяева, чтобы использовать религиозность русского мировоззрения как причину трех (включая современный) этапов отечественной истории.

Оказывается, что все это нужно, чтобы проиллюстрировать цивилизационную раздробленность современного мира и заявить, что Россия, перенимая у Европы только консервативные идеи, никогда не принадлежала к эпохе Просвещения. Я не могу посвятить всю статью уточнению понятия Просвещения и его бытованиям в различных странах. Для этого потребовалось бы глубоко окунуться в XVIII век, когда Михаил Ломоносов учился у Христиана Вольфа, а Екатерина Великая вела частную переписку с Фридрихом II. К счастью, понимание Просвещения у Грея изложено в одной из предшествующих работ. По его мнению, представление о единстве цивилизации и необходимости рационалистического порядка восходят к французскому Просвещению (Грей, Переяславцева и др., 2003: 69). Именно этого якобы была лишена Россия. Нельзя в полной мере принять это. Начиная с XVIII века в отечественной среде были популярны и французская литература, и салоны по французскому образу. Большая часть аристократии с детства знала французский язык. Действительно, было жестоко подавлено восстание декабристов, вдохновленных идеями Французской революции. Но Грей также указывает, что идеи этой революции вошли в основу марксизма (там же). В таком случае, мы должны указать на их повсеместную победу в России в 1917 году.

Действительно, была и определенная специфика. Многие отечественные интеллектуалы учились в Германии, а не во Франции. Система образования во многом ориентировалась на немецкие университеты. Канта, например, видели в качестве авторитета в области права и «Писателя Государственного» (Круглов, 2014: 743), поэтому его работы были официально включены в университетскую программу с самого начала XIX века. К слову, идеи Гоббса получили значительное развитие в немецких университетах. Например, через работы Самуэля фон Пуффендорфа. Кратко говоря, Грей придерживается узкого понимания Просвещения, рассматривая только его французский вариант. Россия изгоняется из эпохи Просвещения за счет специального ограничения данного понятия.

Приведенное мнение о современном Китае подкрепляется достаточным подтверждением. Автор приводит опубликованное интервью Си Цзиньпина, где тот говорит, что Китаю необходим Левиафан. Также упомянуто публичное выступление китайского профессора, заявившего о попытках воплотить в жизнь политическую теорию Карла Шмидта (Gray, 2023: 38–39). Но в отношении российской действительности

допущено множество неточностей и упрощений. К ним присоединяется некорректное сравнение различных современных стран. Так, Грея удивляет то, что российские военнослужащие получают пастырское окормление от Церкви, но на деле это является общепринятой практикой по всему миру. Кроме того, коррупцию в западных странах автор описывает крайне мягко: «wealth buys power» (Gray, 2023: 24), но за пределами стран «первого мира» автор жестко клеймит коррупцию, прямо называя её клептократией. Остается большой вопрос, почему допускаются такие двойные стандарты, которые могут подорвать мнение читателя о всей книге.

Мы рассмотрели текст с очень обширной тематикой. Его объем в печатном виде составляет чуть меньше двухсот страниц. Тем не менее, под обложкой объединено множество разных тем, от малоизученных частей наследия Гоббса до современных климатических проблем и геополитических прогнозов на ближайшее будущее, от русской религиозной философии и до космических метафор в творчестве Г. Ф. Лавкрафта. Это срез нынешнего мнения автора относительно почти всех актуальных проблем, к тому же подкрепленный многолетними «медитациями» над наследием Гоббса. Однако такой широкий охват приводит к недостаточной проработке отдельных частей и пересказыванию поверхностных представлений вместо полноценного изложения фактов.

Публикация в британском научном издании «Allen Lane» свидетельствует о притязаниях автора на соответствующий статус работы, однако как читателя меня крайне огорчают небрежная структура текста и описанные выше проблемы с историческими экскурсами, нарушающие научные требования. Исторический анализ обладает недостаточной проработанностью, а многим высказываниям о современности, увы, не хватает социологического подтверждения. Несмотря на этот недостаток, работа представляет интерес как актуализация политических идей Гоббса в нынешнем мире. Подчеркивается различие их изначального и современного, видоизмененного, состояний, как в случае со свободой, абсурдом и созданием «искусственных богов». Но прекрасный теоретический анализ качественно отстоит от неудовлетворительной работы с историческим материалом. Для описания исторической реальности Грей опирается на романы Кёстлера и Замятина. Таким образом он приближает к художественной прозе и свою собственную книгу. Это наделяет работу флером научно-популярного стиля подобного тому, что автор использовал в «Кошачьей философии» и некоторых других работах.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана // Сочинения. В 2 т. Т. 2 : пер. с англ. / под ред. В. В. Соколова. — М. : Наука, 1991. — С. 3–590.
- Грей Д.* Поминки по Просвещению : политика и культура на закате современности / под ред. Г. В. Каменская ; пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Л. Рудницкой, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2003.
- Круглов А. Н.* Ранняя рецепция «Первых метафизических оснований учения о праве» Канта в России (конец XVIII—первая половина XIX веков) // Сочинения на немецком и русском языках. В 5 т. Т. 5 / И. Кант ; под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга ; пер. с нем. Н. Мотрошиловой. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014. — С. 723–825.
- Соловьев Э. Ю.* Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права // Философия Канта и современность / под ред. Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1974. — С. 164–235.
- Юрченко С. В.* Обоснование естественного права у Гоббса и Руссо и гражданско-правовая концепция Канта // Кант между Западом и Востоком. Труды международного семинара и международной конференции. В 2 т. Т. 2 / под ред. В. Н. Брюшинкина. — Калининград : БФУ им. И. Канта, 2005. — С. 169–178.
- Gray J.* Enlightenment's Wake Politics and Culture at the Close of the Modern Age. — New York : Routledge, 1997.
- Gray J.* False Dawn : The Delusions of Global Capitalism. — London : Granta Books, 1998.
- Gray J.* Gray's Anatomy : Selected Writings. — London : Penguin Books, 2016.
- Gray J.* The New Leviathans : Thoughts After Liberalism. — London : Allen Lane, 2023.

Yengovatov, G. K. 2024. "Filosofiya Gobbsa kak istochnik pessimizma [Hobbes' Philosophy as a Source of Pessimism]: retsenziya na knigu Dzhona Greya 'Novyye Leviafany' [A Review on John Gray's Book 'The New Leviathans']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 284–295.

GLEB YENGOVATOV

MA STUDENT

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0000-3223-1442

HOBBS' PHILOSOPHY AS A SOURCE OF PESSIMISM

A REVIEW ON JOHN GRAY'S BOOK "THE NEW LEVIATHANS"

GRAY, J. 2023. *THE NEW LEVIATHANS: THOUGHTS AFTER LIBERALISM*. LONDON: ALLEN LANE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-284-295.

REFERENCES

- Gray, J. 1997. *Enlightenment's Wake Politics and Culture at the Close of the Modern Age*. New York: Routledge.
- . 1998. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books.
- . 2003. *Pominki po Prosveshcheniyu [Enlightenment's Wake]: politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [in Russian]. Ed. by G. V. Kamenskaya. Trans. from the English by L. Ye. Pereyaslavtseva, Ye. L. Rudnitskaya, and M. S. Fetisov. Moskva [Moscow]: Praxis.
- . 2016. *Gray's Anatomy: Selected Writings*. London: Penguin Books.
- . 2023. *The New Leviathans: Thoughts After Liberalism*. London: Allen Lane.
- Hobbes, Th. 1991. "Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Works]*, ed. by V. V. Sokolov, trans. from the English by A. Guterman, 3–590. 2 vols. M.: Nauka.
- Krouglov, A. N. 2014. "Rannaya retseptsiya 'Pervykh metafizicheskikh osnovaniy ucheniya o prave' Kanta v Rossii (konets XVIII—pervaya polovina XIX vekov) [The Early Reception in Russia of Kant's 'First Metaphysical Foundations of the Rechtslehre' (the End of the 18th — the First Half of the 19th Century)]" [in Russian]. In vol. 5 of *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh [Works in Russian and German]*, by I. Kant, ed. by N. Motroshilovoy and B. Tushlinga, trans. from the German by N. Motroshilova, 723–825. 5 vols. Moskva [Moscow]: Kanon+ / ROOI "Reabilitatsiya".
- Solov'yev, E. Yu. 1974. "Teoriya 'obshchestvennogo dogovora' i kantovskoye moral'noye obosnovaniye prava [The Theory of 'Social Contract' and Kant's Moral Justification of Law]" [in Russian]. In *Filosofiya Kanta i sovremennost' [Kant's Philosophy and Modernity]*, ed. by T. I. Oyzermana, 164–235. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Yurchenko, S. V. 2005. "Obosnovaniye yestestvennogo prava u Gobbsa i Russo i grazhdansko-pravovaya kontseptsiya Kanta [Justification of Natural Law in Hobbes and Rousseau and Kant's Civil Law Concept]" [in Russian]. In vol. 2 of *Kant mezhdru Zapadom i Vostokom. Trudy mezhdunarodnogo seminar i mezhdunarodnoy konferentsii [Kant between West and East. Proceedings of the International Seminar and International Conference]*, ed. by V. N. Bryushinkina, 169–178. 2 vols. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta [Immanuel Kant Baltic Federal University].

